80 коп. Индекс 70544

1990 1 * МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1990
1
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1990

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МГ 1990 1

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: рис. В. Завьялова.
Вторая страница обложки журнала: гравюра О. Отрошко.
Четвертая страница обложки журнала: фото Б. Раскина.

«Молодая гвардия», 1990. № 1. 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны редакции: приемная — 285-56-90;
отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40;
отдел очерка и публицистики — 285-80-26;
отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» —
285-89-66; секретариат — 285-80-16.

ЧИТАТЕЛИ О СВОЕМ ЖУРНАЛЕ

ОБЗОР ОТВЕТОВ НА АНКЕТУ, ОПУБЛИКОВАННУЮ В № 7 «МГ» ЗА 1989 Г.

Публикуя в июльском номере минувшего года анкету для читателей, редакция ставила перед собой скромные задачи: выявить наиболее популярные разделы и авторов журнала, получить конкретные замечания по совершенствованию работы, выяснить их основательность в зависимости от состава читателей. Но ответы на анкету далеко вышли за рамки намеченного и вылились в активную поддержку позиции редколлегии журнала и его авторов на нынешнем этапе перестройки.

Многие письма — это своеобразные исповеди, очень эмоциональные и искренние. Трудно без волнения читать эти документы, насыщенные любовью к Отечеству, любовью, обостренной непростой обстановкой в стране.

Читатели высказывают сугубо народный взгляд на происходящее. Придерживаясь разных точек зрения по отдельным вопросам, они едины в основополагающих ценностях, воспринимаемых многими как ценности социализма, — в требовании справедливости, честности, правды, уважения личного и национального достоинства, здорового образа жизни. Исследование

убеждает в давней истине: народ если и можно обмануть, то ненадолго. Затем следует прозрение, несущее «гроздья гнева» для политиканов.

О «ПРОРАБАХ ПЕРЕСТРОЙКИ»

Не по сердцу народу разрыв между словом и делом. В начале перестройки экономисты и прочие специалисты, «толпой стоящие у трона», клеймя застой, разрабатывали грандиозные проекты и внушали надежды на быстрые перемены к лучшему. И что же? «В магазине нет сахара, мыла, мяса, рыбных консервов», — сообщает рабочий кирпичного завода из города Ивдель Свердловской области Аболин А. Б. «До чего же мы перестроились?! — восклицает Жаинабаева Р. С., учительница из Целиноградской области. — В магазинах, на прилавках — пусто, хоть шаром покати. Цены высокие, даже на хлеб... За последние 3—4 года на зарплату прожить очень трудно». «Что изменилось к лучшему за время перестройки? — задает вопрос хлебороб из Свердловской области Анисимов А. К. и отвечает: — Больше страдает рабочий человек, который стоит в очередях».

Ну признались бы народу «прорабы перестройки»: дескать, наломали дров, не такие мы большие ученые, за каких себя выдавали. Так нет же! Они, как ни в чем не бывало, опять выступают застрельщиками и передовиками, пытаются выхватить знамя России у тех, кому оно принадлежит по праву. Вот уж этого народ-то и не терпит. Наступает час прозрения и презрения. И чем больше эти обанкротившиеся политиканы мелькают на экранах телевизоров, чем сильнее лезут в душу, тем мощнее реакция их отторжения у простых людей. Народ все яснее видит, что «прорабы перестройки» преследуют свой эгоистический интерес, выдавая его за всеобщий.

Люди уже произвели свой политический анализ ситуации и, хотя не в академических понятиях и нередко с излишней запальчивостью, но имеют свое суждение о целях и методах команды «прорабов». По мнению В. Смирнова из Ленинграда, эти силы «сбросили маску и открыто ведут борьбу за власть». Каким образом? По представлениям многих читателей, прежде всего запугивая, сбивая с толку широкие массы. Жидкова Е. М. из Челябинска так обозначает направления деятельности «прорабов»:

«— дискредитировать в глазах других народов СССР и самого русского народа его историю, культуру, национальный характер;

— столкнуть лбами другие народы с русским, объясняя все общие беды его руководящей ролью;

— шантажистски представить как «антисемитизм» и «шовинизм» любую критику раздутых прессой «авторитетов».

Богданов Н. из Ленинграда развивает эту точку зрения в деталях: «Многие органы прессы системно внушают читателям мысль о наличии многочисленных пороков у русских (дескать, рабские души, шовинисты, антисемиты и т. п.), травят русских деятелей культуры, литературы и искусства (например, недавняя кампания в ленинградской прессе против А. Шилова и выпад против И. Глазунова в «Литературной газете»). При этом хотят завладеть нашими умами, применяя разные приемы обработки общественного мнения... пытаются, и не всегда безуспешно, увести молодежь от таких понятий, как долг перед Родиной, патриотизм.

Овсянников Б. Г. из Грозного: «Силы, которым мы обязаны нашими трагедиями, больше всего боятся огласки. Отсюда шквал опровержений на каждую публикацию о них, отсюда травля «Памяти» и трагикомическая кампания вокруг «люберов». В анархическом спецхране остались материалы только о них... На все патриотическое, национальное в наилучшем смысле этого слова моментально накладывается грязное клеймо — шовинизм, национализм, даже фашизм. Ну прямо-таки не дают выпрямиться, поднять голову... Колоссальные усилия, невероятная изощренность применяются для внесения разлада между народами нашей страны, а особенно для создания антирусских настроений, для изоляции русского народа».

Профессиональная задача социолога не в том, чтобы подтверждать или опровергать те или иные мнения, бытующие в народе, а в том, чтобы выявить сам факт их существования и проследить их влияние на поведение, в данном случае, на самочувствие народа.

Люди ощущают себя беззащитными перед этой диктатурой средств массовой коммуникации. «Вот недавно на Центральном телевидении меня, как русского человека, снова назвали «рабом», — делится в письме мыслями с редакцией Заблицкий В. В., старший мастер ГРЭС из Магаданской области. — А я им не был. И сказать об этом, защитить себя не имею возможности».

Зайцева из Риги так передает свои переживания до того, как стала читать «Молодую гвардию»: «Казалось, что «желтая пресса», «желтое телевидение» заполонили все и не осталось места для плюрализма. Я пыталась высказать свое отношение к происходящему — писала в «Литературную газету», «Огонек», но там публикуется лишь подборка писем, отвечающих их «желтому духу». Плюрализм они принимают только такой, который происходит от слова «плюнуть»: кто смачнее и прицельнее плюнет в наше прошлое, того охотнее и печатают».

Участник войны из Риги Толкачев С. с горечью замечает: «Уверен, что ни в одной цивилизованной стране нет такого положения, когда так непристойно, с помощью беспрецедентной лжи, охаивали бы историю своей страны». С его точки зрения то, что перестройку взяли в свои руки «прорабы», оборачивается «большими издержками для честного народа нашей страны».

Многие считают, что односторонняя гласность приводит к деморализации молодежи и росту в ее рядах негативных явлений. Терновская Р. С. из Перми, учительница литературы, делится в письме следующими мыслями: «Можно спорить. Могут быть разные мнения. Но надо думать о моральном облике нашей молодежи. Рост преступности, свобода нравов, пьянство и наркомания — все это настораживает. Что-то нужно делать. Должны быть у молодежи положительные идеалы. Все развенчиваем. Но ведь должны быть образцы, идеалы, к чему стремиться, на что равняться».

Миргалев Р. А. из города Кукмора ТАССР спрашивает: «Чем заняты большинство наших журналов?» — и дает такой ответ: «Заняты одним, а именно, поиском черного в нашем прошлом. И вот уже не стало идеалов. Кому-то очень выгодно отвлекать народ от решения насущных дел подачей черноты из недалекого про-

шлого... Судить прошлое будет история. А сегодня взят курс на ее переписывание. Зачем?.. Мы же обеляем таких, которым и клейма уже некуда ставить».

Гусева В. П. из Ленинграда сообщает о таком последствии односторонней гласности, как потеря русскими юношами чувства национального достоинства: «Я не собираюсь находиться в этом тупом безмозглом стаде, которое называется русский народ. Если нет своей головы, надо занять чужую». А я ответила ему: «Посмотрим, куда приведет тебя пришивная голова!» А сама подумала, как могло такое произойти с нашим народом, что он утратил чувство племени, ведь даже животное встает на защиту своего в минуту опасности!»

Разложение общества читатели связывают с моральным обликом самих «прорабов». В письмах им приписывается конъюнктурный подход, лицемерие, политиканство худшего толка. В. Смирнов из Ленинграда: «Стыдно слушать иных журналистов и международников, которые несколько лет назад, собираясь за «круглым столом», распевали хвалу справедливой военной помощи, превознося ребят как ангелов-освободителей. Теперь эти же самые лица с тем же серьезным видом, не допускающим возражений, ниспровергают их, изображая оккупантами и чуть ли не убийцами афганского народа». Иванова Я., учительница русского языка и литературы из Астрахани, называет «прорабов» — «попрыгунчиками». Виноградова Т. М. из Харькова не без иронии повествует о том, как Евтушенко Е. проводил избирательную кампанию в городе: «...выдавал себя за потомка запорожца, боровшегося против царизма, и ходил тут в украинской рубашке». Ященко Я. П., отмечая «изворотливость» Евтушенко Е., дает «прорабам» следующую философскую оценку: «Перестройка — это революция, а революция — это могучая, очищающая волна. В первом своем порыве могучая волна сметает мусор, который, будучи легковесным, на некоторое время способен всплыть на ее гребне».

Эту характеристику взгляда простых людей на «прорабов» имеет смысл сопоставить с объективным анализом писем читателей, которых, используя спортивную терминологию, нельзя назвать иначе, как «фанаты» «Огонька». Они заявляют, что читают одновременно и «Молодую гвардию» как «политического протианика». Редакцией получено около шести процентов отрицательных отзывов, и среди них преобладают «фанаты» «Огонька».

Обращает на себя внимание их необычайная подозрительность. Естественный вопрос, который задается в многочисленных социологических опросах, а именно, вопрос о национальности вызывает с их стороны странные полемические выпады. Вещь очевидная: «Молодая гвардия» как журнал ЦК ВЛКСМ читается в разных республиках, и, естественно, редакции важно знать особенности национального восприятия материалов, печатаемых в нем.

Но в голову «фанатов» не пришла эта простая мысль. Им бы только уличить «Молодую гвардию» в антисемитизме и юдофобстве. И вот читатель из Мурманска, подписавшийся Пермогоров А. С., делает в письме такой постскриптум: «Интересно, зачем в анкете вам понадобились данные о национальности? Не ошибусь, если скажу, что вы напечатаете 2—3 отрицательных отзыва о журнале лиц еврейской национальности и большинство положительных — русских». Товарищ Пермогоров утверждает, что он — учитель русского языка и литературы.

Приходится огорчить товарища Пермогорова А. С. Среди шести процентов читателей, несогласных с позицией журнала, никто не заявил, что он — еврей. Подавляющее большинство — русские, есть даже «чистокровная» (так поведала о себе Яковлева Т. из Москвы, выразив предварительно недоумение по поводу вопросов о национальности).

Поражает агрессивность «фанатов». Они называют себя учителями, врачами, а с языка-то сыплются следующие речи: «противно невольно копаться в ваших сплетнях» (подпись: Пущенко А. И. из Черкасс, будто бы учительница, начинающая свое письмо фразой «Неуважаемая редакция»); «копание в грязном белье — главная черта «Молодой гвардии» в 1988—1989 гг.» (подпись: Деларю, врач-психотерапевт из Волгограда, русский). Подписавшийся «христианин, католик» Кисель И. С. из Киева клеймит: «...такие подонки, как ваша Нина Андреева, Скобелевы и другие юдофы». Линевецкая В. Л. из Тульской области, утверждающая, что она — член КПСС, угрожает: «А за такую «критику»... в старые времена давали по физиономии».

Большинство из этих неодобрительных писем написаны как бы одной рукой. Повторяются одни и те же обвинения, выводы, даже одни и те же бранные выражения. Не утруждая себя аргументами, эти читатели варьируют одну и ту же тему: «Ваш журнал глубоко реакционный, националистический, отнюдь не русофильский, а юдофобский... Я понятно выражаюсь?» (Заставский Г. А., Москва.) Андреевский Г. В., тоже из Москвы, объявляет позицию редакции «крайне реакционной, одиозной и тенденциозной», так как в журнале «ярко выраженный антисемитизм», «навязчивые идеи русофильства». Хором требуют сменить главного редактора, распустить редколлегию и набрать новую. Такое единообразие невольно наводит на предположение, что не оговвриваются некоторые из них, когда на вопрос «Как давно вы читаете наш журнал?» отвечают: «Слежу». В общем, ни конструктивных идей, ни реального диалога.

Как видно, идейная ориентация «прорабов» зеркально отражается в их фанатичных сторонниках. Это еще раз подчеркивает несовместимость народной нравственности с атмосферой, создаваемой подобными людьми.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

94 процента писем поддержали позицию «Молодой гвардии». Четвертая часть — давние почитатели журнала, их стаж уже более 10 лет. Остальные стали читать «Молодую гвардию» начиная с 1987, 1988 и 1989 годов, в результате сознательного сопоставления ее материалов с публикациями «желтой прессы». Такой приток читателей, видимо, является косвенным свидетельством важных перемен в общественном сознании, быстрого формирования национального самосознания.

Многие из почитателей «Молодой гвардии» признаются, что в самом начале перестройки они слепо поверили «прорабам», но потом увидели их подлинное лицо и принялись искать альтернативные источники информации. Рабочий из древнего русского города Ржева Белков В. И. исповедуется: «Раньше читал все подряд и не задумывался над тем, что читал. Думал, раз мастера

пера, значит, им нужно верить. Но вот стали подниматься вопросы о русской культуре, о патриотизме. Я задумался над тем, что пишут некоторые «мастера пера», кричащие о «русском шовинизме»... Понял, как «перестроились» те, кто раньше в столице одному властителю лизал языком подметки. Таким только дай власть в руки. Автор напоминает лицам еврейской национальности, которые по непониманию или запуганные сионистами повторяют вымысел о «русском шовинизме», что именно русский народ «спасал евреев от фашистских крематориев», «делился с ними последним куском хлеба». Это простые русские бабы сами недоедали, работая от темна до темна в поле, а сейчас получают за все это лишь 8 рублей 20 копеек пенсии. Но не жалеют, что в годы лихолетья помогали эвакуированным соотечественникам. Белков В. И. гордится нравственной красотой русского человека и тем, что принадлежит к такому великому душой народу: «Русский я, русский и еще раз русский, — так повторю я слова В. Распутина, да простит он мне это. — Горжусь тем, что я — русский!»

Молодой рабочий из Ростова-на-Дону Минаков А.: «О журнале «Молодая гвардия» до декабря 1987 года я даже не подозревал. Мое внимание привлекли уничижительные характеристики журнала в «Московских новостях», «Огоньке» и других подобных изданиях. Когда я впервые познакомился с публикациями вашего журнала... ощутил, что это сильнейшим образом изменило мое мировоззрение. С удивлением, быстро сменившимся возмущением, обнаружил, что вышеупомянутые характеристики не что иное, как ни с чем не сообразная гнусность и ложь».

Председатель кооператива «Оптималист», борющегося против спаивания народа, Батраков Е. из Абакана рассказывает, что подписался на «Молодую гвардию», как только понял, что журнал «Огонек» — издание не просто бульварное, но и космополитическое (разрядка читателя. — **А. В.**)».

Молодой техник из Москвы Евдокимова Т. А., отвечая на вопрос «Как давно вы читаете наш журнал?», указывает на житейскую причину, по которой на первых порах читатели не смогли выбрать соответствующее их интересам издание: «Читаю ваш журнал постоянно с 1989 года. До этого времени, поскольку физически невозможно прочитать все, ориентировалась на огоньковские рекомендации, а поэтому «Молодую гвардию» и ряд ругаемых журналов обходила стороной. Я, наверное, как многие тысячи людей, изголодавшихся по свежей, честной информации, зачитывалась «смелыми» публикациями «Огонька». Но по мере насыщения пришло отрезвление, оно сменилось анализом трактовки преподносимого материала».

Антонова И. Б. из Ленинграда, дочь болгарского политэмигранта, погибшего при защите этого города, тоже недавно стала подписчицей журнала. О трудностях своего выбора в пользу «Молодой гвардии» она говорит следующее: «Считаю, что средства массовой информации много сделали, чтобы скомпрометировать и опорочить «Молодую гвардию». Я сама до конца 1989 года имею подписку на «Огонек», «Знамя», «Советскую культуру» — издания, которые мне глубоко чужды, чтобы не сказать больше...»

Ряд читателей полагают, что недоверие к «желтой прессе» усиливается и ее атаки против «Молодой гвардии» дают эффект бумеранга. Смирнов В. Н. из Могилева утверждает: «Интерес к «Молодой гвардии» и к «Нашему современнику» повсеместно растет. Об этом говорят работники библиотек во многих районах страны, где я был и интересовался этим вопросом. Об этом говорят многие и многие читатели.

Думается, определенную рекламу вам делает «Огонек», «Знамя», вся так называемая «перестроечная рать». Ее нападки на публикации «Молодой гвардии» заставляют все большее число читателей обращаться к вашему журналу, сравнивать, сопоставлять, анализировать... Надоела крикливость, скандальность, тенденциозность «Огонька». Это, по существу, журнал одной темы... Сторонники «плюрализма» из «Огонька» считают нормальным явлением излагать только одну точку зрения... Главное для них — все низвергать, все разрушать, все перечеркнуть... на страницах большинства изданий, на экранах ТВ все одни и те же лица, «звездой» сделали Евтушенко Е., Медведева Р., Черниченко Ю., Собчака А. (новая «звезда»), Ельцина Б., Попова Г., Шмелева Н.».

Молодой преподаватель техникума из Свердловска возмущается необъективным освещением «желтой прессой» прошлого нашей страны. «Только те, — рассуждает он, — кто не любил русскую землю, могли подвергать ее чудовищным социальным экспериментам. Таковы Троцкий, Зиновьев, Бухарин и другие. Обидно, что сегодня «Огонек», «Знамя», «Юность» превратили биографии этих экспериментаторов над народом чуть ли не в «жития святых».

Четников Ю. Ю. из Люберецкого района Московской области, инженер-строитель и руководитель поэтической студии, подробно изложил историю и причины своего разочарования «желтой прессой»: «В 1987 году в ажиотажном круговороте я подписался на «Огонек». Какие только эпитеты не рассыпались в его адрес со страниц ряда газет и журналов! Решил убедиться сам, насколько эти эпитеты соответствуют действительности. И чем больше получал я еженедельный журнал, тем сильнее убеждался, что материалы в нем пропитаны злостью, лицемерием, передергиванием фактов, тенденциозным подбором информации, глубокой ненавистью (совершенно открытой) к русскому народу. Ну а после того, как мне пришлось столкнуться с откровенной ложью (я имею в виду публикацию о «люберах» — мне приходилось непосредственно заниматься этой проблемой, работая в Люберецком ГК ВЛКСМ, — ходить по «качалкам», разговаривать с ответственными лицами, — так вот никто и никогда не встречался с «огоньковцами», не случайно и все те факты, которые были приведены на страницах журнала, не подтвердились, а также материалы о деле Хинта — мой дядя хорошо знал его, и то, что писал «Огонек», лишь на 5—7 процентов соответствует действительности). Мне приходилось читать «волчьи» нападки на ваш журнал — грубые, бескультурные. Я решил, что стоит, наверное, поближе познакомиться с главным врагом лгуна и приспособленца Коротича — журналом «Молодая гвардия». Далее автор письма уверяет: «Среди множества моих друзей (а это в основном люди 25—30 лет) 90 процентов — читатели «Молодой гвардии».

«ПАТРИОТИЗМА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ МНОГО»

Судя по письмам, для многих достаточно было кратковременного знакомства с «Молодой гвардией», чтобы сразу стать на ее сторону. Вот как эмоционально описывает свои первые впечатления

от журнала «коренной дончак» — техник из Ростова-на-Дону Казаков С. В.: «Случайно купил в киоске «Союзпечать» кем-то сданный № 3 за 1989 год. Он меня очень обрадовал, да и удивил немало. Поскольку «застрельщики перестройки» захватили ведущие позиции во многих органах печати, то создаваемый ими (постоянно и навязчиво) негативный облик этого журнала вызывал негативное отношение к нему. Чтобы убедиться в правоте «Огонька» и прочих, я при первой возможности приобрел номер «Молодой гвардии». Это был как удар грома в сухую погоду. Поворот на 180 градусов. Воистину нет предела лицемерию всех этих сарновых, рассадиных, шатровых, рыбаковых и т. д. Какую же надо иметь душу, чтобы так нагло, развязно и самоуверенно лить грязь и клеветать на подлинно народный журнал!»

Сергей Викторович нашел емкое слово, в котором, как в фокусе, собрались все высказывания читателей о «Молодой гвардии» — «подлинно народный журнал». Они любят и ценят в нем те нравственные представления, которые они, как говорится, «впитали с молоком матери» и которые передавались от поколения к поколению у разных народов нашей страны.

Украинская семья Залюбовских из Киева, состоящая из мамы — инженера-технолога, папы — инженера-конструктора, двух дочерей 15 и 13 лет и четырехлетнего малыша и, видимо, хранящая народные устои, прислала письмо, в котором, в частности, есть такое место: «На наш взгляд, у журнала «Молодая гвардия» четко выраженная народная, патриотическая, нравственная позиция. Эта позиция во все века необходима нашему народу, а в настоящее время особенно. Благодарим редколлегию за эту, жизненно важную, отстаивающую честь и достоинство нашего Отечества позицию».

Осетин Бекоев Ф. А. из города Цхинвали излагает практически то же мнение: «В принципе я мало встречаю людей, которые бы стояли на позициях, противоположных вашим («Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва»). Ваши взгляды, ваши оценки, ваши подходы принципиальны и высоконравственны, попросту говоря, ваша позиция — порядочная, а это во все времена импонировало людям. Ваша позиция — это позиция ГРАЖДАНИНА ОТЕЧЕСТВА (именно так — с разрядкой и прописными), и тем, кто считает себя гражданином, патриотом, она близка, понятна и уважаема».

Семья Кудряшовых из Минска, от имени которой пишет Кудряшова Т. В. — филолог, доцент Белорусского государственного университета, обращается к редакции со следующими словами: «Вы отстаиваете те вечные ценности, которые упорно разрушают, размывают «прорабы перестройки». Высказывая ряд критических конструктивных замечаний, она, в частности, делает редакции и такое признание: «Некоторые статьи я тезисно конспектирую — мне это помогает в работе».

Русские люди — супруги Савельевы из далекой Находки — нашли свои особые, проникновенные слова для характеристики «Молодой гвардии»: «Выписываем журнал в основном для детей. Считаем его большой заслугой, что молодые семьи ведут здоровый образ жизни. Алкоголь, наркотики, секс, рок — ими презираются.

В пору юности наших детей выписали им журнал «Юность». Через год они отказались читать «постельный» журнал.

Теперь дети выросли, получили образование, разлетелись. А мы с женой продолжаем выписывать наш русский журнал. Ибо три журнала в РСФСР — наши, русские (разрядка авторов письма. — **А. В.**) — «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва».

Защищая духовные ценности, как они понимаются русским народом, «Молодая гвардия» оказывается глубоко родственна и духу других народов нашей страны. Ведь такие понятия, как правдивость, честность, мужество, уважение личного достоинства, любовь к своей земле, чистота нравов — общечеловеческие. Читатели разных национальностей, населяющих нашу страну, видят в «Молодой гвардии» воплощение этих ценностей.

Уйгурка Даньярова Л. С., перечисляя понравившиеся ей материалы, делает такой вывод: «Читаешь такие статьи и думаешь: Молодцы!.. Есть еще честные люди! Это настоящее мужество — сейчас называть все своими именами». Мотивы ее подписки: «У меня подрастают двое сыновей, очень хочу, чтобы они стали настоящими патриотами».

Еврейка Терновская Р. С., в отличие от «фанатов» «Огонька» не отыскивая дьявольских козней со стороны редакции в вопросе о национальной принадлежности, пишет о причинах своего уважительного отношения к «Молодой гвардии» следующее: «Мне нравится, что журнал не старается быть конъюнктурным, заставляет задуматься над многими вопросами сегодняшнего дня, спорит, не боится ставить острые вопросы».

Русская семья Соколовых из Москвы обращается к редакции с волнующими словами: «Смелые и честные люди, вы болеете не только за будущее страны, но и за историческое прошлое великого народа. Восстанавливая истину, опираетесь на документы истории, не фальсифицируя их и не передергивая факты. Хочется верить — знамя русской национальной культуры — в надежных руках.

Как-то сложилось, но по отношению к журналам «Молодая гвардия» и «Наш современник» мы определяем порядочных людей».

Нравственная в общечеловеческом смысле позиция журнала вызывает чувство уважения представителей разных национальностей друг к другу, восстанавливает их память о традиционных исторических связях.

Украинец Пустоваров Т. И., проживающий в городе Элиста, говоря о некоторых украинских неформалах, слепо восхищающихся лозунгом прибалтийских экстремистов «Иван, убирайся вон!», ссылается на традиции украинской классической литературы: «Вспомним великого кобзаря («Еретик», «Шафарику»), который мечтал, говоря о славянах:

> І брат з братом обнялися
> І проговорили
> Слово тихої любові
> Навіки віки».

Позиция «Молодой гвардии» в борьбе за действительное равноправие всех народов СССР восстанавливает мнение о русской интеллигенции как носительнице высокой миссии. Белоруска из Риги Можейко В. Н. убеждена: «Русская интеллигенция взвалила на свои плечи самый тяжелый груз нашего времени».

Однако, пожалуй, больше всего народность «Молодой гвардии» сказывается в том, что в ней нет противопоставления поколений. Испокон веков в любом народе существовали механизмы общения людей разных возрастов. В хорошей семье дедушки, бабушки, папы и мамы, дети и внуки были вместе и, говоря современным языком, «вели диалог». Старшие поколения передавали свои знания и опыт младшим, которые что брали, а что нет, но все выигрывали от общения, потому что создавалась атмосфера, которая поддерживала угасающие силы одних и направляла в нужное русло бурную энергию других. К сожалению, в испытаниях, постигших нашу страну в XX веке, эта связь нарушена, и в этом в значительной степени те трудности, с которыми сталкивается перестройка. Нет нормальной передачи лучших традиций народа. Откуда тогда взяться трудолюбию, деловитости, конструктивному подходу, действительной демократии?

Редакция «Молодой гвардии» не стремится, оттеснив старшие поколения в чулан, превратить журнал в «тусовку» для потребительски настроенных молодых людей. Нет, она последовательно проводит линию на общение представителей разных возрастов. Сейчас, когда этого нет во многих семьях, серьезный молодежный журнал должен взять эту функцию на себя.

Что основа для этого есть — показывают письма читателей. По вопросам, жизненно важным для нашей страны, есть общность мнения между «стариками» и молодыми. Семнадцатилетний Попов И. из Саратовской области, приславший в редакцию озорное письмо и называющий себя своеобразно, как и полагается в его возрасте, «скептиком», то есть немного информированным «оптимистом», делает писателю Н. Кузьмину следующий комплимент: «Из прозы мне понравилось более всего «Ночные беседы» Н. Кузьмина (кстати, я тоже ночью пишу) «От войны до войны». Эх, жалко — продолжение в номере восьмом. Ведь многие его мысли с моими совпадают, хотя мне всего 17 лет».

Приятно читать письмо Игновових из Мурманска. Чувствуется, что в семье сохранились стародавние устои, если авторы так отзываются о своем дедушке: «У нас мудрый дед, он говорит о вашем журнале: «Им надо верить, ибо там работают стоящие люди». Дед знает, что говорит. Он — участник войны и почетный полярник. Он справедлив».

Главное, что сближает читателей всех поколений — это патриотические чувства. Семнадцатилетняя Ольга Коровина, студентка Обнинского института атомной энергетики, ставит перед журналом следующие задачи: «Нужно, чтобы журнал активнее боролся за патриотическое воспитание молодежи, оправдывал свое название. А для этого необходимо как можно больше произведений истинно художественных о великом историческом прошлом нашей Родины, на которую в последнее время вылили целый ушат грязи. Некоторым кажется, что чем больше мы будем охаивать свое прошлое, чем больше воротить от него нос, тем скорее люди станут лучше и добрее, тем скорее наступит перестройка. Но это не так. Людей нужно воспитывать на хороших примерах. Именно тогда можно будет воспитать настоящего патриота, любящего свою Родину, мать, землю...» Браво, Оля! У Вас надо поучиться ответственному отношению многим экспертам, оккупировавшим телевизионный экран.

Представители всех возрастов разделяют мнение Оли Коровиной. Читательница из города Апатиты Мурманской области, инженер-технолог, 54 лет, тоже вносит предложение «приобщать молодежь к нашей истории». Она из недавних почитателей «Молодой гвардии», отвернувшихся от «желтой прессы». На вопрос «Как давно вы читаете наш журнал?» ответила: «К величайшему сожалению, недавно, с 1989 года, так как раньше долгие годы нам вдалбливали о «неповторимых» «Знамени», «Иностранной литературе» и прочем. Впервые за столько лет читаю то, что соответствует моим думам».

Махортова Н. П. из Уфы, 40 лет, инженер, тоже приобщилась к «Молодой гвардии» в 1989 году. Ее предложения: «Считаю, журнал следует дополнить разделами «Славные сыны Отечества», в котором публиковать очерки о людях, посвятивших свою жизнь служению Родине, независимо от их общественного положения, происхождения, а также исторического периода». Она предлагает и другой раздел: «Поворотные моменты истории нашей Родины», в котором освещались бы «как созидательные, так и разрушительные периоды» с целью «воссоздания в сознании народа преемственности и значимости судьбы Отечества».

Калинин В. С. из Минска, кандидат технических наук, очень критически относящийся ко многим материалам журнала, тем не менее поддерживает редакцию в главном: «В патриотизме не следует бояться перегнуть палку: патриотизма не может быть слишком много».

НУЖНО СТАРАТЬСЯ УНИЧТОЖИТЬ В НАРОДЕ РАЗЛАД

Можно привести еще множество выдержек из писем, свидетельствующих о единении в патриотическом чувстве читателей «Молодой гвардии» разных возрастов. Однако нарушенность механизма рационального общения поколений приводит к тому, что естественные различия во взглядах по тем или иным отдельным вопросам в истории страны, проистекающие из разного патриотического опыта, перерастают в конфронтацию, во взаимную глухоту. Тем более, что разногласия между патриотами искусственно подогреваются и используются известными силами.

В редакцию пришло несколько писем представителей старших поколений, недовольных публикацией в журнале статьи Переверзева В. «Двадцать миллионов» (№ 7, 1989). Одно из них анонимное, подписанное «Люди Сибири», посланное, судя по штемпелю на конверте, из Тайшета, заслуживает особого разговора. Оно объясняет, почему у нас нет иногда нормального диалога между молодыми и старшими.

Анонимный писатель в том же стиле, что и «фанаты» «Огонька», обрушивается на Переверзева В. с неаргументированной, грубой критикой. Ставя Переверзева В. в один ряд с Медведевым Р., Афанасьевым Ю., «всяким Карякиным», он принимается, как говорится, «поливать» их всех вместе: «Уже становится отвратительна и мерзка их писанина, люди им не верят ни на грамм, зря стараются, а журналы засоряют свои страницы этим хламом, это — отрыжка, уже тухлая, от белогвардейщины, кулачества, капитализма, сионизма, национализма, фашизма, это недобитые полицаи и бандеры и их приспешники... этот писака Переверзев В., ну какое

он сделал открытие и для чего он все это затеял с заметками о демографическом развитии в 1918—1939 годах; высчитал, ох, блеснул знаниями и эрудицией своей, для чего все это, для чего; разве не видно, чей это оскал?» «Так вот, таких статей и рассказов, — восклицает он, — мы не хотим, чтоб вы печатали!» При этом заявляется: «Пишем мы, простые люди от всей Сибири, либезить (правописание автора письма. — А. В.) и двурушничать мы не умеем и не хотим».

Убедить бы анонимного писателя в том, что он плохо знает народные традиции. В русском народе издавна была выработана демократическая форма спора, когда каждому давали слово и слушали его до тех пор, пока он говорил вежливо, разумно и доказательно. За примером далеко ходить не надо. Вот как описал известный немецкий писатель Август Гакстгаузен дискуссии между старообрядцами и сторонниками официального православия в Кремле в XIX веке:

«На святой неделе, каждое утро, большие массы народа собираются в Кремле на площади перед знаменитым Успенским собором для религиозных переговоров. Тут сходится собственно простой народ... По одну сторону собираются приверженцы ортодоксальной церкви, напротив них раскольники всех сект... Споры ведутся с великой вежливостью и спокойствием. Желающий возражать скидает шапку, низко кланяется своему противнику и просит у него позволения возразить на его положения или ответить на его вопрос. Никто не перебивает другого... Если кто спасует в споре, то тотчас кто-нибудь из сзади стоящих выступает к нему на помощь или берет на себя продолжение спора. Если кто разгорячится, начнет кричать или даже скажет: «Это неправда», то его сторонники увещевают его и говорят: «Пошло на да и нет».

К сожалению, после любезного приглашения «Ваше слово, товарищ маузер!» народу стали прививать иное понимание диалога, расстреливая и изгоняя за границу несогласных, разрушая церкви и исторические памятники. Кому-то было выгодно поощрять хамство и невоспитанность отдельных русских людей, выдавая их за лучших и характерных представителей всего народа. С таким воспитанием мы живем до сих пор. Поэтому неудивительно, что так близки по стилю «фанаты» «Огонька», духовные наставники которых — Троцкий, Каменев и Зиновьев — ввели в нашей стране подобные методы спора, и «люди Сибири», считающие себя защитниками социализма.

Редакция «Молодой гвардии» придерживается демократии в народном понимании, именно такое содержание вкладывает она в модный сейчас термин «плюрализм». Каждому доказательно говорящему патриоту надо дать слово. И читатели отмечают именно особый, в сравнении с другими изданиями, народный характер плюрализма на страницах журнала, который им по душе.

Супруги Савельевы из Ленинграда пишут: «Удовлетворены тем, что на страницах вашего журнала можно читать смелые альтернативные мнения и предложения, которым, увы, нет места в других журналах».

Инженер Блаженко В. И. из Мариуполя подчеркивает: «Главное достоинство журнала — демократизм в авторстве. Пожалуй, самый интересный раздел — «Дискуссионная трибуна». Публикация писем и коротких статей обширного круга читателей показывает

высокий уровень знаний простых граждан нашей страны, степень петриотизма и ответственности за судьбу своего народа, своей страны».

Доктор технических наук, профессор Цветков Ю. В. из Москвы отмечает: «Впечатляет смелость журнала, обеспечивающего действительный плюрализм мнений: предоставление слова ошельмованной Нине Андреевой, затравленному и безвременно скончавшемуся Владимиру Бегуну, публикация непосредственных и откровенных писем читателей, представляющих различные слои общества».

Якименко Т. И. из города Миасса, учительница, утверждает: «Огромным достоинством вашего журнала является то, что вы представляете его страницы для высказывания различных, иногда полярных, точек зрения».

Стремление к подлинному демократизму «Молодой гвардии» дает возможность восстанавливать разорванную цепь поколений, устанавливать нормальный диалог между ними. Читатели разного возраста не ощущают того психологического давления, которому они подвергаются в «желтых» изданиях. Горелова Л. А., инженер-экономист из Москвы, 35 лет, считает: «Журнал дает возможность читателю самому иметь свое мнение». Библиотекарь Кукушкина В. С. из Пермской области, 50 лет, убежденно заявляет: «Единственный журнал, где можно после прочтения материала подумать, порассуждать. Самое главное — вы критикуете не прошлое, а настоящее. А то у нас получается, что мы всегда шли задним ходом».

Видимо, такая атмосфера и объясняет, почему читатели рассказывают гораздо больше того, чем требуется, искренни в выражениях своих чувств. Радостно получить такое письмо, как, скажем, от Филистеевой Светланы из города Шацка Рязанской области, которой исполнилось недавно 16 лет и которая учится и одновременно работает санитаркой. «Увидев в седьмом номере «Молодой гвардии» анкету, — пишет она, — я тут же решила написать вам, потому что мне очень нравится этот журнал. Я всегда с нетерпением жду его выхода».

Такая обстановка несовместима с анонимками. Что касается возражений Переверзеву В. со стороны авторов других писем, то все они идут в рамках нормальной дискуссии. Например, Терехова Л. из Новомосковска Тульской области, с одобрением отзываясь о позиции «Молодой гвардии» («Мы считаем ваш журнал правдивым. И очень нужным людям»), в то же время не согласна с Переверзевым В. и приводит свои доводы: «Не верю я публикации «Двадцати миллионов» Переверзева В. В те годы сосчитать численность населения было совершенно невозможно при тех средствах передвижения, связи, при миграции». Вероятно, Переверзеву В. следует обстоятельно поговорить о технической стороне получения статистических данных.

Кухно И. В. из Уссурийска Приморского края, 1921 года рождения, бывший колхозник, а потом политработник, спрашивает: «Почему Переверзев выхватывает из истории только то, чем можно опорочить Октябрьскую революцию, победу над фашизмом и другие успехи нашего народа? Почему Переверзев не исследовал гибель и плен солдат... из-за отказа Троцкого, Зиновьева, Бухарина и других подлецов подписать Брестский мир?»

Уважаемый Иван Васильевич! Новые поколения предпочитают

точную информацию по всем вопросам, так как они вступили в жизнь в эпоху НТР. Сейчас историки всего мира с большим тщанием изучают период 20—30-х годов, и историки патриотического направления тоже должны сказать свое слово, чтобы не оказаться в хвосте научного развития. И это слово должно быть правдивым, так как именно за это читатели любят «Молодую гвардию». Возможно, какие-то цифры, приводимые Переверзевым В., требуют дополнительных доказательств. Укажите какие, и это будет серьезный разговор.

Что касается Троцкого, Зиновьева и прочих, то их деятельность будет освещаться на страницах журнала, как это было уже сделано по отношению к Кагановичу, Свердлову, Мехлису и другим палачам народов СССР. Вы приводите в своем письме интересные данные о последствиях тактики Л. Д. Троцкого во время переговоров в Бресте, с которыми целесообразно познакомить читателей «Молодой гвардии». Вы пишете: «Мой отец и дядя были среди тех солдат, которые защищали революцию против немцев. Отец рассказывал, что наша армия была полураздета, вооружена плохо. После объявления перемирия 15 декабря 1917 года на фронте установилось затишье. Началось братание солдат — русских и немцев. Но однажды утром немцы неожиданно перешли в наступление, и от полка осталось меньше половины. Дядя погиб, а отец потерял руку. Оказывается, Троцкий, глава делегации, не выполнил указания В. И. Ленина о подписании мирного договора. Троцкий заявил: «Ни мира, ни войны...» Об этом я писал в газету «Труд», но мне ответили, что такой материал не планируется».

Дерябина Е. В. из города Пушкина Московской области ставит под сомнение выводы Переверзева В., ссылаясь на личные воспоминания. Она заявляет: «Я жила с матерью в 1932—1933 годах на Урале, в деревне. Вопиющего голода там не было. И в городе Перми, и в Махачкале, где мне пришлось жить с августа 1933, тоже голода не ощущалось. Хлеб регулярно сполна получали по карточкам... Как же мне верить после этого Переверзеву В.?» Но, Елена Владимировна, у вас, как говорится, в логике неполная индукция. Вы же не были в зонах, пораженных «вопиющим голодом» — на Украине, в Казахстане и прочих печально знаменитых местах!

Дерябин М. А., участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке, полагает, что население уменьшилось на 20 миллионов не столько в результате коллективизации, сколько в ходе гражданской войны и в результате массовой эмиграции интеллигенции и белых за кордон в 1917—1923 годах. Здесь явно слово за специалистами.

Михайлов Н. В. из Ленинграда, 1917 года рождения, член КПСС с 1940 года, стал читателем «Молодой гвардии» в 1989 году. Он выступает не против статьи Переверзева В., а вообще против того, чтобы на страницах журнала высказывались разные точки зрения. В частности, он подсказывает: «Плюрализм мнений, отражаемый на страницах «Молодой гвардии», — вещь, конечно, хорошая. Но хотелось бы подсказать, что этот же плюрализм, нашедший свое наиболее уродливое отображение в разнузданной «антисталинистской» (а по существу — антисоциалистической и антикоммунистической) кампании во всех других средствах массовой информации (особенно в «Огоньке» и «Новом мире» и других) и так имеет многомиллионную аудиторию, часть которой они уже умудрились (в том числе и с помощью ТВ) — оболванить.

Зачем же помогать им в этом грязном деле? Разве что, чтобы «Молодую гвардию» не обвинили в «однобокости»?»

Другие читатели среднего возраста и молодые, напротив, считают, что нужно урезать плюрализм за счет тех, кого они называют «сталинистами». Например, врач из Иркутска Глазырин А. Л., 27 лет, кандидат медицинских наук, дает следующий совет: «По моему личному мнению, не следует столь большое внимание уделять позиции откровенных сталинистов, таких, как Н. Андреева (№ 7, 1989). Это, мне кажется, дискредитирует журнал в глазах людей, затрудняет пропаганду его».

Гамарис В. М. из Московской области, 35 лет, священник, имеющий и высшее математическое образование, более категоричен: «Нет необходимости печатать Нину Андрееву из Ленинграда. Неприятный осадок на душе оставила статья старого большевика. Не надо лавировать между Сциллой и Харибдой. «Не можете служить двум господам...» Призываю вас отбросить исторический хлам, ту мерзость запустения, которая десятилетиями скрывала от наших взоров святое место — Святую Русь. В святой православной вере в бога, в наших тысячелетних духовных (не путать с культурными, духовные — это религиозные), исторических, государственных, культурных ценностях следует искать фундамент нашего национального возрождения. Вспомним Евангелие: лишь дом, основанный на камне (камень — вера в Христа), устоит, когда начнется буря (МФ., 7.25)».

Видимо, разговор о плюрализме требует разговора и о камне, на котором сейчас предстоит ставить новый дом. Михайлов Н. В. полагает, что камень — это И. В. Сталин, Гамарис В. М. — православие. А не первичнее ли, говоря философским языком, народ? Задолго до того, как христианство пришло на Русь, наши предки поселились на берегах великих рек, прорубили пути через дремучие боры, принялись заботливо лелеять землю-кормилицу. Конечно, христианство выразило какие-то стороны народного духа, но не все. Оно приобретало консистенцию камня тогда и в тех религиозных течениях, которые полнее выражали народные традиции, например, в старообрядчестве.

Но и руководители, будь то И. В. Сталин или кто другой, разве это главное? Народ жив, до тех пор, пока сохраняется его конструктивное ядро — труженики, которые обрабатывают землю, поливая ее потом, добывают уголь, защищают свою страну, обеспечивают такое устройство, которое гарантирует выживание нации, сохраняет ее дух. А это ядро существует, пока оно воспроизводится физически и в нем происходит передача традиций. Великие лидеры укрепляют это ядро, ничтожные — вносят порчу.

Какую роль сыграл И. В. Сталин в сохранении или уничтожении этого ядра — сейчас сложно ответить, столько еще неисследованного и тайного. Скажем, принято было взваливать всю вину за голод во время коллективизации на него. Однако недавняя публикация историка Наумова С. (№ 8, 1989) проливает новый свет, свидетельствуя об исключительной роли в этом Л. М. Кагановича, несущего персональную ответственность за голод на Украине. В общем, это дело историков, а в «сталинистах» могут разобраться все.

Сейчас это слово употребляется очень широко. Достаточно хотя

бы заговорить о И. В. Сталине в спокойном тоне, как «желтая пресса» и люди, находящиеся под ее влиянием, сразу же навешивают ярлык «сталинистов». Но на самом деле основная масса таковых — это поколения, жившие в период его правления. И здесь очень разные люди. Есть «сталинисты»-палачи — Каганович, Мехлис и т. д. Есть «сталинисты»-идеологи, которые приписывают тяжкие труды народные «вождю» и полагают, что народ жил благодаря ему, а не он — благодаря народу. Но есть «сталинисты»-труженики, начиная от Жукова Г. К. до простого солдата, от Вознесенского Н. А. до колхозника, получавшего в оплату «палочки» вместо трудодней, но все же работавшего во имя спасения Отчизны. Благодаря этим людям выжил народ, потому что они обеспечили защиту своей Родины и передачу традиций. Это и есть подлинные патриоты. Но их патриотизм облекся в определенную историческую форму. Они запомнили, что в самой страшной войне и в тяжелые годы послевоенной разрухи с ними был не Хрущев Н. С., а Сталин И. В. И чаще всего люди, которые дальше отстоят от трона и заняты вечным делом — накормить, обуть, построить, — не любят менять свои взгляды. Стоит ли их переучивать на новый лад, ведь главное не то, что они думают о Сталине, а то, что они являются живыми носителями народного опыта и мудрости.

Здесь и виден ясно политический расчет тех, кто ведет бесшабашную кампанию против «сталинистов». По существу — это духовный геноцид старших поколений. И не то волнует «борцов против сталинщины», что юноши и девушки выработают ориентации на режим личной власти. Это как раз им впору, раз уж в качестве нового героя выдвигают «славного» «иудушку» Троцкого. Нет, их беспокоит то, что через «сталинистов»-тружеников будет передаваться деятельный патриотизм — умение работать, хранить национальные ценности, защищать родную землю. Это явно не вписывается в программу очередного утопического — «космополитического» будущего, которую «желтая пресса» сфабриковала в качестве новой наживки.

Поэтому «Молодая гвардия», как патриотический журнал, обязана давать слово «сталинистам»-труженикам. И это мнение разделяют многие читатели, откликнувшиеся на публикации интервью И. А. Бенедиктова «О Сталине и Хрущеве» (1989, № 4) и письма М. Малахова «Смысл нашей жизни» (1988, № 4). Пожалуй, точку зрения этих читателей лучше всех выразил Бекоев Ф. А.: «Хочу особо выделить беседы с товарищами Малаховым и Бенедиктовым, очевидцами и участниками событий. Их свидетельства, мнения нужны и нам, родившимся до войны, и, еще больше, поколению послевоенному... Молодым надо знать правду о прошлом... Ищите таких очевидцев, пока они живы, и представляйте им свои страницы. Это нужно для истории, для народа».

При этом некоторые представители старших поколений должны понимать, что молодые имеют право на свою оценку как личности Сталина И. В., так и созданного им политического режима.

Потомство всегда вершит суд, опираясь на новые факты и свой опыт. Конечно, читатели справедливо возмущаются пошлой критикой. Царькова А. И. из Вологды с сарказмом комментирует: «Надоели конъюнктурщики своими грязными пасквилями на Сталина. И до чего зарвались: и преступник он, и бандит, и сравнили с Гитлером, и раздели догола, и отыскали шестой палец на ноге и т. д. и т. п. Ну и писаки! Ни стыда, ни совести!»

Однако существование пошлой критики не исключает необходимости серьезного, основанного на фактах анализа как деятельности Сталина И. В., так и понятий социализма и коммунизма. Ведь ничто в этом мире не останется неизменным. Поэтому отказ от плюрализма, в том смысле, как он понимается в народе, может привести только к брежневскому застою. Тогда редакция будет в массовом порядке получать письма, подобные посланию ученика 10-го класса Э. Вараксина из города Струнино Владимирской области. Судя по обширному тексту и манере изложения, Э. Вараксин — отличник. Но, к сожалению, в теперешней школе отличники нередко становятся жертвой своей добросовестности, заучивая на всю жизнь древние стереотипы. Э. Вараксин выступает в защиту Кагановича Л. М. и Свердлова Я. М., бесподобно воспроизводя стиль Краткого курса истории ВКП(б): «Теперь мне хотелось бы сказать о Л. М. Кагановиче. Сейчас его достаточно хорошо представили палачом крестьянства и советского народа вообще. Каганович был организатором социалистического строительства. Его любили честные простые труженики и ненавидели бюрократы и карьеристы. К расхлябанности и безответственности он был непримирим. При нем не было аварий и катастроф на железных дорогах страны. Под его руководством построили лучшее по тем временам метро... Теперь о Свердлове. По видимости, Н. Кузьмин считает, что тот обращался с народом, «как с навозом». Именно это слышится в суждениях Н. Кузьмина по этому поводу. Я с этим не согласен. Товарищи Свердлова по борьбе вспоминают, что в лучшем случае Свердлов спал 4—5 часов в сутки. В какой бы час ночи ему ни позвонили, он всегда был на месте. В. И. Ленин назвал его пролетарским вождем, «который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы». Я думаю, что лучше было бы объективно разобрать вопрос о «расказачивании» и определить в нем роль Свердлова. Ведь многие, в том числе и я, об этом деле вообще ничего не слышали и не знаем. А пока рано порочить честь Я. М. Свердлова».

А Николай II, по его мнению, «пролил моря рабочей крови». Это, пожалуйста, плоды просвещения, когда современного ребенка воспитывают в том понимании социализма и истории нашей страны, которые существовали в 30—40-е годы. Ничего не остается, как порекомендовать Э. Вараксину статью Наумова С. «Палачи: Каганович, Мехлис и другие». Что же касается Свердлова Я. М., то сейчас серьезные исследователи обнаруживают все больше несообразностей в его биографии, которые заставляют задуматься, кем на самом деле был этот человек. Во всяком случае, среди общественности все громче раздаются голоса с требованием убрать эту фамилию из названия городов, улиц, площадей. Справедливое общество надо строить с чистыми руками. И без обтесывания умов по одному шаблону.

В общем, плюрализм в народном понимании — требование самой жизни. Но он будет плодотворным, когда все будут думать о будущем своего Отечества и о спасении своего народа, а не о словах и концепциях. Будут иметь в виду цель, высказанную рабочим еще в конце XIX века, накануне суровых испытаний, выпавших на долю нашей страны. Рабочий написал письмо известному библиофилу Рубакину Н. А., который тоже занимался изучением

2*

читательского спроса. В письме предлагалось: «Нужно стараться уничтожить в народе разлад, нужно призывать его к единению, как в домашнем быту, так и в общественном; искоренять зло, пороки, разврат, пьянство». Как видно, к совету его не прислушались. Но может быть, его призыв будет услышан через 100 лет?

По крайней мере, подобная мысль есть в письмах читателей «Молодой гвардии». Инженер Обухова Н. В. из Москвы обращается к редакции с просьбой: «Прошу только чаще публиковать призывы к консолидации сил, придерживающихся позиции журнала по перестройке, да не только призывы, но конструктивные предложения по активизации этих сил».

НУЖНЫ ЛЮДЯМ

Как следует из писем читателей, журнал смог уловить назревшую общественную потребность в 1987 году. В ряде писем называется конкретно статья Горбачева В. «Перестройка и подстройка» (1987, № 7) (лауреат Ленинской премии, инженер Перов В. А., учитель истории Дородько Ю. В. из Киева, инженер по радиоэлектронике из Днепропетровска Жданов В. П. и другие), после напечатания которой быстро растет интерес к «Молодой гвардии». По всем параметрам (по предпочтительному выбору раздела, по числу упоминаний наиболее понравившихся произведений, по количеству критических замечаний ясно, что именно критика и публицистика вместе с письмами читателей обеспечили основной приток новых сторонников журнала. Самые популярные авторы в этих разделах, далеко опередившие всех остальных, — это Бушин В., Горбачев В., Куняев С., Лобанов М., Якушев В. Во вторую группу по числу упоминаний вошли М. Антонов, В. Бондаренко, Б. Казиев, Н. Никитин, С. Рыбас, В. Хатюшин.

Из материалов других авторов в этих рубриках обратили на себя особое внимание читателей: Бенедиктов И. А. «О Сталине и Хрущеве», № 4, 1989; Дьяков И. «Мужество познать правду», № 6, 1989; Погорелов И. «Покушение на Шолохова», № 5, 1989; Андреева Н. «Гласность обязывает», № 7, 1989; Устинов М. «Хвативший оков», № 3, 1989; Наумов С. «Палачи: Каганович, Мехлис и другие», № 8, 1989; Лапин Б. «Пусть не дрогнет пистолет прогресса», № 3, 1989; Углов Ф. «Алкогольное шествие продолжается», № 5, 1989.

Немало восторженных отзывов об авторах и материалах. Виноградова Т. М. из Харькова обобщила мнение других: «Радует то, что в вашем журнале печатаются люди высокой культуры, духовности и высоких гражданских чувств, истинные выразители народных интересов, интересов Родины, не пустомели и демагоги».

Однако те же самые читатели, которые дают лестные оценки, высказывают нелицеприятные критические замечания и пожелания по дальнейшему совершенствованию, как по форме, так и по содержанию, разделов очерка и публицистики, литературной критики. Пожелания нередко противоречивы, поскольку отражают разные вкусы. Одни довольны эмоциональным накалом статей, разнообразием полемических приемов. Например, Перова Ольга из Москвы так отзывается о публикациях Бушина В.: «Его критические статьи вообще выше всяких похвал: здесь и тонкий юмор, и ирония, и едкий сарказм». Другие хотели бы, чтобы было меньше эмоций, а больше фактов, меньше полемики с конкретными лицами, а больше описания тенденций. Жданов В. В. из Днепропетровска: «Меньше эмоций, больше фактов и глубже исследование всех вопросов». Некоторые молодые читатели полагают, что критика рок-музыки не всегда профессиональна. Сауляев К., экономист из Алма-Аты, положительно оценивает общую ориентацию журнала: «Разделяю ваши взгляды на нашу во многом трагическую, но великую историю. В материалах на эту тему видно чувство историзма. Ваш журнал не идет на поводу у конъюнктуры». Одновременно сожалеет, что некоторые авторы «в стремлении доказать, что рок-музыка «бяка», грешат неточностями (это мягко говоря), что удивительно — как может соседствовать в одном журнале объективность и историзм, с одной стороны, и искажения фактов и вульгарное изложение их — с другой».

По содержанию предлагают еще более расширить круг общественно-политических проблем, включив в них «горячие». «Совершенствование работы вижу в оперативности, в стремлении дать оценку большому кругу вопросов, волнующих общество», — убеждает Павлов П. А., 24 лет, рабочий одного из совхозов Московской области. Инженер из Москвы Ежова М. Ф. поясняет, почему это нужно: «У людей нет знания, как действовать сейчас. Я имею в виду рядовых людей, которые хотят помочь стране. К примеру, за кого голосовать в Советы и т. д.». Кухно И. В. предлагает ввести рубрику «Вопросы и ответы» и для начала формулирует следующий вопрос: «Национальный состав депутатов Верховного Совета СССР». В своем докладе, опубликованном в печати, мандатная комиссия сообщила все данные о депутатах, кроме национального состава».

Читатели просят давать им информацию о неформальных объединениях, таких, как «Демократический союз», «Саюдис», «Память», «Еврейский культурный центр», «Отечество», «Русский культурный центр» и т. д., публиковать интервью с представителями патриотических движений, выдающимися культурными деятелями национального возрождения.

Глазырин А. Л. из города Иркутска высказывает следующее пожелание: «Хотелось бы видеть на ваших страницах больше материалов на экономические темы, так как в патриотической прессе нет органа, который бы специализировался на этой проблеме (грубо говоря, «Москва» — исторические проблемы, «Наш современник» — литературная критика и публицистика). Думаю, что «Молодая гвардия» могла бы в некоторой степени специализироваться на этой проблематике, предоставить свои страницы для экономистов, которые могли бы определить позицию патриотической общественности по этому кругу вопросов. Представляется, что статья Якушева В. «Нужна ли ВЧК перестройке?» не исчерпывает возможные подходы в решении экономических проблем, стоящих перед страной, возможно, нужно больше внимания обратить на экономические механизмы, существовавшие в дореволюционной России, имевшей, как известно, наибольшие темпы прироста национального дохода в мире».

Инженер-математик из Москвы Федющик М. В.: «Было бы хорошо, если бы оппонировали не только публикациям в литературно-художественных журналах, но и в специальных, таких, как «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Вопросы экономики»... Например, совсем недавно в «Вопросах философии» напечатана

статья Гусейнова Г. И. и Драгунского Д. В. Национальный вопрос: попытка ответа»... Сомневаюсь, что в рамках дискуссии в этом журнале появится серьезная, глубокая критика по существу, а не в частностях».

Это не единственное свидетельство недоверия общественного мнения к гуманитарным наукам в нашей стране. Ведь невооруженным глазом видно совпадение направленности «Вопросов философии» с позицией «желтой прессы», только в последнем случае какая-то идея «проталкивается» с помощью сенсаций и «картинок», а в первом — с помощью схоластических шарад и ребусов.

Физик из города Сыктывкара Панева Л. И., коми по национальности, советует: «Давайте больше материалов об искусстве (репортажи с выставки русских художников, информацию о творческой и исполнительской деятельности русских певцов, музыкантов, актеров, интервью с ними, в том числе и с зарубежными), так как официальные источники культурной жизни в СССР типа газеты «Советская культура» меня абсолютно не устраивают».

Да и по другим письмам ощущается, как невмоготу людям монополия в духовной жизни «желтой прессы» и «желтой науки» и как велика жажда правдивой информации. Поэтому столько пожеланий «Молодой гвардии», исполнение которых, пожалуй, под силу нескольким периодическим изданиям.

А ведь «Молодая гвардия» — молодежный журнал, у него есть свои задачи. Молодые хотели бы видеть в нем больше материалов о подростках, о любимых музыкальных коллективах и исполнителях, о службе в армии, о спорте. Да, им было бы приятно видеть больше публикаций своих сверстников.

Особенно кардинальны предложения молодых по разделу прозы. Если новый приток читателей предпочитает в первую очередь критику и публицистику, то большая часть постоянных читателей и молодежь все-таки начинают с прозы. Нельзя сказать, что уже напечатанное не нравится. Однако существует разрыв между несколькими особенно понравившимися произведениями и общим уровнем остальных художественных произведений. Из опубликованного в 1988 году и первые 7 месяцев 1989 года самое большое число положительных отзывов получили три произведения: Стаднюка И. «Москва-41», Кузьмина Н. «От войны до войны» и Байгушева А. «Хазары». Что касается иных, то каждое из них имеет свой круг читателей, но гораздо меньше. В общем, уместно привести мнение всей семьи Решетниковых из Москвы — Ольги Николаевны, 37 лет, кандидата исторических наук, Леонида Петровича, 42 лет, кандидата исторических наук, Елены Леонидовны, 16 лет, студентки. С их точкой зрения солидарны многие. Решетниковы считают: «Общий уровень прозы и поэзии, несмотря на некоторые удачные публикации, все-таки недостаточен. Наверное, следует привлекать к сотрудничеству с журналом как известных мастеров, так и талантливую молодежь, работающую в традициях русской классической литературы». Читатели хотели бы видеть на страницах «Молодой гвардии» новые публикации Астафьева В., Белова В., Ганичева В., Иванова А., Пикуля В., Проскурина П., Распутина В., Солженицына А. вместе с переводами зарубежных мастеров и новаторскими поисками молодых. Многие просят сделать раздел прозы более занимательным за счет включения в него фантастики, приключений, детективных историй и юмора.

Еще более критических замечаний по разделу «Поэзия». А предложения еще более разноречивы. Поэты и любители поэзии менее всего склонны к единству мнений. Суждения сталкиваются по поводу стихов Савельева И., Ляпина И., Скобелева Э. Одним они нравятся, другие дают им резко отрицательные отзывы. Единственный поэт, которого упоминают часто и только положительно, — Жеглов И. Предложения по совершенствованию этого раздела как бы суммировала Купавных В. А. из Липецка: «Пожалуй, раздел «Поэзия» мог бы быть поярче, поэтичнее. Стихи публицистические — это хорошо, но хочется и нежных стихов о любви, о матерях, об отношениях влюбленных. Красивые чтобы были стихи. Обладали внутренним божеством, а не шли от ума».

Наибольшей критике подвергся журнал в журнале «Товарищ». Количество отрицательных отзывов явно преобладает над положительными. Сделано очень много конкретных предложений по изменению содержания и оформлению «Товарища», которые приняты редакцией к сведению. Из художников получил положительный отзыв Макаров Ю.

Отстаивая свою точку зрения, некоторые читатели исходят не столько из личных вкусов, сколько из искреннего желания увеличить тираж журнала. Им кажется, что если заимствовать опыт других многотиражных изданий — резко повысить долю развлекательных и сенсационных материалов, ввести броские фотографии и красочное «оперение», — то это сослужит «Молодой гвардии» хорошую службу. Спора нет, необходимо учитывать особенности восприятия современного читателя, привыкшего к цветному видео. Однако известно и то, что потребительство и серьезное размышление редко в ладах друг с другом. Журнал «Молодая гвардия» всегда ориентировался на думающего читателя. В общем, дилемма непростая, и редакция будет решать ее конкретно, опираясь на совет и поддержку своих почитателей.

Можно только заметить, что, судя по письмам, влияние журнала выходит за пределы круга подписчиков. Об этом говорят даже отрицательные факты, приводимые читателями. Например, Еликоев А. К. сообщает, что в городе Орджоникидзе некоторые номера «Молодой гвардии» продаются по цене гораздо выше номинала.

Тонкоглас Л. И. рассказывает о препятствиях, которые ей чинили в 349-м почтовом отделении Ленинграда, в котором она оформляла подписку на «Молодую гвардию». Работница этого отделения, совсем как принято в «желтой прессе», стала «выкручивать мозги» клиентке, уверяя ее, что подписка на 1990 год единственно на «Молодую гвардию» начнется с начала 1990 года. Любови Исаевне пришлось требовать заведующую отделением и долго доказывать совершенно очевидные вещи. Она завершает свое повествование такими словами: «Ведь не просто так они «стоят насмерть» из-за каждого экземпляра журнала. Значит, крепко вы им мешаете!» Вот какое выражение получает у нас политическая борьба.

А читатель из Воронежской области Толовского района села Знаменки Сыщиков В. Г. жалуется, что ему в этом году не принесли четыре номера «Молодой гвардии». Товарищи из соответствующего почтового отделения! Примите, пожалуйста, меры, ведь Владимир Григорьевич — инвалид II группы! А тем, кто удовлетворяет свой интерес к «Молодой гвардии» за счет Сыщикова В. Г., лучше не читать этот журнал. «Молодой гвардии» нужны читатели с чистой совестью.

А что журнал пользуется расположением именно таких людей —

убедительно подтверждает социологическое исследование. Сколько поступило предложений о бескорыстной помощи! Некоторые поистине трогают до глубины души. Например, инженер Жуковская Светлана Григорьевна, мать двоих детей, спрашивает: «Есть ли у журнала счет, на который можно было бы перечислить определенную сумму денег как свидетельство морально-политической поддержки и для укрепления финансовой базы журнала?» Известно, какая зарплата у нашего инженера и каков уровень жизни русских людей. К счастью, Светлана Григорьевна, в этом нет необходимости. Великое вам спасибо, как всегда говорили в русском народе: «Душа всего дороже!»

И эта душевность русского народа и других народов нашей страны — его исторических соседей — чувствуется во всех письмах. Читатели беспокоятся о делах журнала как о своих личных. Некоторые к анкете прилагают персональные послания Стаднюку И., Бушину В. и другим. Многие обращаются со словами признательности к главному редактору Иванову.

Личное и общественное непосредственно переплетается в посланиях читателей. Они по-человечески понимают трудности, стоящие перед редакцией, и не навязывают категорически своих мнений. Главное их пожелание — чтобы «Молодая гвардия» не сбивалась с избранного пути. Пчеловод из Владимирской области Антонов А. В. пишет: «Спасибо вам, ребята, за хороший журнал, так и держать, а можете лучше — давайте лучше!» Рабочий из Архангельской области Борисов А. А. призывает: «Не позволяйте продавать в аренду по кускам первое в мире социалистическое государство!.. Идите до конца!»

**Результаты социологического исследования обобщил
Анатолий ВАСИЛЕНКО,
кандидат философских наук**

ОТ РЕДАКЦИИ. Коллектив «Молодой гвардии» горячо благодарит читетелей, откликнувшихсв на внкету «МГ». Заверяем наших корреслондентов, что используем в рвботе все их мнения, критические зmembers замечания и пожелания.

●

ПОЭЗИЯ

Валентин СОРОКИН

СМОЛЯНАЯ ВОЛНА

ПРОЩАНИЕ С АРАЛОМ

Прощай, Арал, прощай, родной
Арал,
Уходишь ты в простор песков
холмистых.
Ты отшумел волною, отыграл
Узорами туманов серебристых.

Росу на травах не заменит ртуть,
А степь не осчастливят буераки...
Тебя угрюмо провожают в путь
Древнейшие, как жизнь,
каракалпаки.

И русские глядят тебе вослед,
Свою судьбу обдумывая долго:
«Вчера была, а вот сегодня нет,
Есть цепь болот, сама ж пропала
Волга!»

По ней когда-то плыли бунтари,
И с берегов колокола гудели.
Так неужели пламя у зари
И дождичек у грома — на пределе?

Зияет седина гранитных скал,
Орел кружит над мертвенною бездной.
Прощай, Арал, ты первый испытал
Диктаторство индустрии железной.

Не затрепещет парус голубой,
В недвижных глубях не увязнут сети.
Прости, Арал, что мы перед тобой —
Как злые, провинившиеся дети...

Красавец, азиатец, исполин,
О, если ты воскреснешь,
пусть на тропы
Твоих знакомых искренних долин
Бегут цветы из всех садов Европы!

* * *

Не времени пряжу нам ветер прядет,
По скифским просторам Чернобыль бредет.

И Припять за ним, огласив небосвод,
Как белая лебедь, кричит и плывет.

Славянские дали, славянская синь,
Но пахнет дорога тоскою пустынь.

Сутулый Чернобыль бредет по земле,
По красному пеплу, по черной золе,

И черные вороны черную ночь
Клюют и с курганов уносятся прочь.

Лишь белая лебедь, родная река,
Из пепла не может взлететь в облака.

КЛАДБИЩЕ РЕАКТОРОВ

Мы действительно, русские, сердцем просты:
Если надо — боец, если надо — ударник.
Термоядерных кладбищ не дремлют посты,
А людские — трава оплела и кустарник.

Светят звезды в огромную скифскую ночь.
Уцелевшая церковь бредет сквозь болото.
Съехал крест, и ограда растаскана прочь,
Так о чем горевать и винить нам кого-то?

Не земля в стороне, не печная зола —
Веет нефтью изрытая сталью округа.
Соловей не звенит, не мелькает пчела,
Журавли не торопятся к Яику с юга.

Рек, загубленных в мире, пожалуй, не счесть,
Высыхают моря, но зато у народов
Есть границы и кормчих пророчества есть,
Пирамиды уперлись в края небосводов.

И, наверное, движемся мы не к тому,
Чтоб глазел на Хеопса потомок грядущий.
Археолог отроет реактор...
Ему
Никогда не понять день, сегодня идущий;

Удивится, вздохнет и, взглянувши окрест,
Подытожит:
«Исчезли при атоме предки,
Съехал с купола храма подрубленный крест,
Но цвели кумачом по стране пятилетки!..»

У БЕРЕГОВ АЛЯСКИ

Американский танкер потерпел аварию...

Из газет

Не садитесь, птицы, на скалу,
На воду знакомо не садитесь.
Вы не пойте здесь и не резвитесь, —
Ветер гонит смертную смолу.

Налился тяжелой нефтью всклень
Океан
и дышит смертоносно.
Вон пингвины плачут проголосно,
Угорел под волнами тюлень.

Неужели ты не виноват,
Я и вы, и все мы перед миром?
Золото звенит в карман банкирам,
К братству путь, как видим, длинноват.

Мало нам просторов и речей,
Канонад и рукопашных разных —
От распадов перемрем заразных,
Если не погибли от мечей.

Между тьмой и светом день зажат.
Рядом,
        будто малые ребята,
Отравились чем-то нерпенята
И на льдине, тихие, лежат.

На Аляске черная беда
Замутила океан великий.
Он шумит, воинственный и дикий,
Да не может деться никуда!..

ТАЙНА ВЕКА

Капитал планеты, сколько он
Весит?
        И узнаю — не осилю...
Превратили в жуткий полигон
За десятилетия Россию.

И куда сегодня ни пойду,
Всюду отрезвленье непростое:
То броню немецкую найду,
То забытый холмик под звездою.

И в потоке неизбежных дат
Взор наш рыщет
                по трибунам громким,
Генералов помним, а солдат
Подсчитать не смогут и потомки.

Не тюрьма, так хлебный недород,
Не война, так ужас голодухи,
Будто бы в туман пропал народ,
А из мглы бредут одни старухи.

Прекрати отравное нытье,
Клеветник, и суету мирскую,
Наше горе — дело не твое,
Я и сам понять его рискую...

Лес молчит, земля моя молчит,
Ветер сник от пережитой боли.
Только сердце плачет и стучит
И звенит кукушка в синем поле.

МОЙ ХУТОР

Нет ничего, что не скудеет вечно,
Исчезнет море, упадет звезда.
Вот потому и молодость беспечна,
И коротка весенняя вода.

За гранью лет утишились тревоги,
А на душе ни смутно, ни светло.
Как зимний куст у столбовой дороги,
Я поседел, и время истекло.

Мой хутор сгас, ни старца, ни молодки,
Лишь кладбища — по-прежнему свои...
Ровесники повымерли от водки,
От скуки одичали соловьи.

И к дому нет ни стежек, ни тропинок.
Гремит кандальной удалью Урал.
И, кажется, великий поединок
За всю страну я где-то проиграл.

А сколько счастья грезилось вначале —
Теперь не знаю, кто в краю пустом
Бредет к себе из нажитой печали
И кто лежит в березах под крестом.

И чья рука в России виновата,
Мешавшая осилить нам беду,
Коль даже холмик брата,
                                холмик брата
Среди других уже я не найду!

ОБМАН

Император Иоанн Цимисхий тайно отправил гонца, прося печенежского хана Курю встретить на порогах Днепра Святослава и поразить его.

Иоанн Цимисхий, весть послав
Печенегам,
улыбнулся: «Выход!..»
Возвращался в Киев Святослав —
Золото сверкало, жемчуг пыхал.

Возвращался в Киев храбрый князь,
Рим и Киев примирились оба.
Ну а Куря на Днепре, хвалясь,
По ладьям ударил низколобо.

Отмель забагрянилась в крови,
Полегла дружина под ордою.
Режь славян, топчи конем, трави,
Жги огнем и полони водою!

Иоанн Цимисхий, царь и вождь,
Святослава не сломил войною.
Печенеги брызнули, как дождь,
И конец, и весть — тому виною.

О, славяне, русская душа
До сих пор наивна, и в излишке
Верит слову татя, торгаша,
Верит Куре, трусу и воришке,

Потому из княжьего пивал
Черепа
хмельную сладость Куря.
Что не сомневался — грянет вал,
Русская свергающая буря!

Здравствуй, буря, ветер и покой,
Тишина возмездья, пепел ада,
Русский терпеливый, но такой —
Лгать ему и унижать ие надо!..

Москва

Немногим известно имя замечательного русского писателя Бориса Тимофеева (1882—1920 гг.), чей талант высоко ценил Максим Горький.

Борис Тимофеев с самого начала заявил себя самобытным мастером. Живительную силу в творческом поиске давала ему реалистическая традиция русской классической литературы, отличная от декаданса и авангарда, столь модных в начале XX века течений, многослойных и неоднозначных, уводящих нередко читателей в миражи и эстетизм. Он писал жизнь такой, какой она виделась, без украшательств, писал с состраданием, с сочувствием и болью за человека. Вот почему после знакомства с его произведениями становится понятным, каким образом дворянин и офицер принял близко к сердцу Революцию и стал большевиком. Рассказ «Ковальчук» своим отраженным светом указывает на начало этого пути.

С. КОТЬКАЛО

Борис ТИМОФЕЕВ

КОВАЛЬЧУК

Тихо греет в весеннем солнце подернутый перламутровой дымкой островок Капри. Как легкая ложечка, крытая цветной эмалью, лежит он у голубого блюдечка — Неаполитанского залива.

Прямиком до него недалеко, но пароход наш идет от Неаполя уже второй час. На пристанях побережья толпится народ, свистят, машут нам шляпами. А мы, оставляя за собой молочно-зеленый след, идем дальше, лишь на минуту задерживаясь для приема новых спутников.

Вот качнуло сильней: это ветер с открытого моря. И сразу Капри стал ясней, отчетливей. Как шоколадные, выступили каменистые горы с зубчатым гребешком пиний по верхушкам. Словно маковые зернышки, запестрели в ложбинке острова дома. Пароход дал гудок, и горное эхо передразнило его. Загремела цепь, у кормы зашныряли лодки. Сверху из города, прячась в зелени садов, пополз вагончик фуникулера, и навстречу ему выполз, как божья коровка, другой, такой же игрушечный.

Вот уже мы в лодке. Лодка скользит бесшумно. Море и небо смотрят друг на друга голубыми очами, и чье око голубее — не скажешь. Бродят по небу легкие облака, а в воде, словно отражения их, — цветистые медузы.

На берегу шумно. Бросаю в кружку два медяка за перевоз, и вот и на Капри.

Звонко пощелкивает бичом мой возница. Бойко трусит лошаденка, украшенная длинным пером с красными кистями. Дорога вьется все в гору, выше и выше, между стенами садов. Розовым подвенечным убором закутала земля своих невест — весенние деревья. Стоят они робко и стыдливо лепечут, улыбаясь жениху-солнцу. Сладкий запах дрока, смешавшись с солоноватым ветром моря, пьянит мне голову.

Я проезжаю весь остров поперек: старый друг Винченцо оставил мне комнату в своем доме у самого моря. Радостная хорошая встреча: мы долго жмем друг другу руки, улыбаемся, сами не зная чему.

Не терпится. Наскоро одевшись, подымаюсь по каменистой, заросшей травами лестнице в город: там вечерними часами отрадно смотреть на умирающий в заливе закат, на фиолетовые тени моря.

Маленькая площадь, будто игрушечная, такая старая-старая, стоит на ней башня с дряхлыми, словно кашляющими, часами. Неподалеку грязненький, но милый мне ресторанчик. Я сижу один на открытой веранде и слушаю, как замирают дневные шумы. Каждую четверть бьют часы на башне. Несется мягкий, ласковый бой, тает в вечереющем воздухе и путается где-то внизу, погружаясь в море. Сквозь синюю дымку морского тумана блестящим ожерельем горят огни Неаполя. Подмигивая, выглядывает бойкий глазок маяка: глянет и снова прищурит свой огненный зрачок. Скользит над водой что-то белое: лодка ли, чайка

ли, кто разберет? Сдвигаются горы ближе, становятся ласковей и заглядывают на маленький городишко, прилепившийся у подножия их. Смолкает уличный шум, зато слышен теперь еле внятный рокот моря.

Бронзовый, курчавый, похожий на мавра, с широкой, добродушной улыбкой подходит хозяин ресторанчика и, боясь спугнуть тишину, слегка дотрагивается до моего плеча.

— Не хочет ли синьор покушать, или налить вина?

Я заказываю макароны с vongoli — маленькими морскими ракушками, — и пока хозяйка, истая итальянка, в больших дутых серьгах, черноокая, готовит, мы пьем с падроне по стакану душистого вина, как добрые, старые друзья.

Всходит луна за горой и серебрит гребень ее, украшенный темной стеной неподвижных, раскидистых пиний.

Кто-то отчетливо выстукивает каблуками по каменному полу террасы. Это единственная прислуга ресторанчика — хмурый, с черными, опущенными вниз усами человек. Он не смотрит в глаза, и глубокая складка лежит между сросшимися бровями. Что-то знакомое чудится мне в его лице, но я не успеваю рассмотреть: он ставит огонь и так же неуклюже уходит.

От Неаполя, слегка забирая вправо, движется по морю какая-то громада, обрисованная по контурам рядом огней. Это океанский пароход держит курс на Америку, переполненный итальянской беднотой, чающей богатой, вольной жизни Сан-Франциско.

Опять шаги. Тот же человек несет дымящуюся тарелку макарон. Он хочет поставить ее, но спотыкается о чугунную ножку стола, и часть макарон падает прямо на скатерть, пятная ее красным соусом. Я вижу, как смущен он, но не могу удержаться и, забывая, что в Италии, со смехом говорю:

— Ловко, брат!

Человек удивленно, почти испуганно, вскидывает на меня глаза и вдруг густо, до корней волос, краснеет:

— Извините, господин, — бормочет он, подбирая со скатерти. — Я не знал, что вы русский.

— И вы тоже русский? — удивляюсь я. Так вот почему знакомым показалось мне лицо его.

— Да, я тоже с Расеи... — И уже не так глубока складка между бровями, и глаза останавливаются на мне внимательнее, ласковее.

— Так, так... — говорю я, не зная, что сказать, и вижу — не хочется ему уходить, словно нужда какая есть во мне.

— Вы давно из Расеи? — подавляя вздох, спрашивает он.

— Да прямо из Москвы и сюда... дней пять.

— Дней пять, а я вот уже седьмой год...

Я снова всматриваюсь в его лицо. Как попал сюда этот простой, рабочий с виду человек с грубыми мозолистыми руками?

— Вы... зачем же здесь? — нерешительно спрашиваю я у нового знакомца.

— Я, господин, эмигрант... Политический...

И опять странны мне его слова: так не вяжутся они со всей его простоватой, нескладной фигурой. Исковерканная, забитая жизнь чудится мне, и хочется расспросить, дать наговориться, выплакаться одичавшему от безмолвия и тоски человеку, утешить, согреть его хоть теплым словом. И, должно быть, голос мой звучит мягче, когда я приглашаю к себе, на берег моря, своего знакомца.

— Хорошо, господин, — доверчиво отзывается он, — беспременно буду, ежели не брезгуете мной. Только я в прислугах... только к ночи и можно мне, после десяти. Полагаю, не помешать бы вам почивать.

— Ничего, ничего, голубчик... Здесь ночи лучше дня, все равно не уснешь... Так до завтра? — протягиваю я руку.

— Слушаю-с... Очень вам благодарен, потому...

Он махнул рукой, не найдя подходящего слова, и вышел.

Город заснул. Только неугасимая лампада перед Мадонной смотрела с выступа горы да луна серебрила море.

Тихо нежится море под лаской весеннего солнца. Утро, а уже высохли росинки, ночевавшие в чашечках золотистого дрока. Пышут теплом прибрежные камни. Шныряют шустрые ящерицы, выползая из расщелин, начерченных разрыв-травой. Расправляют коронки анемоны, подставляя лучам свое бледное лицо. Воздух весенний, густой, пресыщенный ароматом цветов и острым запахом водорослей. Я сижу у себя на террасе. Близко, почти под ногами, вспыхивает легкий шум моря. Набегает на песок прозрачная, игривая волна, ослабнет, занежится и рассыплется звонкой пеной. Обнимется с береговыми камнями, нашепчет, пашуршит им что-то и растает. А море лениво шлет за ней другую, третью и так без конца, без устали целыми днями.

После долгой российской зимы я греюсь на солнце: сижу неподвижно, без мыслей, и только шаловливая волна нет-нет и вспугнет мой покой. Так можно просидеть не день и не два, а долго, целую вечность, и не устанут глаза смотреть, не утомят уши шорохи весны, буйно охватившей лазоревый островок.

После полудня я еду на лодке со своим хозяином, и его жена, молодая, вечно беременная женщина, заботливо укладывает для нас кусок белого овечьего сыра и бутылки неизменного capri rosso. Сквозь голубую, прозрачную воду видно цветистое морское дно. Качаются, словно колечко дыма, студенистые медузы, задорно пятятся пучеглазые крабы и камни, как живые, слегка шевелятся под водой, опутанные длиннолапыми водорослями. Как в сказке, переливаются солнечные блики в бесконечных гротах. Кажется, танцует какой-то неутомимый хоровод маленьких морских существ радостный, многоцветный танец серпантин. Сладостная истома охватывает тело, и я лежу на дне лодки. Надо мной в синеве неба каменистыми столбами высятся изъеденные солнцем, знойным сирокко* скалы. Перекликаются две морские чайки, выделяясь на темном камне ослепительно белым пятном.

Вот и опять дома. С жадностью набрасываешься на обед: неизменные макароны, жареные сардины, сыр, вино, апельсины.

И уже куда-то мелькнул день — весенний, золотистый. Пепельно-серыми складками бороздятся горы. Ползет над морем краснеющее солнце и опускается все ниже и ниже. Склонилось к самой воде, огромное, багровое, а сверху прикрыла его полоса набежавшей тучки. Как золотая, расплавленная лодка виднеется оно над горизонтом и навевает воспоминания о старом, о прошлом, о быстро бегущих кораблях хитроумного Одиссея, чуть не погибшего от сладкозвучного пения каприйских сирен. И о многом, многом вспоминается в этот прощальный, вечерний час.

После заката сердитей море. С шумом наскакивает на торчащие из воды прибрежные камни, омывает их, как лысую голову, и пускает кругом молочно-зеленую пену. Но короток морской гнев. Загорелась вечерняя звезда, и примолкло море, закуталось на ночь в прозрачную фату тумана. Свежий воздух, свежей голова и думы, стройные и ясные, плавно сменяют одна другую. И понимаю я, отчего стекается сюда так много сынов моей суровой родины. Из хаотической, подчас кровавой груды впечатлений и мыслей, захваченных с родных просторов, строят они нерукотворный памятник неласковой матери-России, ожившие, обогретые на чужой стороне.

Было уже около одиннадцати, когда мы с новым знакомцем уселись в моей комнате за чаем. Робкий, сконфуженный, он осторожно брал блюдце обеими руками и с нескрываемым удовольствием пил. Откусывая мелкие кусочки сахара, он чему-то улыбался молча, но пробегала легкая тень по лицу и стирала улыбку. Я не мешал ему, изредка задавая вопросы. Дверь на террасу была открыта, и живым, неслышным казалось притаившееся море. На острых, словно изъеденных червями, камнях звонко пела вода, сливаясь в далекую, еле уловимую слухом музыку. Понемногу мой гость стал разговорчивей, словно родной чай отогрел его. Низким, глуховатым голосом говорил он медленно, подыскивая слова, стараясь выражаться изысканней.

* Ветер.

— Конечно, господин, я человек необразованный, — сказал он, опрокидывая чашку вверх дном, по-российски, — а вы всю науку прошли. И чувствительно я вам благодарен, что не побрезговали моим разговором и даже вот чайком изволите угощать... И по-родному, по-русски тоже говорить не часто доводилось: кто нас здесь понять может? — Он тяжело вздохнул. — Да, жизнь человеческая трудное дело, притом же совершенно изменчивое. Вот хоть бы я, к примеру. Вчера, как подавал я вам кушать и споткнулся, ну, думаю, наплевать: все едино, он итальянец — это про вас-то, а я человек русский... нам не ребят крестить — обойдется... А как услыхал я родимую речь, поверьте слову, господин, так мне стыдно стало! Вот, думаю, привел Господь земляка увидеть, а я перед ним как себя объявил... Да, — помолчавши, как бы про себя, заметил он, — тяжело на чужой стороне русскому человеку. И к тому же беспричинно, можно сказать, время здесь проводишь, безо всякой надобности. А ведь дома — супруга, двое детишек... тоже пить-есть хотят. Это помнить беспрестанно надо...

Он смолк, захваченный воспоминаниями. Молчал и я, знал: все равно теперь уже откроет мне свою душу этот заброшенный, оторванный от родных мест и семьи человек и наплачется, пожалуется на свою судьбу. И правда, оправившись, он продолжал:

— Полагаю, непонятно вам, как я в здешних местах очутился. История, господин, очень моя прискорбная и даже несчастная. Так что часто сам себе не веришь: в действительности ли я это — Ковальчук? А то, может, тяжкое сновидение? Щипнешь себя: больно. Видимо, не сновидение, а самая что ни на есть взаправдашняя жизнь... Только, знаете ли, хуже собачьей. У собаки дворовой конура и тоже, можно сказать, семейство. А я вот как чумной: все как у иных прочих, а подходить не моги. Нас тут эмигрантами прозывают. Ну, это, по моему рассуждению, хуже волчьего билета. Так вот — попал сюда и вроде как не человек. — Ковальчук нервно поднялся из-за стола. — Вы меня, господин, извините... разговорился я и сам себя расстроил. Вам, полагаю, чудно: мужчина крепкого тела, а такая чувствительность... Заграница не свой брат, даже вовсе ничего не стоящими людьми многим оборотила. Да оно и правда: голод да тоска хорошего не произведут. Ну вот... Я, знаете, все путаюсь: непривычное дело разговоры, да к тому же про очень тяжелое говорить приводится. Как я попал сюда? Это очень даже странно и хитро объяснить вам. Начать спервоначалу, слесарем я был на заводе. Конечно, жена, двое детишек, девочки только обе... надо бы мне мальчика, ну, да благодарю Бога; очень сообразительные, ласковые девочки. Я сызмальства день-деньской на работе, жена по хозяйству, и ничего — жили не хуже других прочих. Я свою линию знаю положительно: коли ты рабочий человек, от работы не бегай. Так и шло все потихоньку да по-хорошему. Тут случилось, сами знаете, забастовки... повсеместно... Конечно, и нас достигнуло... Я от улучшения жизни, господин, не открещиваюсь и между прочим полагаю — нет на свете человека, чтоб добра себе не искал. И я, как прочие все, в груди своей содержал насчет улучшения жизни... только на людях-то язык не распускал. Кто его знает, что выйдет, а у меня жена, два рта малолетних — им вынь да положь. Конечно, с женой промеж нас случалось себя высказать. Ну, и она, женщина рассуждающая, тоже с опаской: «Повремени, говорит, Фома, спервоначалу узнай, что к чему и как». А тем временем на заводе и совсем неспокойно стало, и уже многих похватали. Между прочим, свата моего жандармы с работы сняли — и в город. Это мне, господин, было очень тяжело, потому сват в моей хате все одно что свой. Ну, говорю, жена, помогай Господь, к нам бы не подкатилось. И держу, знаете, себя очень насторожившись, потому семейство, что поделаешь. Только, как сейчас помню, в среду под вечер это было. Иду, значит, с работ... тот завод у нас версты полторы: вижу, бежит навстречу еврей знакомый... бежит и руками машет. «Беда, — говорит, — господин Ковальчук, у вас: господа жандармы в вашей хате». Вот по сей час, понимаете, ноги трясутся, как вспомнишь все. Стал, как баран, слова сказать не могу. «Ну, что же вы, господин Ковальчук, думаете делать?» — еврей спрашивает. А что я думаю? У меня в голове в ту пору такой разгром пошел, что спроси меня, как мать, отца звали, не сказал бы, полагаю. Только и кружится: пропал, брат, безотлагательно! И откуда это такая слабость в человеке?

От выпитого ли чая, или от напряженной мысли лицо Ковальчука покраснело. Небольшие, черные глаза как-то удивленно мигали. Плоские, сухие волосы торчали жесткой щетиной.

Мы вышли на террасу. Серебряной сказкой убаюкала луна и горы и море. Опускались к воде скалы каменистыми уступами, как исполинская застывшая лестница. Казалось, кто-то могучий и необъятный в давнее, старое время спускался с верхушек гор к морю и оставил за собой четкие ступени. А внизу, у самой воды, черпел небольшой выступ, подобный каменному коленопреклоненному монаху, замершему в благоговейном ужасе навеки. Слева двумя красными огнями, как глазами, мигала восточная гора. Стучали весла, перекликались голоса рыбаков, собравшихся на ночной лов. В проливе тянулся освещенный пароход и куда-то манил, звал за собой.

Ковальчук сел на перила террасы. Плохо видно было его ли-

цо, только глухой, однообразный голос разматывал передо мной петли внезапно спугавшейся жизни.

— Не вернулся я в ту пору до хаты. Свез меня еврейчик до станции, а оттуда по чугунке прямо к брату — он тоже рабочий человек — в Одессу. И так я, господин, себя напугал, что самому себе опасным человеком показался. И что брату насказал — не помню. Знаю только, деньги где-то собирали... а потом уже в трюме пришел в себя, на итальянском пароходе. Вот горько как было, когда от родимого берега отвалили. Эх, думаю, деточки, простите уж отца своего! Так, видно, на роду нам написано... Не стану таиться: много я в ту пору наплакался. Ехали-ехали, пересадили меня где-то на другой пароход. Немножко полегче стало: выпустили из трюма. Повар там у них малость по-русски мараковал. Вот и прилип я к нему, ну, прямо дороже брата стал, несмотря что итальянец. Возили-возили — пора высаживать, капитан разрешения больше не дает. Да и верно: излишний я человек в ихнем деле. Вылез я в городе Монтевидео. Господи, что делать? Пристроил меня повар в прачечную, сам уехал. И попала мне работа, прямо сказать, для мужского пола обидная, деньденьской утюги грею. Жарища, печь, знаете, прямо в лицо, а жалованья только что на хлеб. И к тому же женщины, извините, ихние совсем даже распущенный народ. Город, конечно, хороший, со всякими удобствами, а примерно, к чему мне это? Милей родной хаты не сыщешь. Да и вправду сказать, господин, седьмой я год в загранице, а привычки к ней, можно сказать, никакой. Ну, видимое дело, чище люди нас живут, состоятельнее, не одним горбом, а и лбом себе дорогу пробивают — правильно. Только что ж я-то тут? Это все одно, что в трактире хорошем: тепло, убранство очень даже шикарное, а ведь все же, однако, не свой дом, там хоть и похуже, погрязнее, зато сердцу милей. Вот и в Монтевидее оказался я как на тычке. Кроме прочего, заболел от жару глазами: слеза, покраснение, и видно становится неясно. А потом и вообще недомогание, прямо сказать, ослаб весь. К тому же однажды, вследствие болезни глаз, недоглядел я и прожег утюгом хусточку женскую. А хозяин со мной наподобие скота... выгнал без уплаты, да еще кулаком разá дал под самую печенку... знаете, боксом. Тут меня и в больницу доставили. Что ж, жаловаться? Кому, когда слова по-ихнему не смыслишь. Три месяца я так промаялся. Вернулся как мой знакомец, повар, взмолился ему: вывези, нету моих возможностей здесь. — Ковальчук порылся в карманах и закурил. Вспыхивала папироса, освещая толстые, обвислые усы и кусочек носа. Тихо замирая, донесся звон башенных часов. — Послушайте-ка, господин, звон здесь такой тоскливый... — задумчиво произнес Ковальчук. — А по вечерам, как солнце садится, па церквах и еще трогательней. Они вот звонят, а у меня сердце обмирает: у нас-то, думаю, дома-то... на праздник или на Светлое Христово Воскресенье... гудит кругом, душа с радости трепыхается. Жена хату чистит, ребятишек моет, одевает. Лампада в углу теплится. Девчурочка у меня — Катюша... Взберется, бывало, па колени, обхватит меня ручонками, а сама все смотрит и смотрит на лампадку, чудно даже станет. «Это в уголочке Боженька?» — спрашивает. Боженька, мол, Катюша. «А Он сердитый?» — Сердитый, только милостивый. «И хороший?» — Хороший, деточка. И целует, целует она меня...

Ковальчук как-то странно хмыкнул и деланно закашлялся. Я чувствовал, что он плачет. Стало жалко до слез разбитой его немудреной жизни! И как-то стыдно стало за красоту весенней теплой ночи, за бархатистый, искрящийся небесный свод. Неслышно плакал Ковальчук, а мне казалось, вижу я, как мечутся вне родины бесчисленные родимые Ковальчуки, бессловесные, недоуменные, непристроенные... Мечутся, и не находят выхода, и гибнут, никем не примеченные, унося с собой в могилу неизбывную любовь к своей мачехе-родине. И почти не слушал я, как рассказывал дальше Ковальчук о Триесте, о венском лазарете, о каких-то других городах, название которых с трудом выговаривал он. Думалось: да полно, здесь ли только, на чужой стороне, мечется это смешное, непонятное посторонним племя Ковальчуков? А там, в необъятных просторах родины, не они ли наполняют тюрьмы и остроги, гиблые сибирские тундры, загнанные туда с благодатных, теплых окраин моего отечества, с черноземных, широких равнин средней России? Бедные Ковальчуки, кто пожалеет вас, кто поймет вашу непонятную и самим вам скорбь и тоску, кто наплачется вдоволь над вашим горем, кто, бедные мои родичи, кто?

Зашла за гору луна, гуще потемнело небо, погасли на горе огни.

А Ковальчук уже оправился, и просто и спокойно рассказывает дальше свою печальную повесть.

— Страшно мне, господин, в Риме стало. В кармане пять лир, а впереди ничего. Плохо жилось, даже посейчас вспомнить жутко. Запало, было, в мысли: не прекратить ли подобную несчастную жизнь? Да все, как про детишек вспомнишь, словно что за руку и попридержит. А тянуло, прямо скажу, даже очень сильно. К тому же на людях не мог я находиться: обидно както — такое множество народа, а выплакаться некому. По этой причине старался больше в уединении. С тех пор к кладбищам склонность почувствовал: тихо так, посторонний глаз не видит,

над горем моим не надсмеется. Хожу я как-то по кладбищу и вдруг могилку русскую увидал: покоится тело инока, архимандрита Пафнутия. Господи, как обрадовался-то! Мертвый, думаю, а все же свой. Оглянулся по сторонам и повалился ему земным поклоном. Поверьте, господин, не запомню, когда еще так плакал. Плачу и плачу и сам не знаю о чем, а только легче как будто стало. Вот с того дня и повадился к своему покровителю жалобы свои приносить. Так что вроде не совсем умом стал... Разговариваю с ним, и сдается мне: слышит он и поведение мое понимает.

По коротком времени деньги мои совсем истаяли. Второй день не кушаю. В голове что-то совсем непонятное, и к тому же пристанища нет: согнали. На третий день поплелся на могилу. И все мне что-то блазнит, кричит будто кто: «Господин Ковальчук, господин Ковальчук», и голос как бы еврея нашего. Оглянешься — никого. Страх на меня напал, бросился я бежать. Дай, думаю, на могилку поскорее, авось там прекратит. Прибежал, ничком повалился, за крест цепляюсь. «Милый, отец... дедушка родимый, хоть ты помоги, заступись... Ради детей моих... ведь лучшее всех я для них...» И только, господин, стал я утихать, слышу, дергает кто-то меня за плечо. Смотрю — человек, по всей видимости барин, и труба у него какая-то под мышкой. «Что братик робит?» — спрашивает меня. И сдается мне, не совсем как будто он русский: чудно так выговаривает, однако понять все можно. Братушка с Болгарии после оказался: в нашей Одессе проживал. Ну, то-се, рассказал я ему про себя. «Так братик есть хочет?» — спрашивает опять. А мне совестно, что три дня не кушал. Это очень гордость в такие поры заедает. Все же накормил меня, напоил. Авось, думаю, теперь выправлюсь.

— Посмотри-ка, господин, — другим вовсе голосом обратился ко мне Ковальчук: — Хоть и чужая сторона, а очень даже красиво...

Он указал на море.

Из-за мыса в тихую заводь выплывали рыбацкие лодки с глазастыми, немигающими фонарями и неслышно окружали подводные камни. Горели на носу огни, пятная сонное море голубыми, доходящими до дна столбами света. Как тонкие щупальца, проникали в морскую глубину лучи, шарили, ощупывали обмотанные водорослями камни и слепили подводное царство. Плескалось слегка море, серебром капала вода с весел, недвижно стояли, как статуи, освещенные до половины рыбаки. Из стороны в сторону поворачивался голубой глаз лодки, отталкивал темноту, а она, словно сердясь и негодуя, плотней заволакивала черным покрывалом горы, кусты, дома. Не хотелось отрывать глаз от

ласкающей шелковой синевы, от бархатистой, густой тьмы. Но Ковальчук скоро спугнул ночную сказку:

— Жил я с этим человеком. Знаете, есть в Риме страннопримный дом славянский. Дал мне братик адреса; много, конечно, в Риме нашего состоятельного народа живет, даже из высоких княжеских особ. Дал адреса и научил, как что. А деньги, говорит, пополам, ежели клюнет, потому я сам фамилии благородной и честь к тому же дворянская не позволяет по домам ходить. Тяжело мне, господин, спервоначалу было... Человек я трудовой, рабочий, а вот, можно сказать, за милостыней ходить пришлось. Только тогда уж я в голове содержал: авось на родину возврат устроить можно; говорили, что за хорошие деньги есть возможность паспорт охлопотать. А братик мне историю жалостную сочинил, чтобы, значит, чувствительней выходило. Конечно, кушать всякому хочется, — ходил. И давали спервоначалу, даже очень порядочно. А братик денежки чистоганом забирал, только поил, кормил меня. Ну, ничего, живем так месяца три. Только обошел я все дома, куда можно было, а денег опять нет, совсем без ничего. Братик говорит: «Начинай сначала...» Тут я, знаете, господин, призадумался: это, пожалуй, в действительности пропащим человеком сделаешься, да к тому же выходит, примерно, на другого работаю, а самому, кроме пропитания, одно бесчестье остается. Ладно, про себя думаю, схожу еще раз: дадут денег — сейчас от братушки долой: неладный он человек какой-то... Был там господин хороший один, в газетах, что ли, писал... наш тоже... Сделал он мне сожаление: выносит пять лир, а сам из-под очков неодобрительно смотрит. «Вы, — говорит, — болгарина такого-то знаете?» — и фамилию его называет. Неловко мне стало оболгать, а понимаю, не надо бы признаваться. Знаю, мол... вместе живем. «Так вот что, — говорит, — господин хороший: кто вы, я не знаю, а приятель ваш первейший попрошайка и негодяй. Поняли? И больше чтоб ко мне не являться...» Обозлился я тогда и на этого господина, и на братушку моего. Ах, думаю, дрянь, извините за слово, в какое меня дело грязное всадил! «Достал?» — дома тот спрашивает. Нет, мол, не достал и доставать не хочу... буде, сам попробуй! «Как, — говорит, — хам, ты можешь так со мной разговаривать?» От обиды, господин, в глазах у меня потемнело: чуть не придушил проклятого...

Гудит Ковальчук серые, бесцветные слова, тяжелые и тоскливые, как осеннее небо его родины. А с моря несется, смягченная туманом, рыбацкая песня, и тихая печаль по несбыточной любви слышится в ней. Бьется о берег говорливая волна, вторит ей, переливаясь, песня, и обе они, певучие дочери моря, спле-

таются, дополняют друг друга и тают, как легкая пена на прибрежном песке. Ковальчуку не до них, он сидит спиной к морю, неподвижный, угрюмый, отвернувшись от него, словно от заклятого врага.

— Очень меня, господин, па первое время море соблазняло. Сейчас вот смотрю я па него, и безынтересно вовсе, даже, прямо сказать, противно. К примеру, наши степи куда лучше. Выйдешь, бывало, под вечер за околицу. Солнце на землю садится, а по степи как красный ветер по-над травой. Птицы всяческой, зверья кругом. А у меня, господин, скучно: твердости в тебе нету и уж очень неприметным сам себе кажешься. А человеку в бедственном положении и без того туго... Ну а тогда, спервоначалу, хорошо казалось.

Жил я тоже в Неаполе с русским одним. На скрипке очень великолепно играл. Играет, а сам плачет и каждый, почитай, день пьян. Играет и плачет. И в действительности, господин, можно заплакать было. Он плачет, и я не отстаю. А итальянки, жены его... две их было: так, непутевый народ, почитай, так втроем все на одной кровати и спали... А тем смешно. И скандал всякий день.. Трудно мне с ними приходилось... Женщина одна из них молодая, очень даже лицом приятная и так со мной вольно начала обращаться... А и, господин, хотя человек женатый, а молодой, и всяческие такие замашки с женской стороны много мне неприятностей предоставили. Сны, знаете, такие снятся неудобные... И почему-то в голову все входит, что не соблюдает жена моя супружеской верности. Ушел я от них. И началось тут Бог весть что. Спал где попадя, кушать окромя винограду, а то и вовсе без ничего. После узнал штуку: стоишь, бывало, деньденьской в море и шаришь ногой, нет ли морского ежика. Только много ли в нем съедобного: так, слизь одна и даже очень противная. А когда море в беспокойствии, ну, и съел бы ежика, да никаких возможностей с морем нет. Вот тогда-то и понял я, что море злющий в действительности враг человека.

Чего только не было! По помойкам, господин, доводилось лазать. Как стемнеет, крадешься, авось пожива сыщется: сыру кусочек, либо косточку пососать. Очень спервоначалу обидно и тошно, извините, было. Как собака, думаешь... Сильно я тогда с тела спал, видимость, полагаю, у меня в те поры совсем недостойная стала. По коротком времени блазнить с голоду начало. Чуть вот глаза прикрымши, сейчас все насчет пищи. И ешь и ешь ее, прямо, можно сказать, без удержу и всякой всячины, особливо мясо. Слюна бежит, резь в нутре, а прекратиться невозможно. А дальше хуже, страшней чудилось. Уперся я однова локтем себе в живот, чтоб, значит, кушать меньше хотелось, и

покрепче руку к груди прижал. И забылся. Только очнулся немного, и покажись мне, что не рука у грудей, а девочка моя — Катюша, еще в то время, как окончательно маленькой бывши. Знаю, блазнит мне, а удержаться нет возможностей. Обхватил эту руку другой рукой и давай качать, вроде как ребеночка нянчить, убаюкивать. Трясусь со страху, а сам баюкаю и песню, как в своей хате, подпеваю, чтоб закачать. Насилу отпустило.

Совсем ослаб окончательно. Зима на дворе. Конечно, снегу здесь не водится, все ж холод, заметьте, дождь. На ночь как-то приспособился я в старую бочку: мягко там, тепло. Совсем было, утомимшись, прикорнул, только как ляпнется кто в бочку-то на меня сверху! И понять я, господин, не могу, что такое: визжит кто-то, руки мне грызет. Одичал и я на манер зверя: вцепился. Чувствую — собака, здоровая такая. Душу ее за горло, а зубами это в затылок ей вцепился. Прямо сказать, скулы свело и расцепить невозможно. Изловчилась собака, двинула лапой по лицу, кожу мне всю спустила и марш-марш. Сижу я в бочке один, кровь с меня. и больно, и во рту тоже кровью пахнет, моей ли, собачьей ли, только голод словно от этой крови меньше стает. Зализал я себе руки, но много ли тут поживишься? Потом слышу, знаете, съедобным пахнет. Пошарил, и в действительности: кусок какой-то мясной... Цап его и прямо в рот, некогда, господин, разбирать было; отбил у собаки и пользуйся...

Я не вытерпел и вскочил. Словно померкли сразу лучистые звезды на небе, потускнели рыбацкие огни и песня стала чужой и неуместной. Чудился дождь, темнота и заголодавший, озверевший человек, вырывающий у бездомной собаки кусок падали.

— Голубчик, Ковальчук, да что же это такое! — крикнул я.

Он сперва не понял.

— Где?

— Да вы-то, ваша-то жизнь, что это такое? Ведь страшно мне, голубчик, за вас, страшно!

Ковальчук усмехнулся.

— Потом хуже пошло, господин. Видите, пошел я как-то, тоже бывши с голодухи, на солнышке погреться. Сад, сами знаете, какой в Неаполе у моря... очень даже прелестный сад. Прикорнул я на скамейку, сижу так тихо. Только вижу: бежит ко мне девочка, маленькая такая, ну, совсем бы словно Катюшка моя. Господи, думаю, опять блазнить начало! Нет, не блазнит: подбежала и ручонку свою мне на колени... Смотрит на меня, лепечет. Не стерпел я, обхватил девчоночку, поднял на руки и поцеловал. Что ли, испугалась она — в плач. Няньки там бегут, шум, гам. Ну, конечно, видимость моя даже и совсем невзрачная: вывел меня городовой из саду. Что со мной, господин, тог-

да делалось, сказать прямо нельзя! Вот душит обида, горло окончательно перехватило. И себя-то жалко, что жизнь спуталась, — не разберешь... и за жену, за детишек больно: может, голодуют они беспризорные. Эх, думаю, напиться, что ли! Только был я без ничего. Все одно, думаю, наемся, напьюсь, а там будь что будет. И бегом, знаете, на окраину: кабачки там попроще, нашего брата допускают. Добежал. Выходит женщина такая старая... улыбается, а у самой тоже глаза красные, полагать надо, заплаканы. Посмотрела так ласково на меня, языком почмокала. Сижу я один, вино с голодухи в голову ударилось Бог весть как... И стыдно мне тогда, господин, стало: надувать старуху доводится, а она ко мне так в действительности хороша. Эх, думаю спьяна, пойду к ней, изъяснюсь уж как ни-на-будь, что при случайности отблагодарю за все. Приоткрыл дверку, смотрю. И только, господин, посмотрел, сразу как из ума вышел. Позавешаны это стены все масками, харями, знаете, на масленой ряженые у нас ходят. Красные, до ужасти страшные, зубы все скалят, пасти свои открыли, смеются. А в переднем углу старик мертвый на кровати, и платочком зубы подвязаны. Плачет у него в изголовье старуха, муж, надо полагать, ейный... а сама кистью, словно кровью, маску эту размалевывает. И покажись мне, что смотрят маски на меня дыроватыми глазами и гоготанье словно бы от них идет, что голове невмочь. Заорал я и бежать без оглядки. Обеспамятовал весь. Бегу и все кричу, все кричу. Народ за мной, ловят. Только чувствую — лечу куда-то и потом прямо в воду. Дальше что было, уж не помню, окончательно через два месяца в себя стал приходить, в больнице. Горячка, надо полагать, прихватила. Вот, господин, тут обо мне прослышали, которые из земляков, и на это самое место определили. Ничего, слава Богу, сыт. С вашей помощью приоденусь теперь малость. Только это, конечно, все ни к чему. Ежели не домой, так лучше сразу конец...

Светало. Посвистывал в перепелиных сетках, набегал с гор предутренний вечер. Я проводил Ковальчука до лестницы. Сгорбленный, неуклюжий, тихо поднимался он в гору, показываясь на изгибах дороги, наконец мелькнул в последний раз и исчез. Но, как зловещий призрак, носился перед моими глазами его угрюмый образ и глухо гудел надорванный голос.

А утро просыпалось. Не хотелось спать, запираться в душную, тесную комнату. Бродить бы на весеннем воздухе, когда поет все вокруг: и моря... и земля. Омыть бы уставшую, потускневшую российскую душу...

1916 г. *Публикация М. В. МИНОКИНА*

Гао СИНЦЗЯНЬ

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Рассказ

За последние годы поток информации о Китае — нашем великом соседе — заметно возрос. Поражают резкие контрасты, неожиданные повороты событий в жизни этой страны. Вероятно, осмыслить неповторимый исторический опыт Китая, проникнуть в загадку его национального характера трудно и попросту невозможно, не освоив богатейшей культуры Китая, особенно ее художественного пласта. Издавна на родине древнейшей письменности почиталось все связанное с понятием «вэнь», сначала это знаки на костях жертвенных животных, затем иероглифы, письмена, изящная словесность, культура. В наше время судьба литературы Китая оказалась неразрывно связана с невзгодами, пережитыми народом. Авторы многих произведений рубежа 70—80-х годов, тех, которые позже сложились в «литературу шрамов», часто обращаются к недавнему прошлому — к первоначально радужным, а затем тревожно-противоречивым 50-м годам, к ставшим комком боли и ужаса 60—70-м. С возрождением страны после хаоса «культурной революции» китайская литература вновь обретает право открыто говорить об острейших социальных конфликтах, рисовать во всей сложности и противоречивости духовный мир современника.

Гао Синцзянь, чей рассказ публикуется с небольшими сокращениями, принадлежит к числу писателей среднего поколения, которого также не обошло «десятилетие погромов» — он, как и многие другие представители творческой интеллигенции, был сослан в деревню. Ныне это известный прозаик, драматург и литературный критик.

Чуть желтеют вьюнки за окном, бесшумно струится дождь. Блестящие капли скользят по узловатым стеблям, задерживаясь в чашечках листьев, медленно набухают и с глухим шумом падают вниз. Нити моросящего дождя что нежные ворсинки, покрывающие стебли вьюнка. Там и сям еще виднеются сочные зеленые листья, а кое-где даже завязались бутоны цветов.

Этим летом я начал разводить цветы. Сажал и розы в продолговатом вазоне, но они не принялись, а вьюнки разрослись буйно и пышно, дотянувшись до самых перил балкона. Наступила осень. Видно, проснувшийся интерес к цветам — знак надвигающейся старости... Неужели это старость? Я никогда не чув-

ствовал себя стариком. Разве что, бывало, догоняя автобус, задохнешься и не можешь отдышаться, голова вдруг пойдет кругом. Мне все казалось, что это пустяки — надо отоспаться как-нибудь, и это пройдет. Но когда врач написал в карте «гипертония, атеросклероз», сердце вдруг екнуло и будто замерло над краем пропасти. Не такая уж страшная болезнь, но... видно, и вправду старость подступает, от нее лекарств не сыщешь. Близится пора «белых рос», а на вьюнке, похоже, скоро раскроются бутоны. Удивительный покой, никаких дел — сиди и смотри на туманный осенний дождь, пока не снизится давление.

Через десять дней мне исполнится пятьдесят. Настоящий юбилей — шутка ли, полвека. Тебе ведь тоже уже пятьдесят. Ты пишешь, что недавно назначили главным инженером, а лет через пять уже придется уходить на пенсию. Признаешься, что твое честолюбие давно охладело — наверное, и это признак близкой старости. Да, стареем. Впереди еще годы и годы, но дорога станет ровнее, видно, время событий и резких поворотов уже миновало.

А там, глядишь, и внуки подоспеют. Придется мыть им голые попки, а они, как водится, будут капризничать, не захотят носить штанишки с разрезом, а затем придет черед и дружбе, и внезапной глупой любви. Первая любовь. Всегда смутная и зыбкая, словно этот мелкий осенний дождик или сито весенней мороси.

Помню, как-то дождливым днем мы с тобой заглянули в суд. В каком же году это было? Вспомнил, во время летних каникул, как раз после окончания средней школы. Мы уже не были детьми — не могли ходить, взявшись за руки, запросто играть вместе. В школе вообще почти не разговаривали, боясь насмешек товарищей. А дома по-прежнему ходили друг к другу запросто, без церемоний, и меж нами не возникало стеснения, как это бывает у парней и девушек.

В тот день как раз шел дождь, я не помню, как мы очутились в здании суда — то ли прятались от дождя, то ли зашли из любопытства. Тогда все гражданские дела велись открыто, и нас никто не задержал при входе. В пустынных коридорах было тихо, пестрели таблички, вывешенные на дверях. Мы проскользнули в одну из полуприкрытых дверей. Там, судя по всему, разбиралось дело о наследстве. Истица и ответчик невнятно талдычили что-то свое, судья задавал скучные вопросы. Их заглушали возбужденные голоса, доносившиеся из соседнего зала. Нас потянуло туда, мы прокрались в зал, тихонько сели в последнем ряду у самого входа. Помню, как с твоего зонтика, лежавшего на подлокотнике кресла, капала вода, собиравшаяся на полу

маленькой лужицей. Здесь речь шла о разводе, он и она стояли взвинченные и напряженные. Вдруг поверх их голов судья обратился к нам: «Вы что? Тоже на развод?»

Перепуганные, мы вылетели оттуда пулей, даже о зонтике забыли. Пришлось мне за ним вернуться. Мы припустили бегом, неслись по улице, не замечая ни промокших туфель, ни заляпанных грязью брюк; потом сгибались от хохота, вспоминая свирепое лицо судьи и свой испуг. Но мне тогда было невдомек, отчего ты заливалась краской так, что мочки ушей полыхали огнем.

Детство, ты ушло и растаяло, точно дымка сна. Когда пробуждаешься и лежишь еще охваченный мягкой истомой, сон стоит перед глазами будто явь.

Мы жили в большом старом дворе, состоявшем из нескольких двориков, которые обычно называли небесными колодцами. Как знак детства остался в памяти высокий порожек, через него приходилось перешагивать, выходя из низкой дверцы. За порожком начинался задний дворик, где и жила ты. Там росла старая ива, которую однажды раскололо во время грозы от верхушки до самых корней. Падая, она ободрала черепицу с крыши и вытянулась во всю длину двора. Говорили, не иначе как в ней поселился дух змеи, оттого и поразил ее бог грома. Ты помнишь это дерево, Хуадоу? Я снова называю тебя детским именем, с ним ты осталась в моей памяти. Ах, Хуадоу, ты и теперь живо помнишься мне в своем халате с матерчатыми пуговицами и расстегнутым воротом. Сколько тебе было в то время? Лет семь или восемь? Не больше десяти. Помнишь, как ты любила этот вылинявший от стирок когда-то пурпурный халат, с голубой каймой понизу, в мелкий желтый цветочек. Носила его и летом, не снимая в самую жару. Девочки носили тогда безрукавки с круглой горловиной, а ты не любила их. Почему-то ты мне всегда казалась очень взрослой, хотя была старше всего на какие-то месяцы.

Когда мы ходили на пруд, ты, выйдя из ворот, брала меня за руку, словно старшая сестра, у меня отчего-то щемило в груди. Ты помнишь наш пруд, вечно затянутый ряской, кишевший головастиками весной? Нам тогда казалось, будто мы уходим страшно далеко от дома.

Когда ты пошла в школу, обычно, возвращаясь домой, проходила мимо нашей двери с ранцем на спине. Нет-нет, ранцев еще не носили, ты оборачивала книги в материю. Я ужасно завидовал тебе, потому что меня после болезни тогда не пустили в школу, я занимался дома с мамой. Я не хотел, чтобы ты поняла мое состояние, и поэтому не окликнул тебя. Ты потом говорила, что у меня сильная воля, но это было обычное мальчишеское

самолюбие. А когда тебе становилось грустно или тоскливо, ты приходила ко мне выплакаться, и вроде у тебя легчало на душе. Хуадоу, ты никогда не была слабой, нет. Ты вынесла столько горя, выдержала такую тяжесть, что и не каждому мужчине по силам.

С тех пор минуло сорок с лишним лет, нам обоим уже по пятьдесят, мы стареем. Пора уступать дорогу молодым. Конечно, у нас знания, опыт, готовые рецепты на все случаи жизни, но пройдет лет пять-десять, и придется оставить дела. Похоже, я уже теперь стал жить воспоминаниями, это уж точно старость. Наверное, я слишком сентиментален. Или это оттого, что — осень, что за окном сетка дождя, и еще — невероятно много свободного времени. Вспоминается былое, даже то, что давно казалось погребенным на самом дне памяти, отчего же это причиняет боль...

Тонкая завесь дождя за окном, тишина, нарушаемая лишь мерным звуком падающих капель. Все намокло и сникло, только слабые ворсинки на стеблях цветов не поникли, выдерживая потоки дождя. Жемчужные капли в чашечках листьев разгораются ярким светом, переливаясь, тяжело набухают и готовы уже сорваться вниз, не успеешь вдохнуть — и вот они уже стремительно летят...

Покой и праздность... Нет худа без добра: не вынуди жена показаться врачу, когда бы еще пришлось посидеть вот так, вспомнить прошлое. Но вот странно и непостижимо — не вышел на работу, а земля продолжает вращаться. Почти двадцать лет я руковожу своим отделом, наверное, пора и замену искать. Конечно, надо думать и о будущем дочери. Юаньюань кончает университет и, похоже, уже обзавелась дружком. А ей всего двадцать три. Мы в эти годы разве думали о любви? Нам не до того было, мы горели трудовым энтузиазмом. Ну, да бог с ней, пусть живет как знает, весь век возле себя не продержишь. Однако ж до чего нетерпеливы теперь молодые, чуть что не по ним — грубят, огрызаются. Никогда не вникнут, не дослушают до конца: «Ну, папа, ты опять за свое, все о прошлом!» А оно, это прошлое, еще так близко, еще не отболело, еще тревожит...

Будто живая, стоит перед глазами старая ива, расколотая грозой. Она не хотела умирать, на ней продолжали отрастать молодые побеги. После дождя в ее полусгнившем стволе кишели личинки сверчков. Однажды я подшутил над тобой, бросил тебе за шиворот личинку — ты завизжала, завертелась волчком, ударилась в слезы. Перепугавшись, я вытащил ее обратно, показал тебе, но ты продолжала безутешно рыдать, я просил прощения, умолял не говорить родителям. Ты и впрямь не наябедничала, с тех пор я стал доверять тебе как близкому другу. Но... видно, любовь рождается не из доверия. А может, наша дружба была слишком чистой и прочной и гасила порывы чувств? Но зато она помогла нам выстоять в те дни, когда небо заволокли мрачные тучи.

— Они сказали, что я скрывала социальное происхождение, — тихо проговорила ты.

Улицы запружены отрядами красных охранников, мелькают автобусы, размалеванные большими красными иероглифами. Сопровождаемая грузовиком, понуро бредет по улице группа людей с позорными табличками на шеях. В воздухе кружатся листовки. Мы стоим у входа в мой проектный институт, в глазах рябит от сутолоки и суеты кругом.

— Здесь нельзя говорить.

Ты появилась совершенно внезапно, с ужасно измученным, изможденным лицом. Ты пришла, чтобы поговорить со мной, воспользовавшись шумом многолюдного митинга, но потоком людей тебя затащило в плотно набитый, словно банка сардин, кузов грузовика, и тебе пришлось просидеть там в углу на корточках чуть не целый день.

После митинга я привел тебя к себе, ты помылась, оправила растрепавшиеся волосы и начала свой рассказ. Ну какие мы капиталисты?! Правда, отец когда-то торговал с лотка, но ведь он давным-давно бросил нас, еще после войны с японцами. Знаешь, я даже никогда не видела его, какой же он мне отец? Ведь ты можешь это подтвердить?

Хоть мы и жили долго по соседству, я почему-то никогда не задумывался, где твой отец. Я его и вправду ни разу не встречал у вас. А жили вы трудно, едва сводили концы с концами. Свою единственную комнату вы поделили пополам, перегородив доской. Передняя часть стала гостиной, в то же время здесь стояла кровать бабушки, а в дальней половине спала ты с мамой. Мне всегда казалось, что у вас в доме нет ни одной целой чашки все они были аккуратно собраны из черепков, скрепленных специальными медными проволочками.

Помню, как часто плакала твоя бедная мать. А какая сумятица начиналась в доме, когда появлялся лысоватый мужчина в неизменной кепке, по моде тех лет, — это было уже после освобож-

дения *. Мать и бабушка нервничали, суетились, тебя незаметно оттесняли куда-нибудь в угол. Потом он стал твоим отчимом, хотя у него было трое своих детей от первого брака, двое из них — старше тебя. Мать переехала жить к нему, а тебя бабушка не отпустила, пожалела, в чужой семье и обидеть могут. Кажется, все это произошло в то лето, после окончания средней школы, но тогда ты, конечно, ничего мне не рассказала.

Старшеклассницей ты, возвращаясь из школы, уже не проходила мимо нашей двери. Когда же я случайно встречался с тобой по дороге, ты болтала с подружками и делала вид, будто не замечаешь меня. В то время мы уже учились раздельно, мальчики и девочки могли встречаться только на танцах и вечерах отдыха. Но меня тогда не сильно тянуло туда, гораздо больше привлекала футбольная площадка. Я играл правым нападающим, остро переживая каждый гол. Но мне было досадно, что девочки из старших классов не приходили на стадион поболеть за нас, больше приходила мелюзга из младших классов.

Мы встретились однажды совсем случайно. Это было в майские праздники. Я повел сестру и малышей из нашего двора в парк: гуляли, веселились, ходили стрелять из духовых ружей. Подошли к качелям, а в это время мимо, по баскетбольной площадке, шла стайка девушек. Среди них была и ты. В нарядных белых блузках и цветастых юбках, с помадой на губах и красиво уложенными косами, вы шли с выпускного бала.

— Сестрица Хуадоу! — кинулась к тебе моя сестра, и вмиг детвора с радостными криками облепила тебя. Ты заговорила со мной легко и непринужденно, словно и не было меж нами отчуждения. Мы стали вместе катать ребятишек, подбрасывая их высоко вверх, а те визжали, захлебываясь от восторга.

Потом и ты села на качели, попросила меня раскачать. Я осторожно подталкивал тебя за талию, ощущая ее мягкую податливость. Ты раскачивалась все сильней, казалось, качели взмывают в самый зенит. Рассыпались, переливаясь в лучах солнца твои волосы, вздувалась колоколом юбка, открывая белые ноги, проступали контуры тоненькой фигурки. Я не мог отвести от тебя глаз, сердце вдруг замерло, пересохло во рту. Перехватив мой взгляд, ты попыталась зажать юбку ногами, качели замедлили ход. Я хотел остановить их, придержав тебя за талию, но ты взглянула с укоризной, и я, покраснев, отвернулся. Из парка мы шли домой молча.

На другой год после замужества, нет, еще годом позже, а впрочем, неважно, ты пришла навестить бабушку и заглянула к моим.

* Имеется в виду победа народной революции и образование КНР в 1949 году.

Ты хотела повидаться со мной, думая, что я приехал на праздники, но я тогда не смог выбраться, у нас близился срок сдачи плотины, я не мог уехать. Помню, перед распределением в институте ты написала мне, что есть возможность остаться в городе, но ты готова поехать и в деревню. «Как прекрасно, когда струи дождя заливают лицо и ты ощущаешь на губах его сладость» — мне почему-то запомнилась эта фраза. Я ответил тебе, поезжай туда, где ты нужна своей стране, и тогда тебе не будут страшны ни ветры гор, ни холод севера. Я отвечал с ходу, не утруждая себя размышлением. Почему я не задумался тогда над тем, что таилось между строк твоего письма? Трудно сказать, я был увлечен работой, а жениться, конечно, еще не собирался. Но оказалось, что это твое письмо — последнее. Вскоре сестра сообщила, что ты вышла замуж.

Ты приходила к нам после праздника Весны, наши семьи уже разъехались из старого двора. Рассказывала сестре, что распределилась в северо-западный район, где под ветрами гор — ты употребила именно эти слова — работала на стройке нового города. Ты очень любила сына, хвалила мужа, но тебе хотелось увидеться со мной. Ты плакала, вспоминая ту нашу встречу на майские праздники, и говорила, что не можешь забыть ее. Ты не хотела выходить замуж, но он умолял, ходил по пятам. Когда, получив мое письмо, ты решила ехать на северо-запад, он сказал, что последует за тобой. И ты согласилась, то была не столько любовь, сколько жалость. А он любил тебя страстно, самозабвенно, ты была ему заботливой женой, но не могла забыть наше детство и нашу юность. Сестра плакала, обняв тебя. Как тяжело вспоминать... разбередило душу... Меж нами не было никогда сильного чувства, мы не говорили друг другу слов любви. Быть может, оттого, что нас связывала давняя дружба? С того майского дня томило и тревожило какое-то смутное чувство, мы сами не понимали себя.

Помню, мы как-то ходили в кино. Вообще я купил билет для сестры, но она где-то запропастилась, опаздывала, и я пригласил тебя. Когда мы, запыхавшись, вбежали в зал, фильм уже шел. В темноте я случайно коснулся твоего плеча, и ты не отстранилась. Я сидел, оглушенный стуком собственного сердца, не помня себя, не понимая, что происходит на экране. Так мы сидели, соприкасаясь плечами, пока не вспыхнул свет. Мы вышли из кинотеатра молча и молчали до самого дома.

Помнишь, как однажды я зашел, когда ты стирала в дальней комнате, бабушки не было дома. Я хотел сразу уйти, но ты крикнула, что скоро кончишь.

— Возьми, полистай пока Пушкина, там, на столе.

Немного нервничая, я пробегал глазами строки пронзительной пушкинской лирики, а из-за стены доносился плеск воды, стук мыла. Я был тронут твоим доверием и боялся сделать лишнее движение. Вскоре ты появилась растрепанная, с влажными волосами. Вылив из таза воду, уселась напротив, стала причесываться. Набравшись храбрости, я снял с расчески твой волосок — тонкий, почти прозрачный, какой-то белесый, не такой, как остальные в черной косе. Я стал накручивать его на палец, а ты раскраснелась, пряча едва заметную улыбку, глаза твои лучились. Порывисто поднявшись, ты вдруг спросила:

— Хочешь кукурузы?

Я кивнул. Ты достала из котла отливавший глянцем початок. Сняв с пальца волосок, вложил его в томик Пушкина. Ты сделала вид, что не заметила, но, конечно, видела. Пересев на бабушкину кровать, стоявшую поодаль, ты застыла, плотно обтянув колени юбкой. Я не помню, что говорил тогда, наверное, нес какую-нибудь чепуху, но помню, что, уходя, прихватил с собой томик Пушкина.

Я сохранил твой прозрачный волосок, но из нашей нежности не выросла любовь. Быть может, оттого, что я дорожил нашей дружбой, боялся уронить себя в твоих глазах опрометчивым поступком? А может, наша любовь созрела слишком поздно? Почему мы не смогли вовремя распознать ее?

Дин-дон. Я чувствую, как неумолимо движется время. Куда? Обступают воспоминания... Да, это старость. А сердце еще так молодо. Но не стоит падать духом.

Когда мысленно возвращаешься в прошлое, кажется, что по-настоящему еще не жил, и так хочется начать все заново, а ведь у меня на счету пять спроектированных гидроэлектростанций, да что там пять, наверное, все десять. Все они стоят словно безымянные памятники.

Гм, и слава богу, что безымянные, одна стоит только для виду. На другой из трех турбин ток дает только одна, да и то не более полугода. А ведь я мог помешать строительству, правда, это сразу бы сломало мою карьеру. Зато я стал начальником отдела, есть печатные труды, только вот досада, книгу так и не сделал. Видно, уже и не соберусь, время упущено. И почему я всегда недоволен собой? Но как бы хотелось начать заново, все с самого начала!..

С пожелтевших стеблей за окном еще стекают дождевые струи. Дождинки набухают в чашечках листьев, срываются вниз. А ворсинки на стеблях уже намокли и тоже сникли. Блестящие капли,

срываясь с листьев, падают так стремительно, будто пытаются настигнуть свой отзвук. Воздух будто соткан из переплетений тончайших шелковых и полотняных нитей. Соседний дом расплылся неясным пятном. Который теперь час? Три или уже четыре? Жена придет с работы около семи. Какая тишь...

Может, и ты помнишь таинственную, никогда не отпиравшуюся комнату на втором этаже? Говорили, там когда-то давно повесилась юная дочь старых хозяев этого дома, и теперь здесь по ночам является дух седобородого старца, слышны шорохи и звук шагов. Однажды мы, набравшись храбрости, подкрались и заглянули в замочную щель, но, к своему разочарованию, не увидели ничего, кроме пыли и паутины. Сколько всяких ходило историй о веселой разгульной жизни бывшего хозяина дома, имевшего многочисленных слуг и наложниц, а потом разорившегося и опустившегося. Но его самого никто никогда не видел — плату за жилье с нас получал какой-то рябой малый, приходивший из меняльной лавки. Жили здесь разные люди, но все больше из бедных — учитель начальных классов, почтальон в зеленой куртке, мелкие служащие из пароходной компании вроде моего отца, какой-то незадачливый торговец, имевший кучу детей, но почти не бывавший дома. Одно время поселились студентки, они щеголяли в туфлях на высоком каблуке, угощали нас вкусным печеньем, пели изумительные незнакомые песни.

Но, сверкнув как яркий лучик в нашем сумрачном дворе, они очень скоро упорхнули. А в их комнате поселилась проститутка. Я слышал, что взрослые называли ее так между собой, но когда я однажды вздумал окликнуть ее этим прозвищем, мне здорово влетело от матери, и только тогда я понял, что оно означает. Когда она жила в нашем дворе, женщины часто ссорились, да так, что дело доходило до потасовки — летели клоки выдираемых волос и трещали заплаты. Но вскоре она съехала, и двор как-то опустел, стих, никто не скандалил, не вцеплялся друг другу в волоса. А мне почему-то было очень жалко ту молодую женщину, ходившую все время с припухшими, как от слез, глазами.

В нашем дворе иногда поселялись и довольно состоятельные люди, но надолго не задерживались, съезжали очень скоро. А помнишь, Хуадоу, рядом с вами на заднем дворе жил какой-то мужлан свирепой наружности, обычно он уже с утра был пьян. Ты однажды рассказала, как увидела у него на руке наколку дракона — он стал угощать тебя арахисом, а ты отпрянула в ужасе и бросилась наутек. Мать запретила мне ходить туда, она сказала, не иначе он из тех, кто крадет и продает детей. И я

сразу предупредил об этом тебя. Все наше детство тысячами нитей связано с тем старым двором, и мнилось, он когда-нибудь забудется, сотрется из памяти, как давний сон, но нет, это вернулось, это помнится...

То здесь, то там с крыши стекают струи дождя, словно тянутся и обрываются длинные нити. Канава вспучилась, в ее мутном потоке кружат опавшие листья, пустые коробки сигарет и всякий мусор. Наша жизнь тоже подобна торопливому потоку, несущемуся неизвестно куда. Бывает, поднимется, всплеснет бурная волна, и обрушится лавина событий, лиц — спутанным клубком проносится все мимо, не успеешь вникнуть, понять, все мимо, мимо; но все же что-то главное, самое яркое остается. Как знать, было это в реальности или существует лишь в нашем воображении?

Ты сидишь напротив окна, и на лице, освещенном лучами солнца, ясно видны морщинки в уголках рта. Это было лет десять-пятнадцать назад — ты пришла к нам страшно похудевшая, осунувшаяся, словно после тяжелой болезни.

— Как ты?

— Да я ничего, не знаю вот, что делать с дочкой.

Ты говоришь каким-то сиплым, пугающе незнакомым голосом. Посылают на «передовую» — ремонт железнодорожных путей, это совсем не по специальности, но, как и многие, ты должна пройти через «трудовое перевоспитание». Муж «преступно покончил с собой», сын сослан в деревню, работает в производственной бригаде, бабушка умерла, тебе не с кем оставить дочку. Работать придется в горах, жилья там настоящего нет, люди ютятся в бараках, спят на нарах. Но кому есть дело до твоего ребенка, она там и в школу ходить не сможет. Мы сидим с тобой одни: твоя Сяо Дун с нашей Юаньюань отправились в кино на фильм, снятый по «образцовому революционному спектаклю». А жену даже в выходные вызвали на работу, срочно изучались последние политические постановления.

В твоих глазах, словно в излучине осенней реки, застыли тоска и усталость. В волосах поблескивают седые нити, или это отблески солнечных лучей? А голос тусклый и равнодушный, как будто рассказываешь чужую и давнюю историю.

Твоего мужа Чжипина понизили в должности и перевели из управления промышленности на завод. Ночью во время его дежурства произошла авария. Мало кто хотел выходить в ночную смену, а он соглашался, потому что ночью меньше приходится сталкиваться с людьми, меньше разговоров. А он после того, как пострадал за ошибку в выступлении на политсеминаре, все время боялся опять сказать что-нибудь не так и предпочитал больше

молчать. Той ночью у печи дежурил молодой рабочий, он задремал, от взрыва сильно покалечился. Казалось бы, это ли не свидетельство того, что действительно произошла авария, но ее сочли диверсией. А Чжипин уже был уличен в «извращении генеральной линии», да к тому же еще и много лет молчавшая тетка из Гонконга объявилась вдруг, совсем некстати прислав несколько банок консервов. Учли и то, что взрыв произошел на следующий день после образования нового ревкома. Так обычный несчастный случай превратился в крупную контрреволюционную акцию. Его арестовали сразу, а вечером пришли с обыском. Спустя три недели он умер в тюрьме, в тот день ты пришла с передачей, но ее не приняли.

— Ах, боже мой, но чем же виноват ребенок, почему он должен страдать! Ума не приложу, что делать, — вздыхала ты.

Я смотрел в твое лицо, на две горестные морщинки возле губ, печать страданий и мук.

— Знаешь что, оставь ее у нас, — предложил я.

— А вы... — она подняла глаза, и губы ее дрогнули.

— Мы пока в порядке, видно, очередь еще не дошла, — отвернулся я и твердо добавил: — Уверен, жена не будет против.

Надо помочь, как оставить ее в такую минуту без поддержки, чего тогда стоит наша дружба.

У тебя вдруг перехватило горло, ты закрылась руками, чтобы сдержать подступившие рыдания, но слезы хлынули сквозь пальцы. Я растерянно искал и не находил полотенце, не зная, что сделать, что сказать, я впервые видел тебя такой... Уткнувшись в колени, ты тщетно пыталась сдержаться, но плечи содрогались в безудержном плаче. Может, ты выплачешься и станет легче...

Скажи, Хуадоу, ты когда-нибудь любовалась восходом солнца с горы Хуаншань? Я был на вершине Шиба, недалеко от нее. Мы планировали построить там на быстрой и полноводной речке гидростанцию, создать водохранилище. Гора Шиба еще выше и круче, чем Хуаншань, недаром она зовется вершиной смелых. В тот день, когда я поднимался на нее, хлестал дождь, и ноги разъезжались в скользкой глине, если остановишься — сразу начинаешь сползать вниз. Проводник ушел далеко вперед, а я, выбившись из сил, отстал и остановился, казалось, я больше не в состоянии сделать ни шагу. Оглянувшись, увидел далеко внизу таинственно манившую к себе долину, где веял тихий ветерок. Я заколебался: быть может, вернуться? Куда же двинуться — продолжать карабкаться наверх или спуститься? И все же я добрался до вершины.

И снова я встретил тебя в нашем дворе, ты была, как всегда,

в линялом халате с каймой и желтыми цветками. Ты держала меня за руку, как старшая сестра, а кругом цвела гречиха, куда-то исчезла ива, сломанная грозой. Слепило солнце, над розоватыми соцветиями гречихи порхали бабочки и жужжали пчелы. Все это происходит в каком-то лиловом сне. Почему именно лиловом, я не знаю. А в голове звучит и повторяется твое имя: Хуадоу, Хуадоу... и накатывает волна теплой нежности. Мы вдруг очутились на каком-то холме — ну, конечно, ведь гречиха обычно растет где-нибудь на возвышенности...

Пробудившись, я рассказал жене, что видел сон о девочке Хуадоу — с двумя косичками, овальным личиком и ясными глазами. Мне хотелось поговорить о нашем детстве, но она торопилась на работу. А вечером спросила сама:

— Где же теперь эта девочка Хуадоу?

Я ответил, что на самом деле такой нет, это всего-навсего сон. Но женщину так просто не проведешь, она не поверила.

— Расскажи, — настаивала она, — обещаю тебе, что не рассержусь.

Мы в то время были еще недавно женаты, я боялся вызвать ее ревность. Но начал рассказывать о детстве, о тебе, жена слушала молча, откинувшись на подушке. И вдруг задумчиво произнесла:

— Мне кажется, у нее не овальное лицо.

Я еще раз припомнил и прокрутил в сознании свой сон — пожалуй, та девочка и вправду была слишком похожа на тебя. Я не мог вспомнить ее лица, но одета она была точно как ты.

— Ты знаешь, я ее помню.

— Не может быть! — удивился я. — Ты, наверное, с кем-то путаешь.

— Она носила короткую, как у спортсменок, стрижку.

Я отрицательно покачал головой, но потом вспомнил, да-да, ты остригла волосы, когда училась на первом курсе. Вы тогда ходили на завод практиковаться, и ты боялась, что косу закрутит в маховик. Значит, Хуачунь была знакома с тобой?

Она спросила, пристально глядя на меня:

— У нее на шее была крупная родинка?

— Где же ты могла видеть ее?

— У вас.

Что ж, это вполне вероятно, ведь Хуачунь была лучшей подругой моей сестры. Конечно, вы наверняка встречались у нас дома, просто я тогда еще не замечал Хуачунь, она была совсем ребенком.

С тех пор мы время от времени говорили о тебе, я не скрывал от нее и те редкие письма, что, бывало, приходили от тебя. Однажды ты приезжала по служебным делам и зашла к нам. Помнишь? Хуачунь захлопотала, поехала на рынок за свежей рыбой, накрыла стол.

За ужином ты подняла тост за наше счастье, а мы поздравляли тебя с рождением дочери. Скажи, тебя это не смущало? Мы сидели до позднего вечера, и ты уехала в гостиницу на последнем автобусе. Мы вышли проводить тебя, потом Хуачунь вернулась, а я пошел с тобой до остановки. Но почему-то нам было особо не о чем говорить. ты превозносила достоинства моей жены, советовала не откладывать с ребенком. Когда я вернулся домой, жена развернула твой подарок — это были две подушечки, расшитые цветами. Вопросительно заглянув в глаза, она, словно оправдываясь, заговорила о том, что надо было оставить тебя у нас, но в такое позднее время было неудобно беспокоить соседей, одалживать раскладушку... Я остановил ее, даже не дослушав.

В тот день ты была веселой и оживленной, много рассказывала о своей работе. В тебе рвалась наружу радость жизни, я чувствовал, что и в семье у тебя все ладно. Ты располнела и уже совсем не походила на прежнюю девочку Хуадоу, но зато выглядела солидно, настоящий инженер, ни дать ни взять. хозяйка новой жизни.

Все минуло, все ушло...

— Сколько можно вспоминать прошлое? — досадливо морщится Юаньюань. — Надоело!

— Мы теперь вступили в век электроники, — добавляет ее друг. Отросшие лохмы волос. брюки с широкими раструбами... ну и видок! Хотя это меня не касается. Они идут нам на смену, а мы уже стареем. Неужели это старость?

Я всю жизнь мечтал побывать в Гималаях, увидеть вершину Джомолунгмы, видно, не суждено. Хоть бы издали взглянуть, о восхождении теперь, конечно, и думать смешно. Но все же некоторым моим однокашникам удалось одолеть ее, ну а у меня было хотя бы желание...

Проклятый дождь, не видно ему конца, льет и льет. Струи воды, стекающей с крыши, сливаются в сплошной поток. Все вокруг затянуло сырым промозглым туманом. Капли дождя падают на влажную землю почти беззвучно. Мне вспоминается. как они барабанили по жестяной крыше, когда мы жили на стройке водохранилища. А в прошлом году в это время сыпал град; он остервенело бил по оконному стеклу, белым платком укрыл двор. Но что со мной? Наверное, просто устал.

Ты еще плакала, когда вернулась жена. Я вышел вслед за Хуачунь на кухню, рассказал о тебе, о том, что предложил ос-

тавить у нас твою Сяо Дун. «С меня хватит и нашей Юаньюань!» — резко возразила она. Я не смог осуждать ее, жена была замотана и издергана, она была права. Словно пытаясь загладить свою вину, я бестолково суетился на кухне, подавая ей то нож, то тарелку.

— Что ты путаешься под ногами, не мешайся! — прикрикнула она, и я понял, что прощен. Она согласилась, она не могла заставить меня краснеть перед тобой.

После ужина она велела мне мыть посуду, а сама осталась с тобой в комнате. Я поплелся на кухню, старательно перемыл всю посуду, дважды промыл с мылом тряпку. Вернувшись в комнату, молча присел в углу. Я вообще-то не курю, сигареты покупаю исключительно для гостей, но тут не утерпел, зажег сигарету. Я сидел, время от времени затягиваясь, поглядывая на струйку дыма, и слушал, как ты снова рассказываешь о своих мытарствах, на этот раз сбивчиво, беспорядочно и взволнованно.

В этот раз Хуачунь не отпустила тебя, оставила ночевать. Сяо Дун устроилась с Юаньюань на ее узенькой койке, ты легла с Хуачунь на кровати. За окном дул ветер и шелестела листва, чудилось, шлепают капли дождя. Ты ворочалась во сне, тяжело вздыхала, скрипела зубами. Нелегким был твой путь, и главное было не потерять веру в себя, конечно, мы мало чем могли помочь тебе.

Сяо Дун осталась у нас, она не доставляла особых хлопот, росла смышленой и послушной, помогала по дому, не то что наша избалованная Юаньюань. Но потом меня стало тревожить то, что она часто тайком убегает на улицу. Я написал тебе, и вскоре ты забрала дочь.

Теперь она уже кончает университет, как-то летом навестила нас, приехала с другом. Та же ранняя пташечка, что и наша Юаньюань. Они собирались пойти в горы, подняться на гору Хуаньшань, и, разумеется, вместе с кавалерами.

— Хотите покорить свою Джомолунгму? — Видно, я взял неверный тон.

— А почему бы и нет? — вызывающе парировала Юаньюань, никогда не упускавшая случая надерзить.

— Дядя, — вмешалась Сяо Дун, тактично переводя разговор на другое, — не читали книгу о Дункан?

— Ты, наверное, имеешь в виду книгу о Линкольне, американском президенте?

— Да нет, — мягко улыбнулась она, — о знаменитой танцовщице Айседоре Дункан.

Что поделаешь, у них свои книги и свои кумиры.

Темнеет в глазах, то на голубом, то на иссиня-черном фоне пляшут золотые искорки. Как я устал. Стоит закрыть глаза, начинают мерцать зеленоватым светом золотистые звездочки. Вот медленно поплыло перед глазами ярко-красное пятно, замерло, двинулось куда-то вниз, а сверху возникло новое пятно. Замелькали, будто на экране, причудливые фигурки. Человек — сложный и капризный аппарат, легко ломается, почти не поддается наладке. Изношенный, пришедший в негодность, но еще на что-то надеется, о чем-то мечтает. Путаются мысли, глухо колотится сердце в груди. Который теперь час? Пять или шесть? Сгущаются сумерки, скоро придет Хуачунь.

Я чувствую, как уходит время... И я вместе с ним... Куда? К своей Джомолунгме?

Мне видится снежное царство, потоки белейшего сверкающего льда — застывшие буруны, причудливо скрученные спирали, рябь набегающих волн. Но вот они с грохотом обрушиваются вниз, будто разом взлетели на воздух тонны взрывчатки. Взметнувшаяся пыль заслоняет солнечный свет, когда она оседает, видишь, что вершины уже нет, но вместо нее открылась полоска ущелья. Ты торопишься, и это отражает твое прерывистое дыхание, останавливаться нельзя. К черту целительные дыхательные упражнения, жизнь — это движение! Дядя, вы читали книгу о Дункан? Смеетесь? Прав был старик Эйнштейн, все в мире относительно, особенно время. Как ты живешь, Хуадоу? Я чувствую, ты подходишь все ближе, но почему-то молчишь... Куда ты идешь, наверное, тоже к Джомолунгме?

— Ты что это сидишь в темноте?

Вернулась жена.

— Тебе плохо?

— Все в порядке. Дождь уже прошел?

Перевод с китайского
З. АБДРАХМАНОВОЙ

К 90-летию Михаила Исаковского

Михаил ИСАКОВСКИЙ

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

СНОВА ЗАМЕРЛО ВСЕ ДО РАССВЕТА...

Снова замерло все до рассвета —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь,
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:

То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся — кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой.

Может статься, она — недалеко,
Да не знает — ее ли ты ждешь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко?
Что ж ты девушкам спать не даешь?!

КОМАНДАРМ

При свете лампы, в тихий час ночной,
Я раскрываю на столе тетради,
В которых — как солдаты на параде —
Мои стихи стоят передо мной.

Я выстроил их здесь — поэзии полпред,
Когда метель в мои стучалась двери,
Когда, пройдя по зарослям артерий,
Они потребовали
выхода на свет;

Я выстроил их здесь, когда цвели сады,
Тянулись ветки к солнцу благодарно...
И вот смотрю на темные ряды
Тревожными глазами командарма.

Я думаю: чтоб их отправить в путь, —
Достаточно ль они
прошли свою науку?
Быть может, командир
негоден где-нибудь,
Быть может, есть работа политруку?
Сумеют ли они
в такой суровый век,
В такое трудное,
ответственное время
Пробиться в глубь больших библиотек
И покорить читательское племя?

И если — нет, тогда скорбит душа,
И все ж мои решенья непреклонны:

Широким росчерком карандаша
Из строя вывожу я
целые колонны.

Я не щажу ни времени, ни сил,
Над ними проводя
часы свои ночные:
Я ставлю под перо,
я отправляю в тыл,
Я в батальоны отдаю штрафные.

Потом валюсь, усталый, на кровать
И засыпаю сразу, словно мертвый,
Чтоб завтра вновь и вновь формировать
Дивизий поэтических когорты.

И тем из них, что знают жизни ход,
Что бури переносят без тревоги,
Я говорю: отправиться вперед
И занимать печатные дороги!

СТИХИ МОЛОДЫХ

КОГДА ПРОЙДЕТ СКВОЗЬ СЕРДЦЕ ТРУДНЫЙ ДЕНЬ...

Поэзией теперь интересуются немногие, да и те, либо по необходимости чисто профессиональной, либо от случая к случаю. Удивительно при этом, что само слово «поэт» все еще вызывает в людях уважение и доброе участие. Очевидно, генетически живут в каждом образы Пушкина, Лермонтова, Есенина. Людям нужен такой образ-символ, который был бы им близок. Но как найти его в столь социально раздробленном обществе, каждый пласт которого вынашивает свои идеи, обладает своим словарем, намечает свои ритуалы, психологические и эстетические установки? Появились в мире устройства, способные расщеплять на атомы прекрасные сложные организмы. Вот и поэты такие появились, расщепляющие образ на составляющие его «молекулы». И чем больше синтетики и разрушения в жизни, тем больше этого и в поэзии. Появились неформальные молодежные объединения — появились их представители и в поэзии. Все это — молодежная мода. Поток сознания, вяло связанный мыслью и выдающийся за поэтическое видение мира, скорее понятен не как явление поэзии, а как протест против старого, во всем уже вторичного зарифмованного повествования. Молодежной же моде свойственна некоторая крикливость, экстравагантность, подчас поза. Все это от желания выделиться, понравиться. Те же болезни роста свойственны какой-то части молодой поэзии. Но желание понравиться всегда сопряжено с фальшью, неестественностью. Отсюда подмена индивидуальности придуманностью, созданием для себя маски. Так постепенно вместо естественной человеческой жизни с ее страстями и перипетиями люди уходят в придуманный ими мир, уходят «жить в голову». А народу нужна песня, которую он назвал бы своей жизнью и не счел бы очередной выдумкой. Естественно, что певцы «свалок велосипедных рулей» не будут приняты людьми, привыкшими общаться с живой природой. В конце концов, поэзия восходит на естественной почве, поскольку она не мысль-информация, а нимб над мыслью.

Именно такое понимание поэзии роднит молодых авторов, с которыми вы сейчас познакомитесь.

Игорь ТЮЛЕНЕВ уроженец Перми. Детские годы провел в леспромхозе на Каме. Серьезно увлекся поэзией в восемнадцатилетием возрасте. Первая его книжка — «Братина» — вышла в приложении к нашему журналу в 1983 году. После этого, став постоянным автором «Молодой гвардии», Игорь публиковался в журналах «Дружба», «Студенческий меридиан», «Молодежная эстрада», в альманахе «Истоки», вышли книги в Перми, в московских издательствах «Современник» и «Молодая гвардия». В 1987 году он стал лауреатом премии нашего журнала, а позже лауреатом премии Николая Островского.

Арсений КОНЕЦКИЙ вырос на Урале, в Свердловске. После окончания школы работал корреспондентом областной комсомольской газеты, служил в Советской Армии. Сейчас работает строителем и заочно учится на первом курсе Литературного института имени Горького. Серьезное увлечение историей несомненно оказывает влияние на становление его взглядов и выработку жизненной позиции. Сегодня мы можем поздравить Арсения с первой публикацией его стихов.

Александр АНДРЕЕВ — украинец, родился в Сочи. Затем с семьей переехал в Москву. Закончил Второй Московский медицинский институт. Работает врачом-анестезиологом. Его мы тоже поздравляем с первой публикацией.

Отрадно, что Игоря Тюленева, Арсения Конецкого и Александра Андреева роднит стремление исторически осмыслить путь русского народа от самых его истоков, поиск собственных корней, становление характера нашего современника в непростом нынешнем времени. Тем не менее — парадокс — ряд очень важных, серьезнейших проблем остаются вне поля их поэтического зрения. Поэтому я попросил их немного рассказать: О ЧЕМ ОНИ НЕ ПИШУТ И ПОЧЕМУ?

Евгений ЮШИН

Игорь ТЮЛЕНЕВ

ВЫРВАТЬ ИЗ ХАОСА ИСТИНУ

Я никогда не писал о рок-музыке. Чистота души молодого человека также нуждается в защите, как Байкал или Арал. Что происходит с нами? Ради заграничных тряпок носимся, высунув язык, по городам и весям Отечества, не замечая ни могил предков, ни вечных дат родной истории.

Несколько лет назад мне довелось побывать у своих земляков на погранзаставе, и я увидел, как подымались наши парни по тревоге, за ночь не единожды. Убежден, такие ребята умрут, если

надо, но не отдадут и пяди родной земли. А на «гражданке» некоторые из них вдруг продают душу «зеленому змию», или начинается идолопоклонничество року. Это одна и та же молодежь — и рок, я думаю, не страшен, если умело привить юной душе любовь к классике, народной музыке, духовному пению. Когда есть нравственный стержень в душе, тогда любой разберется в вечном и модном, сиюминутном.

Что такое знаменный распев, который передавался из поколения в поколение, от принятия христианства до XVII века, знают немногие. К сожалению, мы превратились в непоющий и неиграющий народ, мы не знаем слов наших народных песен, не можем исполнить несложные мелодии на простом инструменте. Вот и хватаем что посерей, попроще — рок-музыку и все то, что мы связываем с понятием «массовая культура».

Винить за это одних только молодых ребят нельзя. Им долгое время показывали не духовные Монбланы, а кочки типа «Голубые мальчики» (есть и такие группы на Западе). И, врубая магнитофон, неокрепшие души больше времени находились в «эмиграции», чем дома.

Еще я не пишу о проституции. После «Интердевочки» проститутки, особенно валютные, в глазах определенной части населения стали уже чуть ли не суперзвездами! Восемьсот долларов за одну ночь — это кое для кого весомый аргумент на любой поэтический довод. Долг писателя — вскрывать человеческие язвы, и к тому, что сказал, например, в «Яме» Куприн, ничего добавить впрямую, по-моему, нельзя. Меня в женщине привлекают Красота, Свет, Тайна, Материнство.

Подчас меня упрекают, что живу в городе, а много, мол, пишу о селе. Но, в конце концов, я родился и вырос в леспромхозе. Первые жизненные впечатления ведут за собой.

Беда города в том, что он заменил нам материальными ценностями духовные. Вот и возвращаюсь к духовному. Когда деды взрывали исторические и культурные памятники Отечества, то осколки рассекали души еще не родившихся внучат. В итоге из внуков выросли безжалостные потребители, которые разграбили собственную землю, выкачивая и выгребая ее недра.

У механиков бывают такие случаи, когда двигатель идет вразнос, и если его не остановить, то все вокруг разлетится. Необходимо остановить экологическую катастрофу, угрожающую не только моей родине. Вот где необходимо слово поэта, писателя, художника. Вот где мы должны консолидироваться, объединить свои силы и с помощью искусства что-то изменить в созидании современников.

Нужно вырвать из хаоса истину и отобрать у вертких лжепророков провидческий посох. Не забывая, что наша боль — это боль одного человека и всего народа. Только справиться бы...

Художник должен видеть главное, а уж что попадает в строку — город или село, — не суть важно.

На мутном гребне китча взметнулось много инородного и чуждого. Отечественные духовные маяки стали еще дальше и недоступней прежнего.

Самородное русское слово потускнело от хлама и мусора обедненной речи обывателя, душа которого не может пробиться к свету сквозь крепостную стену газетных штампов. И ухо подростка улавливает в первую очередь не божественные мелодии великих композиторов, а хруст червонцев.

ВЗЛЕТ

* * *

Прощай, земля.
Блестящий белый гром
Нас унесет за горы и за реки.
Внизу качнется
Стая птиц углом —
И вдруг Пророк
проснется
в человеке.
И взглянет вниз,
И обретет он Речь,
И, прозревая,
Наберется силы,
Чтобы, вернувшись,
Русский дух сберечь,
И города,
и пашни,
и могилы.

* * *

Я поздний потомок из рода славян,
По грудь погрузившийся в мертвые воды,
Спасенные мной, процветают народы,
Но некому перевязать моих ран.

Повсюду могилы и кости церквей,
Ни храмов вокруг, ни души не осталось.
И где милосердье сегодня и жалость,
Где светлые песни твои, соловей?

Что стало с отчизною бедной моей?
Поля затопили, язык оболгали.
Мы речью империи усмиряли,
Ломали хребты и свергали царей.

Расколют страну скоро Гоги-Магоги * —
Библейское племя лихих дикарей?..
Приходит весна из-за чуждых морей,
Да в избу не входит, стоит на пороге.

* * *

Променяли отцовское дело
На вокзал и чугунный свисток,
Чтоб за плечи неслись оголтело —
Слева запад, а справа восток.

Заржавели заветов скрижали,
Закипела вода в родниках.
По какой философской спирали
Дух мой будет кружить в облаках?

Но однажды душа надорвется
И вернется в родительский кров,
Проклиная гордыню сиротства
И высокие гнезда орлов.

* * *

Раздавлен берег золотой,
Вода отравлена корой,
И рыба прыгает на берег.
И трактор
Весь в тросах, как спрут,
И гусеницы землю рвут —
Природа никому не верит.

Что ж мы-то, с мировым умом,
Никак природу не поймем?
С размаха рубим сук могучий:
На том суку наш дом стоит,
И отрок по лугам бежит,
И дождь идет из хлебной тучи.

---

* Гоги-Магоги — в мифах иудаизма и христианства, воинствующие антагонисты народа.

* * *

Поднимаясь по кругу души,
Отметая обиду и злобу,
От родимой земли
Не спеши,
Не бросай ни поля, ни чащобу.

Вспомнишь дом
И увидишь вдали,
В окружении чистых черемух:
Наклоняясь до самой земли,
Мальчик смотрит —
Растет ли подсолнух?

Он дождется —
Подсолнух взойдет,
Он ручонками
Солнце обнимет.
От земли никуда не уйдет,
На земле никого не обидит.

* * *

Вот поселок,
Усыпанный зернами хлеба.
Как родная душа,
Он навечно в тебе.
Вот, стальными когтями
Цепляясь за небо,
Замаячил монтер,
Как орел на столбе.
Мимо школьных рябин
И берез златозвонных
Пролегает мой путь,
Мимо игрищ былых,
Мимо красной пожарки
И бабок проворных,
Тех, кто помнит меня
И всех близких моих.
Крякнет конюх в кулак,
Загудит конюховка,
Вздрогнет мерин,

Почувствовав силу в ногах,
И увижу — знакомая татуировка:
Синий якорь
И солнце в Уральских горах.
Ах, морская душа,
Добрый Виктор Иваныч.
Уж не ты ль,
Как заросший языческий бог,
На распутье моем,
Верный батин товарищ,
Обломал сапогами высокий порог?
В конюховке
Родителя вспомним степенно,
В царстве кожаной сбруи
На сосновой скамье,
Прослезимся с тобой, —
Наша боль неизменна
Да и ведома каждой
Российской семье.
Сердце мне успокоит
Родная сторонка.
За окном
Золотые плывут журавли.
Сеет дождь.
Бубенцы рассыпаются звонко,
Серебром
По моей растекаясь крови...

ДЕРЕВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Уж солнце греет вполнакала
Поляны, сосны и хребты,
Отроги горного Урала
И местность, где родился ты.

Гремят подойником селянки,
И ветер горьковат и сух,
И брызги золотой тальянки
Цветами сыплются на луг.

Ах, позабытая музы́ка!
Еще мерцает в генах ток:
Не вдруг расхристанно и лихо
Подпрыгнешь с пятки на носок.

Тебя поддержит хлесткой шуткой
Одна,
Плечами поведет
И, распускаясь незабудкой,
По кругу павой поплывет.

Ах, незабудка, незабудка,
Без памяти пускаюсь в пляс,
А в небе сизарь да голубка
Напомнят жителям о нас.

* * *

Отбив литовку в пойменных лугах,
Сгребаю в стог охапки золотые.
И клевера на солнечных лучах
Прекраснее, чем броши расписные.

Тебе одной я подарю наряд,
Не снившийся парижским модельерам.
Я не учен изысканным манерам,
А просто, как чудак последний, рад,
Что есть на свете небеса и ты,
Бегущая ко мне в осколках света.
И, кроме нас, есть люди и планета,
И летний день,
где мы с тобой чисты!

Пермь

Арсений КОНЕЦКИЙ

ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ СЛОВА

Для художника нет и быть не может тем «запрещенных», эстетически невоспроизводимых. Явленные миру языком художественного образа, размышления над острейшими проблемами современного общества, будь то наркомания или захлестывающая нас бездуховность, проституция или утрата корневых связей с историческими традициями,— не демонстрация своей сопричастности к тому или иному явлению, а потребность болящей души. Только глубокое ощущение жизни, осознание происходящих в обществе процессов, безграничная искренность, исповедальность каждого слова уберегут стихи от налета публицистичности.

Три года назад я задумал небольшую поэму, главный герой которой, этакий «князь барахла», фарцовщик, уходит служить в армию. И тут я почувствовал, как непросто удержать строку на высоком звучании, не дать ей сорваться до уровня накатанных риторических фраз. Стремясь максимально приблизить язык героев к разговорному (а поэма вся строится на «балдежно-молодежном» жаргоне), не перейти на пусть добротно зарифмованную, но прозу.

И когда стихи получаются более публицистичными, нежели поэтическими,— никому их не показываю. Потому, может быть, создается мнение, что не пишу на те или иные темы.

ЗОРЕВОЙ ДОЗОР

* * *

По самой верной и банальной схеме,
Из года в год — точней, из века в век —
Судьей всегда оказывалось время,
А подсудимым — грешный человек.

Но что-то вдруг в цепочке разомкнулось,
Рассыпалось в сознании людей —
И время, ускользнувшее, вернулось,
Как главный подсудимый и злодей.

И, слушая, как время грозно судят,
Крича про культ, репрессии, застой, —
Я вздрогнул, вспомнив, что живые люди
Шли горькою дорогой непростой...

И прежде, чем бросать в лицо упреки,
Историю размашисто кляня, —
Себя сужу, себе даю уроки,
Чтоб не проклясть сегодняшнего дня...

* * *

И ветер клонит ивы над рекою,
И слышится: колышется ковыль.
И оседает утренней росою
В духмяных травах звезд седая пыль.

Лечу, глаза распахивая в Вечность...
И, слушая дыхание земли,
Хочу, чтобы добро и человечность
Прохладными ладонями легли

На жаркое чело больной планеты,
Уставшей от разлада, войн и ссор...
Я — лишь частица солнечного света,
Отправленного в зоревой дозор...

РЕЧКА ЛОСИХА

Старый лось обронил над водою рога —
Заиграла, искрясь, у порога река.

Перекатом рогатым катая агаты,
Упирая в песок плавники-якоря,
Нельмы стадом идут вверх по дну переката
И на нерест несут по горсти янтаря.

Шелестит, шевелясь, шелковистая пена
На распахнутых жабрах, косых плавниках.
У истоков Оби и в верховиях Лены
В икряных отражается солнце боках...

Ты такой мне и снишься, речушка Лосиха.
В первотоках твоих, полновесно и тихо,
В непорочной воде вызревает икра...
Но грядет с человеком лихая пора.

И твои светлоструйные легкие косы
Расплетут катера торопливым винтом.
Спит душа человека в бензинном наркозе.
Динамит, разрываясь, кричит нам о том.

Люди властно поставят тебя на колени
Перед хмурым железобетоном плотин.
Закатают асфальтом тропинки оленьи
И усядутся слушать гуденье турбин.

Будут сети бросать там, где волны седы,
В рукотворное море умершей воды...

* * *

Где церквушки линялые главки
Льют на рощицу сонный свет,
На краю скособоченной лавки
Дремлет, зябко сутулясь, дед.

Драным валенком листья смяты.
Чуть распахнуто пальтецо.
Из подклада повылезла вата.
Серовато у деда лицо.

В стороне —
Лимонада бутылка,
Апельсины,
Конфеты «Полет»...
На фанерной крышке посылки —
Голубиный густой помет...

Дочь — с умом...
И сынок — «в науке»...
А вот с внучкой — морока-дым...
И большие, в морщинах, руки
Потянулись во сне к родным...

Дед очнулся.
Хотел подняться.
Но слезой замутился взор,
И — трясясь, крючковатые пальцы
Стали мять сухой «Беломор».

Закурил.
Успокоил руки.
Разогнал в голове туман.
И конфет для своей старухи
Насовал в дырявый карман.

...Но старухе
Конфет не надо.
Пятый год ничего не ест.
Проржавели прутья ограды,
Покосился железный крест.

Тихо дрогнут у деда веки,
Обнажая бесцветный взгляд...
Одиноко прошаркает ветер...
Вот еще один листопад.

ЗВЕНО

Среди различных утверждений
Мне верным кажется одно:
В цепи судéб и поколений
Жизнь наша — только лишь звено.
И тяжестью ночей бессонных
Понять потомкам суждено —
Насколько прочным и весомым
В цепи окажется оно...

* * *

Живя среди земных забот и дел,
Раздвинуть горизонт — не так-то просто:
Сложивши руки — ты бы не взлетел...
Не только ветер поднимает к звездам!..

Соизмеряя, кем ты был, кем стал,
Отбросив прочь замысловатость речи,
Пойми:
О камни точится металл
И тяжесть расправляет наши плечи...

Свердловск

Александр АНДРЕЕВ

ИЩУ НЕКРАСОВА

Так ли важно, что один поэт пишет о рассвете, а другой о закате, и оба не пишут о промежутке времени между ними? Главное — как и что они показывают через это. Рубцов сказал: «Ты тему моря взял и тему поля, а тему гор другой возьмет поэт!»

Стремление быть сопричастным к действительности — естественно. И всегда ли плохо, когда стихи приобретают «налет публицистичности» на фоне всезахлестывающего сегодня потока публицистики?

Может быть, чрезмерно критическое отношение к такому «налету» не всегда оправдано?

Я пишу почти обо всем и не считаю какую-либо тему недостойной пера. Но мгновенное реагирование на злобу дня мне как-то претит.

О наркомании, проституции стихами говорить не то чтобы стесняюсь, не то чтобы не готов из-за «внезапности» их появления, но, вероятно, просто не каждый поэт может явиться настоящим выразителем «язв общества», как Некрасов...

ВОКРУГ ПОСМОТРИ...

* * *

В роддоме мать оставила дитя —
Свое дитя,
которое носила
Под сердцем столько времени,
грустя,
И радуясь,
и ожидая сына...
Лишь первый крик,
как звонкая струна,
Ликующий,
раздался среди ночи...
— Мамаша, кто родился? —
Но она
Глаза закрыла и смотреть не хочет...
. . . .
Она ушла,
за ней закрылась дверь.
Такой беды
никто уж не поправит.
Да правда ли? Ведь даже дикий зверь
Детеныша в несчастье не оставит!

А может быть, она еще придет,
Моля вернуть, отдать, рыдая слезно?
Но вряд ли понимание найдет —
Раскаянье порой приходит поздно.

Очнется и начнет себя казнить
За глупую, бездумную «ошибку».

Что женщине сумеет заменить
Доверчивую детскую улыбку?

И станет в безысходности страдать,
Жалея, что не сделала иначе,
И тяжко будет ночи коротать
Наедине с тоскливым горьким плачем.

А малышу не суждено узнать
(Все в тайне благородной сохранится),
Что бросила его когда-то мать —
Давным-давно, едва успел родиться.

И радостные детские глаза,
И детский смех, заливистый и звонкий,
Одарят тех, кто с ним судьбу связал,
Кто жизни смысл обрел в чужом ребенке.

В роддоме мать оставила дитя —
И сердцем, и душою опустела,
Чтоб горько плакать много лет спустя...
Ее жалеть? — Она не пожалела.

* * *

Верю
в истины простые,
Жизнь считаю
не по дням.
Я корнями —
из России,
Я корнями —
сквозь Россию...
Сколько лет
стоит Россия,
Столько лет
моим корням.
Столько лет
смеюсь и плачу,
И живу
не наудачу,

Столько —
что-нибудь да значу,
И не значить
не могу.

Верю
в светлые истоки —
Не в изъяны,
не в пороки,
И, впитав
земные соки,
В сердце
веру берегу.

ОБЫВАТЕЛЮ

Ну что ж,
Иди,
бери,
владей,
Плыви себе без размышлений,
Средь множества чужих идей
Своей не замечая лени.

Благоустроенный вполне
И убаюканный дремотой,
Доверишься ее волне,
А думать будешь с неохотой.

Не беспокойся, пусть штормит,
Тебя «девятый вал» не тронет.
Пусть молний блеск, пусть гром гремит —
Пустое тело не утонет.

Живи, плыви, шепчи, ловчи,
Гордись умелым прозябаньем,
Валяйся дома на печи,
Не поддавайся колебаньям.

Ни суеты, ни маеты,
Душа не знает откровенья.
И удостоен будешь ты
Лишь страшной пустоты забвенья.

ГДЕ РОССИЯ?

Где Россия? — Да вот же она —
Не в пожарах жестоких сгорела,
Укоризненно-тихо со дна
Через толщу воды посмотрела.

Где Россия? — Да рядом со мной,
Неизбывная боль и забота.
Затянуло глаза пеленой
Рукотворное море-болото.

Где Россия? — Да видишь, плывет
Колокольня по глади безликой;
Средь бензином пропитанных вод —
Монумент бездуховности дикой.

Где Россия? — Вокруг посмотри —
На поля, что пропитаны ядом,
На химический отблеск зари
И на шлейф ядовитый над садом.

Посмотри, не забудешь вовек
Надруганья бесстыдного, злого.
Ужаснись, если ты человек,
За тобою последнее Слово.

Москва

Сакен ЖУНУСОВ

ТРОПА

Повесть

Рис. Ю. Макарова.

1

Новость была неправдоподобной, невероятной, но жители небольшого безымянного аула, расположенного у подножия невысокой безымянной горы, приняли ее спокойно и равнодушно, и это было непонятнее самой новости.

Да, о случившемся узнали все, кто, как говорится, имел уши, но не тронуло это никого. Предутренним часом Алима переходила от одной низко севшей глиняной лачуги к другой, стучала в дверь, в окна и тревожно говорила одно и то же:

— Исчезли Балзия с Аманаем... Исчезли Балзия с Аманаем... Исчезли Балзия с Аманаем...

Всех она оповестила о своем горе, но никого не взволновали ее слова, никто не вышел к ней из дома, не выразил сочувствия, не расспросил о подробностях, не посоветовал, как быть. Да, люди не повыскакивали из домов, не собрались вместе, не отправились на поиски, хотя бы в утешение бедной Алиме. Обошла она все лачуги, и опять тихо стало в ауле...

Была Алима вдовой. Уже исполнилось десять лет, как она потеряла мужа. Ее Аманаю было тогда три месяца. Кроме сына, на руках молодой вдовы осталась еще свекровь, бабушка мальчика старая Балзия. Словно вчера это было, но вот уж десять лет прошло. Десять лет беспросветной нужды. Да и как иначе могло быть? Без кормильца, без мужчины в доме только и сыщешь горе, бедность, нужду...

В тот злополучный день Алима отправилась в гости к одному дальнему родственнику. Это был шильдехан — праздник по случаю рождения ребенка. Домой Алима возвратилась поздней ночью, захватив с собою гостинец: накрытую полотенцем большую миску, до краев наполненную горячей салмой — лапшой с козьим мясом. Давно уж такого не было, и Алима заранее предвкушала, как она угостит бабку и мальчика. Вот для них это будет праздник так праздник.

В доме давно уже кончилось «земляное масло», так называли в тех местах и в те времена керосин, и приходилось пользоваться слабенькой жировой лампой с чадящим фитилем-мигалкой. Возвратившись из гостей, Алима — руки у нее были заняты миской с лапшой — привычно толкнула ногой никогда не запирающуюся дверь. В темноте поставила миску на пол и стала ощупью искать светильник, который всегда сама она ставила на выступ печи. Шарила долго и нашла почему-то на старом сундуке у входа в переднюю комнату. Это ее озадачило. Держа мигалку в руке, постояла в раздумье: стоит ли будить спящих. Жалко поднимать их среди ночи, но и велико желание угостить горячей

лапшой, да еще с козьим мясом. Нет, все-таки хорошо прямо сейчас отведать такое лакомство... К чему утра дожидаться? Алима решительно вошла в комнату.

Там не было никого.

Где свекровь? Где Аманай? И что могло с ними случиться в этом забытом и богом и людьми глухом краю? Не помня себя, Алима выбежала на улицу.

С криками: «Апа! Аманай! Где вы?» — обежала она вокруг дома, заглянула за сарай, за земляную печку, заглянула даже в яму с золой — нигде никого. Она обошла весь аул, спустилась в овраги... Ни бабки, ни мальчика нигде не было.

Между тем солнышко показалось над землей, аул вот-вот начнет просыпаться. И тогда Алима принялась стучать во все двери и окна.

Полусонные женщины и дети, зевая, со слипающимися спросонья глазами, отвечали одинаково: «А что им делать у нас? Нет их и не было... Эй, куда же денется больная старуха? Небось ходит по аулу или где-то неподалеку, прощается с жизнью и миром. Это, наверное, «бой жасау», последняя, предсмертная бодрость».

«Ничего себе — прощается с миром! — думала Алима. — Где же она может так долго ходить? Не могли же джинны оторвать ее от земли и унести? Хилую, немощную, после тяжелой болезни. Аманай, тот может куда хочешь уйти, а старуха — что за ходок... Куда же она направилась? В другой аул? Ведь еще только вчера она едва-едва выползла из лачуги, и Алима, и Аманай поддерживали ее с двух сторон. Шагнет и стоит, шагнет и стоит. Потом начинает кашлять. Куда уж ей далеко уйти...»

Но вот дня три назад бабка Балзия почувствовала себя немного лучше. Уже сама могла выходить во двор, подолгу что-то искала в шошале, рылась в дряхлом сундуке, перебирая что-то, хлопотала, будто собиралась в дальнюю дорогу.

Вспомнила Алима и еще одну странность. Обычно старуха очень строго придиралась ко всем словам и поступкам невестки, особенно болезненно воспринимала отлучки молодой женщины: хмурила брови, становилась замкнутой, молчаливой и вообще выражала всяческое неодобрение. Теперь же, когда Алима сказала, что приглашена на шильдехап, на праздник новорожденного, Балзия не сумела скрыть своей радости. За один час она наговорила невестке столько добрых и ласковых слов, сколько та не слыхала, наверное, за всю жизнь.

— Иди, доченька, иди. Ты и так у меня засиделась дома, чаще ходи к людям в гости. Ежели будешь всегда рядом со мной, думаешь — спасешь от смерти? Иди, милая, хоть немного побудь

вместе с подругами. Попоете, повеселитесь, душу отведете... Ступай!

Как только невестка вышла из дому, Балзия стала собирать в одно место все, что увязывала и прятала по углам все эти дни, и принялась спешно одевать внука.

Навернула ему портянки, натянула сапожки, спитые в прошлом году Омар-Томаром по ее заказу для внука.

— Аже, а куда это мы? — спросил мальчик, удивленный столь ранним и спешным сбором.

Зная, что на этом вопросы мальчика не кончатся, она, оглянувшись по сторонам, хотя в доме никого не было, строго шепнула ему на ухо:

— Держи язык за зубами! Мы идем на Саукеле!..

На Саукеле?! Мальчик чуть не закричал от восторга, но, помня предупреждение бабушки, сдержался. Раз надо держать язык за зубами — значит, надо. Аманай умеет не болтать лишнего, об этом все аульские мальчишки знают. Только почему надо об этом молчать? Зачем скрывать, что они идут на Саукеле? Пусть бы все знали! Нет, тут наверняка кроется какая-то тайна... Ладно, он об этом спросит у нее потом. Она доверила ему какую-то тайну, и неприлично теперь приставать с расспросами... А может, все же спросить? Нет — вдруг бабушка не возьмет его с собой на Саукеле!

Про эту гору — Саукеле — Аманай знает с тех пор, как помнит себя. Он слышал о ней много, даже видел издалека, но близко побывать не случалось.

Саукеле — это высокая горная вершина. Горный пик. Но люди ее прозвали не пиком, а Саукеле-горой. Да, она и впрямь Саукеле. Сияя белыми снегами зимой и летом, возвышается над остальными вершинами и очень напоминает головной убор невесты-казашки — саукеле. Лучи солнца играют на заснеженных камнях, и они кажутся богатыми украшениями из драгоценных камней, как это бывает на саукеле. Иной раз на Саукеле трудно взглянуть прямым взглядом — таково сиянье вершины и таков блеск камней. Летом облака почему-то особенно тянутся к красивой вершине, кружат вокруг нее или мирно лежат, обложив словно пухом. Иные, если поднялись столбом над вершиной, кажутся перьями филина на головном уборе невесты. В осенние дни вокруг вершины клубятся сизые туманы, они то вытягиваются будто пряжа, то вновь собираются в кудель и замирают без движения. А Саукеле возвышается над ними острой своей пикой, будто горделиво оглядываясь, любуясь собой.

В дождь и снег серые и черные плотные тучи скрывают от людей лик Саукеле, но когда прояснится — а обычно это бывает

утром, — Саукеле является еще более чистой и прекрасной, как чудесный белый шатер, омытый дождями. В такие дни она как будто приближается к людям, и иной раз кажется, что стоит Саукеле у самого края аула. В такие дни Аманаю хочется бежать к Саукеле.

Помнится, года два назад они с бабушкой плели на лужайке перед двором бойру из тростника и разговорились про Саукеле. Стоял ясный безветренный день, и Саукеле сияла в лучах солнца словно связка из жемчуга. Решив узнать побольше об этой загадочной горе, мечтая в душе поближе взглянуть на нее, Аманай спросил у бабушки:

— А можно взглянуть на Саукеле поближе?

— Нет, ты ее вблизи не увидишь. Она и взрослых-то близко не подпускает, не то что таких, как ты. К ней может подобраться лишь храбрец из храбрецов, смельчак из смельчаков. Повзрослеешь — сам поймешь почему, — так загадочно ответила ему тогда бабушка.

Аманай, опустив голову и обиженно надувшись, отошел было в сторону, но бабушка позвала:

— Ну иди сюда, иди, мой единственный, так уж и быть, расскажу тебе про эту гору Саукеле... Ступай ко мне...

Про Саукеле в народе из поколения в поколение передается одна долгая старинная история. Точнее, не история даже, а легенда. Многие рассказывают ее на свой лад, что-то добавляют, что-то пропускают, появляются новые имена, забываются старые... Бабка Балзия тоже рассказывала ее на свой манер, может быть, нарочно подгоняя легенду под казахские сказы, чтоб было понятнее внуку...

...Давным-давно в этих краях жили два мастера — золотые руки, два усто, прославившиеся своим ремеслом на весь край земли. Были они такими умельцами, что из дерева вили веревку, вязали аркан, железо могли тянуть как смолу, а камень месить, словно тесто... Из стекла могли сделать алмаз, а из гальки — жемчуг. Вот какие были мастера! Одного из них звали Саннат, другого — Зеннат. И были они равны в своем искусстве — что лепить, что точить, что золото в нитку тянуть. Даже характерами были схожи: оба честные, прямые, работящие. Так уж водится: где большие мастера, большое искусство — там и черная зависть, и непременно кто-то из них постарается напакостить другому. У Санната же и Зенната все сложилось иначе, каждый только радовался умению и искусству другого. А любили друг друга так, что один без другого за стол не садился и не принимался за работу. Они и внешне были похожи, будто братья. И вера у них была одна. Все различие их было лишь в том, что Саннат родился уйгуром, а Зеннат — дунганином. У Санната было семь дочерей, у Зенната — семь сыновей. Как только подрастала дочь, Саннат отдавал ее замуж за сына Зенната, и так у них узы сватовства не прерывались. Что странно и удивительно, дочери Санната не владели мастерством шитья, а сыновья Зенната — искусством ювелира, не передавалось им от отцов ничего.

В ту пору этим краем правил грозный хан Ми — ставленник чужеземцев, у которого с сабли постоянно стекала кровь, до того он был жесток. Прослышав об искусстве двух мастеров, он построил в их ауле огромный дворец, поселил в нем своего сына — горбатого Жаная, навез прислуги и велел Саннату и Зеннату: «Вы денно и нощно станете обучать моего сына своему ремеслу до тех пор, пока не сделаете из него мастера искуснее, чем вы сами. А если не приложите должного усердия, я велю отрубить вам головы и выставлю их сушиться на кольях». Саннат и Зеннат никогда никому не отказывали, не ленились делиться своим умением, и потому принялись обучать ханского сына своему ремеслу. Тот оказался удивительно способным ко всякому делу. На лету схватывал все, что показывали мастера, и вскоре стал даже в чем-то превосходить своих учителей...

Шло время, у Санната и Зенната вновь народились на свет младенцы. Только на этот раз у Санната — сын, у Зенната — дочь. То-то было радости! В семи местах поставили семь юрт — по числу поженившихся до этого старших детей Санната и Зенната, семь дней и ночей шло веселье, пели и танцевали. И посватали тогда же восьмую пару — еще младенцев в колыбели, назвав дочь Зенната Гульсаной, а сына Санната — Гиззатом. И по году не исполнилось детям, а уж слава о них разошлась по округе.

Молва о двух удивительных, сказочно красивых младенцах дошла и до лютого хана Ми, и однажды он приехал. Хан был настолько ошеломлен невиданной красотой двух младенцев, что забыл обо всем и от восторга и восхищения закатил во дворце своего сына пир, продолжавшийся несколько дней, и наконец, пресытившись, объявил:

— О мой народ, о моя многоликая чернь! Я созвал вас для того, чтобы вы разделили мою радость и веселье. Невестой моего единственного сына Жаная объявляю эту прелестную девочку по имени Гульсана, хотя она и дочь бедняка. С этого дня она станет жить и воспитываться в моем дворце, а когда достигнет совершеннолетия, я соединю ее с моим сыном и закачу такой свадебный пир, каких мир еще не видал!

Саннат и Зеннат упали к ногам хана:

— О великий наш повелитель, смилуйся над нами, бедными рабами твоими! Мы сосватали наших детей еще с колыбели. Не лишай нас последней радости в жизни, о великий и милосердный!

— О чем вы болтаете, о каком сватовстве? И здесь, и па сотни верст в округе все люди и дети их — мои рабы. Что я пожелаю, то они и должны исполнять. А твоего сына Гиззата, чтобы не разлучать детей, так уж быть, оставляю при Жанае и Гульсане малаем-слугой!

Жанай, а он был умный юноша и уже умелый мастер, воспротивился было решению отца, но, боясь его гнева и опасаясь, что этим он подвергнет двух малышей еще худшему наказанию, сделал вид, что покорился ему.

Однако втайне Жанай стал действовать против воли отца. Гиззата он сделал не слугой себе, а учеником и стал его учить всему тому, чему научили его Саннат и Зеннат. Гиззат тоже, как и Жанай, оказался очень способным мальчиком, чем удивил своего учителя. И Гиззат тоже превзошел учителя в своем ремесле.

Жанай погиб неожиданно — от несчастного случая. Они с Гиззатом постоянно уходили в горы, к одинокой высокой скале, чья вершина касалась туч. Много дней и ночей провели они там и возвращались оттуда всегда измученными. Что они там делали. в горах, никому не говорили, а тайно проследить за ними никто не отваживался.

И только в тот черный день, когда погиб Жанай, всем миром вышли люди навстречу горько плачущему Гиззату. Гиззат волочил за собой сплетенные из березовых веток носилки, на которых лежало разбитое тело учителя, прикрытое сверху листьями. Когда он высекал что-то на высокой скале, случилось страшное землетрясение...

Услышав о гибели сына, хан Ми взял с собой многотысячное войско, будто шел на врага, и помчался в аул, а потом — к месту, где Жанай погиб. И там хан и его войско — все стали, пораженные увиденным высоко на скале.

За два года Жанай успел высечь на огромной скале образы двух младенцев, похожих на ангелов. И все узнали в них Гульсану и Гиззата, и были поражены удивительным мастерством Жаная, и покорно склонили головы, и заплакали, горько восклицая: «Бедный Жанай!»

Праведные младенцы смотрели, улыбаясь, на мир, и казалось, будто они силятся что-то сказать друг другу, но, вытянув узкое раздвоенное жало, снизу по скале подползает к ним зеленый огромный змей — абжилан. Вот чья-то могучая рука схватила змея за самую шею и душит, сжимая все сильнее... Незаконченной осталась голова змея, но снизу каждый мог увидеть, что она очень похожа на человечью. И не просто человечью, а на голову хана Ми. Вот торчащие по сторонам уши, губы, растянувшиеся в ядовитом шипении. Резец мастера лишь обозначил каменно жестокие глаза, поблескивающие холодными стекляшками. И все это точь-в-точь как у хана. Найдя такое сходство, все собравшиеся затаили дыхание от ужаса.

Все повернули головы к хану Ми, однако тут же брезгливо отвернулись, содрогнувшись душой, будто и впрямь увидели змею. Хан все понял и от ярости весь побелел. Змеиные глазки налились кровью, зубы-резцы выдвинулись вперед... Он отдал своему войску приказ уничтожить творение рук своего сына, так, чтобы скала стала чистой, как прежде. Тысяче воинов дали в руки тысячу молотков и зубил, подвязали их тысячью арканов и спустили с вершины скалы туда, где были высечены Жанаем фигуры прекрасных ангелов и лютого змея.

Словно саранча облепили воины хана каменную стену. И днем и ночью железо крошило камень. Что ни день прекрасное творение мастера все более превращалось в безобразное, бесформенное скопление ям и выступов. У многих воинов арканы перетирались об острые углы камней, многие падали к подножью скалы. Там образовалось уже целое кладбище, но хан Ми и не думал прерывать свое черное дело. Покорные воины молчаливо и безропотно продолжали стучать молотками. Вся степь вокруг гудела от скрежета и стука, и только когда у самого хана зашумело в ушах и потемнело в глазах, только тогда хан приказал воинам остановиться, и те прекратили терзать скалу.

Много лет снега и дожди омывали изуродованный лик скалы. Многое смыла вода, заровняла она глубокие раны, и остались на скале только следы, как на лице человека, переболевшего оспой. Местные жители так и прозвали этот камень Шубартасом, то есть Рябым.

Однако хан Ми и на этом не успокоился.

Он призвал к себе Гиззата и при всем народе провозгласил:

— Вместо того, чтобы быть слугой своего господина, малаем, ты тайно учился его ремеслу! Значит, ты — вор! Ты украл у него тайну искусства. А помогли тебе в этом твоя правая рука и пять пальцев на ней. За первый случай воровства ты лишаешься кисти правой руки, а если украдешь еще раз, тебе отрубят левую.

И палачи отрубили ему правую кисть.

Мести неумолимого и бессердечного хана Ми не избежала и Гульсана. Хан сказал ей:

— Теперь тебе никогда не сойтись со своим любимым, с тем, кого избрала ты своим сердцем. От тебя никогда не произойдет никакого потомства. Ты должна навек проститься со словом «мать». Отныне ты будешь игрушкой в руках того, кто пожелает поиграть тобой, позабавиться. Ты будешь утехой на время, переходить из рук в руки. Имя твое отныне — Тэ-Тэй.

С этими словами хан приказал запереть Гульсану во дворце и приставил к ней слуг-сторожей. А придумал он вот что. Юное тело девочки, гибкое и податливое, как ивовый прут, он приказал крепко запеленать в прочную шелковую ткань, начиная от пальчиков ног и кончая шеей. Так, чтобы проходили годы, чтобы девочка зрела, расцветала, взрослела, но чтобы тело ее по-прежнему оставалось детским. Он надумал превратить девушку в живую куклу. Хан приказал время от времени менять повязки, но совсем снять их только тогда, когда девушке исполнится восемнадцать лет. Тогда-то это и будет игрушка с прекрасным лицом созревшей девушки и с кукольным тельцем. Вот что надумал жестокий и мстительный хан... Время шло, шли годы. Когда хан Ми решил, что Гульсана, она же Тэ-Тэй, совсем созрела, он послал гонцов-глашатаев во все концы света. Гонцы кричали: «Живая кукла Тэ-Тэй, она же Гульсана, достигла расцвета! Каждый, кто хочет подержать в руках живую забаву и усладу, должен сшить для нее головной убор невесты, украсить его золотом, серебром, жемчугом, драгоценными камнями и бисером. Чей головной убор понравится Тэ-Тэй больше всех прочих, тот будет первым играть с этой куклой. Очередность остальных ее хозяев и временных владельцев будет устанавливаться по красоте и ценности остальных шапок. Какую из них наденет хан Ми на голову живой куклы, того и очередь. Шапка остается во дворце и становится собственностью хана Ми. Состязание будущих владельцев живой куклы и смотр шапок состоится будущим летом, и по желанию Тэ-Тэй, в яркий солнечный день. Хан дает всем на подготовку целый год!»

Этот клич, разнесшийся по всему свету, достиг и многочисленного племени, обитавшего за семью горами, на берегах семи рек. Именно в ту страну убежал Гиззат. Не мог он уж ступать по родимой земле, видеть родное солнце над головой — боялся мести хана Ми. И вот узнал, что его Гульсану будут разыгрывать как вещь, что она должна попасть на дележ. Его и без того изболевшееся сердце разрывалось на части, душу жгло нестерпимым огнем. Не зная, что предпринять, он пошел к знаменитому в тех краях мудрецу, к столетнему аксакалу Садыру, и рассказал ему о своей печали.

Мудрец выслушал горестную историю юноши, надолго задумался, а потом сказал: «То, что ты решил рискнуть жизнью для того, чтобы спасти Гульсану, — это решение правильное. То, что Гульсана пожелала выбрать головной убор в яркий солнечный день — неспроста. Подумай над этим хорошенько. Если бог даст добраться до нашего племени — тут вам обоим спасение и кров над головой. На этом пути только сердце тебе советчик и проводник, а искусство твое — поддержка. Готовься. На том мое искреннее и белое благословение! Аминь!»

Ободренный советом мудрого старца, Гиззат забыл про еду и сон, стал готовиться к роковому событию...

Через год, в один из самых ярких солнечных дней, все желающие заполучить живую игрушку собрались на широкой долине, у подножья горы. Словно вороны, слетевшиеся на падаль, съехались отовсюду сумасбродные баи, торговцы-богатеи, государственные чиновники. Посреди круга на высоком помосте с лестницей выставили живую куклу. От красоты ее люди отводили глаза. Стояла она, опершись на серебряную трость, чтобы не упасть от дуновения ветра. Она была без одежды, лишь ноги обуты в хаи, расшитые золотом. На золотом троне сидел хан Ми. Когда солнце поднялось над горизонтом на высоту, равную длине аркана, он поднял жезл, дал знак. И тотчас все собравшиеся здесь стали доставать из хорджунов и сундуков головные уборы, изготовленные самыми лучшими мастерами. Один за другим они стали класть их к ногам Гульсаны.

Все, кто участвовал в состязании и кто пришел посмотреть на эти необыкновенные торги, замерли, затаив дыханье от красоты, которой превосходили друг дружку головые уборы разных племен, обитавших в этих краях: ойротов и торгутов, дунган и уйгур, боятов и дурбутов, элетов и захшин...

Когда хан увидел все это богатство, у него глаза загорелись от алчности. Но ни один из уборов не понравился Гульсане, и скоро около помоста образовался целый холм из отвергнутых ею шапок. Блеск золота, серебра, драгоценных камней слепили глаза хана, он едва сидел на месте и лишь глупо улыбался, выставив вперед два клыка.

И вот, когда солнце уже поднялось в зенит, а людей с подношениями больше не стало, откуда ни возьмись с громким топотом прискакал странный всадник, какого в этих краях никогда не видели. Не поприветствовав никого, не спросив ни у кого позволения, на полном скаку он достал из хорджуна, притороченного к седлу, какой-то сверток, и тотчас у зябнувшей даже под лучами солнца Гульсаны к щекам прилила кровь, она расцвела вдруг, как степной тюльпан, и с нежной улыбкой подала хану

знак. Это означало: мне нравится подарок этого человека, я избираю его, я хочу надеть его головной убор.

Хану не понравился чужеземец, появившийся неведомо откуда, он вскочил и крикнул зычным голосом: «Ты прежде надень эту шапку, а мы все посмотрим!»

Неизвестный всадник развернул сверток и стал надевать головной убор на голову Гульсаны... Хан Ми и все собравшиеся — а они кишели как каракурты, — ахнули и, закрыв глаза ладонями, опустили головы. Головной убор был богато украшен камнями, и когда на них упали лучи солнца, озарился весь подлунный мир, и у собравшихся потемнело в глазах.

Старый Ми пристально наблюдал за неизвестным, и когда тот разворачивал свой сверток, заметил, что правая рука его лишена кисти! Тотчас он закричал страшным голосом: «Держите его, держите, это вор Гиззат! Стража, хватайте его, держите!»

Но Гиззат уже посадил Гульсану на коня и сказал:

— Обними меня за пояс, закрой глаза и крепче держись.

Он стегнул коня и помчался, разрезая толпу.

То, что он надел на голову Гульсаны, была саукеле, какие надевают невестам многочисленного племени, обитающего за семью горами, по берегам семи рек. Целый год он лазил по горам, бродил по долинам, по берегам рек и озер, искал и собирал драгоценные камни богатого края, шлифовал их, превращая в искусные изделия, шил красивые узоры, и все это сияло и сверкало на солнце жарче истинного, чистого золота, ярче жемчуга и серебра, будто само излучало огонь.

Беглецы направились в сторону гор. Тысячи мужчин с воплями целый день гнались за беглецами, но до самого вечера не смогли даже немного приблизиться, потому что сияние саукеле било им в глаза, им приходилось натягивать поводья коней, сдерживать их бег.

Только к вечеру, когда солнце уже пало к земле, Гиззат и Гульсана достигли гор. Теперь и сиянье саукеле уже не помогало им. Вместе с солнцем померкли и драгоценные камни. Теперь саукеле для погони превратилось в звезду путеводную, что, мерцая далеко впереди, поднималась все выше в горы... Когда беглецы достигли уже седловины гор, пал под ними конь. Но Гульсана с ее кукольными ножками не могла бежать. Она уже потеряла свою серебряную палку, на которую обычно опиралась, потеряла и расшитые золотом туфельки. Гиззат подхватил Гульсану на руки и побежал к горному хребту, заросшему густым лесом.

Горы становились все выше, а скалы отвеснее. Преследователи тоже были вынуждены оставить коней внизу и теперь карабкались кто как мог. Вскоре шумная толпа начала окружать беглецов.

Потеряв все надежды на спасение, Гульсана сняла с головы саукеле и горько заплакала, обращаясь к всевышнему: «О Тангри, или поскорее пошли на небеса свое солнышко, или разверзни небеса и возьми нас к себе, но как-нибудь спаси от этих кровожадных и жестоких разбойников. Не смогли мы достичь страны, которая лежит за семью горами по берегам семи рек».

Так молила Гульсана всевышнего, и горько плакала, и воздевала руки.

А происходило это, оказывается, в пору поста ораза, и ночь эта была не простая, а ночь Кадыр. В эту ночь, говорят, открываются врата неба, но только не каждому дано это увидеть. Но если кто увидел, тот может пожелать и попросить у Тангри что угодно, и желание это исполнится. Надо только успеть произнести свое желание, и чтобы было оно одним-единственным.

И вот, когда кровожадные преследователи уже тянули руки к несчастным молодым людям, небо раскололось надвое, стало светло как днем, все вокруг заполыхало разноцветными лучами. Гульсана, боясь не успеть, одним духом выпалила свое желание: «О владыка мой и создатель, пусть все, что вокруг нас, превратится в лед!»

Тотчас небо опять соединилось, закрылись врата небесные, и в то же мгновение белая саукеле Гульсаны превратилась в высокую вершину, покрытую льдом и ослепительно белым снегом, а Гиззат и Гульсана, как сидели обнявшись, так и остались внутри этой вершины. Белый шелковый жаулык* накрыл шатром озеро, ближайшие хребты и застыл на них вечными ледниками. А преследователи обратились в уродливые глыбы льда, в ледяную коросту. Перья филина, украшавшие саукеле, обратились в белое облачко, которое до сих пор плавает в небе вокруг вершины. Сама вершина Саукеле потому так нестерпимо ярко сияет на солнце, что сияют это драгоценные камни, которые были нашиты и на макушку шапочки, и на ее лобовую часть и свисали по щекам, как бахрома. Правда ли все это было или нет, но до сих пор говорят: «Если хочешь узнать могущество бога — поднимись в горы». Так говорят...

Долго потом Аманай приставал к бабушке с расспросами:

— Бабушка, а что, шапка-саукеле вся превратилась в лед?

— Да, стала она ледяной вершиной.

— А Гиззат и Гульсана тоже обратились в лед?

— Да, стали они ледышками.

— И теперь никогда не оживут?

* Жаулык — широкий платок.

— Может, и ожили бы, да как ты их вызволишь из-под горы?
— А разве нельзя гору сдвинуть с места или перевернуть?
— Нет, конечно. Их можно спасти только в ночь Кадыр, когда снова раскроется свод небесный, да и то если успеешь высказать единственное свое желание.
— Тогда почему же мы не пойдем и не спасем их? Бабушка, давай пойдем на гору и станем там ждать ночь Кадыр!
— Э-э, милый мой Аманай, туда добраться не так-то просто...
Аманай давно уже заметил, что всякий раз, как только заходит речь о землях по ту сторону Саукеле, у бабушки в уголках глаз, обведенных красными веками, появляются и дрожат капельки слез. Мальчик догадался, что за всем этим хранится какая-то, наверное, глубоко запрятанная тайна. Сердцем Аманай это понял, но расспрашивать бабушку не стал. Конечно, до конца-то он ничего не понял, она же каждый раз на самом интересном месте вдруг замолкала.
И вот к той самой сказочной горе Саукеле ночью, тайком направились двое — старый да малый, и теперь уходят от аула все дальше и дальше.
Когда они вышли в путь, в окнах аула только зажигались блеклые огоньки. После трудового дня люди готовились ужинать. В сумерках на двух запоздалых путников никто не обратил внимания. Да если бы и увидели, никому и в голову не могло прийти, что эти двое отправились на ночь глядя в далекий путь. Только собака, возвращавшаяся с мышкованья в степи, повстречалась им на краю аула и, тявкнув на всякий случай два-три раза, лениво потрусила домой.
Старуха с короткой палкой в руке, со спаренным хорджуном, перекинутым через плечо, идет впереди. Позади семенит мальчик, и через его плечо переброшен такой же хорджун. И вообще он очень похож на бабушку, только пока еще маленький. Путники идут молча и торопливо.
...Они шли долго. Аманай то вглядывался в маячившую далеко впереди вершину Саукеле, то оборачивался назад. Это он пытался определить, много ли прошли и сколько еще предстоит идти. Пройденный путь он определял по слабеющим огонькам аула. Постоит немного, посмотрит на огоньки, словно запомнив их про себя, и бросается догонять бабушку, которая шагает и шагает как заведенная, не оглядываясь назад. Огоньки аула постепенно отдалялись, мелькали и словно таяли, а вершина Саукеле не приближалась нисколько.
Аманай впервые покинул аул и ушел так далеко от него да еще и в ночное время. Все вокруг было и интересно и чуждо. То он слышал всхрапыванье лошадей, пасущихся возле аула, то

перебрехиванье собак. Потом все эти звуки исчезли, словно аул проводил двоих своих жителей и навсегда распрощался с ними. Исчезло все, остались только ночь да луна. Земля погрузилась в пустынную тишину.
Аманай заметил, что степной воздух вокруг, сначала прозрачно-зеленый, как в сновиденье, стал мутнеть и принимать печальный цвет. Потускнела впереди и вершина Саукеле. В лицо Аманаю пахнуло вдруг холодом. Это с чернеющих гор потянуло самалом — утренним ветерком. Обжигает этот холодный осенний ветер. Впервые за время пути Аманай почувствовал озноб, его передернуло от холодной волны, пробежавшей по телу. Теперь он старался держаться поближе к бабушке, чуть не наступая ей на пятки, а иногда, словно боясь, что кто-нибудь подойдет сзади и схватит его за плечи, Аманай забегал вперед по тропинке — и оглядывался со страхом.
Бабушка всю дорогу ни разу не оглянулась и ни разу не раскрыла рта. Но вдруг она остановилась, стала прислушиваться.
— Постой. Слышишь? Или у меня в ушах шумит, или это чей-то голос?!
Бабушка показалась Аманаю испуганной. Это испугало и его самого. Он тоже молча стал слушать. Голос, послышавшийся впереди, наводил ужас. Он был еле слышен — плач ли, стон ли...
И жалостлив был он, и страшен. Порою стон этот прерывался частыми мелкими всхлипами и опять переходил на тягучее стенанье. Порой казалось, что человек мычит. Да, голос явственно слышался откуда-то спереди. И совсем недалеко, почти рядом. К человечьему голосу теперь время от времени присоединялся какой-то шепелявый скрип. Теперь можно было определить, что это слабый скрип колес арбы. Вскоре показалась и сама арба — вместе с тенью, падавшей от лунного света.
Балзия схватила Аманая за руку и потащила в сторону от дороги. Они оказались в густых зарослях чия.
Когда небольшая, словно бы игрушечная арба, запряженная осликом, поравнялась с кустом, за которым прятались путники, Аманай узнал, кто это едет. Это был куцерукий и колченогий Омар-Томар из их же аула. Сам он лежал в арбе, его не было видно, слышно было только, как он рыдал и стонал свою песню.
— Ну это же дедушка Омар-Томар из нашего аула.
— Ну и что тебе от него нужно? — сурово спросила бабушка. — Сиди и молчи.
Аманай вспомнил предупреждение бабушки, когда они выходили на дорогу: «Никто не должен знать, куда мы идем», и виновато умолк.
Почему их поход надо держать в глубокой тайне? Почему она

испугалась Омара? Ведь он единственный во всем ауле человек, с которым она делится всем, советуется, подолгу разговаривает. Он слушает ее и кивает, и она слушает его и кивает. Можно было бы сказать, что они во всем ауле лучшие друзья.

Этот Омар несчастный старик, у которого обе ноги отрезаны выше колен. Поэтому и зовут его «чулак-пал» — «колченогий». Сам он — сапожник. Единственный человек в ауле, умеющий латать, чинить обувь. Он шил бы и новую, если бы был у него материал. Перешивает иногда из старья. Детей у него нет и не было никогда. И скотины никакой не водилось, кроме ослика, которого он запрягает в арбу. Есть у него, правда, жена — тронутая умом Канипа. Никого и ничего больше нет у бедняги...

Говорят, старуха его лишилась рассудка давным-давно, когда была еще молодая. Умишка у нее осталось лишь настолько, чтобы иногда обменяться с людьми словом-другим. И на это ее едва хватает, рассудок тут же мутится. Проходят годы, а она ни с кем не общается, ни у кого ничего не просит, даже из дому не показывается. Живут калеки вдвоем, наверное, ухаживают друг за другом. Но страшной бывает Канипа, когда у нее начинается острый приступ болезни. Это бывает лишь весной, когда бурно тают снега, и в осеннюю непогоду, когда беспрерывно идут дожди, Канипа тогда совсем не помнит сама себя. Рвет на себе одежду и голая садится плакать посреди аула. И поет, поет какую-то бессмысленную песню с непонятными словами. Потом начинает хихикать сама с собой. Потом снова следует песня с бессмысленным набором слов.

Эй, ангек, ангек *,
Мою жемчужину отдай,
Мою жемчужину возврати,
Я сама ее буду хранить...

О том, какая беда приключилась с Канипой, отчего она сошла с ума, знают старики, а молодежь ничего не знает. Легко ли двум несчастным, двум искалеченным нести свою ношу?! Вот почему никто слова дурного не может сказать Омар-Томару, хоть чем-то его попрекнуть. Раз в два, а то и три месяца он с немалым трудом запрягает своего осла в свою маленькую тележку, забирается в нее, переваливаясь с култышки на култышку, и уезжает куда-то. Никто не знает, куда. У кого напивается, с кем что пьет — тоже никому не ведомо.

Но известно, что на другой день Омар-Томар обязательно приходит к Балзии, бабушке Аманая. Он что-то рассказывает ей подолгу, а она переспрашивает, просит рассказать еще раз, и так они сидят и шушукаются целый день.

* Ангек — трещина в леднике.

2

Прекрасен месяц май — по-казахски мамыр — в Семиречье, благодатен край — Семиречье! Весной и в начале лета его вполне можно называть земным раем. Долина семи рек вся в это время в буйном цвету. Она, как яркий ковер, играет всеми красками, она прекрасна, как невеста в день свадьбы, разодетая во все легкое, воздушное, дорогое.

Копни в это время землю — и кажется, выступают на земле капельки жира. На плодородной земле быстро поднимаются сочные травы. Ветер легким своим и теплым весенним дуновением гонит по степи зеленые волны. Реки, сбегающие с гор и текущие как бы наперегонки друг с другом, до краев наполняют свои русла и готовы вот-вот выплеснуться из берегов. В прибрежных тугаях щелкают соловьи, кукуют кукушки. Повсюду стоит веселый, неумолчный гомон прилетевших птиц. Все живое в этом краю празднует наступление весны и лета.

Два охотника, отправившись из аула спозаранку, провели целый день в горах. Когда солнце начало опускаться по другой полусфере неба, они перебрались поближе к аулу и в широкой лощине пустили своих коней пастись. Устали за день охотники, устали и кони. Но если кони, как только их отпустили на свободу, сразу же потянулись к свежей траве, то всадники — а это были молодой джигит и девушка — словно позабыли, что целый день провели в седле. Спешившись, они насобирали в кустарнике хворосту, развели огонь, над огнем установили треногу, на треногу повесили котелок с родниковой водой.

Вся-то добыча незадачливых охотников за весь день — три кеклика, три горных куропатки.

— Вот так охотнички мы с тобой, — ощипывая птиц длинными белыми пальцами, усмехнулась девушка. — Охотились, можно сказать, от зари до зари, а добыли всего лишь трех птиц. Стыдно отцу сказать. Здесь съедим или, может, домой отнесем, похвалимся?

— Конечно, здесь: на вольном воздухе у еды совсем другой вкус. Домой нам, пожалуй, ничего нести не придется. Да и какая сейчас охота. Птицы еще худые — кожа да кости. А мы размялись, горным воздухом подышали — и то польза!

— О-ох, не знаю, сегодня, судя по твоим повадкам, не на дичь ты охотился и не чистый горный воздух был тебе нужен. У тебя на уме было что-то совсем другое! — Девушка изогнула и без того крутую бровь, испытующе поглядела на парня.

Раздетый по пояс, худощавый, крепкотелый джигит с треском ломал об колено сухие толстые ветки, бросая их в огонь.

— Не спорю, что может быть чудеснее, чем встреча после долгой разлуки со своей любимой невестой, да еще в горах, благоухающих всеми ароматами земли! И каким вкусным после этого должен оказаться бульон из дичи на чистом воздухе! Язык проглотишь!

— Ладно, ладно, не пытайся выкрутиться. Ты меня, знаю, взял с собой только для отвода глаз. И охота тоже — так, для виду. Думаешь, не вижу?

— И что ты этим хочешь сказать?

— Что я скажу?! Одно скажу: можешь таиться от кого угодно, но со мной зачем играть в прятки?

— Какие еще прятки?

— Почему ты так упорно обшаривал горы? Совал нос во все углы, щели, ущелья?!

— А чему ты удивляешься? Разве раньше, совсем еще детьми, мы не лазили по тем же местам, когда отец твой брал нас с собой? Что странного и загадочного ты теперь в этом находишь?

— Если ты и вправду вышел охотиться, то где ты был, когда перед самым твоим носом пробежало стадо горных козлов? Почему же ты не стрелял? И почему мне не дал выстрелить?

— Жалко стало. Как в таких редких животных стрелять?

— Если жалко убивать, какой смысл выезжать на охоту? Лучше признайся, что ты не хотел громкими выстрелами высоко в горах вспугнуть табунщиков и пастухов.

— К чему это ты клонишь?

— А к тому — ты вышел в горы, чтобы выслеживать табунщиков и скот. Чтобы со стороны понаблюдать за ними.

— Так ты, оказывается, сама все знаешь, что же у меня спрашиваешь?

Парень и девушка зло уставились друг на друга. Звали их Атымтай и Балзия.

Атымтай — сотрудник ОГПУ. Классовое происхождение — из бедняков. Балзия — в прошлом году вернулась в аул, окончив в городе акушерский техникум. Сидит дома, не работает. Классовая принадлежность — дочь бая.

Воспользовавшись выходным днем, Атымтай приехал к Балзии. Невинная цель — навестить невесту. Но заодно и проверить слухи, поступившие из этого аула от соглядатаев, которые сообщили: «Перед прошедшей конфискацией местные баи спрятали много скота и держат его высоко в горах...»

Атымтай думал: «Если просто собрать всех местных скотовладельцев и провести расследование, они, конечно, отопрутся от всего, не скажут, где прячут скот. Поэтому важно не спугнуть их раньше времени, не разглашать целей, а сначала вызнать, где пасутся их несметные стада, скрытые от конфискации, и накрыть с поличным». Приехавший с такой целью Атымтай, чтобы не вызвать подозрений, взял с собой невесту и выехал, как это делал не раз и раньше, в горы.

Чуткая и восприимчивая ко всему, она сразу заподозрила неладное в той «охоте», которую затеял Атымтай. Он, знающий в горах каждый камень, каждую тропу и скалу, каждое ущелье и речку, как он мог не знать, что не может быть в это время в горах никакой охоты!

Еще больше Балзия утвердилась в своем подозрении, когда увидела, что табуны, попадавшиеся им в том или ином глухом ущелье, Атымтай объезжает стороной...

— Ох, и характер у тебя! Из-за пустяка на стенку лезешь. Обидчивая ты.

— Да и ты не лучше. Что в крови, того уже не вытравишь. А без характера и человека не бывает. Ничего, притерпимся. Но самое страшное — это подозрение.

— Что же это за подозрение?

— А то, которое живет между нами. Я не обидчивая, ты не прав. Просто чем больше ты подозреваешь баев, живущих в этой округе, тем все подозрительнее относишься к моему отцу и ко мне. Я даже не виню тебя за это, но боюсь, что это твоя подозрительность не пройдет и тогда, когда мы поженимся и станем жить вместе, что она станет врагом, преследующим нас всю жизнь, постоянно будет висеть над нами, как меч. Потому, когда я чувствую, что ты недоговариваешь, скрываешь, что у тебя на сердце... Мне кажется, что ты мне не доверяешь именно потому, что я — байская дочь, и невольно укоряешь меня за это. Наверное, нам все-таки не по пути — не сойдемся мы...

Атымтай сидел, сжимая пиалу большими сильными пальцами так крепко, что казалось, вот-вот раздавит ее, но молчал, шумно потягивая кумыс. Он не перебивая слушал Балзию. Однако при последних словах не выдержал и, вскинув голову, сердито глянул на девушку:

— Это все, что ты хотела сказать?

— Я говорю, может, и горькие слова, но зато истинную правду. А ты понимай как хочешь.

— Я тебя долго слушал, теперь ты меня послушай. Только, прошу, не перебивай!

— Говори.

— Посмотри на девушек, что окончили техникум вместе с тобой. В меру сил они стараются отблагодарить Советскую власть, отдают все силы для служения новому времени, новой эпохе —

заману. Ты подметила верно: сегодня я выехал, чтоб разведать, где баи прячут свои скрытые от конфискации табуны. Где они? К самым снежным вершинам мы с тобой не добрались. А сколько там скота? Кто пасет? Да те же несчастные малаи, жалши. Забитый, темный народ. Мы хотим их собрать воедино, создать совместное хозяйство — колхоз. А баи мешают нам. Сама знаешь, вот в соседнем районе есть русские колхозы — «Энергия», «Новый путь». Почему бы нам не взять с них пример? Почему мы не можем объединиться? Потому что есть люди, которые вносят разброд, пугают колхозами. Пусть нас мало — тех, кто получил образование, кто владеет грамотой. Почему бы нам не взяться за просвещение этих людей, не давать им советов, не вести агитации? Вместо этого... вот ты, к примеру, уже почти год сидишь дома сложа руки...

— А что мне делать, как не сидеть? Ты создал условия для моей работы? Ты обеспечил меня лекарствами, медикаментами?

— Да, пока с этим трудно. Перебирайся в район. Ты одна из первых казашек с образованием. Может быть, стала бы со временем первой ученой в степи.

— Ох-хо-хо!..

— А что? Новая власть принадлежит народу. Мне это Протазанов каждый раз твердит...

— Я бы перебралась в район, да как отца одного здесь оставить...

— А если мы не сегодня завтра все-таки поженимся, тогда что? Так в ауле и останемся?

— Нет, конечно. Тогда другое дело. Тогда, может, и отец переехал бы с нами, стал там жить. — Балзия задумалась. — Нет, пожалуй, он отсюда никуда не двинется. Как он оставит аул, братьев, сестер, детей? Здесь могила матери. Это ведь родина предков — как он ее оставит?!

— Весь семиречный край — это родина предков. Ты о другом подумай... — Атымтай хотел что-то сказать, но проглотил слова. — Знаешь, давай лучше поговорим о другом: как нам скорее предстать перед твоим отцом и объявить ему, что мы хотим пожениться. Сколько ты можешь торчать возле него? Не захочет ехать с нами, пусть остается. Пусть обновит постель, снова... женится. Ведь он совсем еще не стар.

— Да, это так. Ты прав: возможно, я торчу дома, как бельмо на глазу, и тем самым мешаю ему...

— Вот умница, поняла.

— Да, теперь и нельзя не спешить. Лучше нам самим сказать, чем он сам узнает.

— По-моему, он уже догадывается. Мне так кажется.

— Да я не о том... — Балзия, росшая вместе с Атымтаем и никогда ни в чем его не стеснявшаяся, вдруг отвернулась. То ли от последних, предзакатных лучей заходящего солнца матовое лицо ее вдруг стало пунцовым... — Я... я тяжела, Атымтай... беременна...

— К-как? С каких пор? — Атымтай растерялся до заикания и тоже слегка покраснел, будто совершил нечто постыдное. — Так я в том смысле, это... когда? В смысле... когда узнала!

Балзия громко и открыто рассмеялась.

— Хочешь, скажу даже время? В январе месяце следующего, тысяча девятьсот тридцать первого года, с победным криком в этот мир явится твой сын с такими же острыми глазами и с густыми, как у тебя, бровями! Готовься к шильдехану! — объявила Балзия и сама испугалась: вдруг будет не сын, а дочь?! Атымтай же ни на минуту не усомнился в правдивости ее слов. Это же говорит женщина, да еще с образованием акушерки, какие могут быть сомнения? Он будет отцом, у него будет сын! Это произвело на него ошеломляющее впечатление, хотя как взрослый джигит он не мог не знать, что это когда-нибудь случится, что у него будет потомство.

— Эге-ге-гей! Эй, горы, скалы, ущелья! Я теперь не один... Я теперь не единственный сын отца! Я сам теперь отец — у меня будет сын. Слышите?! Родится новый человек для новой жизни!

...Пролетели три месяца.

Была середина августа. Отец Балзии, Салимгерей, стал в последние дни все чаще исчезать из аула, не приезжал даже и ночевать. Балзия решила, что отец высмотрел в каком-нибудь из соседних аулов подходящую для себя женщину и вознамерился «обновить постель» — ведь уже прошло два года со дня смерти матери. Оказалось, что отец исчезал из дому совсем по другим причинам, совершенно неожиданным для Балзии...

Однажды перед вечером Салимгерей тихо подъехал к дому на своем Тасбуруле, чистопородном скакуне, которого он не часто седлал. Удивило Балзию уже то, что отец не привязал рысака к коновязи, а тихонько завел во двор, и сам, стараясь не шуметь, словно опасался кого-то или чего-то, осторожно открыл скрипучую калитку и вскоре вошел в переднюю комнату.

— Ну, дочка, на долгие сборы времени нет. Все висит на волоске. Взяли нас за самое горло. Сегодня уезжаем навсегда. Все, что понадобится в дороге, — бери с собой. Но ничего лишнего, тяжелого. Лишний груз в пути ни к чему. Как только стемнеет, отправимся. Лучше будет, если ты наденешь охотничью одежду. Дорога долгая...

— Куда отправляемся, отец, какая дорога, какая охота?

Салимгерей подошел к окну и долго смотрел на плывущие в мареве горные отроги. Тяжело вздохнув, он повернулся к дочери:

— Да-а, давненько мы с тобой не выезжали в горы на охоту, дочка. И, пожалуй, уж больше никогда не испытать нам такого удовольствия. Ушло невозвратно то время. Теперь сами как звери станем прятаться за скалы и убегать. Готовься в путь, дитя мое. Единственное, что мне известно пока, — перевалим через горы, уйдем на ту сторону. А там посмотрим. Я сам не знаю, где мы найдем пристанище. Будем уповать на аллаха, что он вам уготовил...

— Уповать на бога можно и дома, отец!

Таких слов от дочери Салимгерей не ожидал. От кого угодно, но только не от родной дочери.

— Как ты сказала, дочка? Значит, ты... ты... — Он остолбенело постоял, тыча в нее указательным пальцем, и тяжело опустился на жукаяк*. Не поднимая глаз на дочь, Салимгерей теперь едва выдавливал слова, будто что-то застряло у него в горле, с трудом переводя дыхание. — Ты, оказывается, слышала и обо всем знала, дочка. Это же... это же — кошмар... Сейчас только люди говорили мне, а я не поверил... не ожидал от тебя... от кого угодно, только не от себя... О, заманай!** Вот что ты мне уготовила!..

— Отец, какие страшные слова ты говоришь?! Что случилось такого, что ты так убиваешься? О чем же это я слышала, знала, но скрывала и не говорила тебе?! Теперь тебе только меня осталось опозорить! — выросшая баловницей Балзия всегда говорила с отцом смело, хотя никогда не дерзила.

Салимгерей поднял голову, но все еще не глядя дочери прямо в глаза, задал вопрос, в котором прозвучало подозрение. Раньше он с Балзией всегда говорил открыто, а на этот раз окольным путем решил кое-что уяснить:

— Ты ведь с этим, Атымтаем... не просто вместе росла, он тебе не только друг детства, но, кажется, вас связывает клятва? Вы собирались создать свой очаг... с этим твоим... сверстником?..

Явно чувствовалось, что отец хотел выразиться иначе, но не захотел употреблять другого слова и потому сказал «со сверстником».

— Да, отец. Мы тоже знали, что ты догадываешься. Своей судьбы не избежишь. Нам осталось только пройти перед тобой, что мы и собирались сделать.

---

* Жукаяк — подставка для одеял и подушек.
** О, заманай! — О, времена!

— Хорошо, что вы этого не сделали.

— Почему, отец?

— Недаром говорится: спешка — дело шайтана... Но этот шайтан оказался из тех, что действует не спеша, основательно. Я убедился в этом.

— В чем ты убедился, отец? Не загадывай загадки, скажи прямо. Здорово же кто-то настроил тебя против нас. Эх, бедный отец, ты раньше не верил ни сплетням, ни пустой болтовне, неужели начал стареть?! От чего ты устал?!

— Если бы просто устал... Воля моя притупилась, как лезвие сабли. И тому виной — время, заман... Но есть кое-что пострашнее, чем возмездие времени. Ранил мою душу и тело один человек... сын своего времени. Но и я ведь считал его своим сыном. Это — Атымтай.

— Атымтай?

Отец долго, не мигая, смотрел на дочь, потом опять опустил голову.

— Разве он ничего тебе не говорил?

— А что он должен был мне говорить?

— Балзия, я верю тебе: он и в самом деле мог ничего не говорить тебе, чтобы ненароком не испортить все дело. Меня хотят судить как классового врага, конфисковать еще раз, отобрать то малое, что осталось, а меня самого сослать.

— Что-о? Собираются судить, сослать?! — переспросила Балзия с ужасом. Ее будто окатило холодной водой. — Кто тебе это сказал?

— Разве это важно? Дурная весть не лежит, а по земле бежит, как раньше говорили. Если не люди, так ветер принесет. Ведь нынче у всех у нас ушки на макушке. В соседней волости разве не разорили всех баев, разве не расправились с ними, как с ягнятами? Многим не оставили ни копыта для езды, ни палки, чтоб опираться о землю. Теперь у них ни кола ни двора, нищими стали. Эта божья кара и к нам придет, мы давно ее ждали.

— Как это — ждали?

— Раньше говорили: осталось прожить день — запасайся едой на два вечера. Потому и спрятали кое-какой скот в горах. Не с голоду же умирать, в конце концов!

— А сколько скота там, много?

— Всего около трех тысяч лошадей спрятали... Разве это много?! Из десяти тысяч лошадей пяти братьев три тысячи — много?! Это наши табуны. От отца к сыну переходили...

— Так чего вы переполошились? Сами приготовили табуны для

конфискации, доглядываете, чтоб ни одна лошадь не пала, чего же тогда беспокоиться? Чего же паниковать?! — Балзия неестественно засмеялась, пытаясь успокоить отца, а тот лишь сильнее насупился:

— Нет, дочь, оказывается, им не только наш скот нужен. Новая власть хочет взять и наши души. Отбирает все до паршивого козленка, а самих нас ссылает туда, где на собаках ездят, или еще куда-то, и там гноят заживо. Даже после смерти наша земля нам не достанется, похоронят на чужбине. Чего еще от них после этого ждать? Как-то я разговаривал про это с Атымтаем.

От этих слов у Балзии похолодело сердце. Кто на свете не любит своих родителей? Кто желает им зла? Отец и мать для ребенка всегда самые лучшие, чистые, честные люди. Если кто-нибудь говорит о них плохо, тот для ребенка — кровный враг, грязный сплетник. Даже в плохом дети видят хорошее, а все хорошее в их глазах возрастает стократно. Разве Балзия не такая дочь?

Балзия молча поднялась и прошла в свою спальню. Салимгерей посмотрел ей вслед и стал ждать. Балзия вышла из своей комнаты, неся в руке сложенный лист бумаги.

— Аке, прочитай сам, я не могу. Этот листок... Недавно проездом здесь был Атымтай, ночевал у нас... Ты был в эту ночь в другом ауле. Гимнастерка на нем оказалась грязной, я решила ее постирать. Стала выворачивать карманы, там — этот лист бумаги. Случайно взгляд упал на написанное... Лучше бы я не читала. Но что было, то прошло. Возвратить письмо не хватило духу. А после этого он больше не приезжал.

Салимгерей взял в руки листок, написанный арабской вязью, и пальцы его задрожали, словно он держал в руке приговор. Это было чье-то безымянное, без подписи, письмо Атымтаю. Салимгерей читал — долго, местами разбирая написанное по слогам, так как не особенно был силен в грамоте. Чем дальше он читал, тем лицо его становилось бледнее, а дочитав, Салимгерей застыл неподвижно. На листе бумаги было написано: «Свет мой, Атымтай! Я не мог не написать этого письма, хоть и знаю, что оно тебя огорчит. Пишу потому, что жалко тебя и искренно желаю добра. Ты был маленьким тогда и ничего не знаешь. Твой отец гнул спину на бая Салимгерея и был его жалким слугой. Как говорят у нас в народе: «Входил с огнем, выходил с водой». Но баю было этого мало. Однажды он вывез твоего отца на охоту и там застрелил. А красавицу жену, то есть твою мать, взял себе второй женой. Ну, ладно, женщина она и есть женщина, лишь бы ее приласкали, бог ей судья. Но ты-то — джигит или нет? Где твоя гордость, где твоя честь? Потеряв всякий стыд, ты собираешься взять в жены дочь Салимгерея. К тому же ты камунис, а она байская дочка. Ладно, возьмешь ты в жены дочь того самого человека, который убил твоего отца. Может, мы, люди, тебя и простим. Но простит ли тебе Советская власть? Едва ли одобрит, чтобы камунис женился на дочери бая. Так что не теряй головы, найди правильную дорогу, предостерегаю тебя как близкого родственника, как брата».

Пока отец по слогам читал письмо, Балзия быстро накрыла на стол.

Отец и дочь впервые за долгие годы пили чай молча, сидя за низеньким столиком, отводя друг от друга глаза. Слышалась только тягучая песня медного самовара, на котором были вытиснены круглые портреты русских царей.

Вскоре на гладком лбу Салимгерея выступила испарина, он потянулся за полотенцем, лежавшим на краю стола, и слегка провел им по лбу. Подвинув свою пиалу к самовару и уставив взгляд на колени сложенных по-мусульмански ног, начал он говорить:

— Дочь моя, слушай и не перебивай меня. Кто знает, когда еще придется так поговорить... Может, не скоро и увидимся. Или вовсе не увидимся больше. Это известно одному лишь аллаху. Про письмо этого изверга я расскажу тебе всю правду. Атымтаю сама все расскажешь когда-нибудь. Поверит он тебе или нет — его дело. Я это рассказываю не для того, чтобы перед ним оправдаться, а лишь для того, чтобы ты убедилась: отец твой не покривил душой, когда говорил — совесть моя чиста и перед людьми, и перед богом. Хочу, чтоб ты это знала.

— Отец, чай остынет, ты говори и пей, — предложила Балзия, выражая готовность слушать его и не перебивать.

— Отец Атымтая, Сеит-баттал, был красавец, могучего сложения человек — на каждое его плечо можно было посадить по человеку. Ну просто великан, да и только. Очень был верен в дружбе. Может, краем уха ты и слыхала: в нашем ауле он пришлый. Он потом сам рассказывал, как выкрал Банягуль, мать Атымтая, когда она уже была отдана замуж, бежал из самого Туркестана и придержал коня только здесь у нас, в Семиречье. Мы приютили джигита. В ту пору мы, три брата, хоть и жили отдельно, но кони наши паслись вместе, даром что делились на косяки. Все у нас, у братьев, было общее. Сеит-баттал нанялся табунщиком. Когда приноровился, научился кое-чему, то стал старшим над всеми копами табунщиков. Певец, охотник, сильный, острый на язык джигит со временем стал для меня честным, верным сотоварищем, другом, можно сказать, с которым я выезжал вместе на той, веселые праздники в аулах... Но чаще

всего мы ездили на охоту. Бывало, по целым неделям пропадали в горах вдвоем, и случалось это довольно часто...

Балзия молча сполоснула пиалы. Протирая их, исподлобья поглядывала на отца.

— Отец, если тебе тяжело рассказывать, не надо, я верю в твою честность! — Ей стало искренне жаль отца.

— Нет-нет, доченька. Конечно, тяжело вспоминать о гибели друга, само собой. Теперь-то все забыто, но это письмо, эта клевета, вынуждает меня вернуться к прошлому и поведать все как есть, все как было. Думаю, что с Атымтаем больше не доведется разговаривать, — Салимгерей провел ладонями по лицу, благодаря всевышнего за еду, и продолжил: — Тогда не то что сейчас, зверья в горах было — пруд пруди. Что в Терскей Алатау, что в Заилийском Алатау, что в Джунгарских Алатау, вдоль реки Или, да всюду... Наши лошади паслись в горах, у Малого Баскана. Медведи в том году совсем осмелели, людей не боялись. Не раз подходили косолапые к табунам, да так спокойно. И только когда собаки с тявканьем окружали их со всех сторон, пятились к лесу. Однажды пастухи заметили, как собаки нападают на двух медвежат, отогнали собак, а детенышей привели в аул. С этого-то вся беда и началась. Медведица, потеряв детенышей, разъярилась и стала в тех местах — видно, запах чуяла — вытворять что попало: задирать коров, телят, нападала даже на лошадей. После этого посоветовались мы с джигитами и отпустили медвежат там, на месте, где собаки с ними дрались. Несколько дней медведица не появлялась, может, нашла своих конжуков, так все решили. Однако вскоре пришла весть: медведица напала на косяк и задрала двух кобылиц, что паслись на плато. Обидел скотину — обидел хозяина. Мы тоже разозлились на эту медведицу и решили ей отомстить. Ну что значит — отомстить? Отогнать подальше от этих мест, совсем чтобы духу ее тут не было, а не поддастся — убить.

Поехали мы с Сеит-батталом на плато к табунщикам и целую ночь подстерегали вражину там, где она обычно проходила. Устроились мы с ним в разных местах. Это была пора, когда старый месяц уже на ущербе, а новый еще не народился. В горах темень, хоть глаз коли. Тихо. Только слышно, как в стороне то и дело глухо кашляет Сеит-баттал. Как раз в ту пору он простудился и хворал. Чтобы не вспугнуть зверя, мы с собой и собак не взяли.

К середине ночи изрядно похолодало, я прислонил ружье к сосне, а руки засунул в рукава и сидел, грелся. Обычно я могу долгие часы не спать, терпеливый, а в ту ночь, будто бог меня покарал, я возьми да усни. Проснулся я от страшного звука. Уже

светало. Думал — землетрясение, потому что мимо с грохотом катились сверху камни. Протер глаза, вскочил и вижу: это не камни, мимо мчится вспугнутое кем-то стадо кабанов.

С той стороны, где сидел в засаде Сеит-баттал, прозвучал выстрел. Я схватил ружье, бросился туда. Саженях в ста на небольшой поляне огромная медведица, встав на дыбы, держала в своих объятиях Сеит-баттала и душила его, прижимая к себе. Я слышал и раньше, что медведь, способный одним ударом свалить быка, иной раз таким вот способом расправлялся с человеком, зажав в лапах, словно в тисках, но увидел это впервые. Тут же я подбежал и почти в упор выстрелил медведице в голову. Она не разжала своих лап, но упала, так они оба и покатились вниз...

— Отец, почему ты никогда раньше не рассказывал об этом? Если бы Атымтай знал эту историю о тебе, он никогда не поверил этому письму. А теперь... кто знает...

— Не хотелось травить детскую душу. К тому же история эта могла потянуть за собой одну грязную сплетню, которая ходила в ауле. Вот чего я опасался. А возникла сплетня совершенно случайно и глупо. Отметили сорок дней по Сеит-батталу. Уже трагедия эта стала постепенно забываться, как вдруг один из молодых ровесников — у нас же, ты знаешь, какие шутки бывают между курдасами-одногодками! — на каком-то людном сборище, где меня не было, возьми да и пошути: «Везет же Салимгерею! Вдова Сеит-баттала, писаная красавица, теперь небось не поедет обратно в свой Туркестан. Самый подходящий для нее Салимгерей теперь. Вот уж повезло, чтоб его Коран покарал: без калыма женщина досталась, нежданно-негаданно, а то ведь ему платить было бы нечем!» Это была в самом деле шутка с его стороны. Но скоро покатилась комком сплетня...

— Кто вытащил на свет давно всеми забытое? Кому это было надо?!

— Видно, очень кому-то надо, вот и написал. Если так, то я знаю, чьих рук это дело. Мне уже письмо никак не повредит. А вот Атымтаю... Бедный мальчик, он и без того запутался, а эта ложь и вовсе заведет его в непроглядный туман. Вот что меня больше всего огорчает...

— Ну кто сделал эту пакость, отец?

— В нашем ауле не так уж много грамотных. Среди них один или двое, кто может писать жалобы...

— Не Примбай с Есетом?

— Оказывается, и сама знаешь, чего же спрашиваешь? Они ведь не одну голову погубили и еще сколько погубят!..

Примбай годами чуть старше Салимгерея. Обучен арабской

грамоте. Отец его вместе с одним знаменитым баем совершил паломничество в Мекку, поэтому носил звание хаджи. Но умер он тут же по возвращении в аул. Примбай в молодости был муллой, учил детей грамоте, кормился «пятницами» — подношениями верующих. Потом вдруг оставил свой промысел, близко сошелся с одним татарином из Семиречья и стал торговать разной мелочью: зеркалами, гребешками, душистым мылом, красками, иголками, в том числе цыганскими, большими, которые целыми сундуками доставлял ему компаньон.

А Есет — единственный сын Примбая. Ровесник Балзии, лишь на пять-шесть месяцев старше ее. Детство их прошло вместе. Пути молодых людей разошлись только после революции. Атымтай учился в Семипалатинске в Казкоммуне, Балзия — в акушерско-фельдшерском техникуме, а Есет окончил в Томске горнорудный институт. Позже он работал в редакции газеты «Казах», но заболел и был отправлен в аул для лечения кумысом и чистым горным воздухом. Он уже года три живет дома.

Разговор Салимгерея и Балзии продолжался. Отец говорил дочери:

— Теперь они, эти злодеи, не знают, как подмазаться к Советской власти и как скрыть свои прошлые грешки. Чтобы спасти свои шкуры, надо выставить врагами и очернить других людей. Для них все равно, виноват ты в чем или нет, важно вывалять тебя в грязи. Но ничего, как змея ни извивается, а брюхо свое покажет. Время вывернет их наизнанку, и все увидят, какое у них нутро. Да уже, кажется, раскусили их. Недалек день, когда позовут их к ответу, недолго осталось...

— Отец, а почему они именно на тебя льют грязь, почему именно о тебе состряпали это письмо?

— Э, тут тоже своя причина. А дело было так. Только что кончилась великая конфискация. Я сидел дома, а ты куда-то ушла. Вдруг приходят ко мне несколько человек. Оказывается, Примбай пришел сватать тебя за своего Есета. Я их выгнал из дома. Они ушли, но каких только слов не наговорил тогда мне Примбай! «Ты думаешь, что ты все тот же, каким был, когда у тебя паслись несметные табуны? В той же силе? Паршивого козленка у тебя не осталось. Кого ты из себя корчишь? Завтра, когда ты станешь последним нищим и у твоих гноящихся глаз будут виться зеленые мухи, ты сам приведешь ко мне за руку свою дочь и продашь: дескать, спаси. Если этого не случится, можешь отрезать мне нос».

Хотел я его схватить и выпороть, да так, чтобы кожа на спине полопалась, но не привык я поднимать руку на старших. И только сказал ему:

— Ладно, уходи, змею хоть на части рассеки, каждая часть продолжает извиваться. Не приведи аллах, чтобы мои дни зависели от тебя, торгаш, жалкий мелочник...

А теперь он и его люди, будто ничего и не было, пришли на наш тайный сбор. От кого они узнали, где мы собираемся и что хотим предпринять, я не знаю. Но они вместе с нами хотят перевалить через горы и уйти в другую страну. Видно, почуяли, что им тоже приходит конец. Но я и на этот раз прогнал Примбая. Во всеуслышание ему заявил, что не хочу иметь с ним никакого дела. Тем более — селиться на чужой стороне. Даже если я умру, мой труп не будет покоиться на одном кладбище с этой падалью...

— Отец, не сам ли ты учил меня быть всегда терпеливой, спокойной, не горячиться, уметь ждать. А сам?..

— Терпение терпению рознь, ожидание тоже. Чего мне ждать? Время такое, что никому нельзя верить. Сейчас некогда людям разбираться, кто бел, кто черен. Отправят на «ит-жеккен», и все. Туда, где на собаках ездят.

— Тебя оправдали бы, отец. Мы ведь тоже живые люди. Весь аул и другие аулы знают: никому за свою жизнь ты не сделал зла. Не всегда же будут верить словам этих вот...

— Нынче такие времена, что слово одного лжеца стоит больше слов тысячи честных людей, разве не видишь? Я не намерен, пока оправдают, прислуживать тем, кто недостойнее меня, поливать им на руки, колоть дрова, выносить воду. Нет, уж лучше остаток жизни проведу в бегах и приму смерть от страданий, посланных богом... О, заман-ай!

3

Проводив отца, Балзия долго пыталась заснуть, но сон не шел. Наконец, когда теплая дремота начала одолевать ее, вдруг в соседних дворах неистово залаяли псы. Тотчас Балзия услышала жесткий топот конских копыт. Неужели отец с джигитами вернулся? Она подбежала к окну, но когда вгляделась в ночную тьму, вся обмерла от недоброго предчувствия. Она не могла разглядеть всадников, их одежды, лиц, но по силуэтам поняла, что это чужие люди и что они чем-то сильно возбуждены. Всадники столпились, с коней не слезают. Видно, о чем-то советуются, принимают какое-то решение. Вскоре у ворот остались трое, остальные поскакали в разные стороны. Собаки залились еще яростнее.

У жителей аула не было привычки запирать на ночь двери. Балзия вспомнила об этом, когда услышала шаги в сарае, при-

мыкающем к дому. Не успела Балзия нырнуть обратно в постель, как в комнату вошел, пригнувшись, великан Атымтай.

— Это я, Балзия, — предупредил он испуганный вскрик невесты и вывернул фитиль у притушенной десятилинейной лампы. — Отец дома?

Атымтай быстро окинул комнату цепким ищущим взглядом, остановился у двери, ведущей в покои Салимгерея, и снова, уже строже, спросил:

— Отец твой дома?

Балзия возмутилась. Раньше Атымтай всегда говорил про отца «коке». Это не «твой отец», а и его, Атымтая, отец. Это покоробило Балзию, и она не удержалась от резкости:

— Откуда мне знать? Я ведь его не сторожу.

— М-м... Ладно. — Он снял свою потрепанную фуражку, вытер платком пот со лба и, взяв лампу, толкнул дверь в спальню Салимгерея. Движения его были резкими, по-хозяйски энергичными. Балзия вскочила, устремилась за ним. Войдя в комнату Салимгерея, он долго ее оглядывал.

— Что ты ищешь, кого? Отец, наверно, в соседнем ауле где-нибудь. Зачем он тебе?

— Ни ружья, ни бинокля на месте нет, — Атымтай показал на стенной ковер. Поставив лампу на карниз печи, он резко развернулся, пошел к выходу. — Теперь, значит, я чужой, и мне нельзя доверять, ла-адно! Так и запишем.

— Атымтай, о чем ты, погоди, сядь вот тут!

— Говори, я послушаю стоя.

— Нет, сядь.

— Ну сел. Говори скорее, что ты хотела?

— Не ходи никуда... Не надо. Оставьте его в покое... Не надо...

— Ты что это? С каких это пор ты вмешиваешься в мои дела, в мою работу?..

— Не ходите, не надо...

— Если ты будешь мной командовать...

Атымтай отвел ладонью ее темные волосы, косо упавшие на лицо, но тут же нахмурился, решительно поправил портупею. Это означало: разговор окончен, лишние слова ни к чему.

Покрепче натянув фуражку на голову, Атымтай уже переступил порог и застыл от резкого, как выстрел, вскрика:

— Сто-ой!..

Атымтай обернулся, успев крикнуть в полуоткрытую дверь стоявшему неподалеку красноармейцу:

— Готовьтесь в путь, я сейчас!

— Я не хочу вмешиваться в твои дела. Я защищаю своего отца. Что тебе нужно от человека, который единственную свою

дочь оставил тебе, а сам покинул свой дом — что тебе еще от него надо?

— Ты — одно дело, а он — совсем другое.

— Хоть бы напоследок не трогал его, оставил в покое. Какое зло ты таишь против него, за что гоняешься за ним по пятам? Чем он провинился? Разве тем, что вырастил и воспитал тебя как своего сына? Человек по своей воле, своим путем уходит от вас, так не мешал бы ему встретить свою белую, чистую смерть там, где она его настигнет, какое тебе до него дело?

— Это дело Советской власти, а значит — и мое. И ты это прекрасно знаешь. Зачем же задаешь нелепые, несуразные вопросы?

— Чем провинился мой отец перед Советской властью? Он что, выступил против нее во время революции? Сделался басмачом? Собирал банды в горах и громил аулы?

— Почему же бежит через горы, оставив родные края, если не против Советской власти?

— Если угрожают отправить ни за что ни про что в ссылку, имеет он право спасти свою голову? Думаешь, от хорошей жизни человек уходит, бросив и кров свой, и отчизну?

— Балзия, если человек ни в чем не виноват, то ему нечего бояться. Даже если его оклеветали, он ведь может оправдаться. А если человек бежит — значит, он бежит от правды. Если хочешь знать, Салимгерей не просто беглец — он враг. Он подбил людей на бегство, на переселение и повел их за собой... Да, да, да! Твой отец уходит за кордон не один. Он уводит за собой весь род. Темные люди не успели толком ни в чем разобраться, не поняли, какой свет, какое счастье, какую небывалую райскую жизнь несет им новая власть, какое изобилие и богатство она хочет им подарить. А он толкает их на ложный путь. Табуны, которые прятал в горах, тоже ведь угоняет за кордон. Но они давно уже принадлежат не ему, а народной власти...

— Эта власть во время великой конфискации получила уже несметное количество табунов и скота... Все мало?

Атымтай продолжал, словно не слыша Балзию.

— Угон скота, переселение целых аулов — это уже мятеж, это вылазка заклятого врага Советской власти.

— Если все это так, как же ты собираешься жениться на дочери заклятого врага? Как же ты думаешь создать с ней счастливую семью, прочный дом?

— Об этом мы уже говорили. Дочь за отца не отвечает... Ты же грамотная, политически подкованная девушка. И классово тоже... Мы вместе, вдвоем должны разъяснять отцам нашим политику новой власти, ставить их на верный путь, а молодежь агитиро-

вать за светлое будущее, вести ее за собой к сияющим вершинам коммунизма. Мы люди нового каравана, неужели ты до сих пор не поняла? Ну ладно, хватит, не задерживай меня.

— Уходи, но уходи навсегда.

— Ты меня не запугивай, не из пугливых.

— Посмотрим еще, каков ты на самом деле...

Атымтай вышел, сердито хлопнув дверью. Он был зол на себя, что так и не смог толком объяснить все — сорвался, не сумел взять себя в руки.

«Напрасно я так, — спохватилась Балзия. — Зря обидела...» Она рванулась было к дверям, но тут же остановилась. В душе будто все замерло. Всадники поскакали в сторону гор, за плечами у них покачивались винтовки.

К полудню над аулом поднялся беспорядочный многоголосый шум, лаяли собаки, ржали лошади, блеяли овцы, мычали коровы. Перекрывая все это, выли женщины, кричали мужчины.

Балзия подбежала к окну.

Кош, который тайком снялся ночью под предводительством ее отца, оказывается, возвратился в аул. На улице перед домами аула там и сям сидели растерянные старики и старухи, стояли оседланные, но без всадников, лошади, даже не привязанные к коновязям, громоздился домашний скарб.

Около небольшого домика аулсовета толпились люди.

«Выходит, всех вернули, — обмерла Балзия, — стыд-то какой. А где же отец? Опозорился он и перед народом, и перед властями. Как посмотрит теперь Атымтаю в глаза? А каково Атымтаю будет смотреть на отца? Если уж решился, так, может, и не плохо было бы ему какое-то время побыть на чужбине. Подождал бы дальнейших событий. А теперь — какое уважение будет к нему... Если бы все они — братья, сородичи, весь род, весь кош сами пригнали бы спрятанный в горах скот и сдали его властям, может, власти проявили бы к ним снисхождение. А теперь — пощады не жди». И — главное — в этой неприглядной истории столкнулись два самых близких Балзии человека: отец и жених... Какой жених? Отец ребенка!

А солнце уже пошло клониться к вечеру. Настало время малого бесина — предвечернего намаза. Но не до молитвы было взбудораженным, обескураженным жителям аула.

Запряженная парой телега с плетеным высоким кузовом повернула к дому Балзии. Балзия так и прилипла к окну, стараясь разглядеть в кузове отца или Атымтая. Но их там не было видно. Сидела только какая-то девушка, явно не из местных, и

уж во всяком случае, — не из их аула. Но когда подвода подъехала совсем близко, Балзия узнала девушку: да это же Гульбарша! Да-да, она самая, Торотаева Гульбарша Аманбеккызы. Все девяносто девушек, что учились в Семипалатинском акушерском училище, называли себя именно так — полным именем-отчеством, так у них было принято. В прошлом году и Балзия и Гульбарша окончили это училище с отличием и были занесены на Доску передовиков учебы. Но вскоре началась конфискация. Балзия была названа «дочерью бая», и с тех пор пути двух «передовиков учебы» разошлись. Балзия сидит дома, а Гульбарша — в райцентре. Работает там акушеркой да еще и активно участвует в общественной работе, помогая утверждению Советской власти. Гульбарша одной из первых казашек в округе стала коммунисткой.

Да, но откуда взялась Гульбарша? Почему она здесь? Не в гости же навестить подругу приехала она в такой день? Нагрянула, словно снег среди лета. Не спрятаться ли от нее?

Пока Балзия наскоро одевалась и причесывалась, Гульбарша уже вошла в дом. Встретились настороженно и молча, словно незнакомые люди, но потом кинулись друг к дружке в объятия. Гульбарша крепко и долго прижимала к себе Балзию, и той показалось, что у ее подруги дрожат плечи. Отстранившись, она увидела, что из глаз Гульбарши в два ручья текут слезы.

— Балзия, крепись. Возьми себя в руки. С твоим отцом большое несчастье. Он... сильно ранен... Меня послали за тобой. Атымтай не мог приехать. Сама понимаешь, в каком он сейчас положении... Едем...

Гульбарша долго еще что-то говорила, должно быть, утешала подругу, но Балзия не слышала и не понимала ни одного слова. В ушах у нее шумело. Сердце подкатилось к самому горлу, она сидела и бессмысленно глядела на как бы беззвучно шевелящиеся губы Гульбарши.

В это время Атымтай допрашивал пойманных беглецов.

Допрашивал подолгу, нажимал, оказывал всяческое давление, но толком ничего не добился.

Атымтай предложил отпустить стариков и старух и оставить для дальнейшего допроса только молодежь. Но как ни допрашивали и молодежь, толку оказалось столько же. Тогда оставили шестерых джигитов — тех, что могли быть вожаками, посадили их в отдельную комнату и поставили часовых. Вечером их собирались доставить с конвоем в район.

Балзия, отбросив уже все мысли о чести и позоре, ехала к дому аулсовета. Она не знала, что жители аула из окон провожают ее недобрыми взглядами, что пошла уже злая молва: «Вот

кто во всем виноват. Это она послала своего Атымтая в погоню за нами. Бесстыжая».

Балзию не пустили в домик аулсовета, а повели сразу в шалаш для вяленья мяса, расположенный во дворе. В шалаше было сумрачно, холодно, и Балзия, еще не переступив порога, сразу все поняла. При тусклом свете, падавшем сверху из круглой дыры, проделанной в крыше, она увидела человека, лежащего на земляном полу. Он лежал неестественно вытянувшись. Рухнув перед отцом на колени, она забилась, словно птенец, выпавший из гнезда, заливаясь слезами. Ей сказали, что отец ранен, а он лежит, вытянувшись, и молчит. Она подняла его тяжелую, словно окаменевшую голову, со все еще таящейся надеждой заглянуть в лицо... И упала на грудь давно уже остывшего трупа.

Она слышала, как время от времени заходили люди, чтобы по обычаю сказать ей слова скорбного утешения. Они останавливались за ее спиной, это она слышала. Но кто заходил, что говорили — не понимала и не помнила.

Соболезнующие, довольные тем, что их тяжкая миссия уже исполнена, постояв немного, с облегчением выскальзывали из шалаша.

На этот раз Балзии не препятствовали войти в аулсовет, располагавшийся в доме бывшего аульного старосты. Она увидела, что в гостиной за скрипучим столом, покрытым кумачовой материей в чернильных пятнах с ладонь величиной, сидят два русских парня в форме пограничников. Как только Балзия вошла, они встали, надели фуражки и вышли. За столом остался сидеть один человек. И как теперь себя повести, он не знал. Несколько минут назад он тоже постоял за спиной Балзии. А теперь приходилось смотреть ей прямо в глаза... Он отчего-то вдруг засуетился и, отводя взгляд, предложил:

— Садись, Балзия, садись вот сюда, на стул...

Но Балзия уже закаменела. Она молчала. И непонятно было — то ли, потрясенная гибелью отца, она все никак не может прийти в себя, или, уже вполне владея собой, молчит, затаив ярость и жажду мщения. Исподлобья, тяжелым взглядом она окинула своего жениха, но с места не сдвинулась.

Атымтай так и не посмел взглянуть ей в лицо, но живот все же увидел. И вдруг с неожиданной злостью подумал, что она нарочно так выпячивает его, чтобы видели все... И действительно, живот Балзии заметно уже округлился, так, что не заметить это нельзя.

Неловкую тишину, воцарившуюся в конторе, нарушил тоненький голосок пожилого рыжеватого человека, худого настолько, что об его скулы, как говорится, хоть ножи точи. Это был местный милиционер. Поправив на поясе кобуру с наганом, милиционер сказал:

— Ну, моя дорогая, в народе говорят: «Смерть человека еще можно скрыть, но как быть с похоронами?» Так и у нас. По установленному порядку мы должны отвезти труп в райцентр и там составить определенный документ, а потом уж где-нибудь закопать.

— Такой порядок, — поддакнул Атымтай.

— Но, учитывая твое положение... то есть я хотел сказать, учитывая то, что мы вас знаем и вы... — милиционер покосился глазами на Атымтая... — что вы близкий нам человек, мы решили тело вашего отца оставить здесь, в ауле. К тому же и нехорошо, наверно, два-три дня возить труп туда-сюда. Это бесчеловечно, пожалуй. Поэтому... Мы здесь все, как свидетели, составили акт о кончине, так сказать, вашего отца... Вам тоже надлежит подписать этот акт, моя дорогая... таков закон.

— Таков закон, — эхом отозвался Атымтай.

— Но если ты отказываешься принять труп...

— Где акт? — холодно спросила Балзия.

Рыжий милиционер облегченно выдохнул воздух, колом застрявший в груди, побегав руками по кипе бумаг, сгрудившихся на столе, выдернул наконец нужную, протянул ее Балзии.

— Вот, здесь все ясно написано. Ознакомься сначала, моя дорогая. Так полагается.

Даже не взглянув, что там написано, Балзия подписала акт. Тут же Гульбарша положила ей под перо еще одну бумагу:

— Здесь тоже распишись, Балзия.

— Это еще что? — вскинулась Балзия.

Прежде чем ответить, Гульбарша сняла со стоявшего рядом, окованного желтой жестью сундука большой узел, развязала его.

— Ты должна расписаться, что тобой приняты эти вещи.

Бледная, будто оледеневшая Балзия, увидев содержимое узла, не выдержала: подбородок ее задрожал, глаза наполнились слезами. Ведь это были личные вещи отца, с которыми только вчера он ушел, — бинокль, золотые часы, бритва... Не могла она смотреть на этот развязанный перед ней узел. Но слезы перед этими людьми все же сдержала. Закаменела совсем. И совсем уж ледяным голосом произнесла, словно влепила пощечину:

— Все это мой отец еще при жизни завещал своему зятю Атымтаю. Теперь это все-все твое, Атымтай, — повернулась резко и пошла к двери.

Домой Балзию отвезла, как и привезла сюда, та же Гульбарша. Они сидели в повозке рядом и за всю дорогу не перемолвились словом.

В тот же день Атымтай с товарищами, согнав всех лошадей на площадь аула, пересчитали их, переписали конфискованное имущество, составили акты, заставив неграмотных людей приложить палец к бумаге, собрали оружие, отнятое во время операции, посадили в крытую телегу шестерых джигитов, числившихся в подстрекателях, — и укатили в райцентр.

Вечером на кладбище за аулом прах Салимгерея был предан земле.

4

После жантазы — прощальной молитвы — старики, участвовавшие в похоронах, обычно расходились не сразу — в степенной беседе поминали покойника добрым словом. Незаметно разговор переходил к делам минувших дней, к далекому прошлому. Иногда начинались споры, как толковать ту или иную суру Корана, то или иное положение шариата. Под конец беседа шла уже на темы сугубо житейские.

На этот раз ничего подобного не случилось. Само погребение Салимгерея было поспешным. Сразу после окончания жантазы все куда-то заторопились, стали расходиться по домам. Даже те люди, которые делали омовение покойника, копали могилы, читали Коран над головой усопшего, даже они не стали ждать, пока им, как полагается, раздадут по отрезу разных тканей на поминовение души Салимгерея. Все потихоньку, незаметно, словно сговорившись, покидали дом Балзии. Уходили съежившись, будто повеяло вдруг от дома холодом, пронизывающим до костей. Все это совершалось в поистине гробовой тишине.

Тишину эту внезапно нарушила сама Балзия.

— Вы, дядюшка, вы, Аксары, и вы, Синеглазый дед, вы втроем останьтесь.

Трое аксакалов, чьи имена были названы, хотя и на «вы», но довольно грубовато и требовательно, опешив, переглянулись. Старики и старухи, уже подходившие к двери, вдруг беспокойно сгрудились у нее, не зная, переступать порог или остаться.

— Остальные могут идти, — жестко распорядилась Балзия.

Зная, что и в скорби Балзия будет решительна и строга не хуже иного мужчины, названные ею старики вернулись к трапезному дастархану и сели, опустившись на одно колено. На растерянных лицах их было выражение покорности, беспомощности, даже плохо скрываемого испуга. Ведь перед ними невеста, почти жена самого грозного Атымтая.

— Что это вы, аксакалы, сидите как в воду опущенные, с поникшими головами? Ну-ка, держите головы выше!

Старики вскинули было головы, возмущенные дерзостью речи, но под пронизывающим тяжелым взглядом Балзии тут же опустили.

— Вижу, понимаю. Вы готовы сейчас пристрелить меня, только не из чего, что вы думаете обо мне, по каким руслам текут ваши мысли, какие проклятья вы шлете в душе своей на мою голову — это я знаю и без слов, можете даже и не говорить.

— Не говори так, племянница! Какое нам дело до тебя? Мы пришли в этот дом для того только, чтобы, облачившись в черное, обливаясь кровавыми слезами от скорби, проводить безвинную душу в ее последний невозвратный путь. К тебе у нас никакого дела нет, так что встанем и пойдем, пожалуй! — Пробормотав эти слова, родной дядя Балзии стал подниматься с места.

— Да, нет у нас к тебе никакого дела.

— Верно, верно, нет никакого дела.

Хрустя костями, скрипя суставами, старики поднялись с мест, переглядываясь между собой.

— Сядьте! — приказала Балзия голосом таким же резким и страшным, как недавно крикнула Атымтаю: «Стой!» От неожиданности старики засуетились и даже не заметили, как, снова усевшись, коснулись пола.

Балзия, низко опустив голову, сидела, насупившись, с трудом сдерживая гневные и горькие слова, что подступили к горлу.

— Мой отец был азаматом, уважаемым всеми вами, всей округой. Верю, что вы искренне скорбите по нему. Но как ни велика эта скорбь, как ни горька потеря — это не смерть, посланная аллахом. Она пришла от руки человека, и ее можно было предотвратить. Да, можно было Салимгерея защитить от нее, встать между моим отцом и смертью, но вам недостало на это сил. Да и что теперь говорить: что случилось, то случилось. Но вы, оставшиеся в живых, так и собираетесь попусту лить слезы, оплакивая Салимгерея, или все же намерены хоть что-то делать? Какие мысли застряли у вас в головах?

Старики вновь переглянулись. Вопрос был настолько неожиданным, что они не знали, что и сказать. Про себя же каждый из них подумал: «Не иначе, она испытывает нас».

Балзия продолжала — все с большей резкостью и напором:

— Что это с вами случилось? Я думала — вы мудрые и гордые аксакалы, достойно правившие каждый своим родом, многое повидавшие в жизни, а вы, оказывается, всего лишь жалкие, трусливые старикашки...

— Светик ты мой, чего ты хочешь? — рискнул подать голос аксакал Аксары. — Верно, страх овладел нашими душами.

— Ну так что, вы намерены и дальше сидеть сложа руки?

— А что же нам делать? Что мы можем? Одну ошибку мы уже совершили. Говорили ведь: «Ну, погрузим наш скарб, снимемся с нажитого места, откочуем — а куда? Где найдем кров и обитель?.. Нет, давайте уж потерпим, подождем, поглядим, что нам бог послал. Может, нас никто и не тронет. Что же бежать загодя. Живут же другие, как жили... Так говорили мы, но нас не послушались. И чего мы добились?»

— А чего вы хотели добиться? Вы что, пользы искали себе, какой-нибудь выгоды? Вы искали защиты и спасения от красной напасти. И что все-таки лучше — быть сосланным неизвестно куда и умереть позорной смертью в неволе или покинуть эти, ставшие враждебными края, самим сменить место обитания? Когда приближается стихийное бедствие, наводнение или пожар, разве звери не бегут из своих нор, покидая обжитые места? Когда нору заливает водой, даже мыши спасаются бегством, так неужели мы хуже мышей?

— Она права! — вскричал, сверкая глазами, бай Джакар, мужчина с густой, окладистой бородой. — Вы, Аксары, не вводите народ в заблуждение своими словами. Он и без того не знает, что делать. Ему завязали глаза, дав поиграть в жмурки. Вот он и хватает руками... воздух. Пусть Атымтай сегодня же заберет и сошлет меня, но я скажу: чем заживо сгнить в его тюрьме или ссылке... Может, я умру всего одним днем позже, пусть даже и раньше, но умру в степи, надышавшись вольным воздухом. В новых местах нас наверняка не ждет райская жизнь. Но зато там не будет насилия и произвола, унижения, позора, оскорблений, стыда...

Вот что сказал Джакар — самый младший из троих аксакалов, а старший Аксары сидел и слушал не перебивая.

Настоящее имя его было Ержеп. Он слыл одним из самых богатых людей в округе и в список конфискации попал первым, да и в списке на ссылку оказался далеко не на последнем месте. То, что сейчас младший фактически укорял его за малодушие, пусть и оправданное обстоятельствами, в другое время и в другой обстановке посчиталось бы неслыханной дерзостью, но вот теперь он слушает. Более того — согласно кивает. То ли Джакар говорит те слова, что на душе у Ержепа, то ли Ержеп признается, что у него уже нет сил для борьбы и он передает бразды правления младшему.

Поддакивая Джакару, кивает головой и грузный Джабагы. Он восседает важно не потому только, что грузен, но и потому, что до революции двадцать лет был волостным старостой. И до сих пор его все зовут «Болыс-ата», то есть «волостной дед».

— Довольно. Я поняла, что у вас на душе, — прервала разговор Балзия. Лицо ее стало еще бледнее, чем было. — Следующее слово мое таково: уходим. Народ теперь поведу я.

Все три аксакала в недоумении уставились на нее.

— Что, не верите мне? Что это вы стали пугливыми, как ворона, которая один раз клюнет, а два оглянется? Лучше слушайте, что я скажу. Чтобы сегодня же к вечеру те, кто хочет с нами отправиться, были готовы. Готовиться нужно скрытно. До наступления темноты караван должен добраться до Малого Баксана. Дети, старики и старухи пойдут вместе с кошем. Думаю, что в каждом доме найдется кому управлять. От каждого дома пусть останется по одному вооруженному джигиту. Завтра в полдень мы выступим и догоним караван уже в горах. Но — никакого шума, языки не распускать. Вы меня поняли?

— Оно, конечно, как не понять. Что же тут не понять, — откликнулся Джабагы. Но было видно, что он не совсем и не все понял. — И все же, знаешь, за вчерашний день люди устали, совсем переволновались. Дети и старики просто обезумели, услышав ружейные выстрелы. Думаю, надо бы дать людям опомниться, прийти в себя...

— Нет, если не сегодня, то будет поздно. Атымтай и его люди не будут беспокоить нас, пока я не отмечу семь дней по отцу. Не должны по крайней мере. Нам надо за это время уйти.

— У этих слов есть душа, стоит прислушаться, — вскинул голову Ержеп, оживившись.

— А как же Есет? Он ведь сидит в ауле. Не донесет ли?

— С Есетом я все улажу сама. Он тоже с нами перевалит через горы. Об остальном поговорим, когда отправим людей.

Неожиданное решение Балзии чрезвычайно обрадовало баев. И все же они колебались: верить дочери Салимгерея или не верить? Но потом сошлись на том, что, раздевшись, от воды не отступают: хочешь не хочешь, а лезь. И принялись собираться к откочевке.

Как только старики ушли, Балзия позвала к себе Есета. Он не заставил себя долго ждать.

— Балзия, да будет пухом земля покойному. Я что-то прихворнул со вчерашнего дня... Все собирался с силами и хотел зайти к тебе, и как раз тут...

— Спасибо на добром слове. Покойному-то земля будет пухом, а что аллах приготовил мне на этом свете?! — Балзия испытующе посмотрела на Есета, уже усевшегося перед ней, поджав ноги. Не смея поднять глаз на Балзию, он так внимательно уставился на носки собственных стоптанных сапог, будто увидел их впервые. Балзия закрыла двустворчатую дверь в комнату.

Движения ее были быстрыми, а голос звонок, будто и не случилось в этом доме горя.

— Я позвала тебя не для того, чтобы упрекать, а чтобы посоветоваться.

Есет поднял голову и, прищурив большие глаза, впервые, не таясь, глянул на Балзию. Было видно, что он и удивлен, и насторожен одновременно.

— Есет, для долгих разговоров времени нет. Мы решили перевалить через горы... Постой, дай сначала я скажу...

Таким началом Есет, как ударом, был сбит с толку.

— Я знаю, что ты уже давно через своего отца добиваешься моей руки. Не стану скрывать, я не считала тебя достойным себя. Да и сейчас не особенно лежит к тебе душа. Но судьбы своей, видно, не избежать. На той стороне жизнь будет продолжаться. И там ты будешь мне нужен. Я выбираю тебя. Это будет моей местью Атымтаю. Если согласен, сегодня ночью готовься в дорогу. И отца с матерью тоже готовь...

Есет застыл ошеломленный, не веря своим ушам.

— Подумай. На это есть время, но немного. Чтобы потом не жалеть, подумай и взвесь все. Если я тебе еще нужна, поедешь с нами. Нет — оставайся. Я же, сидя здесь, не могу принадлежать ни тебе, ни Атымтаю. Решайся.

— Балзия, душа моя, да я с тобой...

— Ладно, скажешь потом. Сейчас некогда...

— Согласен. Еду с тобой.

— Тогда ступай домой и собирайся.

— «Ступай»? Я лечу, Балзия, словно сокол...

— Ружье, порох, патроны, надеюсь, есть?

— Есть, есть... Все есть!

Людям, чьи пращуры — прадеды, деды, отцы — кочевали, людям, что сами, возможно, родились во время кочевий, нетрудно сняться с места и двинуться в путь. Тем более что тюки со скарбом еще никто не успел развязать после вчерашней попытки, закончившейся смертью предводителя. Как только стемнело, привыкший к кочевой жизни аул снялся с места и начал подниматься по широкой долине. С горных плато были согнаны припрятанные там табуны, их отправили впереди каравана.

Не один аул отправился в это рискованное кочевье, — целых пять аулов, цепочкой растянувшихся вдоль подножия гор. Люди здесь приходились не просто соседями, но и часто — родственниками друг другу.

Семьдесят шесть потомков семи прославленных родов — надежда их, их продолжение — собрались у входа в ущелье Жылысай. Только трое ведут родословную от иных предков: уже известный нам Есет и двое из отдаленного аула — Сальмен и Альмен. Этих двоих, послав гонцов, вызвал к себе Ержеп.

Сальмен и Альмен были известнейшие в этих краях конокрады. Многое связывало их с хитрым Ержепом. То в одном ауле, то в другом, чаще всего в предосеннее время, исчезал косяк яловых кобылиц. Все понимали, что наверняка это дело их рук, но все понимали и то, что искать пропавший косяк бесполезно. Сальмен и Альмен свое дело знали.

Сальмена прозвали в народе «Кривая шея», а Альмена — «Слепой стрелок». Никто и глаза их так не называл, побаивались этих отчаянных и ловких джигитов, но за глаза не называли их иначе.

Сальмен, будучи еще мальчишкой, полез на скалу, где орлы свили себе гнездо. Он достал уже оперившегося орленка и уже почти спустился с ним к подножию скалы, но вдруг сорвался и сломал себе шейный позвонок. За ним ухаживал местный костоправ, выправлял, втирал разные мази из трав, но все же позвонок сросся неправильно. Так Сальмен и получил свое прозвище. А заодно и ту скалу с тех пор зовут «Кривая шея».

С Альменом не случилось никаких таких историй. У него от рождения на левом глазу бельмо, да такое, что весь глаз кажется белым, как айран *. Для охотника, для стрелка левый глаз при стрельбе надо зажмуривать. А стрелком Альмен был не простым — сказочным. Вот его и прозвали... «Слепой стрелок». Первоклассный стрелок Альмен. Но как тягаться с меткостью народного языка?..

Вот этих-то парней и позвал в трудную минуту Ержеп. Он протянул в сторону братьев большую с узорами чашу, как бы говоря: «За вас!..», и, сделав несколько глотков кумыса, на поверхности которого плавали кусочки жира, перевел дыхание и облизал усы.

— Нынче ночью мы хотим еще раз попытатьси перевалить через горы. Пожалуй, это будет наша последняя попытка. Если и теперь нас постигнет неудача, мы проиграли окончательно. Воля наша будет сломлена. Мы уподобимся живым мертвецам. Наш род прекратится, потомства не останется на этой земле.

Грубый и нетерпеливый Сальмен, одним махом опрокинув в себя чашу кумыса, резко ответил:

— Эй, старик, по мне переваливайте хоть на тот свет, хоть сквозь землю провалитесь, мне все равно. Скажи сразу, что ты хочешь от нас?

Сальмен раньше никогда не позволял себе так разговаривать с Ержепом. «Что поделаешь, такие времена настали, — подумал с горечью Ержеп, — тварь, что когда-то стелилась у ног, лезет

* Айран — кислое молоко, род простокваши.

теперь на грудь. Пользуется нашим безвыходным положением. Скоро сядет и на голову!» Однако Ержеп сделал вид, что не обратил внимания на грубость собеседника, и продолжал как можно миролюбивее:

— Да, свет мой, Сальмен, ты прав, я слишком затянул разговор. А сказать я хочу вот что: возглавьте наш караван и уведите нас на ту сторону. Вы знаете, как никто, где есть пограничники, где их нет, вы знаете горы как свои пять пальцев, каждую тропинку, где вор... где ворон не пролетит, вы, охотники, пройдете с закрытыми глазами. — Ержеп запнулся на слове «вор», но ловко вывернулся, переиначив его на «ворон».

— Ладно, ладно, мы и воры, мы и охотники, об этом все казахи знают, — выпалил в ответ Сальмен. Он залпом выпил еще и умолк, задумчиво держа в руке пиалу, на дне которой покачивался недопитый кумыс. Потом поднял голову и заговорил, не поворачивая кривой шеи: — М-да-а... Дело это — очень и очень сложное. Здесь и сила нужна, и хитрость. Мы вас проведем через границу. А дальше — как сами знаете...

— Да-да, нам только это и нужно. А вы что хотите? Просите.

— Нам вашего добра не надо и лишнего не надо. Отдашь двух игреневых, знаешь, о чем я говорю...

Щека Ержепа дернулась в нервном тике. Два игреневых, гнедых, которых потребовал Сальмен, — это были два быстроногих скакуна, известных на всю казахскую степь от Семиречья до Семипалатинска, от Павлодара до Атабасара, до Каратау и дальше повсюду, куда проникает молва и слава. Природа наделила их сказочной резвостью. Как говорится — птицу на лету хватают зубами. Если убегать — никому не догнать, а если догонять — никому не ускакать. Цены им не было и нет, особенно теперь, в столь тяжелое время, когда, как говорится, конь через уздечку воду пьет, а джигит сапогами ищет брод. Ержепу показалось, что ему за пазуху сунули кусок льда, так стало ему неудобно. Он втянул голову в плечи, поморщился, подбородок его задрожал.

— Возьмите, возьмите, — заюлил он, — ну пусть хоть и не этих гнедых... Мало ли есть других скакунов, которые им ни в чем не уступают. Выбирайте любых.

— Нам нужны эти.

— Золотые мои, думаете, мне жалко их? Как только окажемся на той стороне, хоть десять таких возьмите! А тех двух, увы, во время конфискации угнали вместе со всем скотом!

— В таком случае, старик, разговор окончен.

Сальмен и Альмен разом, словно по команде, поднялись. Ержеп воздел руки вверх, как бы хватаясь за подолы их халатов, и с мольбой запричитал:

— Постойте, вы куда? Погодите же!

— Ну, стоим. Что ты еще хочешь сказать?

— Сальмен, свет мой, заберите двух игреневых, так уж быть, пусть собаки съедят то, что я для вас пожалею!

— Ну так слушай. Они сейчас пасутся в табуне на плато Косбуйрек, что за Чертовой осыпью. Эх, жаль... Была ведь возможность их увести... — Кривая шея поморщился от досады.

— Ну-ну, моя вина, берите, согласен, — Ержеп прижал ладони к груди.

— Договорились. Не позднее нынешней ночи повернете караван в ущелье Жылы-сай!

— Жылы-сай?

— Да, Жылы-сай. От каждого дома пусть останется по одному вооруженному джигиту. Остальной разговор у нас будет с Балзией. Готовьтесь в путь.

Сальмен с братом направились к выходу.

То, что предложил Сальмен, было большой неожиданностью. Ни Балзия, ни кто-либо другой из уходящих и не думали о Жылы-сае, считая его непроходимым. Так, собственно, оно и было: кто попадал в Жылы-сай, не мог выбраться, окруженный со всех сторон крутогорьем, пока не пройдет все ущелье до самого конца. С двух сторон нависали каменистые кручи, внизу ниточкой тянулся ручей. Безветренный, тихий, теплый как гнездо, сай отвечал своему названию*. Для каравана с детьми и стариками лучше и более уютного маршрута трудно было б сыскать, спору нет. Но это в любое другое время, только не сейчас. А там... Ручей с крутыми берегами причудливо извивался по дну ущелья, он довольно широк и быстр, чтобы спрямлять путь по его берегам. Придется следовать по его течению, огибая все излучины. Сколько же времени уйдет на это... Караван уподобится лодке, попавшей в водоворот. А если сзади настигнет погоня, то никуда уж не свернешь и не спрячешься. Останется только одно — сдаваться.

Но у беженцев не было другого выбора, кроме как подчиняться Сальмену. Никто не посмел ему перечить, спорить с ним или что-то доказывать. Среди ночи караван стал медленно подниматься вверх по Жылы-саю.

Вооруженные джигиты, как и было условлено, собрались отдельно, чтобы выйти позже каравана и догнать его уже в горах.

---

* Жылы-сай — Теплое ущелье.

Они собрались перед входом в Жылы-сай в тот рассветный час, когда ущелье курилось теплым туманом. С первыми лучами солнца Сальмен — Кривая шея собрал всех в кружок и стал давать наставления:

— Джигиты, кош, который отправился по Жылы-саю, завтра после полудня достигнет Тас-тама. А там никакая погоня, никто уже не сможет повернуть людей обратно. Мы должны здесь закрепиться и сутки прикрывать их движение. Если нагрянет погоня, задержать ее всеми силами. Ни в коем случае не отдавать ворота в Жылы-сай. Если в бою кто-нибудь струсит, пощады не будет. Сам застрелю на месте. Вся власть отныне в моих руках, — Сальмен повернулся к брату. Слепой стрелок, за все это время не сказавший ни слова, кивнул головой. В это время раздалось громкое конское ржание, огласившее все ущелье. Это ржал соловый жеребец с роскошной, льющейся до земли гривой и таким же хвостом. Он одиноко пасся, стреноженный неподалеку от стоявших под седлом, разбитых на группы по четыре-пять голов и тоже стреноженных и спрятанных за камнями и скалами. Задрав голову, ржал долго и встревоженно. Прядая ушами, он прислушался, но, не услышав ответа на свой клич, заржал снова.

Сальмен тоже тревожно раздул ноздри, озираясь вокруг, и, как только жеребец смолк, крикнул, обращаясь к одному из джигитов:

— Эй, чей... ты сын?

Айдарбек, который по возрасту мог быть старшим среди джигитов, оскорбленно вскинул голову, глаза его налились гневом, усы встали торчком. Он рос в ауле гордецом, забиякой, никто никогда не смел перечить ему.

— Какое тебе... дело, чей я сын?! — порывисто вскочил он с места, и все стоявшие рядом, зная его горячий и буйный нрав, боясь потасовки, дружно загалдели, чтоб отвести стычку:

— Он же сын Ержепа!

— Айдарбек, сын Ержепа-ата!

— Это мой брат, что ты хочешь ему сказать? — поднялся с другой стороны средний сын Ержепа — Сардарбек. Хоть его голос и прозвучал негромко, но на лице были написаны гнев и ярость. Он стоял, просунув большой палец правой руки за широкий серебряный пояс и вызывающе откинувшись назад.

— Тебя не спрашивают. Сядь и не прыгай. Ишь какой братолюб выискался! — прикрикнул на него Сальмен. Дети бая кинули взгляд на Балзию, которая, недобро сверкнув очами, вмиг побледнела. Братья поняли свою оплошность, потупились и сели. — Ишь какие мы гордые! — продолжал Сальмен. — Эй, кулак вам в брюхо, если вы такие гордые, чего же оставили аул, родные места и убегаете, словно кулан от собственного дерьма? А разоделись-то как! Хоть капля ума у вас есть или нет? Для чего ты оседлал солового жеребца, перед кем надумал красоваться? На ярмарку, что ли, едешь? Какой казах, со времени предков, в опасный час садился на жеребца? С коня какой спрос: он привычен к табуну, ищет свой косяк. Он будет ржать на весь Алатау. Или, может, ты решил всю дорогу подавать сигналы чекистам? В таком случае присоединяйся к своему жеребцу, будете ржать вместе, нож тебе в брюхо! Эй, джигиты, через какой бы перевал мы ни пошли, всюду этот жеребец будет подавать знак нашим преследователям. Немедленно опростайте его. Кто знаком с этим делом?..

Между тем худшие опасения Сальмена стали сбываться. С того места, где у входа в ущелье расположились джигиты, покинутый жителями аул был виден как на ладони, он располагался далеко внизу, и простым глазом никаких подробностей разглядеть было бы нельзя, но ведь у джигитов были и бинокль, и подзорная труба. И вот Сальмен — Кривая шея в подзорную трубу увидел, как ровно в полдень в опустевший аул въехали на рысях четыре всадника. Определить, кто эти всадники, на таком расстоянии невозможно, но нетрудно было догадаться, что это Атымтай с красноармейцами. Они спешились около дома Салимгерея, точнее теперь — Балзии. Один из спешившихся вошел в дом, но тотчас же вышел обратно. Сальмен внимательно за ним наблюдал. А когда тот человек, который даже в бинокль казался отсюда (а до аула было не меньше шести километров) вроде маленькой куклы, выпустил со двора двух собак и собаки радостно запрыгали вокруг него, сомнений не оставалось: собаки Балзии могли признать только одного Атымтая.

Все четверо сели на коней и поехали по аулу, заглядывая чуть ли не в каждый дом. И всюду, куда ни заглядывали, они спускали с цепей собак.

Не обнаружив нигде ни живой души, всадники постояли как бы в растерянности, энергично жестикулируя, а потом выехали за околицу. Они направились к горе Баскан, а не к ущелью, у входа в которое спрятались за камнями наблюдавшие за ними джигиты. Из всех аульных собак увязались за всадниками только две гончих.

— Ах ты, — сокрушенно проговорил Сальмен, отнимая бинокль от глаз, — как бы эти суки не испортили нам все дело! — И он протянул Балзии свой потертый, видавший виды бинокль.

Опытный охотник и конокрад, хорошо знающий повадки собак, оказался прав. Гончие сначала резво бежали за всадниками,

но потом остановились, заметались, обнюхивая землю, и вдруг, словно приняв решение, понеслись к Жылы-саю. Они мчались, словно догоняя время, за которое так далеко отстали от коша, от своей хозяйки, и торопились ее догнать.

Четверо всадников, заметив, что собаки отстали и помчались в другую сторону, остановились, посовещались и, круто развернув коней, пустили их во весь опор за гончими.

— Джигиты, — приказал Сальмен. — Будьте начеку! Но не показывайтесь. К нам приближаются четверо всадников. Задержать их нам не составит труда. Альмен, займи свое место!

Прошло немного времени, и на пригорке, на этом, зеленом берегу сухого русла показалась четверка всадников. Балзия и Сальмен, наблюдая по очереди в бинокль, теперь уже ясно видели, что это Атымтай с красноармейцами. Атымтай по обыкновению держался в седле очень прямо («Словно аршин проглотил», — бывало подсмеивалась над ним Балзия), и поэтому казался на целую голову выше других. Всадники ехали рядом, беззаботно переговариваясь, будто им предстояла самая обыкновенная охота.

Когда они приблизились на расстояние выстрела, Сальмен подал знак своим джигитам. Над ущельем в тихом воздухе прокатился гром выстрелов, раздававшихся почти одновременно с обоих горных склонов, образующих Жылы-сай. Эхо их разнеслось до дальних аулов. Залились лаем аульские собаки.

Всадники съехались в круг, видно, договариваясь о чем-то, после этого двое — Атымтай и еще один всадник — отделились от остальных и направились к горам. Красноармеец держал, подняв высоко, не то палку, не то камчу с привязанной к ней белой тряпочкой.

На этот раз раздался лишь одиночный выстрел, без всякой команды Сальмена. Оглянувшись, Сальмен понял, что выстрелил его брат — Слепой стрелок. Неизвестно, куда попал Альмен — в белую тряпку, в руку или в черенок камчи, но рука красноармейца опустилась. Все четверо всадников отступили к зеленой лощине и скрылись из виду.

Больше они не показывались. Что это? Испугались отчаявшейся толпы, готовой на все, решившей сражаться до последнего? Решили дождаться подкрепления, поняв, что силы неравны? Может, по Зеленому руслу тайком уже послали гонца к пограничникам? Одно лишь ясно: они не могут выйти из низины незамеченными и напасть на джигитов, охраняющих вход в ущелье.

Но есть одна возможность, которой про себя опасается опытнейший Сальмен. Атымтай со своими красноармейцами может, обойдя стороной ущелье, подняться вверх до расположенной у отрогов следующей горы пограничной заставы. Места те очень густо населены. Там преследователи могут собрать крупный отряд и, пройдя опасными и тайными тропами, перекрыть беженцам путь далеко впереди. Но тропы те может знать только охотник из охотников. Да и много ли найдешь желающих участвовать в облаве вместе с чекистами? Как бы то ни было, Сальмен о своих опасениях не сказал никому ни слова.

Тихий погожий день к вечеру начал портиться, поднялся ветер. Со стороны Карул-тебе понеслись, быстро темнея, рваные пестрые облака. Они сгущались, затягивая все небо. С наступлением сумерек и земля и небо слились воедино.

— Ну, джигиты, по коням!

Парни, только и ждавшие этого приказа Сальмена, побежали к лошадям. Вскоре вереница всадников, словно бусинки, нанизанные на одну нить, потянулась вверх по ущелью, забираясь все выше и выше в горы.

На крутом подъеме, начавшемся сразу от входа в Жылы-сай, кони резко замедлили ход. Даже привычные к горам лошади с усилием преодолевают крутизну. Молчат всадники, наклонясь вперед и прижавшись к луке седла. Многих одолевают сомнения: отчего не следуем ущельем Жылы-сай, почему выбрали этот путь, самый трудный для перехода? И зачем прятаться, от кого? Ведь нас не преследуют?! Однако вслух никто не посмел ни возмутиться, ни задать вопроса. Все молча и покорно тянулись за едущим впереди Кривой Шеей.

Чем дальше, тем круче становился подъем. Вскоре пошли густые, почти непроходимые заросли — кустарник с плотной стеной сосняка вперемешку с березой.

С каждой минутой сгущалась тьма, становилось ветреней, холодней...

Но, когда измученные путники вышли на открытое широкое плато среди гор, тьма не была еще непроглядной, и все увидели самое грозное, что им, путникам, предстояло преодолеть, последний перевал — пик Азулы с его пестрыми осыпями по склонам. И во тьме эта вершина белела пятнами снега.

«Азулы» означает — клыкастый. Вершина вполне оправдывала свое название. Окрестные горы можно было бы уподобить раскрытой пасти разъяренного косматого льва или обезумевшего во время гона верблюда-самца, ощерившегося перед злобным плевком. И вот в ощеренной пасти торчит заостренный клык — Азу.

У подножия этой горы, петляя и извиваясь, начинается узкая каменистая тропа — только она и может вывести путников из ущелья. В народе ее называют «волосом», уподобляя тому мостику-волосу из Корана, по которому грешники в аду должны перейти через пропасть. Воистину эта тропа из ада перенесена была

тела с одного бедра на другое, дабы не вводить идущего коня в заблуждение. Сидеть прямо.

Наверное, впервые за свою историю Адский мост не слышал песни переходящих. В тишине, под проливным дождем, черным, как сама ночь, ступили кони на «одноногую» извилистую тропинку.

Дождь, будто нарочно поджидавший беженцев, бил косыми струями со стороны ущелья, прямо в лицо едущим. Конь Балзии размеренным шагом, словно заранее отмеривая путь, который ему предстоит пройти, приближался к самому высокому, крутому и узкому повороту дороги, как вдруг из-за выступа скалы на той же тропе, но навстречу едущим показался черный силуэт всадника.

— Кто там?! — испуганно вскрикнула Балзия и сама не узнала своего хриплого голоса. От неожиданности она дернула поводья, конь под ней сердито всхрапнул, не то осуждая хозяйку за резкое движение, не то отпугивая встречного коня, но, сделав еще два-три шага, остановился, перебирая ногами. Умный конь понимал, что горячность здесь не нужна и даже опасна.

Встречный всадник не произнес ни слова. Он знал, что ни посторониться, ни уступить дорогу, ни разъехаться на этой тропе нельзя. Теперь уж было видно, что у него за плечами винтовка. Он продолжал продвигаться навстречу каравану и натянул повод лишь тогда, когда его конь и конь Балзии едва не уперлись друг в друга мордами. Оба коня встревоженно захрапели.

За силуэтом первого всадника появилось еще несколько. А сколько их там, дальше, за поворотом? Длинная вереница каравана, следовавшая за Балзией, остановилась. Когда люди (и в первую очередь, конечно, Балзия), приглядевшись в темноте, смогли различить и узнать человека, который загородил им дорогу, у многих мороз пробежал по коже, а рука, свободная от повода, от управления лошадью, сама потянулась за оружием, чтобы сдернуть его из-за спины и с плеча. Наконец раздался и голос:

— Балзия, это я.

Окончание на стр. 161

Григорий Шарый — народный депутат СССР от ВЛКСМ. Ему 29 лет. Родился он в селе. Окончил Полтавский сельскохозяйственный институт. Некоторое время работал экономистом колхоза, потом был избран секретарем райкома комсомола. Последние два года возглавляет колхоз «Заповит Ленина» в Полтавской области. Является членом Полтавского обкома ЛКСМ Украины.

**Григорий ШАРЫЙ,
народный депутат СССР**

КРЕСТЬЯНИНУ МИТИНГОВАТЬ НЕКОГДА

ЗАЩИТИТЬ МОЛОДЕЖЬ СЕЛА СИЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

СЕГОДНЯ редко кто хвалит сельское хозяйство. Как говорится, его бьют и в хвост и в гриву. И больше всего достается колхозам. Именно их винят в неспособности прокормить страну, в неумении вести хозяйство.

Если обратиться к цифрам и фактам, то в самом деле наша страна одна из немногих, которая за последние пятнадцать лет интенсивного развития сельского хозяйства не прибавила в зерновой урожайности. Это и многое другое нас, колхозников, беспокоит не меньше, а даже больше, чем всех остальных. Много причин такого положения дел. Годы насильственной коллективизации, всевозможных шараханий превратили крестьянина, над которым, говоря словами русского писателя Г. И. Успенского, царила власть земли, в поденщика. Немалый ущерб принесла сельскому хозяйству так называемая теория неперспективных деревень. Взять хотя бы Полтавщину. В нашем Чутовском районе некогда были многолюдные села, процветали хутора. Теперь у нас редко слышны детские голоса. В трех селах нашего колхоза шестьсот дворов. Но только один детсад, одна школа, один фельдшерско-акушерский пункт, одна баня, один Дом культуры. Причем все эти «очаги» соцкультбыта находятся в разных селах.

Две семьи — Алла и Виктор Грунтенко и Татьяна и Алексей Вислобоковы — в деревне новоселы. Жители они не местные. А Вислобоковы до этого вообще жили в городе.

Сейчас все громче звучат голоса, склоняющие общественное мнение к тому, чтобы установить на землю частную собственность, то же самое сделать и со средствами производства. На мой взгляд, такая постановка вопроса в корне не соответствует социалистическому способу производства. Представьте, что будет, если собственником земли станет не крестьянин. Новый «хозяин» земли может взять над ней власть, превратиться в спекулянта как землей, так и сельскохозяйственной продукцией. Зачем нам, спрашивается, возвращаться к патриархальному хозяйствованию, когда пройден большой путь, приведший нас к концентрации сельскохозяйственного производства, научно обоснованным методам хозяйствования, к севооборотам? Что, снова все разрушать? А ведь есть у нас достижения, которым завидуют даже за рубежом. Например, производство яиц. Птицеводство — одна из немногих отраслей сельского хозяйства, где последовательно внедрялась в жизнь идея специализации, концентрации и механизации производства. В стране создана крупная сеть птицефабрик и инкубаторов. То же самое можно сказать и о производстве сахарной свеклы, свинины. Словом, где хорошо организовано производство, применяется комплексная механизация и специализация, — там успех.

Но, как ни горько сознавать, продуктов пока не хватает. Даже несмотря на всевозможные меры, предпринимаемые для этого. Сейчас идет осмысление, в чем причина такого положения. Экономисты подсчитывают вложенные в село рубли, строители —

количество забитых свай, машиностроители — число поставленной сельхозтехники. И редко в этот ряд ставится крестьянская психология, редко берется во внимание та самая власть земли, которая, можно сказать, выковывала могучий и кроткий тип человека. А ну-ка спросите любого крестьянина, любит ли он землю? Хочет жить в деревне? Может, кто-то, прочитав это, улыбнется, возможно, кому-то покажется этот вопрос неуместным. Но отчего же тогда из 500 трудоспособных человек, проживающих на территории нашего колхоза, треть ежедневно отправляется на работу не на фермы и в поле, а на железную дорогу, хлебную базу, на другие промышленные объекты? Ответ у всех этих людей почти одинаков: а чем отличается работа в деревне от их труда? И тут, скажут они, и там исполнение обязанностей. И это верно! А ведь крестьянин жаждет самостоятельности, желает проявлять инициативу.

Реальностью должен стать выдвинутый на заре Советской власти лозунг «Землю крестьянам!». Каким образом это сделать? На мой взгляд, землю надо передать местным органам власти — сельским Советам. Они наиболее полно выражают чаяния крестьян. Необходимо отменить законодательные акты о передаче земли колхозам в вечное пользование, ликвидировав тем самым во многих случаях вечное издевательство над землей. Получив землю, сельский Совет вправе решать, кому дать ее в аренду. Арендатором может выступить колхоз, совхоз, отдельный арендатор или кооператив.

При таких условиях все категории хозяйств, организаций или отдельных крестьян будут иметь на землю равное право, а также нести за нее одинаковую ответственность. При этом ликвидируется монополия производителя, какими в настоящее время являются колхозы и совхозы. Создается почва для здоровой конкуренции. Победителем станет та форма организации производства, в которой будет наиболее высокий уровень производительности труда. Словом, через экономический механизм аренды земля окажется в руках тех, кто будет заинтересован использовать ее наилучшим образом.

Передача земли местным Советам преследует и другую цель. Фактическая власть сельсоветов на землю предоставит им возможность осуществлять сильную государственную политику, направленную на развитие сельского хозяйства, исключив хозяйственное вмешательство и мелкую опеку. При таком подходе к развитию аграрной политики есть, думается, смысл оставить сильные государственные рычаги в системе Госснаба, ценовую политику, санитарно-ветеринарный надзор, которые помогут сельсоветам наладить контроль за количеством гумуса в почве, состоянием экологии, установить штрафные санкции за ухудшение качества почвы. Необходимо на плечи сельсоветов переложить и вопросы формирования социальной инфраструктуры на селе. Ведь это одна из причин сокращения численности сельской молодежи. Например, в так называемой Нечерноземной зоне РСФСР около десяти тысяч деревень не имеют учреждений культуры.

Если сельские Советы возьмут в свои руки развитие социально-культурного комплекса, как это, кстати, происходит в городе, то село сможет развиваться гармонично, а не однобоко, как сейчас. Такой подход диктуется самой жизнью. Нередко хозяйство, получив прибыль, вкладывает ее на формирование социальной инфраструктуры, при этом ни копейки не истратив на развитие производства, тормозя тем самым темпы роста производительности труда и его оплаты. И — странное дело! — это порой высокорентабельное хозяйство оказывается в более худших условиях, чем то, которое, не получив прибыли, строит те же объекты соцкультбыта за счет дотаций государства. Ко всему прочему у такого хозяйства оказывается и более высокий уровень оплаты труда. Надо покончить с такой практикой, откровенным прикрытием чьей-то бесхозяйственности. А выделяемые государством дотации использовать только на создание благополучных условий для жизни и быта крестьян.

КАК ЧАСТО можно слышать о том, что возродить село может молодежь. Это верно. Но многое ли делается для самой молодежи? Вот, к примеру, какая ситуация складывается в нашем колхозе с жильем. Сейчас в нем остро нуждаются несколько молодых семей. В то же время на территории хозяйства пустует более двадцати частных домов. Казалось, чего проще, — выкупи эти дома и дело решено. Но на что купить? Денег у правления свободных нет. Приходится их отрывать от производства.

А легко ли молодым построить свой дом? Это целая эпопея! Молодые застройщики самостоятельно возводят дом по шесть-восемь и более лет. И то это при условии, что колхоз выделит кредит, материалы, предоставит всем необходимым: выделит кредит, материалы, предоставит строительную бригаду, освободит застройщиков от работы на производстве. Мы ратуем за то, чтобы застройщики-молодожены могли получить все. Но пока это наши мечты. Попробуйте помочь им, когда на производственные нужды

Не много свободного времени у народного депутата Г. Шарого. Но тем дороже минуты, проведенные с дочерью.

Фото А. САЛЮКОВА.

колхоза отпускается в год в среднем несколько сот килограммов металлопроката и до 200 килограммов электродов. О получении же строительных материалов через систему Госснаба лучше и не говорить...

Сведущие люди мне возразят, дескать, в стране существует система кредитования сельских застройщиков. В самом деле, на эти цели государство, например, в прошлом году выделило 400 миллионов рублей. На первый взгляд деньги немалые. Но каков их вес для одного застройщика? Нашему району было выделено 60 тысяч. А сколько застройщиков? Двести. Каждый получил мизер. Разве можно на такие деньги что-либо построить? Стройматериалы и те не купишь.!

Сегодня у большей части молодежи на стартовом отрезке самостоятельной трудовой жизни самая низкая зарплата в стране. Она в полтора раза ниже общесоюзного уровня. Высокие цены на потребительские товары, отсутствие пособий и кредитов больно бьют по молодежи. Это, в свою очередь, заставляет ее браться за менее квалифицированный, но более оплачиваемый труд. Налицо воспроизводство неквалифицированной социально-профессиональной структуры, обеднение интеллектуального потенциала нашей страны. Финансовые затруднения молодежи усугубляются бытовой неустроенностью, отсутствием в большинстве случаев собственного жилья. В настоящее время каждая вторая молодая семья не имеет квартиры, потребность в малосемейках удовлетворяется лишь на 15 процентов. Две трети рабочей молодежи в возрасте до 27 лет проживает либо в общежитиях, либо снимает угол.

Учитывая положение, сложившееся в сфере молодежных проблем, было бы разумно предпринять ряд тактических и стратегических мер. Скажем, ввести льготы для молодежи за счет местного бюджета, в том числе льготные кредиты, туристские и транспортные скидки, предусмотреть погашение государственной части кредита в связи с рождением детей, строительством жилья, обзаведением хозяйством, переездом в сельскую местность, работой в трудоемких и вредных условиях. Словом, усилить социальную защищенность молодежи,— создать материальный фундамент для становления и развития крестьянской семьи.

В решении этих и других проблем, связанных с жизнью молодежи, в том числе сельской, больше настойчивости должен проявить комсомол. Авторитет любой политической организации определяется силой ее влияния на происходящие процессы. К сожалению, долгие годы молодежь жила своими проблемами и интересами, а многие комсомольские функционеры — своими. И когда некоторые сельские комитеты комсомола начали заниматься конкретными делами, например, строительством молодежных жилищных комплексов, спортплощадок, школ, садов, организацией фермерских хозяйств, молодежных арендных коллективов, они вдруг попали под огонь критики, мол, не своим делом занялись.

Молодым крестьянам митинговать некогда. Нет у них времени организовывать пикеты, размахивать флагами. Но тем не менее им хочется знать, чем живет молодежная общественно-политическая организация, какие отстаивает ценности, какую занимает позицию по тому или иному вопросу, в той или иной ситуации. Но как об этом узнать? Секретари и члены Бюро ЦК ВЛКСМ редко заявляют о своей позиции по животрепещущим проблемам. Кто сегодня может сказать, за что комсомол: за «Саюдис» или литовский Интерфронт, за «Память» или Демократический союз? Кто ответит, почему некоторые комитеты комсомола раскололись по национальному признаку?

Мне, например, трудно даже вообразить, что вдруг жители одного села последовали бы такому примеру. Кто бы сеял хлеб, доил коров, убирал картошку? Сельская молодежь — наследница народных традиций, национальных культур, языка, народного творчества. И не надо обвинять ее в излишнем «консерватизме», «несовременности». Крестьяне ничего не берут на веру, не принимают наносное. Как сто, двести, тысячу лет назад, они делают, казалось бы, простое дело — растят хлеб. Но попробуйте обойтись без него! Так давайте вместе, как говорится, всем миром поможем крестьянину почувствовать, наконец, себя хозяином, дадим возможность самому распоряжаться своим трудом и выращенным урожаем.

Прежде чем обвинять колхозников в нелюбви к земле, в неумении хозяйствовать, надо дать им возможность по-настоящему показать свою силу. Ведь на протяжении десятилетий колхозы, как кооперативная форма собственности, не имели условий для гармоничного развития. Колхозы можно сравнить с пловцом, которого заставили проплыть всю дистанцию под водой на едином дыхании. А теперь говорят, что нам нужен новый пловец. Так дайте сначала первому вздохнуть.

КОМСОМОЛ: КАКИМ ЕМУ БЫТЬ!

С ОПОРОЙ НА «ПЕРВИЧКУ»

Потеря авторитета комсомолом, массовый выход из него молодежи, неспособность многих комсомольских функционеров повести за собой — вот только некоторые симптомы болезни, которая поразила комсомол. ВЛКСМ оказался в кризисе,— отмечается в программном заявлении ЦК ВЛКСМ к XXI съезду комсомола, которое было принято на IX пленуме ЦК ВЛКСМ.

Какой нужен комсомол! Каким он должен быть! Что необходимо сделать, чтобы коренным образом изменить функции аппарата и подчинить его выборным органам! Эти и другие подобные вопросы активно обсуждаются в комсомольских организациях. Своими мыслями о перестройке в комсомоле делится секретарь комсомольской организации цеха окончательной сборки Воронежского авиационного завода Валерий МАЛЬЦЕВ.

Для тех, кто еще не окончательно разуверился в комсомоле, стало наконец очевидным: комсомол нужно менять. И менять радикально, не ограничиваясь полумерами в виде решений и инструкций ЦК ВЛКСМ. Очевидно, решать вопросы такого масштаба может лишь съезд.

Сейчас многие часто вспоминают высказывание В. И. Ленина о том, что союз молодежи не должен ограничиваться чтением коммунистических книг, не должен запираться в свои школы. Произнесено это было 70 лет на-

зад. За это время политические функции союза молодежи были размыты. Сложилась любопытная ситуация, при которой «низы» — первичные организации — жили сами по себе, проводя какие-то мероприятия, акции, а «верхи» — горкомы, обкомы и даже ЦК республик — сами по себе, захватив монополию на «представительские» функции. Надо прямо сказать, что и со стороны партийных комитетов утверждалось своеобразное отношение к ВЛКСМ, скорее как к «школе», где не любят слишком ретивых и умных учеников, где отбирают для продвижения вверх покладистых, послушных, всегда готовых к компромиссу. Не в этом ли причина того, что комсомол постоянно оттеснялся от серьезной политики?

Вероятно, есть смысл изменить структуру комсомола. Например, реорганизовать ВЛКСМ в сеть республиканских союзов молодежи. В республике легче решать национальные, социальные и экономические проблемы, касающиеся молодежи. Союз должен заниматься конкретными вопросами — зарплатой, жильем, знать, в каких условиях трудится молодежь. А политику свою проводить через выборных людей во всех государственных органах. Иначе голос комсомола никто по-прежнему не будет слышать.

Жизнь убеждает, что даже комсомольские акции типа манифестаций, митингов малорезультативны. Например, недавно мы проводили кампанию по сбору подписей под воззванием комитета комсомола против строительства Ново-Воронежской АЭС. Ну и что? Она как строилась, так и строится. А сколько шума было поднято вокруг сбросов отходов в Воронежское водохранилище! Но результат тот же. Необходим механизм, с помощью которого можно решать важные вопросы, не прибегая к крикам, пикетам, воззваниям.

Требуется пересмотр функций и прав комсомола, особенно прав первичных организаций. Должен быть определен их приоритет, так как они являются политической и организационной основой союза. Отстаивая единство в осуществлении общей политической линии комсомола, «первички» должны самостоятельно выбирать формы и методы работы. Главные вопросы жизни комсомола необходимо решать с участием всех комсомольцев. А то нередко случается так, что с мнением большинства «верхи» не считаются. Вот простой пример. ЦК ВЛКСМ недавно выступил инициатором и стал спонсором аэрокосмического общества «Союз». Мы узнали об этом после того, как получили приглашение принять участие в работе учредительной конференции. Выяснилось, что на создание этого союза пошли наши, комсомольские средства. Мы удивлены тем, что где-то там тратятся немалые деньги, а нас об этом даже не ставят в известность. А не лучше ли их было бы направить, скажем, в сферу обслуживания, на акции милосердия, создание творческих молодежных предприятий? Возможно, эти мероприятия заведомо и убыточные, но зато общественно и нравственно значимые.

Многие комсомольцы ждут, что XXI съезд ВЛКСМ примет важные решения. По моему мнению, новый облик молодежной организации должен определиться практикой, реальной жизнью и интересами молодежи.

Записала
М. КОПЫЛОВА

ПАМЯТЬ У НАС ОДНА

С ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ ЕДИНЕНИЯ РУСИ

— Не здесь собиралось на великую битву войско Дмитрия Донского. Не здесь совершали и ратный подвиг наши предки. Но здесь хранят память о тех, кто защитил Родину 21 сентября 1380-го, — это слова подполковника А. Беседина. А сказал он их в Новосибирске у вечного огня монумента Славы на торжественном ритуале, посвященном дню победы русских воинов на Куликовском поле и памяти всех, за Отечество наше жизнь положивших.

Велико значение отмечаемого сибиряками события.

Многие десятилетия сгибалась Русь под ярмом татаро-монгольского ига. Обескровленный, разоренный постоянными набегами степняков и междоусобицами народ казался обреченным. Но за полуразрушенными стенами русские оставались сами собой, со свойственным им характером, национальной гордостью, «непознанной славянской душой». Таких людей нельзя было покорить. Настало время, и они, поверженные, нашли в себе силы подняться и шагнуть навстречу недругу.

Дмитрий Донской говорил перед битвой, что освобождает землю русскую от «темной силы». В «Сказании о Мамаевом побоище» захватчики названы и «темной властью». Что подразумевали под этими словами великий князь и авторы рукописного памятника? Некоторые исследователи прошлого считают: «темной силой» и «темной властью» названы те, кто стоял за спиной Мамая,— азовские, крымские, венецианские работорговцы. Они не осаждали славянского города, не гибли от мечей и стрел. Рисковать жизнью был удел татар, бравших у «темной власти» «подряд» за «подрядом» на добычу русских рабов, очень ценившихся на невольничьих рынках.

Известный немецкий востоковед Христиан Адам Мец в книге «Мусульманский ренессанс», изданной в Москве в 1973 году, пишет: «В Европе работорговцами были исключительно евреи. Товар поступал главным образом с Востока... категория белых рабов ограничивалась тюрками и... славянами. Они ценились выше тюрков». С усилением Руси работорговцы и их «субподрядчики» теряли этот неиссякаемый до той поры источник баснословных барышей. Разве могли они допустить такое. Следовало раз и навсегда смирить русских с уготованной для них долей. С этой целью были наняты в орду Мамая буртасы, генуэзская пехота, натравлены на Русь литовцы. Фактически был организован международный заговор.

Однако тщетны были их потуги. Победой на Куликовом поле русские доказали «темной силе», что способны одолеть самого грозного и коварного врага, если объединены помыслом — защитить Отечество. Помнить об этом ратники Дмитрия Донского завещали и своим потомкам.

На афишах, расклеенных в Новосибирске, было напечатано: «Ритуал, посвященный памяти всех, за Отечество наше жизнь положивших». Вчитывались в эти слова сибиряки, и становился понятен смысл еще одного начинания организаторов торжества. У нас в календаре отмечено красным цветом 9 Мая. В это день празднуем мы Победу над темной силой двадцатого века — фашистами, склоняем головы над могилами тех, кто не дожил до счастливого дня, кто умер от фронтовых ран после войны. Но не было у нас даты поминовения дружинников Игоря, Олега, Святослава, Евпатия Коловрата, ополченцев Минина и Пожарского, воинов Ермака, Суворова, Кутузова, Брусилова, моряков Ушакова, Нахимова... — всех, сложивших головы за волю и землю нашу в иных войнах, битвах и сражениях. Теперь такая дата есть: 21 сентября — день Куликовской битвы.

За организацию торжества взялись вначале члены местного объединения «Память». Много патриоты у местных властей не просили: лишь выделить место для проведения ритуала. Власти поддержали инициативу. Но как? Позволили помянуть славных предков... на пустынном берегу Оби, чуть ли не за городом. Возможно, новосибирцам там бы и пришлось собираться 21 сентября. Но к важному делу подключились активисты «Союза духовного возрождения Отечества» и «Союза борьбы за народную трезвость». Они сумели заручиться поддержкой обкома ВЛКСМ, политотдела Сибирского военного округа, местного отделения Всероссийского фонда культуры, Новосибирской епархии Русской православной церкви. Это уже была сила, несравнимая с ославленным многими средствами массовой информации объединением.. А тут еще патриоты собрали несколько тысяч рублей, с лихвой покрывших все предстоящие материальные затраты. И горисполком принял решение провести ритуал там, где и надлежало, — у вечного огня монумента Славы, воздвигнутого в честь сибиряков, погибших на войне.

Много хлопот выпало на долю председателя отдела культуры горисполкома Тамары Долиной и балетмейстера Новосибирского академического театра оперы и балета Натальи Соковиковой. Вместо навязываемого торжества с неуместными в этом случае приветствиями пионеров они разработали и обсудили свой необычный сценарий. Договорились о выступлениях художественных коллективов, подобрали костюмы русских воинов. В таком облачении, со знаменем Московского народного ополчения — «Георгием Победоносцем» и великокняжеским стягом «Спас Ярое Око» стояли несколько часов Виктор Пахомов и Леонид Козиков.

День памяти выдался погожим. Осень, а на небе яркое солнце, ни облачка. Прохладный же ветерок для сибиряков не помеха. Порадовали собравшихся и выступающие. Запомнились торжественное шествие к мемориалу духовенства, курсантов Новосибирского военно-политического училища, девушек в цветастых сарафанах, волнующая игра духового оркестра под руководством А. Султанова, мастерство, которым блеснули народный ансамбль В. Асанова и учащиеся 162-й средней школы, хор Вознесенского кафедрального собора, челябинский ансамбль русской духовной музыки «Октоих», барнаульский коллектив «Песнохорки», артисты Л. Швец, Л. Одинякова. Проникновенно звучала в их исполнении музыка Глинки, западали в душу стихи Блока.

Невозможно найти достойные памяти павших слова, если они произносятся по заказу, а не идут от сердца. Те, кто подходил в этот день к микрофону, такие слова нашли. А говорили они о том, что в нынешнее неспокойное время мало помнить своих славных предков, надо жить по их заветам.

Следует руководствоваться прежде всего тем, кто перед нами — патриот или человек с психологией оккупанта. Типичные представители последних — те, кого больше всего сейчас беспокоит вопрос о беспрепятственной эмиграции, кто обливает грязью национальные святыни, прикрываясь плюрализмом мнений, кто насаждает пьянство, чуждое народу авангардное искусство,— это говорил член совета новосибирского объединения «Память», доктор физико-математических наук, профессор Ю. Мерзляков.

— Не снимай оружия, не оглядевшись. Есть люди, которые хотят, чтобы мы это сделали. Хуже того, они стремятся поссорить армию с народом,— поделился наболевшим подполковник А. Беседин.

— В настоящее время активизировались силы, пытающиеся разъединить наш народ на враждующие группировки, на верующих и неверующих, на партийных и беспартийных, на молодежь и старшее поколение. Они пытаются вбить клин не только между народом и армией, народом и правоохранительными органами, но и посеять вражду между русскими и прибалтийцами, грузинами, молдаванами... Но нам незачем враждовать. Все мы — сыновья и дочери единой матери, которую зовут Россия — СССР,— слова председателя совета новосибирского отделения «Союза духовного возрождения Отечества», кандидата физико-математических наук А. Аюлько.

Закончили ритуал панихидой по погибшим во всех войнах. От вечного огня зажгли сотни свечей и поставили у подножия высоченных стел, сплошь покрытых инициалами и фамилиями сибиряков, погибших на полях только одной войны.

Глядя на колеблющиеся под открытым небом огоньки, думалось о нашей причастности к минувшим событиям, о том, что борьба, начатая на Куликовом поле, продолжается и поныне. Ведь и теперь «темные силы» пытаются поработить нашу землю. Ежегодные людские потери от болезней, алкоголя, прочих напастей, которые несет Советский Союз, сопоставимы с потерями на фронтах Великой Отечественной войны.

Наших соотечественников пытаются запрограммировать с помощью средств массовой информации, псевдоискусства, наркотиков — на добровольное рабство. Битва сейчас идет не в чистом поле, а в области духа, и оружие в ней не меч, а слово. Но, как и в прежние времена, очень велико значение борьбы, которую ведет наш народ. От исхода ее зависит не только его судьба, но и будущее многих народов мира.

«Вы — наша надежда»,— сказал французский литератор Аген Боске. Сказано недавно. Потому что Русь, как и во времена татаро-монгольских нашествий, 1812 и 1941 годов, вновь заслоняет собой весь мир. Зная о том, не победить нельзя. Да поможет нам в святой борьбе мужество и пример наших предков. Вечная им память!

Александр МАЛЫШЕВ

Фото автора

г. Новосибирск

КГБ И ГЛАСНОСТЬ

Встречи сотрудников КГБ СССР с трудящимися становятся привычным делом. Люди из первых уст узнают о деятельности органов и войск госбезопасности, участии чекистов в перестройке, о том, как они обеспечивают безопасность государства. Начальник отдела контрразведывательного управления КГБ СССР А. С. Овидиев тоже бывает на таких встречах. Сразу же после одной из них и состоялась наша беседа.

ПО ДАННЫМ КОНТРРАЗВЕДКИ

— Александр Сергеевич, год назад вы могли бы вообразить, что вот так запросто будете давать интервью? Я, например, и мечтать не смел о том, что буду расспрашивать контрразведчика.

— Пожалуй, год назад мы вряд ли бы с вами устроили беседу. Но времена меняются. Приоткрываются завесы на многое, что раньше было тайной, хранящейся за семью печатями. Это в полной мере касается и работы нашего комитета. Особенно быстро стал рассеиваться туман, окружающий нашу деятельность, после того, как в мае прошлого года на заседании коллегии КГБ СССР был рассмотрен вопрос о развитии гласности в деятельности органов и войск госбезопасности. Разве можно было до этого представить, чтобы, скажем, председатель КГБ давал интервью какой-нибудь газете или телевидению? А теперь все это становится обычным. Больше того, он даже встречается с иностранными корреспондентами. Мы, рядовые чекисты, также не должны уходить от вопросов, какими бы они острыми ни были.

— Скажите, чем сегодня занимается контрразведка?

— Что такое контрразведка, думаю, долго объяснять не надо. Она защищает государственные, научные, военные и другие интересы, противодействует разведке противника, его подрывной деятельности. Председатель КГБ В. А. Крючков в одном своем интервью отметил, что разведка — это игра без правил. Есть такие особенности, которые не позволяют заключать соглашений с кем-либо о том, как и по каким нормам разведывать противника. Нечто подобное происходит и с контрразведкой. Не можем же мы заранее предупреждать того или иного иностранного агента или государство, от имени которого он действует, о своих намерениях и планах! Можно многое рассказать о работе контрразведчиков. Но, думаю, вы не очень обидитесь, что придется говорить скупо. Ничего не поделаешь— специфика. Но тем не менее расскажу о своих коллегах, которые работают рядом. Большая часть сотрудников подразделения, возглавляемого мною, это молодые люди в возрасте от 25 до 35 лет. Среди них есть и комсомольцы. Все они имеют высшее образование.

— А какие у них специальности?

— Самые разные. Есть экономисты, преподаватели, даже агрономы. До прихода в органы КГБ некоторые из них работали в народном хозяйстве, служили в армии.

— Вы так говорите, будто в КГБ берут чуть ли не всякого. А как же с погонями, ловлей шпионов? Кто этим занимается?

— Тот, кто работает в КГБ. Прежде чем попасть к нам, люди обучаются в учебных заведениях госбезопасности, стажируются непосредственно в подразделениях. Не расстраивайтесь, они умеют и стрелять, причем неплохо, могут постоять за себя — все они владеют приемами самообороны. Но главное — это их внутренний мир, их гражданская позиция, готовность содействовать обновлению общества, их беззаветная преданность Родине. Контрразведчик не может не быть патриотом.

— В вашем отделе работают только мужчины?

— Нет, есть и девушки. Но оперативную работу выполняют только мужчины. А с делопроизводством, конечно же, лучше справляются девушки.

— Александр Сергеевич, а бывает в вашей сложной, многотрудной, а порой и рискованной работе везение, неожиданное стечение благоприятных обстоятельств, предопределяющих успех?

— Знаете, бывает. Но, правда, есть одна закономерность. Ее заметил еще Данте:

Лежа под периной
Да сидя в мягком, славы не найти...

— А что такое профессионализм в вашей работе?

— Контрразведчик владеет всеми формами и методами борьбы с иностранными разведчиками. Подготовлен физически, психологически, умеет, как я уже говорил, стрелять, может водить автомобиль, знает иностранный язык, умеет работать с компьютером. Но профессионализм контрразведчика не уложишь в обычные рамки. От него требуется виртуозность, если хотите, одухотворенность.

— Сколько сотрудников работает в американских разведывательных органах?

— Более двухсот тысяч человек.

— Целая армия!

— Это почти столько, сколько было военнослужащих в США накануне второй мировой войны. Причем в органах военной разведки насчитывается около 140 тысяч человек.

— Да, но ведь сейчас вроде бы произошло потепление международного климата.

— Тем не менее на той стороне, как говорится, не бездействуют, не оставляют попытки влиять на положение дел в нашей стране, причем активно влиять.

— В таком случае, думаю, читателям «Молодой гвардии» неплохо будет знать, чем интересуются спецслужбы Запада?

— Сейчас их устремления все больше смещаются в сторону подрыва экономики, системы управления народным хозяйством. Они пытаются добывать информацию о планируемых внешнеэкономических акциях нашей страны, фундаментальных исследованиях в области науки и техники, народнохозяйственных планах. По-прежнему интерес проявляется к мировоззрению людей, в том числе и молодежи. И это естественно. Ведь перестройку всего общества без активной и заинтересованной работы всех не осуществить. Именно поэтому подрывные центры не жалеют средств на идеологические диверсии, делают все возможное, чтобы дискредитировать КПСС, очернить историю нашего государства, практику хозяйствования,

пытаются дестабилизировать практически все сферы жизни общества.

— С помощью чего же это делается?

— Прежде всего перетряхивается обветшалый идеологический багаж, извлекаются из архива троцкизм, другие оппозиционные течения. Спецслужбы ищут лазейки для проникновения в общество, оказывают целенаправленное и дифференцированное воздействие на различные группы населения, навязывают советским людям буржуазное понимание демократии, пытаются подорвать единство партии и народа, насадить политический и идеологический плюрализм антисоциалистического толка, зачастую в соблазнительной упаковке широкой деидеологизации. В подрывных целях активно используется экономическое и гуманитарное международное сотрудничество.

— Александр Сергеевич, в печати не раз упоминалось, что спецслужбы Запада умело применяют техническую разведку. Что она собой представляет?

— Иностранные разведки имеют такие системы, которые позволяют снимать и анализировать речевую и сигнальную информацию с различных линий связи, скажем, телефонных, радиотелефонных, радиорелейных, кабельных линии, а также с электронно-вычислительных машин. Для добывания информации широко применяется расшифровка и интерпретация кино-, фото- и телеизображений разведываемых объектов, полученных в результате ведения воздушно-космической и агентурной разведки. Причем радиотехническая разведка против нашей страны осуществляется не только из-за рубежа. И на нашей территории, и в воздушном пространстве, и в территориальных водах. Вдоль наших границ круглосуточно патрулируют иностранные разведывательные самолеты и корабли. Характерный пример — обнаружение на дне Охотского моря технического комплекса с разведывательной аппаратурой, с помощью которой перехватывалась информация с подводного кабеля Министерства связи СССР. Радиокомплекс находился в 60 километрах от нашего берега. В него входило два глубоководных весом несколько тонн контейнера. В них было устройство, которое снимало излучение с кабеля, электронная программируемая система для регистрации перехватываемой информации, блоки многоканальной записи, атомный источник энергии. Для того, чтобы радиокомплекс легко находили американские подводные лодки, он был снабжен гидроакустическим маяком.

— И все же, как я понимаю, в разведывательных делах без человека не обойтись.

— Верно. Даже в век спутников-шпионов и других эффективных технических средств агентура является основой разведывательной деятельности спецслужб Запада.

Нам противостоит мощнейшее разведывательное сообщество. У него высокий интеллектуальный и аналитический потенциал. Его сотрудники исследуют и моделируют все процессы, происходящие не только в экономике, политике, общественной жизни, но и в других сферах. Например, в поле их зрения сельское хозяйство, наличие сырья, демографическая ситуация, в том числе и национальные отношения. Для моделирования, прогнозирования, а по возможности и влияния на все происходящие процессы привлекаются значительные силы. Сегодня, например, повышенный объект внимания — национальные отношения и их развитие. Известно, что различные эмигрантские организации пытаются всячески рекламировать на Западе

деятельность националистических группировок экстремистского толка. Например, на видеопросмотрах в Колумбийском университете (г. Нью-Йорк) демонстрировались фильмы о литовском «Саюдисе», некоторых других формированиях. Аналогичные мероприятия проводятся в ФРГ. Видеофильмы, как правило, сопровождаются враждебными по отношению к нашей стране комментариями. Спецслужбы и зарубежные антисоветские центры направляют усилия на то, чтобы поддержать центробежные тенденции, оппозиционные группировки и партии. Они используют накопившиеся противоречия в сфере национальных отношений как инструмент, предназначенный сначала расшатать единство нашего государства, а затем расчленить.

— Выходит, эти усилия не проходят бесследно? Мы уже стали свидетелями межнациональных столкновений в Закавказье, Прибалтике, Молдавии, Узбекистане. Известна и цель некоторых экстремистских организаций — отделение тех или иных республик от СССР. Льется кровь, страдают люди... Можно сказать, идет гражданская война.

— Да, события серьезные. Порой они приобретают неуправляемый характер. Органы госбезопасности, зная обстановку, не могут решать все проблемы — необходимо участие граждан, трудовых коллективов.

— А в чем состоит тактика спецслужб и антисоветских центров?

— Они поощряют ранее существовавшие и вновь возникающие антиконституционные группировки. Например, съезд известного своей антисоциалистической деятельностью Совета народно-трудового союза (НТС) весной 1988 года одним из основных направлений деятельности определил усиление работы среди возникающих у нас «неформальных объединений, клубов свободной печати, независимо от степени их организованности и политической зрелости».

— На сессии Верховного Совета СССР говорилось о том, что за последние годы органы госбезопасности выявили около 30 агентов спецслужб. Вы каким-то образом причастны к этому?

— Не скрою, причастен. Но не только я один, а весь коллектив нашего отдела.

— Расскажите хотя бы об одном каком-нибудь случае. Если, конечно, это не секрет.

— Какой секрет! На встречах с трудящимися рассказываю... И не об одном случае. Мы имели дело даже с широко поставленными шпионскими акциями. Например, одной из иностранных спецслужб под прикрытием торгово-посреднической фирмы было создано, образно говоря, шпионское гнездо. Под видом коммерсантов действовали профессиональные разведчики-агентуристы. Где с помощью денег, где втягиванием в преступные сделки, где на интимной основе, а также используя отсутствие у некоторых гражданственности, патриотизма, они вербовали нужных людей. У шпионов было в Москве несколько конспиративных квартир. В их сети попали ученые, специалисты, военные, журналисты, администраторы гостиниц, работники различных государственных учреждений, в том числе внешнеторговых, а также таксисты и парикмахеры. Продавшиеся были не только жителями столицы... Через эту сеть противник получил доступ к важной информации оборонного, экономического, научного и политического характера. Преступники были пойманы с поличным. Правда, к сожалению,— и это мы считаем своей недоработкой — часть важной информации все же ушла за границу.

Вот вам иллюстрация того, как подготовлен противник к тайной войне, как он умело и ухищренно действует, как использует самое низменное, что есть в некоторых наших согражданах — корысть, беспринципность, жажду наживы, стремление к легкой жизни, отсутствие любви к Родине.

— Скажите, а 30 пойманных шпионов — это много или мало?

— Знаете, не мне давать оценки... Единственное, в чем я уверен, так это в том, что количество разоблаченных иностранных разведчиков не является всеобъемлющим показателем эффективности деятельности контрразведки. В тайной войне, которую мы ведем, происходит много такого, что наносит противнику значительно больший ущерб, чем разоблачение его агентуры. Ведь против нас работает система. И ее можно сравнить с авианосцем. Каждому ясно, из-за одного или двух выпавших матросов он заданный курс не изменит.

— Но ведь за борт падают не только у них.

— К сожалению. Помните, фильм «Мертвый сезон»? Наш разведчик, которого играл Д. Банионис, был обменен на иностранного.

— Так, значит, и в жизни такое бывает?

— Конечно. Вы же, думаю, знаете судьбу нашего разведчика Рудольфа Ивановича Абеля.

— Александр Сергеевич, в последнее время вскрыты крупные преступления в различных отраслях народного хозяйства, которые говорят однозначно о том, что в стране существует организованная преступность, по сути дела, мафия, для которой характерно сращивание преступного мира с государственным аппаратом и хозяйственными органами. Поскольку организованная преступность наносит серьезный политический и идеологический ущерб, органы КГБ не остаются в стороне от борьбы с ней. Известно, например, что чекисты стояли у истоков искоренения организованной преступности в Узбекистане, в других районах страны. А так называемое «золотое дело» о преступлениях в старательских артелях, которое вела следственная группа Прокуратуры СССР, возглавляемая А. Нагорнюком, вам знакомо?

— В силу своих служебных обязанностей я знаком с рядом дел, вскрывающих организованную преступность. Знакомо мне и «золотое дело». Знаю я и Нагорнюка и отношусь к нему с уважением.

— Говорят, что эта группа вскрыла чуть ли не целую организацию, в которую входили работники различных органов, даже правоохранительных, и вроде бы ворочала многомиллионными суммами?

— Об этом сообщалось в печати.

— Но говорят, что следственную группу расформировали и будто бы в этом замешаны партийные инстанции?

— Нет, это не так. Наоборот, именно ЦК КПСС обратил внимание на безобразия, которые творились в золотодобывающей промышленности, в частности в старательских артелях. Именно по инициативе ЦК партии, а если точнее, Е. К. Лигачева и А. И. Лукьянова была создана авторитетнейшая комиссия, по результатам работы которой принято постановление ЦК КПСС, опубликованное в печати. На основании этого постановления кардинально реорганизована золотодобывающая и перерабатывающая промышленность.

— А используют ли иностранные разведки в своих целях организованные преступные группы?

— Противник стремится использовать все негативное, что есть в нашей жизни, в том числе и преступные группы.

— А вы не читали в девятом номере нашего журнала за прошлый год киноповесть Вадима Цекова «В схватке»?

— Как же, читал.

— В таком случае вы, наверное, обратили внимание, что в ней говорится не только об организованной преступности и мафии, но и о деятельности спецслужб. Насколько изображенное в киноповести соответствует действительности?

— Картина, нарисованная Вадимом Цековым, весьма реалистична. В ней верно схвачены типичные образы. Даже заговор против суще-

ствующего строя, о котором говорится в произведении, представляется возможным. Ведь раз существует теневая экономика, в которой не последнюю роль играют организованные преступные группы, значит, есть и теневая политика. Это, по-моему, весьма ценное наблюдение автора киноповести.

— Нередко можно слышать, что у перестройки есть противники. Кто они?

— Мне известно, что некоторые в своих публичных выступлениях, а то и публикациях, говорят о противниках перестройки. Я против подобных формулировок. И уж тем более неприемлемы в официальных документах, которые являются не чем иным, как руководством к действию. Если нет юридического определения таких формулировок, то в Москве, скажем, в них могут вложить один смысл, в Рязани — другой, а на Дальнем Востоке — третий. Противники перестройки, на мой взгляд, те, кто нарушает закон.

— А как в этой связи расценивать деятельность национально-патриотического фронта «Память»?

— Только соотнося с законом. Если деятельность фронта в ладу с ним, если нет никаких противоправных действий в его работе, то какой тут может быть разговор?

— Александр Сергеевич, коль мы заговорили о законе, то позвольте коснуться и такого вопроса, который волнует многих: как органы госбезопасности соблюдают его? Ведь в вашей работе, как известно, присутствует конспиративность, секретность. Каким образом в такой ситуации избежать противоправных и антизаконных действий?

— Только соблюдая принцип законности! Он, кстати, является одним из главных в деятельности КГБ.

— А что, есть еще другие принципы?

— Есть. Руководство органами госбезопасности партией, связь с массами и опора на них.

— Но разве в тридцатые, сороковые, начале пятидесятых годов принципы деятельности органов госбезопасности были другие?

— Нет, эти принципы сформулированы В. И. Лениным.

— Так почему же стали возможны беззаконие и произвол?

— Потому что не соблюдалась законность! Ошибки прошлого не должны повториться. Для этого, с одной стороны, мы должны иметь совершенное законодательство, соответствующее государству, претендующему называть себя правовым, а с другой, — создать законные основания для контроля за нашей деятельностью. Тогда силы и средства, формы и методы, применяемые КГБ, будут использоваться только в случаях, необходимых для решения оперативных задач и разрешенных законом.

— А чем сегодня регулируется деятельность КГБ?

— Основным нормативным документам КГБ уже более 30 лет. За это время произошли глубокие изменения, сложились новые условия. И, конечно же, возникло несоответствие их современной жизни. Это все диктует необходимость нового законодательства.

— И каким же вы его видите?

— Думается, что высший орган государственной власти, формирующий политику государства, должен определить стратегию или доктрину национальной безопасности СССР. Исходя из этой доктрины, должны быть сформулированы задачи, связанные с обеспечением государственной безопасности. Например, для работников Министерства иностранных дел должны быть определены задачи обеспечения госбезопасности дипломатическими методами, для Вооруженных Сил — военно-стратегическими, военно-тактическими. Да и работники промышленности, агропромышленного комплекса вносят

свой вклад в обеспечение госбезопасности — наращивают экономический и оборонный потенциал.

— А как же КГБ?

— Особая часть закона или, не исключено, отдельный закон определит рамки обеспечения государственной безопасности тайными методами, то есть необходимо предусмотреть, при каких обстоятельствах и на каких законных основаниях мы, чекисты, можем использовать те или иные силы и средства для выявления, предупреждения и пресечения разведывательно-подрывной деятельности против нашей страны.

— Из того, что вы сказали, можно понять, что закон должен определить условия и обстоятельства, при которых разрешено прослушивать телефоны, перлюстрировать корреспонденцию, использовать агентуру, слежку и т. д.?

— Да, обязательно! А как же иначе. Ведь сегодня борьба против лиц, преступивших закон, — дело весьма не простое. Голыми руками ничего не сделать. Спецслужбы применяют различные ухищрения, уловки, изощренно маскируют и зашифровывают свою деятельность. Действуют наступательно, иногда вероломно.

— А не покажется кому-то, что вы покушаетесь на демократию?

— В тайной борьбе существуют свои закономерности. Проигнорировать их, — значит в конечном счете создать предпосылки для подрыва нашей безопасности. А что касается демократии, то я бы отослал своих оппонентов к работе В. И. Ленина «Ренегат Каутский и пролетарская революция». Для меня, коммуниста, ленинское теоретическое наследие по вопросам классовой сущности демократии остается непреходящим. В этой работе сказано о том, что нельзя говорить о «чистой демократии», а можно говорить только о классовой демократии. Чистая демократия есть лживая фраза либерала, одурманивающая народ.

Ну а когда на основании закона о госбезопасности будет создано положение о КГБ и его структурных подразделениях, вплоть до обозначения функциональных обязанностей отдельных сотрудников, когда будут сформулированы законные основания для применения чекистами специальных форм и методов их деятельности, преступник будет знать, что государство на законных основаниях примет все имеющиеся возможности для его разоблачения. Преступник будет обречен. В то же время честный советский человек будет уверен в том, что весь арсенал этих тайных средств будет направлен только на его защиту.

— А как вы отнеслись бы к созданию КГБ РСФСР?

— Точно так же, как к созданию ЦК Компартии России, Российской Академии наук, ЦК ЛКСМ РСФСР. По-моему, необходимо соблюсти историческую справедливость. И обязательно во всех государственных и общественных организациях должны быть пропорционально представлены все нации и народности страны. Перекосы в этом деле недопустимы.

— Последний вопрос. После публикации, возможно, придут письма читателей, в которых будут затронуты вопросы деятельности КГБ, вы не откажетесь ответить на них?

— Что ж, я готов продолжить разговор.

Вел беседу
В. ЗАБУРДАЕВ

●

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

КАРТИНЫ, НЕ ОСТАВЛЯЮЩИЕ РАВНОДУШНЫМ

Июнь 1988 года. Ленинград. Выставочный зал Союза художников. Эффект разорвавшейся бомбы произвела картина Игоря Георгиевича Бородина «Глумление». От первого дня до закрытия выставки около нее не стихали острые споры, столь нехарактерные для наших выставочных залов с их усыпляющей атмосферой. Многие пришли, чтобы увидеть только эту картину. Не было мнений обтекаемо-неопределенных, только полярные. Одни — восторженные и благодарные — потрясенных до глубины души зрителей; другие готовы были уничтожить картину, не вдаваясь в художественный анализ.

Что же поразило искушенных ленинградцев?

На картине изображено событие, которое сегодня осознается нами как национальная трагедия,— разрушение храма Христа Спасителя в Москве.

Художник пытается раскрыть причины этой трагедии. В центре картины — разлетающаяся на куски, но узнаваемая громада великолепного храма, из которого еще струится свет. Внизу, в кромешной тьме, две группы людей. Одна беспечно наблюдает за исчезающим храмом, другая — организованная, напряженно-активная, в низменном животном экстазе надвигается на пассивную массу людей по пути, залитому кровью, и подминает ее под себя. Над толпой, словно из сатанинской табакерки, вылетает на пружине дьявольский скрипач. Он правит этот кровавый бал, его зловещему смычку подчиняется стадо обезумевших разрушителей и убийц. За страшной фигурой скрипача встает реальная фигура Л. Кагановича — инициатора этого вандализма.

Не менее интересна и другая картина Игоря Бородина, написанная на классический библейский сюжет об Эсфири, одной из жен персидского царя Артаксеркса.

Обретя власть над царем в его спальне, а также путем ловких махинаций эта царствующая особа подвергла Артаксеркса на кровавую резню 75 тысяч ни в чем не повинных людей, когда беда вовсе не угрожала иудейскому народу. Но трактовка образа Эсфири в полотнах художников всех эпох была достаточно льстивой, набрасывающей благородную патину невинности и красоты на иудейскую героиню. Ее изображали божественно-прекрасной, целомудренно юной. Существуют и другие изображения — в обширной атеистической литературе.

«ЗОНТИК»

Однако трагически-гротескная картина Игоря Бородина «Предостережение» содержит принципиально новую трактовку канонического ветхозаветного сюжета. Через внешнее — гротескно выписанный портрет — художник показывает сущность ангелоподобного, в предыдущих трактовках, образа библейской героини.

За спиной Эсфири и очарованного ею безмозглого тирана на картине Игоря Бородина — массы обезглавленных тел, море крови; у подножия трона валяются окровавленные головы людей различных этнических групп и эпох.

Эта картина — тревожное предупреждение людям: умейте распознать за ангельским обликом гримасы дьявола; не поддавайтесь льстивым словам кровожаждущих эфирей; судите о них не по мифологически прикрашенному облику, который сегодня особенно легко создать средствами массовой информации, а, как сказано в Евангелии,— по делам их.

Картина Игоря Бородина срывает маску с переступивших через кровь «героинь» и «героев», показывает мировое зло в его настоящем виде.

Сейчас, когда все человечество находится на грани самоуничтожения, оптимизм и надежду на спасение вселяет работа Игоря Бородина «Уйрай». На фоне мерцающего креста летит белый всадник — воин, поражающий отвратительную паразитирующую тварь, которая пожирает последние пяди русской земли. Возможно, художником реконструирован образ одного из древних языческих славянских богов — бога войны, носившего имя Уйрай, отголосок которого слышится в нашем победном кличе.

Победа над чудовищным врагом немыслима без духовного возрождения и глубокого осознания каждым человеком необходимости встать на защиту своих национальных корней. Общеизвестно, что победа русского войска на Куликовом поле была бы невозможна без великого подвижника Сергия Радонежского, собравшего воедино духовную энергию народа. Своей картиной Игорь Бородин напоминает нам об этом.

Истоки гражданской позиции художника надо искать в военном детстве. Игорь Бородин — коренной ленинградец. В тяжелое блокадное время он, своими глазами видевший кровавые будни войны, на всю жизнь ощутил хрупкость и незащищенность человеческой жизни, земли, красоты, мира, перед лицом неумолимой и жестокой агрессии. Впоследствии свои воспоминания он воплотил в сложной философской живописной композиции «Май 45-го».

Искусство живописи юноша постигал в залах Эрмитажа и Русского музея. Первым учителем Бородина был замечательный русский художник И. И. Ершов, у которого он обучался академическому рисунку, живописи.

Диапазон творчества Игоря Бородина на редкость широк. Он работает в области декоративно-прикладного искусства: роспись ткани (занавес, расписанный им, находится в киноконцертном зале атомохода «Сибирь»), витраж, мозаика, промышленная графика, открытка, книга — вот круг его профессиональной деятельности.

Но особое место в творчестве Игоря Бородина занимает станковая живопись. Художник владеет абстрактной и предметной формами. В своих абстрактных композициях он не разменивается на трюкачества, не пытается поразить, удивить. Ему свойственна не погоня за новейшими художественными формами — они рождаются сами,— а размышление, созерцание, спокойная беседа со зрителем посредством пластической гармонии линий, цвета, ритма. Философские раздумья о человеке и мироздании, о красоте и гармонии мира отражены в цикле картин, написанных под впечатлением музыкальных композиций «Симфония № 1», «Поиск», «Фуга в розовом».

Творчество Игоря Бородина глубоко патриотично. Патриотические темы решаются им с

«ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ»

позиций христианской веры, но веры не созерцательной, пассивной, а активной, позволяющей критически пересматривать мировую историю. Активная гражданская позиция каждый раз позволяет найти художественные средства, адекватные глубине осмысления им исторических событий. Среди его художественных средств — политические и исторические контрасты, гротеск, использование традиций иконографии, мотивы палехских мастеров, достижения русского авангарда.

Игорь Бородян — участник многих выставок и обсуждений. К его творчеству относятся по-разному. Но никого не оставляет равнодушным присущее только ему видение «давно минувших дней» и проблем современного, сегодняшнего дня.

Н. ОСТАНКОВА

г. Ленинград

ФАКТ И КОММЕНТАРИЙ

В РОССИЮ — ЗА ЗЕМЛЕЙ И ВЛАСТЬЮ?

ОБ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ «ВЕСТНИКА ЕВРЕЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

«...факт — присутствие иудеев на юго-западе России в конце первого тысячелетия нашей эры. Тогда части степи помечаются «Земля Жидовинская» на картах, а в былинах поется о богатырях-жидовинах.

В XIX веке еврейское население Восточной Европы выросло восьмикратно, и возник эффект «парового котла»... Наши предки кинулись сразу во все стороны — в Германию за знанием, в Америку за богатством, в Россию — за властью.

Ведь Россия — это не страна славян и такой никогда не была.

...восточно-европейское еврейство — это «на все сто» коренная национальность на том просторе, который мы называем Россией». (Выделено редакцией.)

(Роберт ДАВИД *)

* «Вещий Олег и евреи» (размышления израильского журналиста над книгой А. Кестлера «Тринадцатое колесо».) «Вестник еврейской советской культуры», 11 октября 1989 г.

Сколько же нужно иметь ненависти к России и населяющим ее народам, чтобы решиться опубликовать статью, фрагменты из которой здесь приведены? За наукообразным флером в ней легко просматривается вожделенная цель — завоевать Россию. А сама «теория» нужна лишь для того, чтобы исторически обосновать агрессивные планы.

«Земля Жидовинская» предстает в качестве плацдарма для похода «за властью». «Евреи выкроили бы себе свою страну прямо на месте, как сделали до них венгры и болгары»,— откровенничает автор. Чем не фашистская идеология? Гитлер тоже мечтал перекроить карту. И в России, подобно А. Кестлеру и его единомышленникам, он видел жизненное пространство. Разница тут в одном: по фюреру, Россия должна принадлежать «истинным арийцам», а по Кестлеру и К° — евреям.

Поразительно, но в этом же номере ВЕСКа рядом со статьей Р. Давида помещено Обращение советских граждан к Верховному Совету СССР с требованием принять резолюцию, осуждающую антисемитизм. Его подписали Т. Заславская, Е. Евтушенко, Я. Засурский, Э. Рязанов, А. Приставкин, Л. Разгон, Е. Коган и другие, в том числе редактор ВЕСКа Т. Голенопольский. Да, плюрализм мнений в его газете широк: от сионистско-фашистских до справедливо осуждающих антисемитизм. Но мысль о принятии закона, осуждающего русофобию, ни этим гражданам, ни издателям газеты почему-то не приходит в голову.

По словам Р. Давида, книгу Кестлера не издаст ни «Алия» *, ни «Память». А вот «Вестник еврейской советской культуры» «отважился» изложить ее содержание. Впрочем, имея столь мощную поддержку «прорабов перестройки» и народных депутатов СССР, Т. Голенопольскому бояться нечего: любую критику в адрес его газеты они представят как факт все того же антисемитизма. Не удивляйтесь, читатель, этому парадоксу. Дело в том, что организаторам кампании по борьбе с антисемитизмом надоело вытаскивать пустые сети из штормящего моря нашей действительности. Ну нельзя же бесконечно кричать об одной «Памяти», создав из нее нечто вроде лох-несского чудовища: запугали, а чем — непонятно. Нужен улов, да такой, чтобы и Западу не стыдно было показать факты антисемитизма, а еще лучше — еврейские погромы. Ведь тогда весь мир вступится за советских евреев. И без больших затруднений можно будет протащить резолюцию, которая создаст им привилегированное положение. А под эту дудку — расправиться со всеми патриотическими силами, стоящими на пути международного сионизма.

Но чтобы эта гигантская машина заработала, нужен толчок. И вот в ВЕСКе появляется провокационная фальшивка, которую нельзя расценить иначе, как призыв к погрому. Не единственная в своем роде, но до наглости откровенная.

Что ж, ничто не ново в этом мире. И сегодняшние провокаторы действуют по тем же сценариям, что и их предшественники в начале двадцатого века. Чтобы беда не повторилась, сейчас, как никогда, нужны выдержка и спокойствие. Всем, кому дорого Отечество. Это будет лучший ответ силам, которые явно добиваются социального потрясения.

«ТОВАРИЩ»

* «Алия» — израильское издательство.

ГОЛОС ТРУДЯЩИХСЯ РОССИИ

Восьмого — девятого сентября 1989 года в Свердловске состоялся первый (учредительный) съезд Объединенного фронта трудящихся России. На нем присутствовали 103 делегата из 33 городов, представители автономных республик РСФСР, забастовочных комитетов Эстонии и Молдавии, Кемерова, Воркуты, интердвижений и фронтов трудящихся Прибалтики, Молдавии и Таджикистана. Принята декларация об образовании Объединенного фронта трудящихся России, Устав ОФТ и ряд резолюций и обращений по ключевым политическим проблемам. Публикуем некоторые документы съезда.

РЕЗОЛЮЦИЯ

о необходимости обеспечения политического и социально-экономического равенства граждан СССР

Непродуманная политика в области экономики, открывшая каналы получения нетрудовых доходов через псевдокооперативы и сориентировавшая государственные предприятия прежде всего на прибыль, а не на удовлетворение потребностей трудящихся, всего народа, породила рост индивидуального и группового эгоизма, торгашества во всевозможных формах и привела к воссозданию экономической основы национализма. Политически национализм в ряде республик проявил себя в принятии противоречащих Конституции СССР дискриминационных законов, экономически — в стремлении к хозяйственной изолированности и ущемлении интересов национальных меньшинств, в том числе и русских, проживающих в этих республиках.

Съезд Объединенного фронта трудящихся РСФСР выступает за равноправие всех народов и народностей, трудящихся всех национальностей СССР, осуждает идеологию «приоритета коренной нации» и выступает против ее протаскивания в политическую и экономическую жизнь, в законодательство, в культуру и науку, в межнациональные отношения. Проповедь национальной исключительности в любых формах расценивает, по существу, как попытку насаждения расизма.

Требуем пропорционального представительства национальных меньшинств во всех органах власти и управления союзных республик.

Требуем отмены всех законодательных и административных актов, противоречащих Конституции СССР и общесоюзным законам, освобождения средств массовой информации от лиц, пропагандирующих антисоциалистические идеи, национальное неравенство, подрывающих основы единства страны и партии.

Трудящиеся всех национальностей, соединяйтесь!

Принята учредительным съездом ОФТ РСФСР г. Свердловск, 9 сентября 1989 г.

ОБРАЩЕНИЕ

учредительного съезда Объединенного фронта трудящихся России к молодежи

Товарищи! Будущее нашей Родины под угрозой. Дельцы теневой экономики, коррумпированные и бюрократические элементы управленческого аппарата и их идеологи стремятся подчинить молодежь своему влиянию, превратить ее в послушный инструмент для удовлетворения своих корыстных интересов. Эти силы ответственны за обострение социально-экономических проблем молодежи, отстранение ее от сокровищ национальной и мировой культуры, за подстрекательство к участию в бесчинствах и погромах. Они рассчитывают руками молодых сокрушить социализм.

Созданный в тревожные для нашей Родины дни Объединенный фронт трудящихся России ставит своей целью совместную борьбу трудящихся за улучшение жизни всех народов России, последовательное утверждение социального равенства и необходимую для этого перестройку советского общества.

Юноши и девушки, члены ВЛКСМ и некомсомольцы, все, кому дорога судьба социалистического Отечества, кто хочет вести борьбу за интересы людей труда, вступайте в ряды Объединенного фронта трудящихся России.

Принято учредительным съездом ОФТ РСФСР г. Свердловск, 9 сентября 1989 г.

МАРШ СОЛИДАРНОСТИ

Марши, митинги солидарности. Сколько раз мы выходили на них, чтобы выступить в защиту южноафриканцев, чилийцев, палестинцев... Но мог ли кто-нибудь тогда предположить, что пройдет несколько лет и в аналогичной поддержке будут нуждаться наши граждане в нашей собственной стране.

В БЕДЕ РОССИЯН НЕ ОСТАВИМ

И вот теперь, а точнее, 13 сентября 1989 года с Пушкинской площади, впервые за годы Советской власти, отправились в путь участники марша солидарности с русскоязычным населением Прибалтики. Двести пятьдесят восемь человек из разных уголков страны — рабочие, студенты, служащие, интеллигенция — откликнувшиеся на призыв «Литературной России». Короткое напутствие депутата Верховного Совета СССР В. Ярина — и колонна из 11 «Икарусов» двинулась в далекий путь, по маршруту Москва — Новгород — Ленинград — Нарва — Таллинн — Рига — Москва.

Инициатива проведения этого марша возникла еще весной, когда первые грозные весточки стали поступать из Эстонии, Латвии, Литвы, где под видом национального возрождения создавали правовую базу для приоритета «коренной» нации и ущемления прав национальных меньшинств. Однако Оргкомитет марша удалось создать только в начале августа, уже после того, как по Эстонии прокатилась волна политических забастовок против дискриминационных законов и законодательных инициатив. В оргкомитет вошло пять человек: народные депутаты Е. Коган из Таллинна и В. Блохин из Кишинева, писатель С. Плеханов, журналист из Минска А. Приходько и юрист из Москвы Ю. Гусев. Транспортные расходы по решению секретариата СП РСФСР взял на себя Литфонд России.

Странно было видеть недоумение москвичей при виде трехцветных российских флагов, которые украшали наши автобусы наряду с привычными советскими. Что ж, реакция закономерная — слишком долго нас отучали от национальной русской символики. А ведь под этими флагами наши великие предки освобождали Прибалтику от семисотлетнего немецко-шведского ига, штурмовали Измаил и Очаков, сражались с французами в Отечественной войне 1812 года и на полях сражений первой мировой войны.

В древнем русском городе Валдае остановились на ночлег. Маленький городок приютил нас в трех своих гостиницах. А скоро произошел инцидент, который стал для нас первым испытанием. Около двух часов ночи к гостинице подъехал микроавтобус из Эстонии с группой провокаторов. Они инсценировали драку между собой, задели нескольких местных подвыпивших парней. Раздался звон разбитого стекла... Провокаторам уйти не удалось: они были задержаны валдайской милицией.

По замыслу организаторов марша, в нем участвовали люди различных политических ориентаций, но сходящиеся в одном: права гражданина СССР должны быть едины и равны для всех, независимо от национальности и места проживания. Во время всего маршрута в автобусах, превратившихся в своеобразные дискуссионные клубы, горячо обсуждались национальные проблемы. Еще до начала похода во время предварительных встреч несколько студентов юридического факультета МГУ сомневались в целесообразности лозунга «Нас, русских, 150 миллионов, мы с вами, русские братья». «Это будет силовой нажим на демократию»,— горячились они, но в конце концов согласились с доводами, что если бы прибалтийские народы были столь же многочисленными, как русские, то они не преминули бы воспользоваться своим превосходством.

Понятно, что не все с добрыми помыслами поехали с нами в Прибалтику. В ряды участников марша проникли провокаторы и подстрекатели. Особенно усердствовал один, «дээсовец» из Киева. Он кочевал из автобуса в автобус, пытаясь подбрасывать идейки об оккупации Прибалтики русскими, или о том, что коренной народ вправе сам распоряжаться своей землей. Помню, после одной из таких попыток его хорошо «срезал» Андрей Яковенко, преподаватель Московского института водного транспорта, который год назад приехал в Москву из Таллинна и о событиях в Эстонии знает не понаслышке.

«А ты знаешь, что якобы исконные эстонские земли до захвата их немцами и шведами были густо заселены славянскими племенами? Что нынешний Тарту, самолично переименованный «коренными» эстонцами, основан Юрием Долгоруким и долгие сотни лет назывался Юрьевом, а потом уже Дерптом? Он славился своим университетом, преподавание в котором до конца XIX века велось на немецком языке, а потом частично на русском. Слава о Дерптском университете гремела по всей Европе. Что-то не слышно сейчас о научных достижениях Тартуского. А ты знаешь, что древнее русское название этих земель — Колывань, на них жили псковичи и новгородцы, и лишь в XII веке на Колывань стали проникать кочевые племена эстов?» — обрушивал Андрей довод за доводом на «борца за справедливость». «Ведь существовала в течение 600 лет Литовская Русь с русскими князьями. Но попробуй найти о них хоть строчку в современных учебниках истории»,— добавляли свои аргументы ребята из энергетического института. «Только в Российской империи благодаря мудрому и справедливому правлению русских чиновников латышский и эстонский народы сложились как этнос, получили возможность воспитать тоненькую прослойку национальной буржуазии и интеллигенции. Ведь при немецком господстве эстонцы и латыши не владели грамотой и в течение сотен лет выполняли только тяжелую грязную работу»,— закончил Андрей.

На пути в Новгород произошла вынужденная остановка. Руководитель марша Ю. Гусев собрал нас на поляне и стал отвечать на вопросы, о которых много спорили в автобусах.

«Много шуму поднято по поводу культурной и ухоженной Прибалтики,— начал наш руководитель,— но при этом надо вспоминать и о том, что почти до середины XIX века латыши и эстонцы были фактически бесписьменными народами, так как не имели светской литературы на родном языке, и только благодаря спокойной жизни в составе России были созда-

ны условия для развития художественной литературы этих народов. В течение почти трехсот лет Россия облагораживала эти края, строила порты, транспортные магистрали, города и заводы. И в составе СССР этим республикам строить свое благополучие во многом помогали русские, украинцы, белорусы, поляки, представители разных национальностей нашей страны. И вот теперь этих тружеников называют оккупантами, людьми второго сорта. А созданные усилиями всех народов нашей страны богатства хотят объявить собственностью этих республик, вплоть до самолетов, которые садятся в аэропортах.

Известно, что Россия в обмене с другими республиками недополучает национального дохода на 70 миллиардов рублей в пересчете на мировые цены. Вдумайтесь в эти цифры: 70 миллиардов в обмене с другими республиками! И это не считая того, что Россия несет еще основную тяжесть оборонных расходов. Одна крошечная Эстония «вытягивает» в год до 1,5 миллиарда. Конечно, можно смотреть свысока на разруху и нищету соседних областей России, если, как сказал М. С. Горбачев, в течение двадцати лет в сельское хозяйство Эстонии вкладывалось в 2,5 раза больше, чем в среднем по Союзу».

После такой яркой речи споров о том, кто кого кормит, уже не было.

Короткий, но запоминающийся митинг в Новгороде, у памятника «Тысячелетию России», со штандартами славных петровских полков, которые несли участники самодеятельной группы «Молодая Россия» под руководством Володи Максимова — и снова в путь — в Ленинград, где нас ждали представители Объединенного фронта трудящихся.

При подъезде к Иван-городу, славному своей могучей крепостью, нас встретили в мерцании сигнальных огней шесть автомобилей Госавтоинспекции Эстонии (и это при наличии у нас собственной машины ГАИ). Представьте: ночь, пустая дорога — и тут такой кортеж. К нам подошел человек, назвавшийся представителем Интердвижения. «Ваш марш запоздал, и поэтому митинг с трудящимися Нарвы не состоится,— сообщил он нам.— Вы должны следовать в сопровождении этих машин в Таллинн, иначе мероприятия в столице также будут сорваны». Делать было нечего, и наша колонна с огромной скоростью помчалась в обход Нарвы в Таллинн. Выехав из Ленинграда в восемь вечера, мы в час ночи уже были в Таллинне! Сотрудники ГАИ провели нашу колонну по спящему городу и припарковали на совершенно пустынной площадке около морского порта.

Связываемся с Интердвижением, в двух словах описываем наши злоключения. В ответ — удивление. Представители Интердвижения думали, что мы еще в Нарве, и нас ждали только к двум часам дня.

Только к середине дня ритм марша наладился, и участники разъехались по предприятиям и заводам Таллинна, где нас с нетерпением ждали. Прошли митинги и встречи на заводе «Двигатель», имени Калинина, на судоремонтном заводе. Вечером мы провели манифестацию и возложили венки к вечному огню в честь воинов Советской Армии, павших за освобождение Эстонии от фашистов. Закончился вечер выступлением артистов симфонического оркестра из Новосибирска, приехавших вместе с нами.

На улицах Таллинна разговорились с женщиной, которая рассказала о своем горе. В дружной до недавнего времени семье теперь что ни день — конфликты. Отец у нее эстонец, а мать русская. Из-за этого от них отвернулась вся эстонская родня. «Таким, как я, из смешанных семей, теперь очень трудно. И, честно говоря, мы не видим выхода»,— закончила она свой рассказ.

Трогательно проходило расставание с таллиннцами.

«Мы впервые почувствовали, что Россия помнит и заботится о своих сынах. Все наши обращения в центральные органы о несправедливостях, творимых с нами, оставались без ответа, и нам кажется, что Правительство СССР потворствует сепаратистским устремлениям»,— говорили нам на прощание рабочие.

Снова в ночной длинный путь. Теперь — на Ригу. На базу отдыха, расположенную на берегу моря, наш отряд прибыл почти под утро. Короткий отдых, а в 11 часов нас уже ждали несколько тысяч человек на стадионе «Динамо». Встречали по-русски: хлебом-солью. А мы выстроились в колонну с поднятыми знаменами, транспарантами и под марш оркестра прошли по гаревой дорожке.

Обстановка в Латвии, как нам рассказали, несколько отличается от Эстонии, так как латышское население не составляет подавляющего большинства в республике. Поэтому шовинистам приходится действовать более изощренно. Общественное мнение республики было возмущено, например, заявлением Мандатной комиссии Съезда народных депутатов СССР о том, что депутаты Латвии полномочны в своих правах. Ведь шельмование и нарушение Закона о выборах в отношении русскоязычного населения во время выборов мало у кого вызывало сомнения. Разве не насмешкой над правовым государством выглядит признание правомочности депутатов, избранных в малочисленных латышских округах, численность которых была почти в четыре раза меньше, чем в округах, где баллотировались русскоязычные кандидаты.

Я думаю, что собравшимся в то утро рижанам надолго запомнились страстные речи участников марша: шахтера из Кузбасса, главного конструктора из Коломны, студентов из Москвы. Свое выступление московский инженер Л. Зеленина закончила так: «Бог подарил мне во время марша внука. Я хочу, чтобы он жил в могучей и сильной стране, хребтом которой являются славянские народы. Славян в обиду не дадим!»

А. АРХИПОВ

●

На первой странице обложки «Товарища». Участники марша солидарности с русскоязычным населением Прибалтики. Путевые заметки об этом читайте на стр. 156.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

Сакен ЖУНУСОВ

ТРОПА

Повесть

Окончание. Начало на стр. 80

От знакомого голоса у Балзии оборвалось сердце. Она и до этого уже угадывала во встречном путнике Атымтая, угадывала по его посадке в седле, по всей его фигуре, но сердце до последнего мгновения продолжало на что-то надеяться...

— Балзия, это — я!

Кровь у нее прилила к щекам. Она застыла в седле, а голос у нее пропал, будто камень застрял в горле.

Между тем сзади нее, словно мелкий осыпавшийся камень с горного склона, прокатился по веренице всадников до самого последнего из них приглушенный шепот:

— Что случилось?

— Почему встали?

— Что случилось?

И тем, кто догадывался, в чем дело, как и тем, кто еще ничего не понял, — словом, всем ясно было одно: впереди большая, роковая опасность и надо бы быть готовыми в любой момент схватиться за оружие. Да только что от него толку в такой теснине, над пропастью, и впрямь на узкой, как волосок, тропе? Эта схватка над пропастью не принесет победы ни одной стороне.

Человек, маячивший черным силуэтом позади Атымтая, обернулся к едущим за ним и что-то скомандовал по-русски. Люди тихонько переговаривавшиеся между собой, сразу умолкли, словно на всклубившуюся было пыль плеснули воды. Холодные горы вокруг тоже настороженно замерли, как бы ожидая страшных событий. Люди с обеих сторон затаили дыхание: каков будет приказ? Чем кончится дело?

в горы. Все знали, что двум встречным всадникам на ней не разойтись, не разъехаться. И страшно посмотреть вниз — сразу закружится голова. Там, на дне ущелья, бурлит белой пеной река, бурлит бесшумно, ибо нет такого звука, что смог бы снизу взобраться на Азулы.

Никто не знает и не помнит, с каких пор существует эта тропа и кто ее проложил. Может быть, это игра самой природы, образовавшей извилистый уступ на голой скале. Однако в начале тропы, на каменной, как бы отполированной стене вызубрена рукой человека стихотворная надпись:

Риск — это участь мужчины,
Твоя переправа.
Печаль — это бездна пучины,
Перешедшему — слава!

Написаны ли эти строки только об этой тропе, или поэт уподобляет и саму жизнь этой извилистой, тяжелой и опасной дороге — неизвестно, но в этих строках, начертанных перед смертельным переходом, заключена могучая сила, придающая человеку решимость и в то же время призывающая к осторожности. Путник, ступающий на тропу, должен в полный голос петь эту песню до тех пор, пока не минует опасного места. В этом есть и большой практический смысл. Тот, кто стоит на другом конце тропы, услышав песню, многократно усиленную горным эхом, не пустится в путь, будет ждать своей очереди.

Казалось бы, какое может быть пение, если сама жизнь висит на волоске, но именно для того, чтобы волосок, на котором висит жизнь путника, не оборвался, нужно петь. Во что бы то ни стало. Через объятия смерти человек, кем бы он ни был, должен пройти с песней, чтобы остаться живым, сохранить свою жизнь.

На плато беженцы устроили привал. Расположившись группами на сырой холодной земле, обдаваемые белыми клочьями и клубами облаков, перекусили тем, что взяли с собой, потом Сальмен собрал всех в одно место.

— Джигиты, пора двигаться. Собирайтесь, готовьтесь. За той осыпью есть ручей. Напоите там коней, подтяните чересседельники, поправьте сбрую. Дорога предстоит тяжелая.

С десяток парней, расположившихся тесной кучкой на большом валуне, не спешили к своим стреноженным лошадям, не спешили заканчивать трапезу.

— Саке, — заговорил один из них, не поднимая глаз на Сальмена, — за нами как будто никто не гонится. Может быть, подождем до рассвета и утром двинемся в путь?

Другой его поддержал:

— Лошади устали, и сами мы валимся с ног. Может, и в самом деле отдохнем, немного поспим, наберемся сил?

— Эй, молокосос! Ты кто это такой, чтобы меня учить уму-разуму?! Боишься переправляться ночью, оставайся здесь, водянистая кровь. А среди остальных смуту не сей. Не пугай народ, как пегий жеребенок распугивает косяк. Ишь какой! Я что, спешу к отцу на угощение или на поминки?! Хотите, чтобы я тоже, как вы, болтался тут себе на погибель?

Все молчали. Сальмен повернулся лицом к вершине:

— Разве не видите, вон там, из-за вершины, выползает черная туча. Это ливень. А ливень в горах, запомните, переходит потом в снегопад. Если он застанет нас здесь, считайте, что тут мы и остались. Придется ждать, пока тропа подсохнет. Если же еще выпадет и снег, тогда не пройти ни пешему, ни конному.

Это раз. А два — вы не понимаете второй опасности. Она пострашнее снега. В том, что те четверо скрылись в низине и больше не показались нам, таится большая угроза. За аулом есть тропа, пролегающая по ложбине. По ней можно подняться и обогнуть эту вершину. Тропа прямее, чем наша. Атымтай ведь сын охотника и воспитан охотником. Вполне возможно, что он знает эту дорогу. Если они по ней поднимутся и возьмут с собой пограничников и будут ждать нас с другой стороны этого адского перехода — куда мы денемся?

Других слов не потребовалось: все сели на коней...

Опасения Сальмена оправдались: туча на небе сгущалась все больше, и чем дальше продвигались беженцы, тем дождь становился сильней.

Наконец изнуренные, вымокшие до нитки, путники дошли до начала самого опасного места. Сальмен, ехавший впереди, натянул поводья и, обернувшись, пряча лицо от встречного ветра, остановил следовавших за ним:

— Приехали, джигиты. Перед вами — Адский мост. Теперь сделаем так. Ты, Балзия, пересаживайся на моего коня. Как ни надежен твой конь, а все же — не Тасбурул. Джигиты, держитесь на расстоянии друг от друга, на сажень, не меньше. Кто знает, попятится конь или копыта его соскользнут с камня... Чтобы и следующего за ним не уволок конь с собой. Ноги выньте из стремян, поводья отпустите свободно. Не бейте коня ни пятками, ни камчой. Правьте только коленями, этого достаточно. Если конь поскользнется, будьте готовы к прыжку на уступ скалы. А если кто упадет в пропасть, не вздумайте смотреть ему вслед, не пытайтесь его спасти. Бесполезно. Внизу ничего не увидишь. Без остановки продвигайся вперед. В этих местах того, кто упал, отпевает только река Хас. В седле нельзя переносить тяжесть

Балзия продолжала молчать. И вновь первым нарушил молчание он. Опять повторил те же, будто заученные слова:

— Балзия, это же я!

— Ну и что, что ты? Вижу, пока еще не слепая... — Никогда еще голос Балзии не звучал столь резко, уверенно.

— Образумься, Балзия!

— Кто должен образумиться: я или ты?!

Им казалось, что они разговаривают негромко, а все же было слышно трем-четырем всадникам позади них. А те, кто стоял дальше, вытягивали шеи:

— О чем они там говорят?

— Кто они, сколько там человек?

— Что теперь будем делать?

Сальмен, слышавший разговор Балзии и Атымтая, тихо, но веско осадил стоящего позади всадника:

— Не галдите! Имейте терпение, глупцы!

Эти слова Сальмена, передаваемые из уст в уста, повторяемые без искажения, дошелестели до последнего всадника в ряду, до Альмена:

— Не галдите! Имейте терпение, глупцы!

Только двое продолжали вести разговор.

— Подумай, Балзия, опомнись. Еще не поздно.

— Я уже думала. Всю ночь думала, когда в доме лежал отец с бородой, окрашенной кровью.

— Да, это, конечно... — сбивчиво стал оправдываться Атымтай. — Это случайность. Специально в него никто не целился... Во время перестрелки бывают жертвы.

— Значит, единственный, кого вы принесли в жертву, — это мой безвинный отец?..

— Балзия, да пойми же ты... Как ты можешь говорить: безвинный?

— Ах так? Ты до сих пор его в чем-то обвиняешь? Значит, до сих пор ничего ты не понял? Прочь с моей дороги! — вскричала Балзия, пришпорив коня.

Почувствовав удар в оба бока острых и твердых, как железо, каблуков тяжелых, хоть и женских сапог, Тасбурул вздрогнул и рванул вперед. От неожиданного толчка жеребца с мощной грудью конь под Атымтаем невольно подался назад и в сторону, задние ноги его заскользили по краю обрыва. Конь словно наступил на раскаленные угли, сделал отчаянный прыжок к отвесной скале. Кони испуганно фыркали, раздували ноздри, но не сделали больше ни одного движения.

Натянув поводья, не двигались и их хозяева. Конь Атымтая задней ногой уперся в валун, зависший над бездной.

Из-под кованого копыта посыпались искры, валун отвалился и полетел в пропасть. И хоть не был виден летящий в темноте камень, и Балзия и Атымтай ясно представили себе, как он летит, представили и содрогнулись в душе. Сорвавшийся вниз мертвый камень на миг представился им не таким уж и мертвым. Как если бы это их ожесточившиеся, окаменевшие сердца, слившись в одно, пали в темную бездну.

Тяжелый валун летел во тьме, с треском ломая кривые ветки редких кустов, что притулились на каменистом склоне ущелья. Вырвавшись на последний простор, он тяжко бухнулся в неистово бурлящий поток, и понесло и покатило его по дну, по другим камням, устлавшим собою русло реки. Так было на самом деле. Людям же, стоящим наверху и с тревогой прислушивающимся к полету камня, показалось, что это галька величиной с монету шлепнулась в ведерко с водой.

Все это длилось считанные секунды, но искры страха, вспыхнувшие перед глазами и беглецов и преследователей, долго не давали им опомниться. Полет сорвавшегося с высоты камня рисовался каждому человеку по-разному. Но каждый при этом думал о себе, прикидывая, как избежать такой участи.

Атымтая, раньше других пришедшего в себя, занимал уже другой вопрос — как беженцев повернуть назад? Приказать всем своим спешиться, прижаться к скале и открыть огонь? Пугнуть их выстрелом в воздух? Пригрозить идущими на подмогу свежими силами?.. Или же спокойно, по-человечески поговорить, убедить словом, применить хитрость, но любой ценой склонить к отступлению?.. Все эти мысли одна за другой проносились в голове Атымтая, но ни за одну из них он не мог ухватиться. Главное, отговорить Балзию от преступного шага. Остальные, пожалуй, никуда не денутся. И Атымтай решил рискнуть, поговорить с Балзией как можно поласковее...

— Хорошо, Балзия, допустим — ты ушла. А куда ты пойдешь?

— Мир широк, куда хочу, туда и пойду.

— Что толку в широте мира для того, кто бежал, предав свою землю?

— Свою землю? А она у меня есть, своя земля? У меня нет земли. Она вся у вас.

— Балзия, зачем передергивать слова в такой час и в таком месте? Разве край, где ты родилась, — не родная земля? Родина отцов и дедов, разве не твоя родина?

— Тогда зачем же этих отцов и дедов вы высылаете в тундру? А иных — убиваете? Ты, Атымтай, не произноси такие слова, не задевай святого в душе, не береди душу.

— Ладно, Балзия. Все, что ты сказала, допустим, верно. Пусть ты права. Во всем виноват я. Но люди-то, народ, в чем они виноваты?

— Атымтай, ты меня знаешь: как решила, так оно и будет. Где ты видел, чтобы я отступилась от своего? Меня ты не запугаешь. Нам пора ехать, не становись на пути, не мешай. Если намерен вступить в схватку на этом узком переходе — мы готовы. И стреляться, и рубиться. Нам и терять нечего, и надеяться не на что. Не так ли, джигиты? — Балзия обернулась назад, где Сальмен и другие сидели в седлах, готовые ко всему. Сальмен защелкал затвором так, чтобы и другие слышали, и, решив, что отныне слово дано ему, громко, с неподдельной угрозой крикнул:

— Или отступаете назад и освобождаете нам путь, или будем стрелять! Эй, Сарбазы, заряжай! Передай приказ дальше, до последнего!..

Стоявший за Сальменом долговязый всадник высоким фальцетом передал приказ дальше:

— Заряжай!

Резкие от страха и отчаяния голоса озябших, голодных беженцев, раздраженных к тому же неизвестностью и внезапной остановкой в пути, взорвали тишину над горным ущельем.

— Заряжай! — как боевой клич, повторяясь, донеслось и до Альмена, последнего всадника в веренице.

Эхо подхватило это стоустое: «Заряжай!», разнесло, ударяя о вершины и утесы в распадки и ущелья, все дальше и дальше вдоль саев, оврагов, вдоль ручьев и речек, заполнило собой широкую долину между Джунгарским и Заилийским Алатау и, уже затихая, докатилось до хребтов Ару-эль, Кетмень, Кайшы-Шир, Тура-су... Дикие звери, обитатели этих гор, испуганно насторожились. Беркуты, дремавшие на кронах высоких деревьев, рассущих вблизи холодных пиков, вместе со своими уже окрыливтущих вблизи холодных пиков, вместе со своими уже окрылившимися птенцами, резко подняли головы, сердито застучали тяжелыми клювами. В зарослях арчи испуганно взлетели с насиженных мест куропатки, на каменистых плато зашумели улары. Горы, только что впавшие в сладкую дремоту, уставшие от туч, давивших на плечи, от наползающих то и дело клубов тумана, теперь будто встряхнулись, сбрасывая с себя сон. Страх объял горы, ужас поселился в расщелинах скал, как если бы произошло землетрясение, случился подземный толчок. По каждому камню, каждому дереву, от корня до крон, пробежала мелкая дрожь.

Эта дрожь, этот страх передались им от людей, сошедшихся на Адском мосту; да, страх исходил от них — несмотря на то, что каждая сторона старалась скрыть его. Балзия тоже почувствовала, как мороз пробежал по спине, хотя мгновенье назад, когда она произносила решительные слова, казалась самой себе храброй и сильной. Атымтай тоже вздрогнул, не смог унять бешено застучавшее сердце. Все вновь вдели отдохнувшие ноги в стремена и, крепче сжав задрожавшими коленями бока лошадей, приготовились к небывалой схватке над пропастью, исход которой не был известен ни той, ни другой стороне. Вот сейчас с кличем бросятся люди навстречу друг другу, и что? Первыми в пропасть полетят кони. Но останутся ли в живых те, что сейчас сидят на конях, чтобы, чудом зацепившись у отвесной скалы, оружием пробивать себе дорогу? Будут ли они растоптаны копытами коней, погибнут ли от кинжала или же пущенной наугад пули, кто знает. А тот, кто полетит в пропасть, в последний момент увлечет за собой любого — будь то свой или враг, — любого, кто окажется рядом. И полетят они в обнимку, ударяясь о выступы скал, обрывая одежду о ветки карликовых деревьев, окунутся в бурлящие воды Хаса, и понесет их, ударяя о камни, окровавленные их тела до самого впадения в реку Или. Такой путь ожидает любого из них. Но обратного пути нет.

Это поняли все. И каждый испытал смертный страх полной мерой. Но никто не намерен отступать. Ни на шаг.

Атымтай тоже это знает. И ему страшно. И тоже некуда отступать. Что же делать? Прямо перед ним, не поддаваясь ни на какие уговоры, упрямо восседает в седле Балзия. Вольная, как горы, упрямая до отчаяния, прямая и гордая, она никому не позволит унизить свою честь и достоинство. У Атымтая тоже есть своя гордость. У Атымтая тоже есть сердце. Но сейчас здесь прежде всего необходима ясная голова, трезвый рассудок. Одно неразумное движение — и не понадобятся уже ни сила, ни воля, ни сердце. Все поглотит пропасть. На Адском мосту станет чисто и тихо. А если не пороть горячки, прислушаться к голосу разума? Он подсказывает, что люди с каждой стороны должны спешиться и, прижимаясь к отвесной скале, продолжать идти — каждый своим путем. Значит, те, что сейчас встали заслоном, сами откроют дорогу через границу и возвратятся в аул ни с чем, неся на душе тяжкий груз не просто стыда — служебного преступления.

У Атымтая на лбу выступила испарина. Ему вдруг не стало хватать воздуха, сердце бешено заколотилось, и он сказал:

— Балзия, если даже я пропущу вас, бойцы, что стоят за мной, не дадут пройти никому. Я один за всех не решаю. Мне

надо посоветоваться. Как они скажут. так и будет. Все-таки войско...

Это была последняя хитрость Атымтая. Откуда у него войско? Всего-то десяток милиционеров, срочно вызванных из разных мест, да два пограничника, да три работника ОГПУ.

Но самое трудное для отряда — то, что во главе каравана, в голове его оказалась женщина, и не просто женщина, а Балзия, недавняя невеста Атымтая и мать его будущего ребенка. Атымтая это связало по рукам и по ногам. У него уже голова трещит от раздумий: как с ней быть? Горячий как огонь, энергичный, волевой, известный всей округе своей непримиримостью и твердостью по отношению к классовому врагу, он, чье имя наводит ужас не только в казахских аулах, но и в казачьих станицах Семиречья, стоит теперь беспомощный, уставший от борьбы с самим собой. Вчера убить отца, сегодня дочь — это ли не предел жестокости? Балзия — его невеста, сегодня вот уезжает, поддавшись порыву, а завтра одумается и вернется — кто знает? А ребенок в ее чреве? В чем его-то вина — не успевшего еще народиться на свет божий? Ну, погибнет будущая мать от шальной пули или от случайной какой напасти... Ну, всплакнут родственники, пожалеет чужой, мало ли что бывает. Воскресить уже невозможно. Что остается смертному, кроме безутешных слез? Но убить самому?! Собственной рукой умертвить свое дитя в чреве матери? Это ли — не бесчеловечность? Тогда что жо — бесчеловечность?

Или Балзия должна сбросить Атымтая в пропасть, или Атымтай должен ее убрать с дороги. И тогда идти вперед, сокрушая других, пока самого не столкнут с обрыва. Вперед и только вперед!.. Да есть ли еще на свете такой переход?..

Повернувшись боком в седле, Атымтай обратился к товарищу своему — Протазанову, который за все это время не проронил ни слова, вслушиваясь в разговор Атымтая и Балзии.

— Николай Васильевич... — негромко произнес Атымтай и умолк, будто слова застряли в горле. Но Протазанов и без слов понял, что он хотел спросить. Умевший в самых сложных ситуациях мгновенно и безошибочно находить выход. Атымтай не знал теперь, как поступить. Но и Протазанов ничем не мог помочь другу: ни словом, ни советом, ни какой-нибудь хитроумной уловкой. Особенно смутила его записка, переданная сзади по цепи опытным пограничником, оставшимся в арьергарде. В ней были нацарапаны всего три слова: «Здесь — нейтральная зона». Этого еще не хватало. Значит, уже одно то, что они задержали здесь караван, в сущности, — беззаконие. У Протазанова, как и у других, оставалась единственная надежда: что обе стороны,

опасаясь взаимного уничтожения, все же мирно договорятся. Но в последние минуты эта надежда исчезла — беженцы уступать не желали. Протазанов также хорошо понимал, что значит для Атымтая эта женщина, которая в случае схватки первой примет пулю и первой полетит в пропасть. Он наслышан об их отношениях, об их неразлучной детской дружбе, перешедшей в любовь, о том, что они собирались сыграть свадьбу. Без слов понятно, что Атымтай, то шутивший с Протазановым, как с ровесником, то обращавшийся к нему за советом, как к старшему, повидавшему жизнь человеку, получавший от него немало советов и наставлений, и сейчас ждет помощи, надеясь на опыт Протазанова и его отцовскую мудрость. Но Протазанов, прошедший всю гражданскую войну в седле, с винтовкой за плечами, несгибаемый большевик, образец мужества и смекалки в борьбе с бандами басмачей, прошедший, как говорится, огонь и воду, этот человек, пожалуй, никогда не оказывался в таком тупике!..

Тем временем ночной мрак начал редеть. Осенний рассвет в горах не таков, как в степи, где сразу видно, какой край неба светлеет, где займется заря, где появится солнце, здесь, в горах, за этим не уследить. Просто кругом становится светлее, тьма бледнеет, сползает в горные расщелины, в глубокие распадки, в ущелья. Начинают смутно вырисовываться громады отдаленных вершин, торчащие из темноты, как острова из пучины. И когда уже эти вершины посветлеют совсем, когда заиграют на них сначала отблески невидимой отсюда зари, а потом первые лучи невидимого отсюда солнца, на дне ущелья и расщелин все еще будет лежать ночная мгла, а потом белый и плотный, как взбитые клочья козьего пуха, туман.

День занимался серый. Серым было небо, серыми — горы. Серым был и туман на дне пропасти.

Но, как первый признак зарождения дня, снизу от реки, синеющей словно жила на тыльной стороне руки человека, начали доноситься птичьи голоса: щебетанье, чириканье, короткие посвисты. В голосах этого серого утра не было летнего ликования; приглушенно звучала в них осенняя промозглость, веяло предчувствием холода, когда настанет пора покидать горы и спускаться в долину.

Вот и совсем рассвело, и противостоящие друг другу всадники оживились и зашумели, словно те птицы внизу. Продрогшие, злые от усталости и бессонницы люди словно встряхнулись, сбрасывая с себя груз ночи.

— Чего теперь стоять?

— Хватит, уже настоялись.

— Чем околевать здесь от холода, не лучше ли поискать удачи в схватке, а погибнуть — так в пропасти?

— И то верно, живой душе — одна смерть. Двум смертям не бывать...

— Прорвемся! — будоражили себя всадники, загораясь от собственных слов.

Горы, всю ночь дремавшие, укрывшись тучами, словно очнувшийся ото сна старец великан, тоже стряхнули с себя остатки сна и ожили, повторяя эхом слова людей и разнося их далеко, относя от вершины к сопке, от сопки к распадку, от распадка к ущелью: «Чего стоять? Чего стоять?!», «Одна смерть, одна смерть!..» Отзвуки эха, обрываясь местами, докатывались до далеких чужих гор...

Балзия, сидевшая в глубоком раздумье, упершись обеими руками в луку седла, тоже будто очнулась и вскинула голову.

— И чего мы стоим, Атымтай? Довольно, наверное, ждать?

— Да, довольно, — отвечал Атымтай, так и не нашедший способ убедить свою невесту. — На каких условиях вы хотите перейти через это ущелье?

— Наши условия таковы: ни одна из сторон не может повернуть коней обратно или отступить. Поэтому вы сталкиваете своих лошадей с обрыва, и мы проходим.

— Нет, так не пойдет, — насупился Атымтай. — У нас тоже есть свое требование: обе стороны должны спешиться и пешком, прижимаясь к скале, пролезая под брюхом коней, перебраться на другую сторону, соблюдая строгую очередность: один человек от нас, один — от вас.

— Мы знали, что вы так скажете. Что ж, пусть ваш последний человек остается, а остальные начнут продвижение... Но первым пойдет наш человек, — сказав это, Балзия оглянулась на Сальмена. — Сальмен-ата, вы слышите? Все идет, как мы и предполагали. Прикажите остальным. Альтеп пойдет последним.

К этому решению Сальмен был готов. Развернувшись всем корпусом назад, он заговорил без запинки, будто все слова давно выучил наизусть:

— Дорога открыта. С обеих сторон пешими, по одному, по очереди станем переходить на другую сторону, и так меняться местами. Пока от Балзии не будет сигнала, пусть последний в ряду, Альмен, не двигается с места. Пусть он спешится и встанет с ружьем наготове. Он — караульный. Если заметит что-нибудь подозрительное с их стороны — пусть стреляет без всякого предупреждения.

Приказ Сальмена повторял каждый, кто стоял в этой извилистой цепи, за каждым поворотом, от выступа до следующего выступа и, подхватывая, передавал дальше. Беженцы взбодрились. О чем они только не передумали за ночь! А что, если сзади подойдет погоня и чекисты откроют огонь и спереди и сзади? Неужели придется, как хищным зверям, попавшимся в западню, последний раз огрызнуться, ощерив клыки, и погибнуть в этом каменном мешке? «Мы только-только начинаем жить, — думали те, кто помоложе, — мы только начали понимать, как жизнь прекрасна, мы мечтали расправить крылья, чтобы парить над просторами родной земли, в родных небесах, а вместо этого нам суждено погибнуть, уже покинув родное небо, но еще не достигнув чужого...» Многие ведь не успели даже испытать самого драгоценного, чем одаряет жизнь: любви, отцовства, семейного очага...

Так думали многие, поэтому, когда передали по цепочке, что путь открыт, путникам, обремененным тяжелыми мыслями и предчувствиями, показалось, что вновь растворились наглухо захлопнувшиеся было ворота к жизни, появился просвет в непроницаемой темноте.

Встречный переход людей уже начался. То с той, то с другой стороны слышится звяканье сбруи, затем слышны шаги спешившегося человека, пробирающегося вдоль каменной стены. Люди пролезают под брюхом лошадей, а там, где тропа немного пошире, идут, прижимаясь к скале, волоча за собой ружье. Изловчившись, изворачиваясь, пробираются люди по смертельной тропе: один беженец — один заградитель, один беженец — один заградитель. Пока что дело идет без осечек и значит — без жертв. Лошади, оставшись без седоков, нетерпеливо перебирают ногами, не могут, наверное, дождаться часа, когда их отпустят на привольные откосы — пощипать вволю зеленую траву, испить ключевую воду.

Когда с каждой стороны прошло уже по нескольку человек, нагрянула еще одна, непредвиденная опасность. Каждый проходящий тащил за собой налипшую на сапоги красную размокшую глину, так что вся тропа шаг за шагом покрывалась скользкой и липкой жижей, и эта глина, замешенная множеством ног, грозила стать непреодолимым препятствием для идущих.

Атымтай сидит в седле — считает, сколько прошло людей. С той и с другой стороны прошло уже десять человек. Лица проходящих, вернее сказать — уже проползающих по тропе, месящих грязь, перепачканных в грязи, достойны, пожалуй, жалости. Может быть, иные из них не понимают даже, зачем и почему им понадобилось бежать из родного дома, к чему этот опасный и мучительный переход.

Солнце, показавшееся было на ясном небе, скрылось за обла-

ка. Все вокруг сразу поблекло. Лица людей сделались словно мел. Особенно эта бледность видна на лице Балзии. Как ни крепится Балзия, как ни старается не подать виду, что ей тяжело и плохо, — не скроешь. Глаза глубоко впали, на лбу и вообще на лице обозначились вдруг морщины, похожие на длинные следы от ножа, прорезавшего нежное лицо едва ли не до костей. А ведь она с детства крепка и вынослива. Вместе с отцом и с Атымтаем прыгала с камня на камень, карабкалась на скалы, пешком вымеривала овраги и ущелья в дни охоты на горных коз, на серн, на косуль. А теперь? Ладно бы только — трудный путь, но ведь и первая беременность... Легко ли ей наравне с мужчинами провести ночь в седле, преодолеть все эти подъемы и спуски, не говоря уж о волнениях и тревогах? Дай бог еще, чтобы все тяготы этого перехода не сказались потом на ребенке!

А люди с обеих сторон — недавние беженцы и недавняя погоня — все проходят и проходят. Скользят тяжелыми сапогами, спотыкаются, но идут. И вдруг, словно очнувшись, Атымтай резко выпрямляется в седле, рука его сама потянулась к кобуре. Прикрывая лицо рукавом халата, всем телом прижимаясь к скале, мимо него протискивался очередной беженец.

— Стой, подонок! — в ярости закричал Атымтай.

От неожиданого окрика кони вскинули головы, запрядали ушами, шумно втянули ноздрями воздух.

Атымтай безошибочно узнал беглеца, как тот ни старался отворачивать и прятать свое лицо. Это был Есет.

Вчера Атымтай, не обнаружив его в ауле, опасался, уж не убили ли его люди, узнав, что он был тайный доносчик, который о всех делах аула сообщал районным властям. Или Примбай и Есет, зная, что их рыльца в пушку, что не избежать и им справедливого суда, вовремя спохватились и куда-нибудь убежали. Страна велика. А может, решили самостоятельно перевалить через горы. Одного не ожидал Атымтай — что встретит Есета в толпе этих джигитов, уходящих за кордон с оружием в руках, вместе с Балзией. Словно острую иглу вонзили в сердце Атымтая, и он едва сдержался, чтобы не застонать от нахлынувшей боли и ревности. Ведь Балзия, навсегда порвавшая с ним, с Атымтаем, там, на чужбине, вполне может связать свою судьбу с этим подонком. Он богат, привлекателен, образован, ловок, чем же не муж!

Еще искренне возмутило и задело Атымтая за живое то, что «их» человек, еще вчера служивший им, доносивший о действиях врага на местах, доносивший во время конфискации о количестве спрятанного скота, передававший им списки «толстых», так называемых «жуанов», вовремя извещавший о готовности к бегству за кордон, дававший много других ценных сведений, вдруг предал их и бежит за границу вместе с другими, не принявшими Советскую власть. В гневе Атымтай не заметил даже, как вынул наган из кобуры. Но Есета это не испугало. Зная, что здесь стоят лицом к лицу не он с Атымтаем, но Атымтай и Балзия, Есет заранее продумал свои действия. Все еще прикрывая лицо, он, незаметно для Балзии, подмигнул Атымтаю. Это, видимо, означало: «Я продолжаю верно служить вам, я нарочно затесался в эту толпу». Но потом, отвернув воротник, взглянул Атымтаю прямо в лицо и нарочито громко сказал:

— Не обижайся, Атымтай! Настал час, когда наши пути должны разойтись. Пожалуй, теперь не скоро увидимся, прощай!

Есет улыбнулся, двинулся вперед. Эту его уловку надо понимать так: «Я нарочно говорю громко, чтобы беженцы ничего не заподозрили». Атымтай, чувствуя, что это — последняя уловка двуличной и продажной души, левой ногой, освобожденной от стремени, уперся в скалу, прикрывая Есету путь:

— Нет, ты возвращайся назад. За твой многолетний труд мы должны с тобой рассчитаться.

— Мы с вами квиты. А на новом месте у меня будет свой расчет, — ответил Есет.

Балзия, молча наблюдавшая за их перепалкой, стараясь вникнуть в суть их слов, спокойно заметила:

— Атымтай, пропусти Есета. Какая тебе разница: сто человек прошло или сто один.

— Этот подонок мой! Такие продажные души опаснее ста иных! Ты не вмешивайся, это — наш человек!

— Не-ет, Атымтай, ошибаешься. Он уже давно перестал быть вашим человеком, это — наш человек. Мой человек. Отныне все счеты он станет сводить только со мной...

При словах «мой человек» у Есета вспыхнули глаза, и он взглянул на Балзию. Теперь у него окончательно отлегло от сердца.

— Атымтай, напрасно ты думаешь что-нибудь предпринять. Теперь у тебя ничего не выйдет. Если хоть одного из наших людей пустишь в расход, то другие не пожалеют себя. Но и твоих людей — тоже. Таков у нас у всех уговор. Так ведь, Балзия?

— Да, так, — подтвердила Балзия.

— Ах, шкура! — прохрипел Атымтай. — Ступай! Сгинь с моих глаз, ничтожество!

Эти слова Есет слышал уже затылком и не дал себе труда обернуться и ответить. Он боялся, что разговор зайдет слишком далеко, и предпочел удалиться, скользя по желто-красной глине, проползая под лошадьми.

Атымтай с чувством брезгливости проводил его глазами, а когда повернулся и взглянул на Балзию, то на лице его все еще были следы презрения. Ему показалось, что кровь у него застыла при мысли, что Балзия, вчерашняя его невеста, тоже предала его, в ушах все еще звенели ее слова: «Мой человек!» И тогда им вдруг овладело странное безразличие. Всем существом он понял наконец, что они с Балзией — чужие. Он уже не чувствовал сожаления, что они расстаются, и расстаются навсегда, только стало пусто и холодно на душе. Атымтай содрогнулся, будто от озноба, поднял голову и увидел, что небо опять затягивается тучами. В горах стало сумрачно, поднялся ветер, старые ели на противоположном склоне тяжело раскачивались острыми вершинами, с вековых дубов и берез, росших пониже, облетают жухлые листья. Кругом тоскливо и неуютно, будто и сама природа потеряла всякую радость жизни...

Ну вот наконец все прошли. Все кончилось. Со стороны беженцев прошло, не считая Балзии, семьдесят семь человек, а из погони, кроме Атымтая, — пятнадцать. Все прошли, все поменялись местами. Посреди Адской тропы остались на дремлющих под их седлами лошадях Балзия и Атымтай. Теперь их черед.

Балзия покачивалась в седле, приткнувшись лбом к шее коня, словно не зная, как быть дальше. Но, вспомнив о муках и горе, пережитых за последние дни, о гибели и похоронах отца, о клятве, данной людям, вдруг разом выпрямилась и поспешно, рывками начала раздеваться.

У Атымтая, молча наблюдавшего за действиями Балзии, оборвалось сердце. «Что это она? Уж не тронулась ли умом? Или решила, не надеясь ни на что в будущем, одним прыжком в пропасть свести все счеты с жизнью, со всем белым светом? Но зачем тогда раздеваться?»

— Балзия, что ты делаешь? Что все это значит?

Балзия вскинула на него глаза, и он не увидел в них ни безумия, ни решения покончить с жизнью. Глаза блеснули холодным, но ярким огнем.

— Не бойся, Атымтай, подойди ко мне, — первой заговорила Балзия, ничуть не смягчая своего голоса — более того, с подчеркнутой холодностью.

— Хватит, Балзия! Ты и без того достаточно меня опозорила, превратила в насмешку. Уходишь, так уходи, не морочь мне голову! Оденься и догоняй своих!

С этими словами он, спешившись, пошел было мимо, но Балзия схватила его за руку и остановила:

— Не-ет, Атымтай, ты меня неправильно понял! Ты мне больше не нужен... Но... взгляни сюда... Должен был ты увидеть на

прощание своего сына, хотя бы и у меня в животе. Ему ты нужен... Этому младенцу... Он вырастет, спросит: где мой отец?

Вся посиневшая от холода, Балзия, отбивая дробь зубами, вскоре уже оделась.

— Отец в последнее время часто вздыхал, повторяя: «О, заманай! О, времена!» Помни об этом. Если родится сын, назову его Заманай. А если дочь... Тогда уж не знаю... Может быть, когда-нибудь захочешь разыскать своего сына, родившегося в такое смутное время, на чужбине... Я тебя искать теперь не стану...

Она круто повернулась и, осторожно и мягко ступая, пошла прочь, ведя коня на поводу.

5

Прошла уже целая неделя, как Алима хватилась Аманая и Балзии и начала их разыскивать. Она расспрашивала всех проезжавших мимо путников, не видели ли они старухи и мальчика, всех, кто приезжал из дальних аулов, близких и дальних родственников, просто знакомых, поддерживающих связь с другими аулами, обошла все окрестные селения, выбилась из сил, но не услышала никаких вестей о сыне и свекрови. Никто не видел мальчика и старуху, никто не слышал о них. И бабка и внук будто канули в воду.

Но однажды бессонной ночью отгадка пришла сама собой. Алима неожиданно для себя догадалась, куда они ушли. Догадалась, но не обрадовалась. Напротив, сердце у нее болезненно сжалось.

Алима бегом бросилась к Омар-Томару. Старика она застала за его любимым занятием: собрав подле себя гору старья, он мастерил какие-то сапоги. «Слава аллаху, что никудв не утащился на своем осле!» — подумала Алима, входя в дом калеки. Она знала, что, кроме этого безногого старика, который часто приходил к Балзии и подолгу сиживал с ней, вспоминая о прошлом, слушал, одобрительно кивая, рассказывал сам, — никто не поймет ее горя. Пусть даже не станет при этом сочувствовать.

— Ата, я догадалась, куда ушли Ак-апа (так она называла свою свекровь) и Аманай! — произнесла Алима с порога сдавленным шепотом. — Только сейчас догадалась, ата, нашла, нашла!..

— И что, где они? Где их носит шайтан? — Омар-Томар удивленно глянул, неторопливо уложил инструменты в ящик. Опираясь об пол ладонями, подкатил к все еще стоявшей на пороге Алиме: — Хоть живы они, говори же, дай аллах, чтоб были жи-

вы! Где они, кто тебе что сказал? От кого и что ты услышала?!

— Никто мне ничего не говорил, сама поняла.

— Сама поняла?.. Не морочь голову! Если не видела, не слышала, что ты могла узнать?.. Да растолкуй же ты наконец, как и что ты узнала?

— А вот как... — Алима вытерла слезы и заговорила поначалу как будто совсем о другом. — Ата, я выхожу замуж. Разве вы не слышали?

— Нет, миленькая, не слыхал, если вру — чтоб мне на месте оглохнуть. Ну и выходи. Что тут особенного? Ты человек вольный...

— За кого, вы думаете?.. За Бахтия.

— За Бах-ти-и-я-я?! За этого бездельника и плута?

— Да, ата. Так уж, видно, мне суждено.

— Недаром сказано: суженого на кривой кобыле не объедешь... Поговаривали, что этот джигит переходит на другую работу, во внутренние районы куда-то. Так что же, свет мой, и ты оставишь родные места и поедешь на чужбину?!

Хотя слово «чужбина» говорится всякий раз, когда казахи выдают замуж дочь, здесь оно было понято ими именно в этом значении, в каком нужно.

— Так, видно, суждено, ата, — повторила Алима. — Что я могу поделать, сколько могу ждать Заманая? Где он, жив или мертв — никто ничего не знает. Или знают, да не говорят. Аманай уже взрослым стал. Что же мне теперь, век одной куковать в ауле, будто собаке на заброшенном стойбище?.. Да и мальчишка в стороне от учебы остается...

— Понимаю, светик мой, понимаю твое положение, да уж больно далеко уезжаешь! — Омар попытался повернуть разговор в прежнее русло, но молодая женщина упорно продолжала говорить о своей печали.

— Все твердят, что далеко уезжаю, на чужбину... Вся моя беда в этом, оказывается, ата. Ведь и Ак-апа, хоть и не возражала против моего замужества, а тоже встала поперек, когда услышала, что далеко уезжаю. «Парень неплохой, я не против, чтобы ты шла за него. И Заманая ты ждала долго, и надежда уже вся кончилась. Ты еще молода. Правильно, что нашла человека по сердцу и думаешь с ним сойтись. Но пока я жива, даже и не думай, что я отдам тебе Аманая. Умру, тогда и заберешь».

«Ак-апа, послушай, — говорю ей, — хоть и далеко то место, куда я уезжаю, но город, оказыается, один из самых красивых на всем белом свете. Шипцин, кажется, называется. В переводе на наш язык: «Город на вершине холма». Весь утопает в лесах, тысячи ручьев бегут по его улицам, тысячи лодок под парусами

плывут по большой реке Янцзы, десять месяцев там стоит теплынь, лето, и город этот знающие люди называют раем. С гор со звоном сбегают реки, воздух настолько чист, что сделаешь глоток — и на десять лет избавишься от всех недугов. Такой благословенный город!» Уж и так расхваливала этот город со слов Бахтия, так расхваливала! Стала говорить, как Аманай пойдет учиться и как мы будем жить в покое да сытости, в тепле и уюте. «Нет, — отвечала она, — что бы ты мне ни говорила, а Аманая я не отдам. В хваленом раю наслаждайся сама. Рай для Аманая совсем в другом месте. Родина — вот его рай. Это я увела его из края отцов и дедов. Горечь моя лишь тогда утолится, когда Аманай будет там. С тобой он никуда не поедет. Чем быть султаном на чужбине, лучше пусть будет ултаном* на своей родине». Упрямство старухи, видно, вывело меня из себя, и я, кажется, наговорила ей резкостей, может, даже обидела. Во мне тоже вдруг взыграл гнев, и я сказала ей: «Ак-апа, понимай как хочешь, но вот что я тебе скажу. Хочешь остаться — оставайся. А Аманая моего я тебе не оставлю. Ты все твердишь: «Родина», «Земля отцов!» А где она у нас с тобой, родина? Нет ее ни у тебя, ни у меня. Где жизнь лучше, там и родина, там и земля предков. На этом давай разговор закончим. Так что напрасно не старайся, толку от того, что ты вся сжалась, как змея, не будет». Она не стала больше спорить, говорит: «Что ж, ладно, я, оказывается, — змея, но если так, запомни: обрубок змеи стоит большего, чем такая ящерица, как ты». А после я так жалела, что обидела старого человека. Думаю, много ли ей осталось жить, уж надо бы подождать кончины, а потом и решать с отъездом. Или дождаться, когда Бахтия приедет, а до этого похитрить, полукавить с ней.

Отчего я вспомнила этот разговор? Завтра он приезжает, чтобы забрать меня с собой. Я вспомнила ее слова и тут же поняла, куда они ушли. И как я раньше не догадалась — догнала бы да отобрала сына-то!..

— И куда, по-твоему, они девались?

— Ой, ата! Неужели и теперь тебе непонятно, куда они девались? Куда же она могла уйти, как не на ту сторону, откуда она много лет назад ушла с таким шумом и увела столько людей?! Но как она дойдет туда, немощная старуха? И еще мальчика моего потащила с собой, несчастная. Как бы с ним по дороге не случилось беды! — Алима расплакалась.

Старик тяжело вздохнул.

— Да, я тоже подумал, что она решила перевалить через горы.

— Что же вы молчали?!

* Ултан — подошва сапог.

— Э-э, думаешь, мне легко, что Балзия ушла? С ее уходом будто одно ребро у меня вырвали с мясом, словно к земле меня придавили, разве не видишь? С кем я теперь стану делиться наболевшим в душе, у кого попрошу совета? Кто теперь будет мне газеты читать? Оглох, онемел, не ведаю, что творится на свете, сижу, как сыч в сети, только глазами хлопаю, — Омар-Томар взглянул на сложенные кипой газеты, и подбородок его мелко затрясся. — И меня ведь оставила, что тут скажешь? Будь у меня руки-ноги на месте, я бы ведь сам провел их на ту сторону. Как они пройдут? Может, где-нибудь уже свалились в ущелье. О, несчастные, какая беда погнала их в этакий путь? Я ведь сердцем чуял, куда они направились, но не обмолвился ни словом ни перед кем, и только молил аллаха, чтобы он не отвернулся от них, а исполнил желание. Неужто напрасно все было? Только были бы живы, только были бы живы!..

— Ой, ата! Ведь это так опасно — перевалить через горы. Как вы думаете, они живы? Пройдут через горы? А что, если отправиться следом, настигнем их или нет? Вы дорогу хорошо знаете? Скажите, ата, ради бога! В этом ауле никого нет, кто бы знал ту дорогу через горы. Давайте догоним их и вернем! Хотя б растолкуйте мне, как ехать, укажите дорогу, ата! Я вас умоляю!..

— Свет ты мой, о чем ты говоришь? На что это тебе? Лучше молись за них, проси аллаха, чтобы они дошли до места живы-здоровы, целы-невредимы. Но, увы... Вряд ли они доберутся. Балзия уже совсем не та, что в молодости. Ох, какой она была тогда! Козой прыгала с камня на камень. Еще бы — в горах выросла, сызмальства увлекалась охотой, каждую тропку, каждое ущелье знала как свои пять пальцев, и всюду могла пройти с зажмуренными глазами. А сейчас... под старость лет... не знаю. Особенно опасна гора Саукеле. Переход через ледник страшен. Тяжело там им будет, ох тяжело. Саукеле, ледник...

При слове «ледник» у Алимы похолодело в груди. Хоть она каждый день видела издали эту гору, слышала множество легенд про нее, но не придавала значения слышанному. А теперь вот невольно пришлось заинтересоваться этой горой, да еще как! Одна мысль, что ее Аманаю придется взбираться на эту ледяную гору и спускаться по другой стороне, заставила ее содрогнуться, и она вновь стала расспрашивать про дорогу:

— Ата, а что вы все время поминаете про холодную Саукеле, разве другой дороги на ту сторону нет?

— Другой дороги, миленькая, на ту сторону нет. Если бы была другая дорога, мы с Канипой, может, не мучились бы всю жизнь, как мучаемся теперь. Ведь мы по той дороге прошли, будь она неладна! Э-эх, Саукеле, Саукеле!

Алимой овладело любопытство:

— Ата, расскажите про эту гору, чего скрывать-то? Я должна знать про нее все, ведь мой Аманай ушел в ту сторону! Я должна знать все про эти места! Расскажите, пожалуйста, не заставляйте так долго просить!

— Ладно уж, расскажу, если настаиваешь. Это для меня забытая боль, затянувшаяся рана. Что поделаешь, придется разбередить ее, растревожить... — старик не то огорчался, не то досадовал на молодую упрямую женщину, он насупился и, посидев некоторое время молча, начал свой рассказ:

— ...Долго мы шли, пробираясь по трудным и опасным горным тропам, где не ступала нога человека, и наконец достигли этой самой горы Саукеле. Правда, дошли мы без потерь, как есть всем аулом, все, кто отправился тогда в путь. Двое или трое отстали, повернули обратно, и скот кое-какой дорогой пал — это я не считаю. Но вот после той ночи, когда миновали мы Тастам, среди идущих не оказалось двух братьев — Ураза и Каназа. Они были не только другого рода, но и положения. Раньше они батрачили у Коккоз-аты, может, слышала ты такое имя. Ну, выросли они в горах, опытные табунщики, всю жизнь с лошадьми. И вот не только сами они исчезли, а и угнали еще косяк лошадей. Как уж им это удалось — не знаю. Но говорю, что опытные табунщики, и всю жизнь в горах. И собаки тоже куда-то пропали... Две гончих шли с нами. Видно, почуяли звери, что караван на чужбину держит путь — повернули с табунщиками, по старому, так сказать, следу. А может, табунщики силой их увели — не знаю.

И вот достигли мы горы Саукеле, зацепились подбородком, как говорится, за последний на нашем пути перевал, покрытый вечным льдом. Остановились, развьючили кош, ждем среди снегов, никогда не сходящих с этой горы. День прошел, ночь прошла, а мы ни с места. Мы гонцов выслали вперед, чтоб разведали дорогу. Вернулись они с обмороженными лицами и руками, опухшие, уставшие — валятся с ног. Оказалось, мы попали на Саукеле в самые лютые ее дни, когда над перевалом и метет, и свистит, потому что в эти дни как раз дует свирепый ветер Сайхан, против которого человеку устоять очень трудно. Долго аксакалы и бывалые табунщики, не однажды ходившие в лютые морозы через перевалы, ночевавшие в каменных мешках, держали совет, долго судили-рядили и пришли к единому решению. Оказалось, если уж задул Сайхан, «Дыхание дьявола» — то это на целый месяц, а то и больше. Ждать, когда он кончится, — значит, по-

губить и людей, и скот. К тому же каково пережидать непогоду беженцам, перепуганным людям, которым все еще чудится сзади погоня? Такое кочевье не может долго ждать. Потому решили рискнуть: что суждено богом, того не миновать. Договорились, что с утра и начнем переход через перевал.

В тот день белый снег на склонах Саукеле густо окрасился кровью животных: закололи сразу два косяка лошадей. Все вокруг пропахло кровью и мясом. Но не для себя закололи столько скота, а чтобы накормить им ледник. На леднике там и сям зияют огромные трещины, и самая большая из них, похожая на раскрытую пасть дракона, оказалась на пути нашего кочевья, на том самом месте, где удобнее всего было бы перевалить через ледяной хребет. Трещина сверху была широкой, а на глубине сужалась. Как перейти всем миром через такой зев во льдах? Знающие люди сказали: надо забить столько скота, чтобы их тушами можно было заполнить этот зев. При этом оледеневшие туши, оказывается, можно потом доставать по одной и употреблять вместо согума. Мясо нисколько не портится, даже летом, потому что круглый же год — лед! Что там долго рассказывать? В тот день самые крепкие джигиты из нашего кочевья, в их числе был и я, пошли вперед и в свирепый буран, когда человека валило с ног, завалили трещину тушами лошадей, а поверх настелили кошмы. Словом, сделали все, чтобы мог пройти караван с людьми и телегами, табуны лошадей. Узорчатые кошмы, красивые ковры, алаши легли тогда на лед. Подобрав полы кибиток, шаг за шагом караван наконец двинулся к громаде Саукеле...

Да, свет мой, натерпелись мы тогда. Даже сейчас, как вспомню про этот проклятый ледник и про наше кочевье, так у меня волосы на голове встают дыбом. Это был страшный день для всех нас. Такого ветра, как тот Сайхан, я никогда за всю свою жизнь не видывал, и не дай бог увидеть. Лица не повернуть, чтоб взглянуть вперед. Буран сечет, крутит, задувает со всех сторон. Люди, натянувшие на себя все, что было, закутавшись с головы до ног, жмутся друг к другу, подпирают один другого плечом. Плач детей и женщин, окрики мужчин. А еще, как назло, осатаневший от такой вьюги и холода скот начал артачиться, не хочет идти на подъем. Блеют овцы, задрав морды к небу, вопят верблюды, ржут лошади... Словом — можно сойти с ума. Несколько проводников, заиндевевших от стужи, повели верблюдов мимо настеленных кошм и ковров, а у них ноги скользят по льду, гладкому, как стекло, не за что зацепиться. Несколько верблюдов с вьюками заскользили и слетели, как шапки, в ущелье. Десятки овец, норовистых лошадей сорвались туда же. Ребятишек, ехавших до этого меж верблюжьих горбов, поснимали, чтобы не снесло ветром. Совсем маленьких, грудных укутали в овчины, несут в руках, повзрослее держатся за подолы матерей, плачут, орут, но шагают. Дико воет ветер, снежная кутерьма — ад кромешный. Бывалые люди натянули арканы, и вот по всей длине ковровой дороги цепочкой тянутся и тянутся вверх люди, телеги, запряженные верблюдами. У всех в глазах ужас, женщины шлют проклятья неведомо кому, мужчины ругают весь белый свет:

— Да будь оно все проклято, как это нас угораздило отправиться в такой путь?!

— Куда нас понесло из родного гнезда, будто его водой затопило?!

— Ну и погодку нам бог послал!

Отовсюду сыплются проклятья, но кто кого клянет — не разберешь. Вот так, с воплями и руганью, с криками, под свист и вой метели, когда снегом забивает рот, задыхаясь, кашляя, прячась за идущего впереди, то и дело окликая друг друга, повторяя имена детей своих, ярясь на весь белый свет, наше кочевье пробиралось сквозь ледяную кутерьму и к закату дня, миновав перевал, стало спускаться вниз. Усталые, обмороженные, потерявшие кто скот, кто весь свой скарб, оборванные до лохмотьев люди во время привала стали немного приходить в себя, громкими криками искать своих среди мешанины людей и животных.

Но людьми самой горькой судьбы, самыми несчастными на свете в тот день оказались мы с Канипой. Во время этого жестокого перехода мы потеряли нашего первого и единственного в жизни ребенка, четырехлетнюю дочь Меруерт. Она росла у моих стариков и в обозе тоже была с ними. Мы с Канипой присматривали за ней, но, как говорится, у семи нянек дитя без глазу. Когда спустились в низину, стали искать — нет ребенка. Ни в кибитках, ни на руках. Все кочевье обыскали — нигде нет.

Канипа, даром что сейчас такая вот жалкая, а знатного происхождения, она дочь третьей жены бая Ержепа, младшая, последняя из вскормленных грудью матери. Росла балованной, гордой, прямой, однако, став моей женой, всегда соблюдала приличия по отношению к моим старикам. А тут, пожалуй, впервые в жизни забыла, если честно сказать, все приличия и устроила моим родителям ужасный скандал. Детей, должно быть, все матери любят, но чтобы молодая женщина так любила свое дитя, как Канипа, никогда в жизни не видел. Она рыдала, ее била дрожь, она накричала на своих родителей, на моих родителей, на меня, рвала свои волосы и требовала: «Найдите мне мою Меруерт, немедленно найдите!» Весь аул потерял покой. Тут еще Балзия поддержала Канипу, велела мне взять с собой десяток джигитов, подняться обратно на ледник и найти девочку. «Мо-

жет, заблудилась, сидит где-нибудь в укрытии, под заснеженным камнем, бедняга. Куда смотрели, как могли потерять ребенка? В крайнем случае найдите хоть труп...» В общем, не дали нам земли задом коснуться, вновь подняли и посадили на коней, погнали обратно. Мы взяли с собой по свободной лошади, укрыли их попонами из толстого войлока, взяли несколько волосяных арканов, связанных концами так, чтобы достали до дна самого бездонного колодца, ломы, багры, всякий другой инструмент, необходимый в ледяных горах, запаслись провизией, питьем и отправились обратно в Саукеле. Канипа не послушалась никого и отправилась вместе с нами.

Омар-Томар вдруг умолк, печально склонив голову:

— Эх, милочка, говорил же я тебе: не береди мою рану. И зачем я только заговорил про это? Ведь совсем ни к чему эти воспоминания!..

— Ата... я все понимаю... Но раз уж начали, расскажите до конца, пожалуйста, — тихо, но настойчиво попросила Алима. — Рассказывайте, только все без утайки, ладно?

— В общем, дальше было так, — Омар-Томар прокашлялся и, как-то сразу помрачнев, продолжал, хмуря брови: — Прибыли мы на Саукеле, а там все так же метет, но снегу как будто стало поменьше. Зато ветер — сильнее прежнего... Воет, свистит, шипит, как змея. Мороз на леднике — чуть остановишься, лицо немеет. Растирая щеки, подкладывая войлочные подстилки, продвигались мы вперед — десять джигитов и с нами Канипа. Долго мы обшаривали ледник. Сначала плутали, никак не могли найти место, где прошли перед этим. Ледник ведь вон какой большой. Занимает все пространство между двумя горами. Ночь, луна сквозь тонкие облака едва просвечивает.

И вот Канипа услышала детский крик и плач. Мы все замерли и стали прислушиваться. Светик ты мой, я думал — умру. Откуда-то будто из-под земли слышались стоны. Вернее, это был и стон, и плач, и крик, и зов, и мольба о помощи. Я сразу узнал голос нашей четырехлетней Меруерт. Канипа же совсем обезумела: кричит, вопит, слезы на щеках сосульками замерзают. Никогда я не бранился, а тут пришлось, прикрикнул на свою жену, чтобы хоть немного утихомирить...

Голос Меруерт, как мы определили, доносился из трещины, которая, извиваясь змеей, тянулась далеко-далеко, а в обе стороны от нее расходились другие трещины. Мы подобрались к самому крайнему языку и остановились. Дальше идти было нельзя, ветром могло всех разом слизнуть в трещину.

Расстелив огромный войлок, мы сели, прижимаясь друг к другу, и стали слушать, чтобы точнее определить, из какого места доносится крик. Когда примерно определили, то вбили в стеклянный лед несколько железных колышков, привязали к ним несколько арканов.

Я обвязался в поясе одним арканом, другой, свободный, взял в руку и, скользя по льду, добрался до трещины. Сверху она показалась мне темной бездной, но что делать? Повиснув на одном аркане, другим подавая знаки джигитам, я стал спускаться.

В трещине было безветренно, тихо и после обжигающего холода на поверхности ледника — тепло. Если хватит веревки, можно долго находиться там и обшаривать все закоулки, все ледяные уступы. И вот тут-то началась морока на всю ночь. Как только начинаю опускаться в трещину, явственно слышу голос дочурки. Пошарю-пошарю, нигде ее нет. Спускаюсь глубже, голос ее пропадает. Тишина обволакивает меня, кружится голова. Вытащат меня из одной трещины, я лезу в другую, и вся история повторяется. Я уж освоился в этих трещинах, стал себя чувствовать свободнее, ощупываю все вокруг — выступы, щели, ямы. Под утро уже я спустился в четвертую трещину. Веревку мы на этот раз надвязали еще несколькими арканами. Конечно, я не мерил, но, думается, спускался каждый раз на восемьдесят кулашов*. Потом уж я расспросил у знающих людей, оказывается, глубина этих трещин может достигнуть трехсот метров и больше. В этой, четвертой трещине я и сам едва не погиб. Погибнуть не погиб, а без ног, как видишь, остался.

Провалился я там в какую-то ледяную воронку, и меня заклинило, как заклинивает топор в надколотом сучковатом чурбане. Дернулся в одну сторону, дернулся в другую — бесполезно. Хочу обо что-нибудь опереться, не могу рук поднять, давай сигналить наверх. Они меня стали тянуть. У меня ребра трещат, я задыхаюсь, а сам ни с места. Чувствую, что если они меня и дальше будут тянуть изо всех сил — задушат. Кое-как освободив одну руку, я отвязал от себя аркан. А они, вытянув пустую веревку, решили, что она перетерлась. Канипа совсем обезумела. Все пыталась броситься ко мне в трещину. Ей все слышался голос девочки. И я, когда остался один в трещине на целых пять часов, мне тоже слышалось... Может, на самом деле, а может, мерещилось. Я ведь был уж там как в полусне. Но только скажу, это самое страшное, самое жуткое, когда словно бы рядом твой ребенок, зовет тебя, плачет, зовет родного отца, а ты ничем не можешь ему помочь и даже не знаешь, где он...

Трещина у меня над головой начала светлеть. Видно, там, на земле, наступил уже день.

---

* К у л а ш — своеобразная мера длины, равная размаху человеческих рук.

Рассказывать об этом, светик мой, можно долго, а если короче, то пять часов спустя вырубили меня кое-как, словно рыбину, вмерзшую в лед. Оказывается, никто из джигитов лезть за мной не осмелился. Только один из дальних родственников по матери проявил смелость. Ну, вырубил он меня кое-как, а наша четырехлетняя Меруерт навеки осталась во льду. Наша первая и последняя девочка. После нее детей у нас уже не было, да и не могло быть. Несчастная Канипа целый год проспала, не приходя в себя, а когда сознание вернулось к ней, то стала вскакивать с постели и с криками: «Саукеле, Саукеле! Там, в трещине, моя дочка!» — пускалась бежать в сторону гор. В конце концов она потеряла рассудок и стала такой, какой ты ее знаешь. Каждый раз, когда обновляется месяц на небе, у нее случается приступ. А также в осеннюю погоду. Она скитается по аулу из дома в дом и распевает свою песенку. Ну да ты слышала ее не один раз.

Омар-Томар умолк и долго сидел, устремив глаза вдаль. Потом стал не спеша собирать свои сапожничьи принадлежности. О том, что было с ним после, когда вызволили его из ангека, он ничего не стал рассказывать. Но и так все знали, что он отморозил обе ноги и что их пришлось отнять, потому что пошла гангрена. Сделал это какой-то лекарь из далекого селения. А в ауле, чтобы не путать в разговоре с другим Омаром, жившим здесь же, стали называть его Омар-Томар, то есть Омар-обрубок. Обо всем этом Алима уже знала, потому не стала дальше расспрашивать старика, а вернулась мыслями к своим: к мальчику и свекрови.

— Ата, как вы думаете, могла ли Ак-апа, зная, как труден переход через эти горы, решиться и взять с собой мальчика на верную гибель?.. Или... Или она прячется с ним где-то по аулам, чтобы не отдать сына мне? Я все-таки сомневаюсь... Пойти на такой риск... Ведь не совсем еще она выжила из ума... Скажите, ата, как вы полагаете?

Алима задавала все тот же свой вопрос, только как бы вывернув его наизнанку. Старик понял, что она не отстанет, пока не получит ответа, и решил разом развеять ее сомнения:

— Она пошла через горы. Тому есть две причины. Я уже раньше говорил, что при нашем исходе из родных мест мы потеряли очень много скота. И на той стороне во время конфискации, и во время перехода, да и здесь на наш скот нашлось немало охотников: то налог на землю, то за выпасы, то другие поборы — словом, от прежнего скота ничего не осталось. А иные, будто чувствуя, что в долине нас не ждут с раскрытыми объятиями, остались в горах с остатком своего скота. Говорят, они и сейчас

там кочуют, юрт десять, не больше. Их там не убывает и не прибывает. Из нас, кто осел в долине, многие разбрелись по окрестным городам в поисках заработка, потом переселились туда семьями. Дети их, выросшие там, нас теперь уж и не узнают, а если и узнают, на что мы им нужны.

Балзия никуда не стала уезжать, добилась от местных властей, чтобы нам поставили по домику, и сама осталась с нами. Стариков своих мы давно похоронили. Куда мы с Канипой пойдем, через чей порог станем заглядывать? Вот и остались тут, возле горы Саукеле, рядом с ледяной могилой нашей дочурки Меруерт. Балзия, пестуя своего Заманая, постоянно помогала нам, делилась всем, чем могла: и скотом, что от отца остался в наследство, и другим добром. Долго еще она верховодила тут, но потом стала постепенно терять вес и уважение, а когда обеднела, то и вовсе от нее все отвернулись. Это очень сильно подкосило ее. Но она, упрямая, гордая, своевольная, как прежде, ни к кому не пошла на поклон, не стала искать себе счастье, не оставила нас, двух калек, и, может, из-за нас даже замуж не пошла ни за кого. Еще сильно ее угнетало то, что сын Заманай не открыл даже дверей школы, остался неграмотным. Как она печалилась из-за этого! А Аманай твой подрастал да подрастал. Глядя на него, бабка Балзия сокрушалась все больше: неужто, говорила она мне, и внук мой останется темным и безграмотным, как его отец? Во всем виновата я, и перед детьми своими, и перед народом. Это она говорила только мне, наедине, делилась своим горем и печалью. И мечтала: если бы нашелся человек, который пошел бы на ту сторону, я бы вручила ему Аманая, вложила руку в его руку, чтобы увел мальчика на родину. Это я не раз от нее слышал... А в ближних аулах ее не может быть. Она знает, что ты ее все равно найдешь. Так что ее путь только через горы, на ту сторону. Она надумала переправить туда Аманая. И сама тоже... если умрет, чтобы похоронили в родной земле. Вот что она задумала. Вот что я знаю, светик мой. Ты теперь их не ищи. Или они остались в горах вечными ледяными гостями, не смогли перейти ледника, или же дошли до места живыми и здоровыми... Так что выходи замуж за кого собралась и поезжай, куда надумала.

6

Старуха и мальчик миновали Саукеле на четвертые сутки.

В ущелье было не так холодно, как на леднике, но все же воздух был свеж и прохладен, на траве лежал иней. Путники устроили привал около одной из старых, высоких елей, росших на

склоне горы. Как только голова Балзии коснулась ее дорожной торбы, она сразу начала дышать ровным дыханием спящего человека, Аманай же никак не мог уснуть. Он лежал и смотрел на Саукеле, оставшуюся позади, на часто падающие с неба звездочки, мысли его перескакивали с одного на другое, не давая забыться сном.

Аманаю в горах не было страшно, даже когда они шли по гладкой, словно стеклянной поверхности ледника, натянув поверх сапог войлочные носки, чтобы меньше скользило. И даже когда они шли, держась за тонкие волосяные арканы, когда крадучись, словно кошки, пробирались между огромными сосульками, нависающими над тропой, как бахрома обветшалого платка, Аманай ни разу не испугался. Все было вроде игры, все было как в сказке.

Аманай лежал и мечтал, глядя в небо широко раскрытыми глазами. Он боялся только одного — уснуть и пропустить момент, когда раздвинется небо и начнется волшебная ночь.

Вот сорвалась со своего места звездочка, и пока ее тонкий след не растаял в черно-синем небе, Аманай успел прошептать заклятье, которому его научил когда-то Омар-Томар: «Моя звезда высока!» При этом полагалось провести ладонями по лицу. Но Аманаю тотчас же пришлось повторить свое заклинание, потому что еще одна звездочка покатилась за острую зубчатую гряду гор. Аманай вспомнил слова, которые говаривал Омар-Томар в таких случаях: «Еще одна душа человеческая покинула этот мир».

Чем ближе подходило утро, тем чаще падали звезды. «Почему люди умирают чаще под утро?»

Однажды ночью звездопад был особенно сильным.

— Ата, как много, оказывается, умирает людей, пока мы спим. И всегда так, каждую ночь?

— Сам удивляюсь, Аманай. Вроде бы раньше не падало так много звезд. В давние годы, правда, когда была большая война с германом, о которой и до нас доходили слухи, а также мы вычитывали с твоей бабушкой из газет, ночи стояли очень темные. А край неба, где с вечера прячется солнце, весь был исполосован светлыми черточками. Будто наперегонки с неба струились звездочки. А теперь... Теперь — не знаю. Может быть, где-то и теперь убивают людей...

Разъяснять дальше у Омар-Томара, видно, не было ни желания, ни знаний, и он, провожая глазами очередную падающую звезду, опять проводил ладонями по лицу...

...Уже вовсе занялся рассвет, в горах стало видно все, как днем. На небе остались только крупные звезды, еще не мигающие, бледные звезды, а маленькие все погасли.

Несмотря на страшную усталость, Аманай в эту ночь так и не сомкнул глаз и уснул только, когда поднялось солнышко, так и не дождавшись ночи кадыр.

А природа будто только и ждала этой минуты, и когда Аманай уснул, вдруг все содрогнулось, наполнилось ужасным грохотом, многократно повторяемым горным эхом. Казалось, началось неожиданно землетрясение, повалились горы, все вздыбилось и перевернулось вверх дном. Аманай и Балзия проснулись в ужасе, бабушка испуганно бормотала молитву; внуку же хотелось произнести слова заклинания, которые он заучивал дни и ночи: «Пусть расступится гора Саукеле! Пусть расступится Саукеле! Пусть расступится!» Но он не успел не то что повторить трижды эти слова, а произнести их хоть раз. Ужас охватил его, когда он увидел, что небесный свод раскололся надвое: врата чистого бездонного неба, будто разрезанные острым лезвием на две части, распахнулись. Кровавого цвета извилистые волны побежали по сторонам и, вытягиваясь шлейфом, наподобие радуги, в мгновение ока достигли горизонта. О, чудо, Аманай только теперь заметил, как сдвоенную алую полоску, трепещущую в вышине, тянула за собой, словно паук паутину, огромная черная птица! «Самрук из сказки!» Но не успел Аманай подумать об этом, как черная птица со свистом пролетела и скрылась из виду.

Услышав, как внук, придя в себя, начал произносить заклинание, Балзия, лежавшая, уставясь в небо, покачала головой и сказала:

— Не-ет, Аманай, это не врата небес разверзлись. Ты видел огромную птицу, что просвистела над нами? Это аэроплан. Раздвоенная дорожка в небе — след от него. Он сделан для войны, этот аэроплан, и летает очень высоко. Да, сделан он человеком, а управляет им человек. Нет силы более могучей, чем человек. И нет никого злее, чем человек.

...Пятнадцатые сутки оказались для них самыми тяжелыми из тех, что остались позади. А что предстоит впереди, им было пока неведомо. Дорога вымотала все силы, каждый шаг теперь давался с трудом, а в этот день они ушли и вовсе недалеко. Уже с утра они тащились по горной местности с одиноко торчащими там и сям голыми зубцами скал, едва передвигая ноги. И тут с неба начал сыпать мелкий обложной дождь. Вокруг не было никакого укрытия, ни дерева, ни нависающей скалы — ровное и безлюдное межгорье. Дождь моросил весь день, не прекратился он и с наступлением темноты.

В начале их пути, когда светила луна, они могли идти и ночью, а отдыхать, если надо, днем, но с тех пор, как наступил период ольяра *, ночи сделались непроглядно-темными. Балзия уже перепутала благоприятные дни с неблагоприятными и вообще потеряла счет дням. Она помнила только, что вышли они в полнолуние, потом луна стала таять, и вот уже сделалась как волосок, а там и вовсе сошла на нет. Из этого Балзия предположила, что они в пути уже пятнадцатый день. И вот начались беспрерывные, моросящие дожди. Знак козы — Сумбуле меняется на знак козла — Сумбула, а это значит, что уже конец августа и что теплая осень кончилась, а началась золотая осень с дождями и утренними морозцами, с инеем по утрам.

Начавшиеся дожди принесли новые испытания. Старый толстый ватный халат Балзии намок и отяжелел, он давит на плечи, тяжесть его отдается даже в коленях, ноги подгибаются и быстро устают. В легких у нее хрипит и свистит, она задыхается, то и дело опускается на что-нибудь, чтобы посидеть, перевести дух. А когда сядет, то ей уж трудно подняться. Сидит до тех пор, пока Аманай не начнет ее тормошить, тянуть за руку, приподымать под руки. Мальчик понял, что в их аул, оставшийся далеко за спиной, им уже никогда не вернуться, надежды на это потеряны, поэтому он целиком теперь подчинился бабушке, вернее, даже не ей, с каждым часом теряющей силы, а той цели, которую бабушка определила для них, хотя что это за цель, он так и не знает. Он знает одно: нужно во что бы то ни стало идти вперед и вперед, только вперед. Шагать и шагать вперед.

В последние дни бабушка не уставала повторять: «Дойти бы только до Тастама» **, «В Тастаме мы отдохнули бы», «После Тастама было бы видно...».

Теперь, когда бабушка увидела наконец этот свой Тастам, Аманай никак не мог его разглядеть.

— Вон он, Тастам, во-он! Дошли все же, дошли. Вон Тастам. Видишь? Вон же, на самом кончике взгляда, это Тастам... Тастам... — повторяла бабушка слабым голосом, но сияя от радости. Аманай, хоть и не видел никакого Тастама, кивал головой, будто видит.

Подъем из низины по высокому склону, где был расположен Тастам, дался им нелегко. Устремившись к такой близкой своей радости после полудня, они, с частыми остановками, запыхавшись, едва достигли ее лишь в поздних сумерках.

Тастам оказался пещерой с зияющим входом. Для непривычного взгляда этот вход среди осыпи малоприметен. Редкие со-

* Ольяр — период межлунья.
** Тас-там — букв. каменный дом.

сны, высокие и низкие, проросшие сквозь каменную осыпь, прикрывая вход в пещеру, издали напоминали редкую щетину усов и бороды.

Обложной, моросящий дождь прекратился. Ветер гнал по небу холодные серые осенние тучи, унося их куда-то вдаль. На небе творилось что-то непонятное. Караван бегущих облаков нескончаем. Непонятно, откуда они берутся и куда исчезают. Может быть, они просто кружатся над горами?

Бабушка села, прячась от ветра, неподалеку от входа в пещеру, отдышалась немного и хрипловатым шепотом сказала Аманаю:

— Видишь ли ты вон там, вдалеке, синеватый такой перевал? А достиг ли твой взгляд желтой полосы у подножия перевала? Посмотри, хорошенько вглядись.

Аманай без особой охоты бросил взгляд в ту сторону, куда показывала бабушка. О каком синеющем перевале она говорит, о какой желтой полосе? Сколько шли по горам, столько же и попадалось на пути синеющих перевалов, оврагов с желтыми полосами, саев *, ущелий. Аманай ничего не увидел. Да и не очень старался что-либо там разглядеть. Отсюда, с довольно высокой седловины горы, и вправду далеко все было видно, как на ладони. Но сейчас, в сумерках, когда по небу проносятся черные тучи, что разглядишь?.. Между тем Балзия, будто и в самом деле видит там что-то, тяжело и хрипло дыша, говорила внуку:

— Вон — синеватая высота... гора Клык. Большая, высокая вершина. В средней части ее, как поясок, лежит извивающаяся коричневая полоса — одноногая тропа. Ее называют Кыл-копир, мост-волосок. Ты хорошенько вглядись. Отсюда не очень далеко. Если что-нибудь со мной... ты сам... Запомни хорошенько это место...

Аманай, хотя не совсем понял, что значит слова бабушки: «Если что-нибудь со мной... Ты сам...», но по выражению лица ее почувствовал что-то недоброе.

— Остальное скажу, когда войдем в Тастам. Пойдем теперь в пещеру отдохнем, — бабушка Балзия с трудом поднялась с места и вошла в пещеру.

Тастам оказался очень большой пещерой. Тут могли разместиться две-три юрты о восьми канатах ** — так было здесь высоко и просторно. Каменный дворец да и только, сложенный из плит, с вырубленным в скале куполом. Внутри тепло, как в гнезде. А название Тастам придумали, наверное, путники или

* Сай — лощина.
** Канат — крылья юрт.

охотники. Означает не то Каменный дом, не то Каменный мавзолей. Когда глаза привыкли к пещерному сумраку, вошедшие увидели посреди пещеры сложенную из камней — круглых в плоских, вперемежку, земляную печь жер-ошак. Белела зола, вокруг в беспорядке валялись кости, сухие ветки.

Эта пещера напомнила Аманаю жилище страшных одноглазых великанов из бабушкиных сказок. А эти кости разбросанные — будто скелеты съеденных ими людей или животных. В одном только не было сходства; великаны, уходя, как правило, закрывали вход в пещеру. А может быть, валуны, что валяются при входе, и есть «крышки» от пещеры? Может, великаны просто торопились и забыли впопыхах закрыть вход? Когда они вернутся, то, прежде чем войти, сначала обнюхают пещеру, шумно втягивая воздух носами: не пахнет ли тут человеческим духом? Когда Аманай и бабушка вошли в пещеру, они тоже принюхались, в ноздри ударил запах гнили. Оказалось, что в углу пещеры лежала слипшаяся, начавшая преть трава. Должно быть, эта лежанка для путников. Сняв с себя вымокшую от дождя одежду, развесив ее сушить на большой валун, похожий на лежащего верблюда, бабушка и внук прилегли отдохнуть.

Бабушка лежит, пытаясь унять дрожь от холода, пронявшего ее под дождем, но пугает ее не озноб, а хрип в груди. О своих опасениях она уже несколько раз порывалась сказать внуку, да не знает, с чего начать.

— Аманай... дитя мое, ты не спишь? — отважилась наконец Балзия. Она заговорила с трудом, медленно, с усилием выдавливая слова: — Ты теперь... выслушай меня... Со всем своим вниманием выслушай... Я, пожалуй, дальше идти не смогу... Чувствую... Дошла до места... Очень жаль мне и обидно... Не сумела довести до места. Напрасно, напрасно понадеялась на себя...

Балзия долго лежала молча. Даже хрип у нее в груди вроде бы прекратился. Издалека слабо доносится шум быстрой горной речки. В пещере стало совсем темно.

— Аманай... дитя мое... ты не спишь? — вдруг повторила точь-в-точь свой давешний вопрос бабушка.

— Нет, бабушка, не хочется спать... Есть хочу.

— Знаю, Аманай, знаю, голоден ты. Но потерпи до завтра. Утречком наберем воды в ручье, вскипятим чаю... Что-нибудь придумается... Усни. Когда спишь, голод проходит...

Балзии было и жаль голодного ребенка, и горько оттого, что ничем не может ему помочь.

Еда, которую они прихватили на дорогу, кончилась еще вчера. Как ни старались они ее растянуть, как ни экономили, а в

хорджуне на дне, кроме горсти малты *, ничего не осталось. Они долго обманывали себя, кладя на язык малту и запивая ее чаем. Но теперь и малты осталось мало, бабушка экономила теперь и этот сушеный запас.

Еще полежали молча. Как ни устали за дорогу и как ни хотелось спать, от голода, скрутившего все внутри, сон улетучился. Аманай терпел-терпел, потом все же встал с места и на ощупь отыскал хорджун, положенный у изголовья. От старого полосатого хорджуна, пропитанного жиром, пахло вкусно. Мальчик достал, точнее, выловил со дна две малты, похожие на плоскую речную гальку, одну сунул в рот, а вторую протянул бабушке:

— На, аке, ты ведь тоже голодна.

— Нет, я не буду. Пить захочется, а у меня жар, съешь сам.

С тех пор, как вошли в пещеру, Балзии, прозябшей под дождем, становилось все хуже, она горела как в огне, голова разламывалась от боли, она все больше теряла силы. И потому, пока еще владела языком — а в том, что больше уже не поднимется, она была уверена, — Балзия решила передать внуку последний свой аманат:

— Аманай, единственный мой! — Голос ее дрогнул.

— Что?

— Дальше идти у меня уже нет сил... Иссякли все силы. В этой пещере, пожалуй, я и останусь... Если что случится со мной... ладно, отжила свое... найдет меня кто-нибудь тут...

— Почему? Почему ты хочешь остаться, бабушка? — задрожав от страха, спросил Аманай.

— Без худа не бывает добра, дитя мое, слушай меня хорошенько. И не перебивай. Выслушай меня до конца. И главное — пойми и запомни... — Балзия на этот раз старалась четко выговаривать каждое слово, будто гвозди вбивала, чтобы ребенку все было ясно и понятно. — Мы с тобой уперлись в последний перевал. За этим перевалом та самая земля, о которой я тебе много раз говорила, — Джетысу, большая страна Семиречье. Там — твоя родина, Золотая колыбель. Если доберешься до нее, быть тебе счастливым, ни горя, ни бед не будешь знать. Вся судьба твоя отныне связана с той землей. На той земле могилы всех твоих предков. Туда ведут две дороги. Одна — Жылы-сай с широким руслом. Это — долгая, с многими поворотами, извилистая дорога. Там ты можешь заплутаться. Если даже не заплутаешься, то три-четыре дня голода... едва ли ты выдержишь. Удобнее второй путь, прямой. Это — Кыл-копир, одиночная тропа, которая опоясывает острую вершину Клык. Помнишь, час назад я его тебе показала. Днем отсюда ее хорошо видно. Дер-

* Малта — шарики сушеного молока.

жи эту гору перед глазами и иди к ней. Преодолеешь косогор, а потом все время будет спуск... В тех местах, за холмами, могут встретиться и пастухи, и охотники. Их ты теперь не бойся. Если кто встретится — расскажи все о себе. Скажи: возвращаюсь на родину. Отца моего звали Заманай, скажи, а деда моего звали Атымтай. По имени твоего деда люди поймут, кто ты... Еще два дня пути — и ты, пожалуй, будешь на месте. Опасайся зверей и хищных птиц... При переходе через тропу будь особенно осторожен. Вниз, в пропасть, не смотри — голова закружится, и ты упадешь. Гляди только вперед... Отныне, что бы ни было суждено в жизни, ты будешь вместе со своим народом. Повзрослеешь, поймешь. А пока... счастливого пути... Малту, что на дне хорджуна, раздели на две части и рассуй по карманам. На привале положишь под язык — и то еда...

Аманай, хотя и не понял до конца всего сказанного бабушкой, но почувствовал сердцем, увидел зовущий мираж перед собой, словно прикоснулся к другой — загадочной жизни. Но он никак не мог взять в толк, как это он пойдет один, оставив бабушку здесь. За полмесяца пути такое ему и в голову не приходило, а если бы и пришло, все равно он бы ничего не понял.

— Я без тебя никуда не пойду, — вдруг заявил мальчик.

— Я же сказала, что дальше идти не могу. Если хочешь пожалеть меня, то поскорее доберись до людей. Потом вернешься и заберешь меня. Иначе мы оба останемся в этой пещере навеки.. Пойми меня, Аманай. Ты — единственный, кто остался из потомства Атымтая. Не бойся ничего. Преодолеешь и этот путь..

— А там... как же там? — Аманай с трудом сдерживал слезы. — Как же мама? Где она? Она тоже придет сюда?

— Придет... Отыщет тебя... Или сам ее найдешь, когда вырастешь.

Под утро жар у бабушки Балзии стал еще сильней, она металась по травяной лежанке, не находя себе места. Чувствуя, что задыхается, она хотела расстегнуть пуговицы на платье, но пальцы не подчинились ей, тогда она, отчаянно мотая головой, схватилась рукой за ворот, продела пальцы и с треском оторвала пуговицы, дышать стало легче. Но вскоре ей опять стало хуже, начался бред. Она долго называла какие-то имена, звала каких-то людей, потом припомнилась ей дорога. «Саукеле... синий лед... летит на нас, падаем... все кончено!..» Потом замолкала, лишь слышался слабый хрип в горле. В такие минуты она облизывала горячие губы, чмокала ими и повторяла довольно внятно и монотонно: «Пить хочу... пить».

Оголодавший человек, если ему удалось уснуть, может долго пребывать в расслабленной полудреме, испытывая гнетущую тяжесть во всем теле. Именно в таком состоянии все утро пребывал Аманай, а когда открыл глаза, было уже близко к полудню. Первое, что он увидел, — это висящие вниз головой, вцепившись коготками в камни потолка, летучие мыши. Видно, они ночью вылетали на охоту, покормились и опять устроились спать на весь день. Балзия вновь хрипло, бесцветным голосом заговорила:

— Пить хочу... Пить... Воды...

Но говорила она недолго. То ли силы ее оставили, то ли она посчитала, что Аманай ее услышал, ну и чего же еще...

Лежала она в мире великой тишины и покоя. И к ней подошел Атымтай. Он был живой, невредимый, более того, молодой, сильный, красивый, как во время последней встречи. И одежда на нем та же. Потрепанная фуражка из защитной материи. Балзия никогда себе его иначе и не представляла. Он и раньше приходил к ней в ее сны и всегда в одном и том же обличье. Ни пожилым, ни тем более стариком никогда он не представал перед глазами Балзии. Правда, ходили слухи, что до старости он не дожил.

И еще одно: раньше, когда Атымтай являлся Балзии во сне, он являлся молча, не произнося ни слова, и только глядел осуждающе. А потом исчезал. Проснувшись, Балзия по-своему толковала сон: «Видать, и правда его уже нет в живых. Не говорит ни словечка...» Сегодняшний его приход был отличен от прежних. Совсем все было как наяву. Атымтай некоторое время с жалостью смотрел на истерзанную болезнью старуху и вдруг заговорил прежним молодым голосом:

— Ну что, лежишь? Умираешь в безлюдье, где и собаки не лают.

— Да, умираю... Думала, ты пришел проститься со мной перед смертью, а ты пришел меня осуждать!

— Я не только осуждать пришел, но и разобраться, и предъявить тебе обвинение.

— Что толку теперь разбираться? Кому от этого жарко или холодно?

— Тем не менее я пришел расследовать твой тогдашний поход...

— Ты... Ты — человек или ангел смерти Израиль, явившийся в человеческом обличье? Или один из анкер-мункуров, пришедших допрашивать меня перед Страшным судом? Где я: на этом свете или уже на том?

— Пока ты еще жива. А я — не Израиль, и не анкер-мункур. Я — отец Заманая, Атымтай!

— А-а, значит, ты слышал о том, что родился Заманай?

— Слышал краем уха, что ты родила сына и назвала его, как

и собиралась... Ты поступала всегда только так, как сама решила, наплевать тебе на чужие печали. Жестоким ты оказалась человеком. В тот раз ведь тоже... ушла в дальние края искать себе счастья, а меня оставила страдать. Ну и что, нашла свое счастье?

— Нет, я отправилась тогда не счастье искать. Я вышла в путь, чтобы спасти свой народ, увести его из-под удара. Я пошла, чтобы осуществить несбывшуюся мечту моего безвременно погибшего отца. А ты, считаешь ли ты себя счастливым?

— Разумеется... Считаю, конечно... Я счастлив...

— Э-эй, Атымтай! Вы привыкли даже умирая считать себя счастливыми. Так вы приучены. После того, как мы ушли, разве ты жил?.. Сначала тюрьма, потом война. И вечная нужда... Ты ведь не смог даже создать семью, поставить отау *.

— Тут ты права. Семьи создать и поставить отау я не смог. Некогда было... Коллективизация...

— Слышала я об этом. Когда узнала, что ты, создавая колхоз, чуть не уморил голодом весь остаток аула, а сам ходил оборванный, весь во вшах, я пожалела тебя...

— Напрасно! Тогда не в чем меня было упрекнуть и не за что было жалеть. Если бы мы не собрали весь народ под одно крыло и не доказали в борьбе, что колхозный строй самый лучший... Мы бы лишили народ веры в будущее...

— Ничего себе — оправдался. Чуть с голоду всех не переморили.

— Были ошибки. Конфискованный скот остался без хозяина... У кого оставалось немного скота, перерезали, чтобы не отдавать в колхоз. А тут еще получился вредительский перегиб. Кинули лозунг: «Ни одного копыта в частном владении!» Но мы все выдержали, пережили, оправились и очень скоро уже пожинали плоды совместного коллективного труда. Хозяйства пошли в гору, мы победили врага, одолели все невзгоды.

— А как же ты оказался врагом народа? Мы и об этом слышали. И хоть далеко были, немало дивились, как это столько людей, служивших народу верой и правдой, вдруг попали в число врагов?

— Это было дело рук вредителей вроде Есета, но только пробравшихся к вершинам власти. Ну а если взять конкретно мой случай, то к нему причастна опять же ты, боль моего сердца, несмываемое клеймо на моей совести.

— Я порвала с тобой, ушла навсегда. Я жила недосягаемо далеко. Каким же образом я продолжала влиять на твою судьбу?

— Если бы ты ушла одна... Но ты унесла моего сына, Заманая. С того дня, как я услышал о его рождении, покоя не стало. Мне казалось, что часть моего сердца бьется где-то там, за вершиной Саукеле. Я мечтал хоть раз посмотреть на сыночка. Но как, каким путем пройти, чтобы хоть недолго побывать на той стороне, увидеть Заманая, а если удастся, то вернуться с ним? И вот однажды такая возможность представилась. Мне помог один из товарищей, занимавший в ту пору высокий пост, меня включили в делегацию, выезжавшую в ту страну. Я ликовал, но оказалось, что преждевременно. Вместо поездки попал в кабинет следователя. И пошли расспросы:

— Почему вы до сих пор не женаты?

— Где ваша жена Балзия?

— Где ваш сын Заманай?

— С какой целью вы Балзию, дочь классового врага, переправили через горы?..

Меня обвинили в том, что теперь и я намерен предать Родину, остаться там со своей женой.

— Мы слышали, что тебя осудили по навету. Но как ты оказался на фронте? Вся молодежь нашего аула погибла на той войне... И после этого ты еще говоришь о каком-то счастье... Неужели ты считаешь счастливой жизнь, истекшую в вечной схватке — то за новую власть, то за новую жизнь, то в борьбе с ошибками, то в борьбе за самого себя и свою честь? Или ты счастлив, что все страдания, выпавшие на твою голову, уже кончились и что ты раньше времени закрыл глаза?

— Кто же хочет умирать раньше времени? Разве только немощные старики ждут не дождутся, когда пробьет их час. Да и то... Но счастьем я считаю то, что умер честной смертью, в бою за Родину. О войне я услышал на лесоповале — там, далеко-далеко на северо-востоке. Таких, как мы, никуда, даже на войну, не пускали. Но я много раз писал, просился на фронт, и, может быть, учитывая мои прошлые заслуги, мне разрешили отправиться на передовую. Это святое дело — быть вместе с народом в час смертельной опасности. Оправдаться перед народом чистыми поступками, чистым сердцем и чистой кровью.

— Самому напроситься на смерть? Оправдаться ценою жизни? Этого я не понимаю.

— Э-э, тогда ты вообще ничего не поняла. Да и откуда вам понять? Когда весь народ сражался с лютым врагом, а старики, дети, женщины в тылу не спали дней и ночей, сами голые и голодные, все отдавали для победы, для фронта, когда гибли твои братья и сестры. Балзия, вы там, за Саукеле, поди, безмятежно веселились, устраивали пиры с конскими скачками, потягивали пенистый жирный кумыс. Разве наша беда вызвала в вас хоть

* Отау — юрта для молодоженов

капельку сострадания, сочувствия? Нет, вы радовались тому, что оказались вдалеке от кровавой войны. Может быть, ты это имела в виду, сказав, что спасала свой народ? Хорошо, ты спасла жизни тем, кого увела с собой, радовалась этому, а поняла ли ты наконец, что жестоко изранила сердца потомкам этих людей?

— Не понимаю я тебя. О чем это ты?

— Откуда тебе понять? Тот, кто, спасая себя, оставил родную землю, тот забывает само слово «Отчизна». И принять смерть за нее — для вас, конечно, смешно. А я почитаю за честь погибнуть за Родину, счел это высшим счастьем для себя. Ты этого не поймешь, а поймешь — не проникнешься сердцем! У кого хватит сил, мужества, выдержки под ураганным огнем, когда на тебя надвигаются страшные чудовища из металла, со скрежетом, ревом, изрыгая смерть, встать и поднять других в атаку? У кого выдержит сердце?.. А мы не один раз поднимались навстречу смерти. Когда гремел клич «За Родину!», мы все шли вперед, как один... Никто нас не гнал, не подталкивал вперед прикладами. При слове «Родина» перед каждым солдатом вставали лица его родных, близких, любимых, отцы и деды, матери и сестры, родные места, дорогие сердцу уголки земли. И в последнюю свою атаку, как и всегда, я поднялся с криком: «За Родину!» Я знал, на что иду и за что могу погибнуть. В предсмертный час, умирая от ран, я сознавал ясно, за что отдаю свою жизнь, и у меня было легко на душе. Тебе и твоим беженцам этого не понять. А их потомкам и вовсе. Кто знает — может быть, когда-нибудь потомки тех беженцев повстречаются с сыновьями тех, кто погиб за родную землю, за родной народ. Каково будет им — тем, кто родился по ту сторону Саукеле?

— Ты собрался теперь предъявить обвинение потомству?

— Нет. Оно, новое поколение, ни в чем не виновато. А чем виновато поколение, глядящее с недоверием и подозрительностью на своих сверстников, не имеющих родины?.. Помнишь нашу встречу там, на Адском мосту, на той узкой тропе? И вот ты на последней своей переправе — между жизнью и смертью. Вот когда ты решилась наконец вновь обрести родину... Или решила очиститься от грехов, признать вину, оправдаться перед смертью? Ну, что ты мне скажешь на это?

— До последнего своего дня я не думала об оправдании. Я вышла в путь, тайком отправилась сюда единственно для того, чтобы привести на родину предков последнего твоего потомка Аманая, чтобы жил и рос на своей родине, говорил на родном языке и понял, что значит быть азаматом, гражданином своей страны.

— Похвально. Но та ли эта Балзия, которая когда-то увела за собой целый аул, словно вожак — лошадиный табун? Если, возвращаясь назад, ты смогла взять с собой, да и то украдкой, лишь малое дитя, то где же твой авторитет перед людьми? Должно быть, от былого к тебе уважения не осталось и тени?!

— Э-эх, о каком уважении, о каком почете ты говоришь?! В первые годы, когда мы уже перешли на ту сторону, я все держала в своих руках. Разожму — люди у меня как на ладони, сожму — в кулаке. Со временем люди стали меняться так же, как и время, каждый стал по-своему приспосабливаться к условиям, жить на свой лад, по своему разумению. А новое поколение на нас и краем глаза не взглянет. Новое течение, новые всплески, новые желания... Цыпленку — цыплячье, жеребцу — жеребячье. Каждый пошел искать свой уют, свое счастье. Иные вовсе порвали родственные узы, раскидало всех, как осенним ветром. Все, кроме стариков, что остались в ауле, рассеялись по белу свету, одни в степь, другие в горы, третьи в большие города. Впрочем, я слышала, и на этой стороне тоже так.

— А где Заманай? Заманай где? Неужели он тоже бросил тебя, бросил дом и скитается по лицу земли? Или он умер? Погиб? Что с ним стало? Где Заманай, я спрашиваю? Говори сейчас же. Об этом знаешь только ты. Жив он или умер — об этом тоже знаешь только ты.

— Это правда. О нем знаю только я одна...

— Что же ты молчишь? Говори, где мой сын?

Тут Балзии стало совсем плохо. Должно быть, пот, что должен был выступить, не проливался. Балзии чудилось, что Атымтай навалился на нее и принялся ее душить... Но тут на лбу выступила холодная испарина, старуха задышала свободнее, легче.

Она опять увидела около себя Атымтая. Он по-прежнему сидел возле нее, опустившись на одно колено.

— Ну что, отдохнула немного? Рассказывай теперь, где Заманай? Умрешь, никто не узнает. Так что говори! — потребовал он.

— Я знала, когда еще только увидела тебя, что ты непременно спросишь о Заманае. Ты и раньше порывался спросить, но всегда уходил молча. Я тоже молчала. До этого дня я никому о нашем сыне не рассказывала ничего из того, что знаю. Даже Алиме, его жене — не рассказывала. Она долго еще ждала его, все надеялась... Аманай тоже ничего не знает. Думала, расскажу, когда станет постарше. Если сейчас не расскажу, то бедный ребенок всю жизнь будет искать родного отца, не зная, что с ним случилось.

Вся погрузившись в былое, Балзия не заметила даже, что внука рядом давно уже нет.

— Тот год был годом «донуз» — свиньи, дикого кабана. По ту сторону Саукеле, там, где обосновались мы, беженцы, тоже началось смутное время. Говорили про какие-то большие прыжки, про военные коммуны. Женщины и мужчины, годные к труду, лишились своей воли. Про безмятежное веселье, о котором ты говорил, про пиры с конскими скачками и жирный пенистый кумыс мы уже не вспоминали.

Как раз в тот год Аманай пришел в этот мир.

Вскоре, ближе к весне, Заманая вместе с толпой других людей, где были и женщины и старики, угнали на работы в горы Билик. Это называлось — трудовая повинность.

Прошло три месяца, а об отправленных на работы — ни слуху ни духу. Тогда я села на коня и нашла-таки место работы Заманая. Со слезами выпросила, чтобы мне разрешили свидание с сыном.

Как они там жили, как работали, трудно и передать. Мужчин от женщин сразу же отделили, не давали между собой общаться. Всех женщин, оказывается, из Билика перевели в местечко Текес. Весь день я потратила на поиски Заманая. Расспрашивала, узнавала — все без толку. Потом один парень, повар, по национальности сибэ, хотя и совсем почти не говорил по-казахски, спотыкался на каждом слове, все же объяснил мне, что мужчин каждое утро угоняют на заготовку дров за двадцать пять километров отсюда. Вечером они возвращаются с дровами. Говорил он, говорил и вдруг как закричит: «Да вон они, вон они бегут! Наверное, и твой сын там». И так обрадовался при этом, будто сам обрел сына.

Я посмотрела в сторону гор. От дальних сопок, окрашенных красным, в лучах заходящего солнца тянулась длинная полоса красной пыли. Я никак не могла взять в толк, что это за чудо такое, и решила поехать навстречу. Подъехала и остановилась. О, аллах! Чего только, оказывается, не увидишь на свете! А такое и придумать, наверное, нельзя. Не приснится такое и в самом страшном сне.

Сотни мужчин плечом к плечу бегут друг за дружкой рысцой по сдвоенной тропе, выбитой человеческими ногами. Они бегут в густом облаке красной пыли. У каждого на плече коромысло, на коромысле с каждой стороны висит по вязанке дров. Потом уж я узнала, что каждый человек несет по пуду этих самых поленьев. Они бегут и выкрикивают: «Ай-и-о!», «Ай-и-о!» в такт, чтобы полегче было бегом нести груз. Каждый день утром, оказывается, они бегут в лес, заготавливают там эти дрова, а к вечеру бегом доставляют их сюда. А дрова нужны для маленьких земляных печурок, где будто бы выплавляют чугун. Бегут они в красной пыли, лица у всех потные, грязные. И только слышится заунывное «Ай-и-о!..».

Бегут они, коромысла у них раскачиваются, пружинят, и сами они раскачиваются в такт бегу. Гляжу я на них, стараюсь разглядеть своего Заманая — и не могу. Словно все сошли с одной сапожной колодки. Думаю, что Заманай хоть ростом должен выделяться, он ведь весь в тебя пошел. Даже кричала несколько раз: «Заманай, Заманай!» Ни один даже головы не повернул. Или не расслышал меня сын из-за своей подневольной песни? Да если бы и услышал — ему ведь ни остановиться нельзя, ни выйти из строя. Так и продолжали они размеренно трусить вдоль склона, словно туловище огромной змеи, чей хвост еще на холме, а голова уже в низине.

Только когда дровоносы умылись, поужинали под длинным навесом и стали расходиться, только тогда я нашла своего сына. Высокий ростом, лицом точь-в-точь в тебя, Заманай, как и ты, на вид всегда был суров, но в тот день он ни разу не нахмурил брови. Только взглянул с огорчением и сказал:

— Зачем ты приехала? Или решила, что я умер? Не бойся, я умру не скоро, пока не испытаю всех страданий, что выпали на мою долю! — скрипнул он зубами, как будто злился на кого-то или угрожал. Больше он не сказал ни слова. Напоил моего коня, стреножил, отпустил пастись у подножия горы и повел меня к месту своего ночлега.

А рабочие эти живут, оказывается, в длинных глиняных бараках. Когда мы вошли в один барак, там уже расположилось отдыхать около сотни человек. Лежали они рядом, на камышовых циновках, лежали без движения, некоторые уже спали. Заманай поменялся с кем-то, кто лежал у стены, и устроил меня с собой рядом. Только здесь он спросил о здоровье Алимы и Аманая.

Спросить-то спросил, а до конца мой рассказ о них не дослушал и больше ни о чем уж не спрашивал, а твердил только одно:

— Ну зачем ты здесь? Было бы лучше, если бы ты ничего не знала, как мы тут... Алиме хоть не рассказывай о том, что увидела. Завтра я не смогу с тобой проститься. Всем там... передай привет.

Он молча встал и погасил светильник, горевший на конопляном масле. Никто и не спросил, почему погасили лампу. Видно, все уж, кроме нас с Заманаем, спали, едва донеся головы до подушек. Смертельно уставшие люди, пробежавшие пятьдесят верст в пыли, на жаре, с грузом дров, храпели так, что казалось, вот-

вот глиняные стены барака рассыплются... Заманай тоже сразу уснул, поговорить нам с ним так и не удалось...

...Я не послушалась сына и не уехала на следующий день из Билика. Так и задумала: не уеду, пока не кончится день. Я ведь прихватила еды для Заманая, а он от нее отказался. «Нам, — говорит, — за работу ничего не платят, но кормить кормят». Вот я и питалась тем, что привезла с собой. Видно, чуяло мое сердце беду — потому и осталась...

Через три дня Заманая перевели на другую работу. Его спустили под землю, в шахту. Оказывается, бегать босиком по пятьдесят верст в день может не каждый. У многих пальцы ног расходятся до самых костей, распухают и трескаются. Днем человек, когда разбегается, может, и не так замечает, а ночью люди криком кричат от дикой боли в ногах. Этих несчастных переводят тогда на другую работу: спускают в шахту крошить камни.

В один из вечеров, когда мы легли спать, Заманай говорил дольше обыкновенного. Потом я поняла. что это он прощался со мной.

Странно, но сын не называл меня мамой — только по имени.

— Балзия, — говорил сын, — ты больше сюда не приезжай. Что ты найдешь здесь, кроме огорчений и слез? Только ожесточишь свое сердце. Да и мне — какая польза от твоих приездов? Мне ничьей жалости не надо и сочувствия тоже... Я давно разуверился во всем и никаких надежд не питаю. И ты меня не жалей. Растолкуй Алиме, пусть бережет Аманая. Будет жив, вырастет — может, увидит моего отца, которого мне так и не довелось увидеть... Рано утром я уйду на работу, а ты спи. Коня приведу к бараку. Поезжай домой. Да больше тебе здесь и не позволят оставаться. Кончился твой срок...

Вот о чем говорил Заманай. А он так мечтал хоть разок тебя повидать! Но говорил об этом очень редко. Лишь иногда, бывало, только и спросит: «Ну как, похож я на отца?..» И все... Вот когда я по-настоящему поняла, что такое безотцовщина, когда мальчик растет без отцовской ласки, когда некому его по-мужски воспитать, послужить примером... Такие дети вырастают черствыми, замкнутыми, жестокими даже к своим матерям...

В тот день я не находила себе места и все чаще вглядывалась в сторону этой проклятой шахты. Наступил вечер, я никуда не уехала, стала ждать возвращения сына. И вдруг подножие горы огласилось людскими криками. Сотни рабочих, копошившихся на склонах холма, побросав лопаты, с воплями побежали к шахте. Все — а там были люди разных языков и народностей: эгаулуты, кашгарцы, карлуки, сибэ, кизан — все кричали одно только слово: «Динхула! Динхула!..» Крик поднялся на всю степь. Я поняла, что случилось что-то ужасное, и тоже побежала туда. Из ствола шахты с трудом выкарабкивались люди, выпачканные сажей. Иные в спешке застревали в дыре, ведущей под землю, не давая выйти остальным. Совсем обессиленные, люди едва держались, к ним подбегали, уводили подальше от входа в шахту.

Вдруг весь шум-гам прекратился, будто ножом его отрезали. Оказалось, тем, кто остался внизу, уже не выйти. Несколько человек с лампами на конопляном масле попытались спуститься в шахту, но тут же выбирались обратно, вытирая слезящиеся глаза. Они говорили, что невозможно пройти в глубь шахты, лампа тут же гаснет. Я поначалу не понимала, что к чему, потом объяснили: динхула, оказывается, это ядовитый газ, который выходит из-под земли. Угоревших увели куда-то, а вскоре и все разошлись, так ничего и не сделав для спасения остальных. Я осталась у шахты одна, промаялась там всю ночь, сидела и плакала, словно оставшаяся сиротой сурчиха у своей норы, и все ждала чуда: а вдруг выберется мой сын из-под земли, вдруг выйдет? Нет, не вышел. Два дня я сидела там, но даже голоса своего Заманая больше не услышала. На третий день пришли начальники шахты и прогнали меня. Оказывается, если уж пошла эта самая динхула, то так она и будет сочиться из земли. Потом понаехали какие-то люди, подложили взрывчатку... И там, где была шахта, выросла огромная гора. Так заживо погребенным остался навек под землей наш с тобой сын Заманай...

...Шаря ослабевшими руками по сторонам, Балзия проснулась, и в груди у нее похолодело: внука рядом не было. Метавшаяся всю ночь в бреду, то теряя сознание, то вновь приходя в себя, старуха вроде слышала однажды голос Аманая. Но не могла вспомнить, что он сказал и когда ушел. Сердцем знала только, что с той поры прошло много времени.

— Аманай, где ты? — хриплым голосом позвала Балзия внука.

Тут ей показалось, что она вновь впадает в беспамятство и что ее Атымтай опять идет к ней, чтобы продолжать разговор. С великим трудом Балзия оторвала голову от прелой травы, чтобы взглянуть в сторону выхода из пещеры. Загораживая светлое пятно, там маячил огромный неуклюжий силуэт. Балзия поняла, что не бредит и силуэт этот не Атымтая, но косматого, вставшего на задние лапы медведя...

...Услышав, как бабушка внятно и монотонно повторяет: «Пить хочу, пить...», Аманай взял из мешка котелок и отправился искать воду.

Он стал осматриваться вокруг, пытаясь угадать, где тут мо-

жет быть ручей или речка. И сразу увидел вершину той самой горы, о которой вчера говорила бабушка. Но тогда, изнуренный дорогой, мальчик не очень-то вслушивался в бабушкины слова. Да и вершина Клык была вся почти закрыта облаками, загорожена тканью дождя. Теперь, в синем небе под солнцем вершина показалась мальчику такой же старой знакомой, как и Саукеле. Подобно Саукеле, она манила к себе. Извилистая тропинка, опоясывающая гору, тоже четко видна. Виден и желтоватый край пропасти. И все, что ниже, закрыто от глаз густым зеленым покровом.

Аманай почувствовал, как в нем зарождается радость. Еще вчера ему было так страшно от бабушкиных слов, так пугали они. А сегодня затеплился огонек надежды, и надежда эта зиждилась на том, что вдали видна Азула и тропинка, опоясывающая ее. Пусть эта тропинка проходит над пропастью, пусть до нее еще надо дойти, но она уже перед глазами, а раз так, значит, можно до нее дойти.

Аманай вспомнил, как в пути, каждый раз устраиваясь на ночлег, бабушка говорила: «Лишь бы нам добраться до Кыл-копира, а там будет легче. Там уж — рукой подать». «Вот перейдем Кыл-копир, и всю тяжесть с плеч как рукой снимет. Мы бы там по склону бегом с тобой побежали...» «Эх, дойти бы нам до Азулы, до клыкастой горы!»

И вот, оказывается, она уже рядом, эта вершина, казавшаяся такой далекой мечтой. Столько дней они шли по горам, спускались в долины и вновь поднимались, но куда, бывало, ни глянешь, всюду торчали то высокие острые пики, то пологие округлые вершины. Они шли по местам, где не было ни жилья, ни селений. Неужели эти мучения кончились и они дошли до благословенного края Джетысу, преодолев семь гор и семь рек?! Все это казалось Аманаю чем-то между явью и сном. Только надо теперь быстрее идти. Надо поскорее добраться до людей. Какое это счастье, оказывается, разговаривать с людьми, сидеть с ними рядом, ходить вместе с ними! Кажется, Аманай всей душой своей понял, что твкое тоска по людям, по человеку, и какое это страдание — жить одному. Дальняя трудная дорога с бабушкой многое ему рассказала...

Аманай вспомнил, что бабушка ждет воды. Если он напоит ее горячим чаем, может быть, ей станет лучше, и они опять выйдут в путь вдвоем.

Вчера, когда повернули к пещере, Аманай заметил на дне сая небольшой ручей. Это — исток Жылы-сая, как объяснила бабушка. Аманай сбежал вниз... Перед ним лежало ущелье Жылы-сай

с широкой поймой, а на самом дне, поблескивая на солнце, бежал ручей.

Аманай стал искать место поудобнее, чтобы набрать холодной, как лед, воды из ручья, как вдруг взгляд его упал на мелкие кусты на том берегу, сплошь усыпанные чем-то красным. Оставив котелок у воды, Аманай легко перепрыгнул ручей... Это была малина, да какая! Каждая ягода — чуть не с наперсток. Бабушка говорила, что в середине этого месяца малина вся уже вытекает. Потому Аманай осторожно сорвал ягоду, положил ее в рот — она, малина! Вся сохранилась, не вытекла, даже не сморщилась, живая, упругая... Он стал срывать самые большие ягоды горного танкурая и отправлять их в рот одну за другой, а то и по нескольку штук сразу. Чем выше поднимался он туда, где сай сближается с основанием горы, тем стебли малины становились длиннее, а ягод там было больше. Тьма багрово-красных ягод, и каждая будто зовет: «Сорви меня, сорви меня!» Аманай продвигался все дальше и дальше, на ходу запихивая ягоды в рот, потом стал горстями рассовывать их по карманам. Чай с малиной — что может быть для бабушки лучше!..

...Медведь вдруг увидел, как какое-то странное существо с седыми космами, падавшими на глаза, бросилось к нему с визгом и криком, размахивая руками. Зверь развернулся, поспешил к выходу...

Балзия опустилась на землю, так и не сообразив, как это ей удалось прогнать косолапого, и, едва переведя дух, поползла из пещеры. Оперлась о какой-то камень перед пещерой: «Амана-ай! Амана-ай!..» От собственного крика она обессилела, хотела было сделать еще хоть шаг, но руки ее опустились, и она тяжело осела на зашуршавший под ногами щебень.

Подойдя к Тастаму, Аманай увидел недвижно лежавшую бабушку. Балзия не подавала признаков жизни. Схватив ее за плечи, Аманай увидел, что с правой стороны лба, у самого виска запеклась кровь. «Это летучая мышь капнула своей кровью, — подумал Аманай. — Плохая примета...» Без кровинки в лице, Балзия не шелохнулась, и Аманай не увидел даже, скорей — догадался, что она еще дышит, а значит — живая.

...Долго еще Балзия пребывала в полусне, в полуяви. Понимала только, что где-то рядом горит, согревает ее огонь. Атымтай ушел и больше не приходил. Никто больше ни о чем не спрашивает и не тревожит...

— Аже, это я, Аманай. А это чай с горной малиной. Попей чаю. Он горячий, это я сам вскипятил.

Кое-как приподняв голову бабушки, мальчик поднес к губам кружку с горячим чаем. Мучимая жаждой, она потянулась к кружке и стала пить жадными большими глотками. Это был крепкий, сладкий чай с горной малиной, и Балзия выпила три кружки подряд. Пот с нее полился ручьем, она вся разомлела, расслабилась и опять впала в забытье, но оно не было уже мучительно бредовым. Балзия спала теперь сладким, спокойным, укрепляющим сном.

С вечера, набрав побольше хвороста, Аманай всю ночь подбрасывал его в огонь. Глотая очередную его охапку, пламя с силой взмывало к своду пещеры, освещая дальние ее уголки, и затихало, прячась за камни, которыми был выложен небольшой очаг. Припадая к земле, костер начинал чадить, дым резал глаза...

Только когда взошло солнце и в пещеру проник дневной свет, Аманай перестал подбрасывать хворост в огонь, да и то потому, что его самого стало клонить ко сну.

Балзия проснулась, открыла глаза, подняла голову, села. Долго сидела она неподвижно в теплом гнездовье пещеры, с удивлением оглядываясь вокруг, будто все видела в первый раз. Дрова в очаге прогорели, но угли еще не погасли. Рядом с очагом спал, свернувшись калачиком, ее Аманай.

Она рванулась было, хотела встать на ноги, но голова закружилась, к горлу комком подступила тошнотворная слабость. Тогда Балзия поползла к внуку. Наклонилась над спящим... Да, это спал ее Аманай!

— Внучек мой, мой жеребеночек! Единственный мой, глаз моего Заманая, ты жив, ты жив, Аманай... Откуда ты взялся, где пропадал? — Она хрипела, но голос по-прежнему был исполнен тепла и ласки. — Это ведь ты, Аманай, мне не снится, мне не мерещится? Ты цел и невредим? Разве тебя не растерзал медведь? А как я на него кинулась... Да я сама бы растерзала его, если бы он не убежал... Ну, теперь-то я уж не умру, теперь-то доведу тебя до места. Мы будем жить с нашим народом. Теперь уж недалеко, теперь немного осталось...

Аманай давно уже порывался вставить словечко, но бабушка говорила без умолку. Но когда она все же остановилась перевести дух, Аманай тотчас воспользовался этим...

И долго еще они разговаривали, поставив чай на огонь, словно соседки, которые давно не виделись.

— А еще, аже, ты же сама говорила: когда человек заболел, то надо чай с малиновыми ягодами пить, пропотеть. У меня в кармане оставалось немного малины, так я ее всю тебе в чай высыпал.

— Ах вот отчего чай показался таким вкусным! Чуть язык

не проглотила. Я подумала: может, после болезни мне он кажется таким вкусным? Думала: я уже добралась до места, и кто-то угощает меня крепким чаем с сахаром. Оказывается, вон что...

В этот день они не выходили из пещеры. Отдыхали, снова пили чай и не могли наговориться, потом опять ложились отдыхать. Было тепло и покойно.

На второе утро Балзия засобиралась в дорогу. Хорошо бы, конечно, еще два-три дня отлежаться, набраться сил, но понимала она и то, что оставаться здесь больше нельзя, и они вышли в путь.

Но теперь Балзия дорогу переносила тяжелее, чем до болезни, и печалилась, досадуя на свою слабость:

«Эх, будь я помоложе... Разве это расстояние для меня... Одним махом была бы на месте... Эх, старость, старость! Да и не суетилась бы без толку, а хорошенько вылежалась и уж потом, как на коне без седла, как бывало, только — ветер в лицо, только степь полосами навстречу коню, только степные птицы брызгами взлетают из-под копыт коня... Эх!» Она задыхалась, особенно на подъемах, и то и дело садилась передохнуть. Говорить ей было трудно — хорошо еще, Аманай понимал с полуслова.

Голод мучил обоих нещадно, и надеяться больше было не на что.

Выйдя в путь с первыми лучами, к полудню они кое-как добрались до основания Азулы, клыкастой горы. Лишь ступив на узкую тропинку — ту, что Балзия называла Кыл-копиром, Адским мостом, она оживилась, словно испытала неожиданный прилив сил, и зашагала так, будто кто-то ждал ее за каменным выступом, но вдруг, как подкошенная, повалилась на траву, проросшую за крупными, мшистыми валунами. В памяти вдруг поплыли слова, что с того конца тропы высечены на камне:

Риск — это участь мужчины,
Твоя переправа.
Печаль — это бездна пучины,
Перешедшему — слава!

Балзия закрыла глаза, и мир внезапно наполнился гулом, множеством голосов, конским фырканьем. И все перекрывая и заглушая, вызывая многократное горное эхо, пошло, пошло из конца в конец тропы: «Заряжай! Заряжай!» И непонятны, страшны были теперешняя тишина и пустота на тропе. И нет ни ее самой, молодой, непреклонной, сильной, на горячем и умном Тасбуруле, ни Атымтая, перегородившего ей дорогу, ни послушных ее воле

джигитов, ни Заманая в чреве ее, а есть только маленький мальчик и она — беззубая, страшная, едва волочащая ноги...

А аул-то там, за тем концом тропы — рукой подать. Можно кубарем скатиться с горы — так и докатимся до аула... Или, может, сначала послать одного Аманая? Он все расскажет людям, те придут и меня заберут... Я-то уж ладно, лишь бы дошел Аманай...

— Гляди, аже, гляди!

Балзия глянула, куда показывал пальцем внук, и увидела на одинокой скале, торчавшей между разными по высоте острыми пиками, стоявшего в гордой позе круторогого архара.

— Вот если бы на этого архара напал орел и свалил со скалы, я бы добежал первым... Мяса архара хватило бы нам надолго, правда, аже?

Балзия не знала, смеяться ей или плакать. «Бедный ребенок! До чего извел его голод!» — подумала она и, с трудом ворочая языком, ответила со слабой улыбкой:

— Мяса архара?.. Его хватит на большую семью... или даже человек на сорок, — Балзия подумала и добавила: — Нет, что я говорю, человек сто можно угостить мясом одного архара...

— Аже, пойдем уж. Давай скорее доберемся до аула.

— Да, пойдем, Аманай. Как стемнеет, через Кыл-копир будет трудно перейти. Пошли, внучек.

Балзия встала и, пересилив себя, ступила на тропу Кыл-копир.

Она ступила на тропу, по которой прошла пятьдесят лет назад, со смешанным чувством и тоски, и глубокого сожаления. Все здесь осталось таким же — и высоченные вершины гор, и бездонная пропасть, и бурная река на дне ущелья. Изменилась только Балзия да сама дорога. Раньше, оттого, видимо, что по тропе много ходили и ездили и пешие и конные, тропа была торной и чистой, каменистой и твердой. А теперь заросла травой. Да, видно, давно уж ее не касались ни нога человека, ни копыто лошади.

Аманай, взваливший на плечи мешок с чайником, котелок и прочим дорожным скарбом, семенил за Балзией, стараясь не смотреть в сторону пропасти, чем дальше, тем все теснее прижимаясь к скале.

Тропа казалась Аманаю бесконечной. Она то забирала вверх, то круто спускалась вниз, извивалась, опоясывая огромный скалистый клык. Вдруг Балзия, охнув, стала медленно оседать на тропу. Спиной она уперлась в скалу, за ворот посыпалась струйкой сухая глина и мелкие камешки, но Балзия не замечала этого.

— Что случилось? — теребил ее Аманай. — Бабушка, что случилось?

Клонясь к закату, солнце светило прямо в лицо, и Аманай видел, как из прикрытых век бабушки одна за другой выбегают слезы.

— Бабушка, ну что же случилось? Вставай, пойдем. Сама же говорила, что уже близко...

— Все, миленький мой, конец, дорога кончилась, тропа оборвалась. Все кончено. И мне тоже конец. Дошла до своего места. Сил уже нет... Я пришла...

Чтобы понять, о чем говорит бабушка, мальчик обошел ее и заглянул за скалу, за поворот тропы. И понял все. Часть горы впереди обрушилась, и где когда-то волоском тянулась тропа — там зияла бездонная пустота, лишь шагах в тридцати впереди, на том краю пропасти, едва-едва угадывалось ее продолжение. Ни единого выступа, ни единого кустика, чтобы зацепиться, на что наступить, за что держаться руками. А внизу, далеко внизу, по дну ущелья, выплескиваясь из берегов, бешено крутя, ворочая камни, мчит свои воды бурная река. Аманай загляделся в бездну, и у него закружилась голова. Отпрянув от края, прижался к скале, сел рядом с бабушкой.

— Аже, что же теперь мы будем делать? Как нам быть? Другой дороги разве нет? Разве мы теперь не доберемся до места?

«Нет ли другой дороги? — думала Балзия, не открывая глаз. — Есть даже две дороги, но, как видно, обе не для меня. Один путь — вернуться по этой же тропе, спуститься в Жылы-сай и обходом... Тем путем, которым ушел тогда основной караван. Да, это — окольная, большая дорога. Здоровому, а главное — не голодному человеку три, а то и четыре дня пути... А нам тащиться по ней неделю. А голод? Какие уж из нас ходоки... Второй путь, тот, прямой и короткий, по которому тогда прошел Атымтай с отрядом, этот путь тяжел и опасен. Надо преодолевать заснеженный перевал. Можно за одну ночь выйти к аулам, суметь бы только пройти... Одна надежда на внука — силенки у него еще есть, а мне... Нет, ни первый, ни второй путь уже не для меня».

Надежда дойти оборвалась, как эта злополучная тропа, на душе стало пусто и холодно, тупое безразличие овладело ею.

— Бабушка, бабушка, аэроплан!

Балзия открыла глаза.

Да, это был самолет. Но не такой, что прогремел над ними тогда, в начале их путешествия, прогремел и мгновенно скрылся из глаз. И хоть за этим тоже тянулся белый след, все же и облик его, и высота, на которой он летел, и скорость — все было иным. Посверкивая на солнце боками, величаво плыл он в синеве.

Балзия долго смотрела на белоснежный самолет усталыми, за-

павшими глазами, па лице появилось подобие улыбки, и она что-то зашептала, едва слышно, но все-таки слышно: «Гульбарша, Гульбарша! Ты опять отправилась в дальний путь? Ну что же — лети... Ты меня не узнаешь — и не надо. Мы с тобой, как небо и земля. Ты высоко взлетела. До неба. Ты теперь — человек неба. А я?.. Я беспомощная жалкая старуха, неспособная даже спасти от смерти единственного внука, маленького человечка...»

Тихо шептала Балзия, едва шевеля губами, будто слабый ветерок шелестит травой. Аманай с тревогой переводил взгляд с бабушки на самолет, а с самолета на бабушку. Он боялся, как бы болезнь не вернулась к ней, как бы опять она не впала в беспамятство и не начала бредить. Как тогда они спустятся обратно в лощину с этой проклятой тропы Кыл-копир? А вдруг польет дождь или повалит снег, которые — она об этом часто рассказывала — налетают, сменяя друг друга?! Неужели они должны здесь замерзнуть или умереть от голода?! Раньше, когда Аманаю доводилось видеть умерших в ауле, он думал что человек — это объяснял ему Омар-Томар — рожден, чтобы умереть в свое время. Есть черта, дойдя до которой человек падает и умирает. Нет, оказывается, человек может умереть раньше назначенного срока: от болезни, внезапной беды, сорваться в пропасть, просто даже от голода. И теперешний их переход будто подтверждал догадки Аманая. И если не все еще осознал он разумом, то многое уже начал понимать сердцем. Но почему бабушка опять начала бредить, шепчет что-то невразумительное? Может, именно здесь, где оборвалась тропа вдоль крутояра, и есть последняя ее черта, о которой толковал Омар-Томар?!

Но на этот раз Балзия вовсе не бредила. Просто, увидев большой белый самолет, вспомнила, как года два назад они с Омар-Томаром читали газету. Там была фотография: белый самолет стоит на земле, и кажется скорее даже пароходом, и у борта его стоит пожилая женщина с букетом цветов, а навстречу ей идут, идут люди. Когда прочитала подпись под фотографией, похолодело на сердце. Она перечитала надпись несколько раз, словно не веря своим глазам, а убедившись, что глаза ее не обманывают, показала фотографию Омар-Томару и вслух еще раз перечитала: «Товарищи по работе встречают в аэропорту Гульбаршу Аманбеккызы Торотоеву, возвратившуюся с конгресса в защиту детей». Омар-Томар и Балзия долго рассматривали фотографию, передавая газету друг другу. Спустя пятьдесят лет увидеть ее на фотографии — для них это было, что встретиться с нею живой, и даже больше. А когда прочитали статью о ней, то и вовсе были поражены. Там сначала коротко излагалась биография Гульбарши, потом подробно рассказывалось о ее общественной деятельности.

Оказывается, Гульбарша, пятьдесят лет счастливо прожившая с мужем, воспитавшая и поставившая на ноги несколько сыновей и дочерей, ныне — известный врач-гинеколог, работает в Академии наук Казахской ССР. Вдобавок — член Всемирного комитета защиты детей. Теперь вот возвратилась из Хиросимы.

Пока Балзия читала статью, Омар-Томар, цокая языком от восхищения, качал головой. Отдельные слова были ему не совсем понятны, и тогда он просил Балзию разъяснить их.

— Так что же она, выходит, теперь оч-чень даже большим человеком стала? Ты бы растолковала мне, темному...

Балзия, помня, что полвека назад училась вместе с Гульбаршой в одном техникуме — да еще лучше всех училась, — стараясь не ударить в грязь лицом, объясняла смысл слов, как могла, хотя многого и сама теперь уж не понимала.

Она вспомнила слова Атымтая, сказанные как-то наедине: «Кто знает, может быть, ты станешь первой казашкой-ученой. Что тут такого? Бразды нового времени в наших руках». Тогда Балзия от души посмеялась над наивным его пророчеством. И вот на тебе — Гульбарша в газете...

Балзия со смешанным чувством радости и зависти долго рассматривала свою подругу. Хоть прошли годы, они не придавили ее к земле, Гульбарша была, как прежде, стройна и, судя по виду, вполне довольна жизнью. Заметив, что Балзия не может глаз оторвать от снимка, Омар-Томар точно угадал, что ее мучает:

— Эх, Балзия, ты ведь тоже могла бы стать одной из любимейших дочерей народа...

Балзия не обиделась на Омар-Томара: слова прозвучали без всякой иронии, с какой-то грустной искренней мечтательностью, и тихонько рассмеялась, заглядевшись уже куда-то вдаль. И было в том взгляде, читалось в нем все смятение ее, тоска по пролившейся проливным дождем, уходящей жизни. Вот уж глубокие морщины залегли в ложбинках запавших, выцветших глаз, словно веточки засохшего на корню дерева...

Ту газету Балзия читала и перечитывала раз сто, не меньше. Наизусть ее заучила. А когда газета пожелтела, истрепалась на сгибах, она аккуратно завернула ее в шелковую тряпочку и положила в сундук.

С той поры Гульбарша часто снилась ей, как и Атымтай. И каждый раз Балзия видела ее в белом самолете: улетает куда-то и машет ей рукой. Балзия во сне не раз собиралась заговорить с ней, но подруга в ответ произносила что-то неразборчивое, издали качала головой. Даже из поднебесья голос Гульбарши слышен Балзии, а голоса Балзии не слышно вовсе. Конечно, откуда чело-

веку, взлетевшему так высоко, будет слышен голос оставшегося на земле?!

Балзия хотела подняться с места и не смогла. Должно быть, это предел. Здесь ее черта, здесь предстоит ей остаться. Не оборвись тропа над пропастью, кто знает, может, она и доковыляла бы до аула, но теперь ей и шагу не ступить. Все тело затекло, болит, в висках стучит молотками, в глазах все плывет, и вся она медленно и неотвратимо погружается в темную, ледяную пучину.

Балзия хорошо знала, что поддерживало ее в дороге, придавало силы: то была цель. Отвести Аманая на Родину, во что бы то ни стало соединить внука со своим народом. Ради этого она перенесла все тяготы пути, все мученья, болезнь, бессилие, ради этого она крепилась, пока жила в сердце ее надежда, — и вот все рухнуло. Дальше дороги нет. Ей показалось, что уж и не тропа — все жилы ее и вены в один миг оборвались. Смерть настигла ее. И где? На этой самой тропе... Теперь, в оставшиеся два-три часа, надо хоть как-нибудь помочь Аманаю, если уж не удалось самой довести его до аула. Способ для этого один: объяснить ему тяжелую, но верную и прямую дорогу, огибающую пик Азулы по заснеженным перевалам. Чувствуя, как сухость обволакивает язык, Балзия заторопилась, давая последние наставления внуку: «От меня теперь никакой пользы тебе нет. Оставь меня, а сам возвращайся назад. Потом держись все время к вершине и шагай, и шагай на заход солнца, все выше и выше. Так ты найдешь аул. Постарайся выбраться отсюда как можно скорее, иначе мы оба останемся здесь навеки. Ступай, жеребеночек мой, ступай... Что я могу...»

Бабушка еще что-то долго говорила внуку. Аманай изо всех сил слушал ее, но ему все казалось, что она опять начинает бредить. То, что она говорила, было непонятно Аманаю. Все чаще повторялись слова: «Вершина... Осыпь... Снежный перевал... Ледник».

Балзия идти не могла. Аманай не мог уйти без нее. Они сидели рядышком, на краю тропы. Мальчик спрятал голову бабушке под чапан, прижался к ней, а когда пригрелся, то даже задремал. Балзию била дрожь. Вдруг дыхание перехватило, на лбу выступила испарина. Она с трудом сняла с себя чапан, стянула камзол и набросила все это на внука. Тихонько выскользнула из его объятий и поползла туда, где обрывалась тропа. Схватившись руками за край обрыва, она свесила голову в пропасть. Издали могло показаться, что это лежит старая, грязная чайка, лежит, обессилев на краю скалы, и смотрит вниз, на бушующее море, прислушивается к шуму прибоя. Ах, в последний бы раз качнуться, прореять в синем просторе! Но крылья слабы, подвернуты, перепачканы грязью. Только ветер ерошит омертвевшие перья.

Лежа над бездной, Балзия говорила неизвестно кому, или, может быть, слова лишь мелькали в непогасшем еще мозгу: «Прости, найди силы простить меня. Не смогла я вывести моего Аманая на последний отрезок пути. Это и есть моя черта, мой Адский мост, оборвавшийся волосок... Да, я ухожу, не сочти это малодушием. Просто — иначе нельзя. Пока я жива, Аманай не уйдет. А это значит, он погибнет вместе со мной. Он голоден, слаб, ему не выдержать больше... А если исчезну, если утром, проснувшись, он не увидит меня, он пойдет. И, быть может, найдет дорогу. Найдет аул... Река Хас, прими и вынеси мое тело к людям, чтобы предали земле... Не дай, чтобы птицы клевали меня... Это последнее, о чем я прошу...»

Язык онемел, сердце билось редко и с перебоями. Последних слов она и сама уже не слышала. Не слышала их шумящая далеко внизу бешеная река Хас, скрытая слепым туманом. Не слышали и чуткие горы, способные, особенно ночью, даже шепот усиливать до громкого голоса, а громкий голос разносить многоголосым эхом по дальним отрогам. И деревья за шумом листвы тоже не слышали голос Балзии. Ни ближние, ни дальние аулы, ни табунщики у своих костров не слышали ее прощания с жизнью. Даже Аманай, пригревшийся под ее одеждой...

С вечера накрапывавший холодный и нудный дождь перешел в мелкий, колючий снег. То сыпалась с неба крупа, то начинали валить мягкие пушистые хлопья. Это был снег-однодневка. Он тает на лету, а если и покроет землю, то лежит на сопках не дольше дня.

Аманай проснулся под утро от собственного кашля. Или, может, от страха. Ноги окоченели, а бок онемел, но он боялся повернуться, помня, что рядом обрыв и пропасть. Очнувшись, он стал шарить руками, ища бабушку.

— Аже, аже! Где же ты? Ты где, аже?

Все же снег за ночь покрыл белой пеленой и тропу и камни вокруг. Все было белым-бело. Оглянувшись, Аманай заметил на краю обрыва темное пятно, величиной как раз с человека. Он побежал туда... Там голо чернела земля — последний след Балзии на земле.

— Аже, ажетай! Где же ты?! — кричал в отчаянии мальчик, и его крик, подхваченный горами, стихал вдали, превращаясь в тихое, беспомощно-горькое всхлипывание.

* * *

Аманая нашли вышедшие в дозор пограничники. Служебная собака вдруг начала рваться с поводка. Сквозь густой липкий туман над превратившейся в грязную жижу тропой она тянула за собой проводника, пока не привела его к темневшему на снегу

пятну. Дозорные подняли с земли испачканного, грязного, оборванного, худющего мальчонку, принесли на заставу, а когда он немного пришел в себя, стали расспрашивать, откуда он, кто и как оказался здесь, но в ответ слышали только частый и глубокий кашель, от которого мальчик задыхался. Было ясно, что он тяжело болен.

Его немедленно отправили в санчасть, а оттуда в больницу. Четыре месяца лечили Аманая. На пятом месяце мальчика поставили на ноги.

* * *

К полудню в дальнем ауле объявился Бахтия. Прослышав об этом, все его жители сбежались к дому Алимы — ведь ее сегодня провожали замуж. Такого переполоха в ауле не было, даже когда исчезли Балзия и Аманай. Появление долгожданного жениха взбудоражило всех.

Тревожно было на душе у Омар-Томара — хотелось по-отечески тепло проводить Алиму за порог ее родного дома. И, как оказалось, дурное предчувствие не обмануло его. Вскоре в дверях появился поникший, с опущенными плечами, будто разом исхудавший Бахтия. Постоял, глядя в толпу ничего не видящими глазами, и вдруг, со всех ног бросившись к старцу калеке, обнял его. Они перекинулись парой фраз и, видно, сразу поняли друг друга: Бахтия поднял старика, отнес к дверям и опустил на землю вместе с его тележкой-самокатом. Женщины и старики молча наблюдали, выжидая, чем же все это кончится.

— Бахтия, свет мой, ты подожди здесь. Эй!.. Не смейте заходить. Я один на один поговорю с ней, — предупредил всех Омар-Томар. Набычив широкую спину, оперся обеими руками о землю и, дребезжа колесиками, скрылся за дверями...

Одним словом, все уладилось после этого. Алима отправилась все-таки замуж за миллионера. Невидаль в здешних краях, привезенная из города, — кант-сахар и конфеты — были горстями розданы детям и женщинам, и тем самым устроено небольшое подобие тоя — свадебных проводов. Потом жених усадил в машину белевшую свадебным нарядом Алиму, погрузил скромное приданое — пару истертых догола ковриков, что были в доме с незапамятных времен, одеяла, подушки, — перетянул арканом и, счастливый, двинулся в путь.

Машина остановилась на развилке дороги, ведущей в широкое плато у самого подножия Саукеле. Вода в радиаторе опять закипела, но Бахтия не стал открывать капот. Так, сидя, он задремал — легко и умиротворенно. Алима взглянула на его лицо, и холодок пробежал по телу. Висевшая в небе половина бледной

луны будто упала ему на лицо, отчего оно вдруг стало синюшным. Живой труп, да и только. Алима вздрогнула, будто проснулась от страшного сна, поднялась и выпрыгнула из машины. С криком бросилась она к нависшей над всей округой грозной горе Саукеле. Ей вдруг почудилось, что Балзия и Аманай, застряв в одной из трещин ледника, все зовут, зовут ее на помощь.

Бахтия бросился следом по растрескавшемуся старому проселку, бежал, пока легкие не застыли от боли, но настичь Алиму так и не смог. Он стал было подниматься по крутому склону, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к голосу Алимы, кричавшей имя своего сына, но никак не мог определить, откуда доносится этот крик: горное эхо, подхватив неистовое «Амана-ай!», перебрасывало от ущелья к ущелью, от скалы к скале, и долго замирало вдали: «Ай-ай!..» И над этим зовом высилась неприступная Саукеле и, казалось, покачивала белоснежной головой, так похожей на саукеле... А горное эхо все вторило крику Алимы: «Ама-на-ай!.. Ай...ай!..»

— Ну, Аманай, ты чего это сидишь в темноте? — с порога громко спросил парень в форме пограничника и включил свет. Это был один из тех трех патрульных, что осенью подобрали Аманая в горах. Ребята часто навещали своего найденыша в больнице. Особенно привязался к мальчишке вот этот — веселый, с открытой душой, парень по имени Сайлау. Как только выдавалось свободное время, он приходил в палату и рассказывал мальчику всякие истории, а когда Аманай поправился, выводил его на прогулку, гулял с ним — словом, стал ему вроде брата. Сайлау снял с себя белый полушубок с сержантскими погонами, настежь раскрыл скрипнувшие дверцы большого коричневого шкафа.

— Любуешься огнями города и поселков? Ничего, завтра, брат, все это увидишь в натуре. Давай собирайся в путь. Двадцать минут тебе на сборы. Через полчаса будет машина. Это — твой чемодан, это — мой. Давай укладывать вещи. А ну, кто из нас быстрее соберется? Раз, два, три, начали!..

Но Аманай, не шелохнувшись, продолжал молча стоять у окна. Обычно бросавшийся навстречу Сайлау, мальчик на этот раз даже не повернул головы. Обеспокоенный, Сайлау подошел и, заглянув в лицо ему, растерянно выпрямился: с длинных ресниц мальчишки капали слезы, губы его дрожали. Аманай и сам словно почувствовав неловкость, слегка отвернул лицо от Сайлау, спросил:

— А это мой месяц?

Сайлау недоуменно взглянул на тонкий, круто вонзившийся в холодную синеву небес серп только что народившейся луны.

— Да, конечно, это твой месяц!

За три месяца почти ежедневного общения с Аманаем Сайлау впочне изучил его характер. Мальчик очень любознателен и последователен, услышав о чем-либо — а слушает он очень внимательно, — он будет раз за разом спрашивать до тех пор, пока не узнает все или почти все об услышанном. Сайлау старается полнее удовлетворить его любопытство — Аманаю нынче предстоит переступить порог школы — и не ленится отвечать на его вопросы, растолковывать, что тому непонятно. Но бывает, что ему приходится немного уклоняться от прямых ответов. Поначалу, когда мальчик спрашивал о бабушке, Сайлау неизменно отвечал:

— Найдем твою бабушку, обязательно найдем, сколько дней ведем поиски!

Когда, совсем уже потеряв надежду, мальчик с печалью в голосе сказал:

— Упала моя аже с обрыва, не иначе, разбилась о камни на дне ущелья...

Даже тогда Сайлау постарался утешить Аманая:

— Она не могла разбиться о камни, потому что человека сразу подхватывает течением и уносит его.

— Куда уносит?

— Как куда? Вниз, к подножию гор.

— А река течет не останавливаясь?

— Да, все течет и течет... Одна река вливается в другую реку, потом в другую и так до самого Или, до большой реки.

— А Или куда девается?

— Или... впадает в Балхаш...

— Что такое Балхаш?

— О-о, Балхаш! Знаешь, что это такое? Это огромное озеро, можно даже сказать, бескрайнее — с одного берега другого не видать.

— Оттуда аже не выплывет?

— Конечно, нет... Хотя что я говорю... Озеро тоже великое, понимаешь, что человек... Ну, не может он в нем утонуть...

Сайлау говорил мальчику про Балхаш, а сам все думал, что за вопрос задал ему Аманай «Это мой месяц?» Что значит: «Это мой месяц?» Просто так мальчишка не спросит.

Во время похода с бабушкой, когда вначале были лунные ночи, а потом луна исчезла, Аманай однажды спросил:

— Аже, а куда девалась луна? Она осталась позади? И там, куда мы идем, луны уже не будет?

— Отчего ж ее не будет? Будет. Как только дойдем до места, народится другой молодой месяц.

— Совсем чужой месяц?

— Нет, не чужой, внучек. Это будет твой месяц. Даст бог, доберешься до своего народа, считай — и твоя звезда взошла, и твой месяц...

Теперь, глядя на молодой месяц на небе, Аманай вспомнил слова бабушки, пытаясь по-новому осмыслить их.

«О чем это он?!» — удивился про себя Сайлау. Его не покидала мысль, что он чем-то обидел мальчонку, и теперь не знал, как загладить свою неловкость, растормошить Аманая. Поэтому, собирая и укладывая в чемодан зимнюю одежду мальчика, футбольный мяч, лыжи, игрушечное ружье, подаренные ему пограничниками, Сайлау говорил без умолку, стараясь развеять грустное настроение своего подопечного.

— А ты знаешь, Аманай, меня ведь сам майор отпустил. Говорит: «Разрешаю побыть с ним рядом, пока не освоится. Даю на это десять суток!» А там мой родной аул недалеко. Может, смотаюсь денька на два. Разрешение на это тоже получил. Кстати, аул твоего деда — неподалеку. Возьмем легковую машину и всех объедем. Я про Атымтая говорю, про твоего деда. Школа-интернат, где ты будешь учиться, в этом самом районе... Если понравится дом моих стариков, можешь... жить у них и учиться... Я же тебе говорил, в мае демобилизуюсь. Летом поеду поступать в институт. Если желаешь, могу и тебя взять с собой. Станем вдвоем учиться, я в институте, а ты — в школе. Там тоже есть школы-интернаты. Кстати, я ведь написал письмо дедушке Омар-Томару. Вот уж он, наверное, нарадоваться не может, узнав, что ты жив-здоров. Может быть, дедушка Омар-Томар и Алима-татей, твоя мать, тоже вернутся сюда... Мы с тобой теперь... как братья, верно? Не забудь, что среди семерых девчонок в нашем доме мужчин только двое: ты да я. Дома, бывало, на меня нападали и, конечно, перебарывали, а теперь пусть только попробуют! Мы с тобой не сдадимся им, хоть их в три раза больше!.. Да, кстати...

Сайлау говорил и не замечал, что Аманай его не слушает. Мальчик молча глядел в окно.

Неизвестно, какие картины рисовались его взору. Оставшаяся ли за невидимой чертой его детства красивая и печальная белоснежная гора Саукеле с ее легендой; представилась ли на миг бабушка, которую волны несут и несут в неведомый огромный Балхаш; вспомнились ли оставшиеся за семью горами и семью реками, за серебряной вершиной Саукеле его мать Алима и добрый Омар-Томар... У мальчика сжималось сердце перед неведомой жизнью в этих светящихся огнями, но пока что чужих городах и селах... Он стоял у окна и беззвучно плакал, глядя на тонкий серп новорожденного месяца.

Перевел с казахского
Владимир СОЛОУХИН

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ПАРТИЙНЫМ СЪЕЗДОМ

ЦЕЛЬ ПЕРЕСТРОЙКИ — СИЛЬНАЯ, НЕЗАВИСИМАЯ ДЕРЖАВА

На вопросы корреспондента «Молодой гвардии» В. Барабашева отвечает директор Воронежского механического завода, доктор технических наук Г. В. Костин

В. Барабашев: «Молодая гвардия» не случайно обратилась именно к вам, Георгий Васильевич. Юность ваша связана с активной работой в комсомоле. Одна из первых ваших наград за освоение новой техники — Почетная грамота ЦК ВЛКСМ. Теперь вы руководите крупнейшим предприятием Воронежа, являясь доктором технических наук, автором более 80 научных работ и изобретений. Часто с возрастом, у руководителей особенно, меняется отношение и к комсомолу, и к молодежи, и к своему прошлому. Заботы молодежи в силу объективных причин уходят на второй план...

Г. Костин: Да, юность моего поколения тесно связана с комсомолом, а у меня не только юность. Учеба, работа в конструкторском бюро и на заводе всегда были тесно связаны с активным участием в комсомольской жизни.

С возрастом?.. Я отношусь к тем, считаю, счастливым людям, которые свой возраст определяют сами.

Конечно, у каждого поколения свои принципы, свои идеалы. Не все нравится мне, и не всем нравлюсь я. Но любая встреча с молодежью как по делам производства, так и в сфере чисто комсомольской работы — одна из самых интересных «вещей» в буднях «директорства». Эти встречи позволяют лучше чувствовать ритм жизни и заботы молодежи. По мере возможности занимаюсь преподавательской деятельностью и при всем дефиците времени нахожу возможность напрямую работать с молодыми творческими коллективами.

Когда разгорелись политические страсти по поводу моего выступления на Воронежской городской партийной конференции, где был поднят вопрос о нарастании негативных явлений в перестройке, низкой активности партийных органов в защите социалистических завоеваний, первыми на мою защиту поднялись комсомольцы, в том числе и не работающие сейчас на заводе. Это ко многому обязывает.

В. Б. Если говорить об экономике в период перестройки, об организации промышленного производства — по какому пути, на ваш взгляд, должны мы идти? Ведь раздаются откровенные голоса, в том числе и среди народных депутатов СССР: дескать, социализм — как политическая и экономическая система — изжил себя. Разделяете ли вы точку зрения таких ученых, как Аганбегян, Шмелев, Абалкин, Попов?

Г. К. Политическая платформа перестройки определена в известных документах КПСС, и я с ней полностью согласен. Ни «левые», ни «правые» к этой концепции ничего путного не добавили. И если ограничиться в нашей беседе реформой хозяйственного механизма, то переход на экономические методы управления — насущная необходимость. Не хотел бы сейчас вести разбор точек зрения конкретных экономистов, но есть общая слабость их позиции. Разработанная ведущими экономистами страны первоначальная концепция перевода хозяйственного механизма страны на экономические методы управления базировалась исключительно на социалистическом способе производства, на социалистической собственности. При этом, конечно, понималось, что ее реализация потребует времени, средств, эксперимента, поиска конкретных путей. Ничего этого реальная перестройка нам не отпустила. И наука спасовала, вместо отработки ею же предложенного социалистического хозяйственного механизма началось механическое перенесение в наши условия капиталистических способов производства, что даже теоретически не могло привести к успеху. К сожалению, такая линия обновления нашей экономики была активно поддержана и подхвачена немалым числом авантюристов. Немало постарались на новом поприще и средства массовой информации.

Мы сейчас говорим, и правильно, о допущенных перекосах в строительстве социалистического общества. Но если наш народ добился исторических побед в революции, гражданской и Отечественной войнах, несмотря на перекосы и ошибки лидеров, значит, социализм живуч, крепок и перспективен. Надо убрать перекосы, исключить имевшие место ошибки — и социализм покажет свои преимущества.

Социализм не изжил себя. А вот все альтернативные предложенные варианты экономического управления практически потерпели поражение. Предложенные многими учеными идеи интересны, но далеко не бесспорны, многие из них противоречат друг другу.

Модели хозяйственного механизма без учета конкретных условий и особенностей механически переносятся через границы стран и отраслей народного хозяйства. Нет теории и расчетов на переходный период. И самое главное: не признается никакой плюрализм мнений. Мы повторяем нашу извечную ошибку: сколько хочешь критикуй вчерашний день, но не трогай «сегодня», иначе немедленно получишь ярлык «антиперестройщика».

Принятые в масштабе страны решения противоречивы и имеют многочисленные оговорки, сводящие на нет их принципиальные преимущества. При выпуске ряда законодательных актов не отменены противоречащие им, ранее действовавшие. Отменены старые связи, но не обеспечено создание новых. Многие законодательные акты вообще не имеют ничего общего с наукой, а являются классическими примерами волюнтаризма. Так, закон о социалистическом предприятии, практически ничего не дав социалистическому предприятию, поставил его заранее в неконкурентоспособное положение с кооперативами. Экономика страны питается по-прежнему ущемленными в правах социалистическими предприятиями, а кооперативы перекачивают и без того скудный народный рубль в частный карман. Введение госприемки — чистый пример административно-бюрократического управления качеством. Не обеспечен ресурсами госзаказ, не работают прямые связи в материально-техническом снабжении при дефиците ресурсов, не подтверждена ресурсами конверсия и организация производства новых товаров народного потребления, закон о кооперации привел не к снижению, а к росту дефицита, цен, нерациональным потерям сырья и продуктов.

В. Б. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что наше общество сделало значительный шаг вперед в своем самосознании, общественном развитии. Позади четыре года перестройки, жизни в условиях демократии и гласности. Как вы оцениваете ход перестройки, ее темпы? Почему вдруг обнажилось столько негативных явлений — возросла преступность, обострились межнациональные отношения, снизилась трудовая и общественная дисциплина, хуже стало с продовольствием и товарами для народа?

Г. К. На такой вопрос очень трудно ответить коротко. Один из самых популярных ответов примерно таков: все это наследие прошлого, а гласность это выявила. В ответе есть доля истины, но он далеко не все может объяснить, а его некритичность вполне конкурентоспособна с оценками «застойного периода».

Среди многих причин, в совокупности определяющих названные явления, можно назвать следующие.

Психологическое влияние ошибок в реализации первого этапа перестройки экономики. Сначала надежда на обещанное прекрасное и близкое будущее, потом потеря уверенности в перестройке и, как следствие этого, смена позиции активного труженика перестройки на позицию обывательскую, то есть переход к принципу — «урвать свой кусок, а там куда вывезет».

Вторая причина — чисто экономические издержки ошибок, допущенных при реализации перестроечных программ. Это усугубило инфляцию, повысило, а в отдельных случаях привело и к преднамеренному дефициту товаров и продуктов, нетрудовому обогащению и «отмыванию» незаконно накопленных средств. Произошло дальнейшее перераспределение доходов: бедный стал еще беднее, появились советские миллионеры.

Немалую негативную роль играет и безнаказанность во всех ее проявлениях. На передний план общественной жизни выходят личности, которые либо ранее боялись выразить свою позицию, либо вообще ее никогда не имели. Разобраться в этом калейдоскопе мнений, предложений, выявить из потока информации действительно рациональное сложно, а нередко и невозможно.

В этих условиях у отдельных групп людей, интересы которых всегда были противоположны интересам общества, интересам большинства трудящихся, появилась возможность безопасно решать свои проблемы. Этой возможностью они пользуются, и пока весьма успешно.

В. Б. Как вы думаете: в чьих руках сейчас конкретная власть в стране? И кто мешает перестройке?

Г. К. Конкретная власть в стране находится у местных партийных и советских органов. Именно они в труднейших условиях переходного периода, противоречий законодательства, инициативы и экспериментов, падения дисциплины, некорректной, а зачастую безграмотной и нечистоплотной критики снизу и критики сверху, при кризисном положении экономики ведут хозяйство, решают конкретные задачи, обеспечивают жизнь наших городов и сел. К кому идет человек со своей бедой? Только к местным партийным органам. И они, практически лишенные материальных средств, а в последнее время и резко ограниченные в правах, решают эти вопросы, во всяком случае гораздо решительнее и результативнее, чем верхний эшелон партийного и советского руководства, в том числе и вновь избранный Верховный Совет. Борьба за власть идет. Попытки представителей «неформальных» объединений свалить на местные органы ответственность за ряд промахов на государственном уровне — один из методов этой борьбы, притом далеко не самый чистый.

В. Б. Мы не раз слышали по телевидению, читали в газетах: мол, в медленном темпе перестройки виноваты министерства да местные органы, они тормозят перестройку, вставляют палки в колеса центру...

Г. К. За 9 лет работы директором у меня, наверное, больше, чем у кого другого, оснований ругать министерство. Но надо быть поистине слепым, чтобы не видеть изменений в принципах работы этих органов хозяйственного управления. Именно в отношениях министерство — предприятие за последние два года произошло существенное положительное изменение. Более того, власть иногда передается на места быстрее, чем ее могут принять. И раз уж мы так часто, не задумываясь о разнице основ, ссылаемся на опыт «развитых» стран, то не худо бы вспомнить успешный эксперимент по преодолению кризиса в экономике президента США Рузвельта. В основу его были положены ленинские рекомендации о жесткой централизации хозяйственного управления, планировании сверху. Ситуация у нас весьма сходная, а эксперименты мы ведем в прямо противоположном направлении.

О роли местных органов я уже говорил. Тормоза, и вполне действенные, есть, но ищем мы их не там.

Самый существенный тормоз перестройки — это выпуск неработающих, зачастую преступно безграмотных и противоречивых законодательных актов в обеспечение принципиально правильных концепций перестройки. Обилию непродуманных законодательных актов за период перестройки может позавидовать любой застойный

период. У этих документов есть конкретные авторы и исполнители. И еще одно. В перестройку мы перенесли присущий нам во все времена один из самых вредных методов управления: подмену цели средствами. Мы очень туманно говорим о том, что надо сделать, куда идти, или ставим просто нереальную по времени или масштабу цель. Но при этом четко, жестко даем инструкцию по способам ее достижения, бескомпромиссно определяя, как это надо делать. И это «как», пройдя через чиновные инстанции и средства массовой информации, становится самоцелью, подменяет действительную цель.

Нечто подобное происходит сейчас, например, с подрядом, арендой, кооперацией. Все это средства достижения эффективности производства. В каждом конкретном случае они могут быть эффективны и не очень, а могут быть вообще неприемлемы. Возьмите любую газету за любое число, и вы убедитесь в справедливости сказанного.

В. Б. Давайте поговорим об авторитете руководителя, скажем, вашего уровня. Демократизация общества, выборность руководителя, его подотчетность, зависимость от коллектива и т. д. — на пользу ли это коллективу и всему обществу? Как разумно совместить единоначалие и демократизм? В какой форме?

Г. К. Это, видимо, отдельная тема разговора. Если очень коротко: я понимаю полезность демократизации только в сочетании с ростом ответственности и дисциплины, что невозможно без четкого законодательства, воедино связывающего права и обязанности, без соответствующего реального роста сознания и общественной заинтересованности в результатах труда. Ничего этого нет. Поэтому на деле достаточно часто демократизация перерастает во вседозволенность и разгильдяйство. Подотчетность руководителя коллективу считаю важнейшим достижением демократизации с одновременным повышением его конкретной ответственности. Наиболее целесообразная и эффективная форма ее — систематический, допустим, раз в 2—5 лет, отчет руководителя перед трудовым коллективом с правом у последнего неутверждения отчета и соответственно отзыва руководителя. Первый отчет после назначения должен проводиться в сроки от полугода до двух лет. Назначение же руководителя должно проводиться вышестоящей организацией по согласованию с партийными или советскими органами. Подбор руководителей должен проводиться, как правило, на конкурсной основе из нескольких кандидатов. Выборы руководителя допустимы только в среде равной ответственности при условии одинакового понимания требований к выборной должности как со стороны избираемого, так и со стороны избирающих, то есть когда избирающие выбирают руководителя на одну ступень выше своей должности (например, выборы бригадира). Выборы через несколько ступеней управления, во всяком случае в достаточно больших коллективах, ничего, кроме вреда, даже теоретически принести не могут.

Выборность руководителя ставит его в прямую зависимость от коллектива, резко ограничивая возможности государственного подхода и поддержания трудовой дисциплины. Выборность на последнем этапе из нескольких претендентов объективно приводит к резкому ухудшению психологического климата в коллективе.

Опыт показывает, что среди положительных критериев выборности руководителей практически отсутствуют такие характеристики,

как компетентность, грамотность, принципиальность, политическая и идеологическая чистоплотность.

Шансов пройти выборы у сильного руководителя немного. Средствами массовой информации и организаторами митинговой демократии в течение длительного времени проводится кампания дискредитации руководителей не за их дела, а за принадлежность к «чиновничьему племени». Социальная защищенность личности руководителя практически сведена к нулю. Опытный руководитель, заботясь о своем авторитете, не может обещать того, что не сделает. Например, в процессе выборной кампании масса безответственных популистов, которым средствами массовой информации были предоставлены широкие возможности саморекламы, направо и налево раздавали любые обещания. Разве мог с ними конкурировать ответственный человек? Поправить нашу экономику без крупных, специализированных предприятий, обладающих высоким научно-техническим потенциалом, невозможно ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Только они способны создать базу экономического благополучия. Остальное должно помогать, дополнять, многообразить.

Но эти предприятия, особенно в условиях самостоятельности, требуют четкого, компетентного, научного управления. Без единоначалия, без права руководителя на решение, на риск, если хотите на принуждение, пусть на экономической основе, нельзя рассчитывать на достижение серьезных целей. Демократизацию управления промышленностью я вижу в замене подотчетности руководителя перед вышестоящими органами на подотчетность перед коллективом (о чем говорил выше), в замене административных функций управления предприятием на преимущественно экономические, в повышении самостоятельности предприятий.

В. Б. Вы, Георгий Васильевич, не стоите в стороне от политической жизни и борьбы. А разве мало у вас чисто директорских забот?

Г. К. На этот вопрос лучше всего ответил В. И. Ленин, который считал, что из всех абсолютно необходимых качеств руководителя на первое место должны быть поставлены его политические качества, его политическая платформа. Глубоко убежден в правильности этого требования. В условиях перестройки тем более. С политических убеждений начинается лицо руководителя, да и гражданина вообще. Именно с политической нестабильности лидеров любого направления начинается разлад в экономике и хозяйстве. Еще хуже, если политические мировоззрения расходятся с принципами социалистического строя. Что бы ни говорил в этом случае человек, его интересы, его действия всегда будут расходиться с интересами трудящихся.

В. Б. В «Литературной газете» за 23 августа 1989 года опубликовано Обращение секретариата Правления СП РСФСР «Ко всем гражданам Эстонии, к трудящимся и интеллигенции Советского Союза», в котором главные вопросы обращены к ЦК КПСС и его Политбюро. Один из вопросов: кто дал «зеленый свет» силам, которые нацелены на раскол нашего государства? что это за силы, как вы думаете? и какими путями мы должны укреплять наше государство?

Г. К. Ответ на этот вопрос дан в Заявлении ЦК КПСС. Но один момент вашего вопроса я хотел бы подчеркнуть. Часто можно услышать: «левые», «правые». Казалось бы, непримиримые точки

зрения, но доходит до дела, и интересы если и не совпадают, то сходятся. Возьмите Прибалтику: самые «левые» предложения по экономике и самые «правые» — в национальном вопросе. А действия удивительно дружные.

И так везде: по форме несовместимо, а суть одна. Есть еще один ходовой термин: «антиперестройщик». Его лепят и тем, кому действительно очень не хотелось спускаться с теплой печки, и еще чаще тем, кто активно включился в борьбу за перестройку, но... на социалистических рельсах. Попробуйте только покритиковать любое провалившееся перестроечное решение, и вы уже «враг перестройки». Я пробовал. Срабатывает безукоризненно.

Дело в том, что перестройка не одна, их даже не две и не три. В общих чертах есть два основных направления перестройки: поднятое КПСС социалистическое направление и попытки подтолкнуть к капиталистической системе.

Концепция первого направления четко изложена в документах КПСС. Можно только подчеркнуть, что она подразумевает критику пройденного и гордость достигнутым, освобождение от ошибок и использование социалистического фундамента, активную, доброжелательную внешнюю политику и безусловную защиту интересов страны. И так во всем. Я, например, ради успеха этой перестройки не пощажу ни сил, ни живота своего.

Но есть и другая перестройка, у которой четко прослеживаются два лица. Официальное совпадает с концепциями КПСС, но с маленькими оговорками. Неофициальное — дискредитация социализма и возврат к капиталистическому способу производства. Цель в этом. Остальное — детали и средства, в том числе и самые нечистоплотные. Сценарий примерно таков: вместе с критикой лидеров и их ошибок — расправа с историей народа и патриотизмом, подкрашенная реклама всех сфер зарубежной жизни, раскачка национальных неувязок, развал экономики и социалистических производственных отношений несовместимыми с ними или просто спешными хозяйственными и юридическими решениями и, наконец, подталкивание к «единственно правильному решению» — возврату к капиталистическому способу производства. Даже если отбросить политическую и нравственную сторону этого вопроса и ограничиться только экономикой и удовлетворением материальных потребностей населения, то этот вариант перестройки ведет в тупик.

У нас не хватает материального обеспечения рубля. Это ведет к дефициту, пустоте прилавков, невозможности удовлетворения элементарных потребностей людей. Даже небольшое в масштабах страны перераспределение средств трудящихся через кооперативы привело к резкому росту дефицита и исчезновению дешевых товаров. Это естественно: концентрация даже необеспеченных товарами средств в руках ограниченной группы людей значительно повышает их возможность достать жизненно необходимые дешевые товары и, самое главное, толкает производителей на выпуск дорогих товаров. Но ведь это только первый шаг товарных отношений, это еще даже не «тамбур» капиталистического способа производства. К этому же ведет и выпуск акций, которые в конце концов будут скуплены по дешевке новоявленными миллионерами. Надеяться на их милосердие по меньшей мере не умно, а говорить о благе такого пути для миллионов трудящихся — кощунственно.

Развитые капиталистические страны весьма заинтересованы, чтобы перестройка пошла именно по этому пути. Но неужели кто-то

всерьез надеется на их бескорыстную помощь? Им нужны сырье и дешевая рабочая сила. У меня в последнее время было немало контактов с представителями зарубежного бизнеса. Их деловой интерес к нам ограничен именно этим. И, наконец, последнее. Мы где надо и где не надо говорим: «Опыт развитых стран...» Но умный человек, чтобы не повторять чужих ошибок, не только, да и не столько должен анализировать положительные примеры, сколько отрицательные. Возьмите пример хотя бы одной Польши... Мы — все повторяем.

Чьи же интересы выражает этот вариант перестройки? Прежде всего зарубежные. Вспомните слова В. И. Ленина «...нас перестали ругать, значит что-то мы делаем не так». А нас сейчас расхваливают. В стране в разные времена и разными способами у отдельных лиц скопились средства, я бы сказал, несовместимые с социалистическим способом распределения. Сейчас эти средства «отмываются» и резко растут, они требуют выхода, применения. А выход один: возврат к капиталистическим производственным отношениям. Только интересы простых людей здесь ни при чем.

В. Б. Георгий Васильевич, что это за странная история с газетой «Советская культура»? 21 января 1989 года газета напечатала статью воронежского литератора Валентина Семенова «Плюрализм с ярлыком», в которой вы были представлены как «сталинист», поборник «сталинских принципов» и т. п. А 14 сентября того же года та же газета помещает обширное интервью с вами.

Г. К. Странного в этой истории ничего нет. После публикации в «Советской культуре» статей Э. Ефремова и В. Семенова по требованию совета трудового коллектива Воронежского механического завода у нас побывали первый заместитель ответственного секретаря «СК» тов. В. Ф. Мотонин и собкор газеты тов. А. П. Корецкий. Они убедились, что скандальные публикации в «СК» о коллективе и руководстве ВМЗ не имеют под собой никакой реальной почвы. Это подтверждено их выступлениями перед коллективом завода и их позицией в публикации интервью «Право на позицию» от 14 сентября 1989 года.

Жаль, конечно, что у главного редактора «СК» А. А. Беляева не хватило мужества просто принести свои извинения за непорядочность Э. Ефремова и В. Семенова и неразборчивость в публикациях «СК». Но не это главное, важно то, что мы еще раз убедились: в любом коллективе, в том числе в любой редакции есть умные, порядочные люди. Это дает уверенность, что победит конструктивная, созидательная перестройка, базирующаяся на социалистических принципах.

В. Б. Судя по вашим ответам, значительную разрушительную работу осуществляют средства массовой информации. Разве плюрализм мнений не на пользу перестройке?

Г. К. Во всяком случае, помощи перестройке от средств массовой информации пока мало. Если средства массовой информации претендуют на роль вперед зовущих, то пора с легкого в условиях гласности пути ниспровержения перейти на конструктивную дорогу созидания. Очень четко об этом сказано в «Правде» за 3 сентября 1989 года: «Всем органам прессы необходимо тщательнее выверять каждый свой шаг с тем, чтобы в едином строю работать на благо Отечества». Многие органы массовой информации пока игнорируют этот простой и очень верный призыв. Возьмите журнал «Огонек». В ответах корреспонденту «Правды» его редактор В. Коротич вон

из кожи лез, чтобы доказать свою полезность перестройке. Но одно дело то, что человек говорит о себе сам, другое — что говорят о нем его дела. Прочтите заискивающие вопросы не просто корреспондента, а главного редактора «Огонька» В. Коротича премьер-министру Израиля, и доверие к журналу, к его полезности социалистической перестройке, к его главному редактору как-то сразу исчезает, несмотря на его дворянское происхождение. Вы спросите, при чем оно? Я тоже хотел бы задать этот вопрос В. Коротичу.

В. Б. Как вы относитесь к позиции Нины Александровны Андреевой, ленинградского преподавателя...

Г. К. По двум выступлениям на конкретную тему трудно в целом оценить позицию автора. Для этого надо, видимо, поговорить, поспорить. Но ясно одно: Нину Александровну беспокоят те же вопросы, что и любого советского человека: отношение к своей истории, к Родине, к авторитету партии, к ходу перестройки. Для меня это тоже главные вопросы. Ее оценки логичны и доказательны. Поражает другое: оголтелость критики ее оппонентов. Видимо, ее публикации попали в цель, и кого-то это очень не устраивает. Возьмите «Огонек» № 33 за 1989 год. Такую статью о женщине вне зависимости от ее взглядов не мог написать порядочный человек, да и вообще нормальный мужчина.

В. Б. Какое выступление на Съезде народных депутатов произвело на вас наибольшее впечатление?

Г. К. Чисто по-человечески — воина-интернационалиста Сергея Червонописского. Это выступление — урок мужества и любви к своей Родине. Недавно Сергей Васильевич был гостем нашего коллектива. У него немало друзей и единомышленников в Воронеже. Понравилось выступление В. Распутина.

Если говорить прагматически, то самое полезное выступление — Сахарова. Оно показало, что основные интересы стоящей за ним группы находятся за пределами нашей страны. Роль ведущего пацифиста у «изобретателя водородной бомбы» также не получилась. Ну и главное: если у группы капиталистической ориентации перестройки не нашлось ничего более стóящего, то на что же они рассчитывают?

В. Б. Какие меры, по-вашему, нужны для наведения порядка в стране? Способна ли КПСС успешно завершить перестройку? При каких условиях?

Г. К. Думаю, что прежде всего нужны не меры, а позиция ЦК КПСС. Необходимо политическое подтверждение конечной цели перестройки, то есть подтверждение ее социалистической платформы без каких бы то ни было оговорок. А далее необходимы решительные шаги по подтверждению этой позиции.

Способна ли на это КПСС? Безусловно.

Эту уверенность, эту позицию разделяет подавляющее большинство рядовых коммунистов, комсомольцев и просто честных тружеников, всех тех, кому дорога Родина, кто не отрекается от Отечества, кто гордится свершениями и с болью воспринимает тяжелые уроки истории. Это наша история, наша Родина, наш социализм. Кто же, кроме нас, поправит его, защитит? И мы это сделаем.

●

Г. СМОЛИН

ЖАРКОЕ ЛЕТО КУЗБАССА

Россия поднимается с колен и вынимает кляп изо рта.

Из выступления писателя Марка Любомудрова на празднике «Лики России» в московском ДК «Крылья Советов»

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Семнадцатое июля 1989 года — пик забастовки в Кузбассе. Горняки и рабочие 160 предприятий в количестве почти что 180 тысяч человек «легли» на главных площадях Киселевска, Прокопьевска, Новокузнецка, Белова, Кемерова, Междуреченска и других городов и поселков региона. Неожиданно поднялись российские шахтеры. Стремительная спираль событий была много грознее и мощнее уже виденного и слышанного нами за четыре года. Серьезнее и грандиознее. Тогда многие подумали: «Ну уж если Россия забастовала, тогда Родина у края».

О фатальной предопределенности той стачки в Кузбассе точно сказал Юрий Голик, член Верховного Совета СССР: «Бастовать действительно плохо, но не бастовать было нельзя». Еще на XXVII съезде КПСС первый секретарь местного обкома партии (ныне покойный) Н. С. Ермаков предупредил, что социально-экономические условия у горняков «хуже других категорий трудя-

щихся». Во время XIX Всесоюзной партконференции его преемник В. В. Бакатин рассказал «о все более и более обостряющихся диспропорциях в инфраструктуре, энергетике, транспорте, строительном комплексе». И вот 25 апреля 1989 года на Пленуме ЦК КПСС нынешний первый секретарь А. Г. Мельников будто ударил в колокол: «Проблемы назрели до критического уровня! У нас не хватает ничего, кроме трудностей». Но их не услышали.

Где, в каких регионах нет схожих проблем? Везде и всюду. Но в Кузбассе все они были сконцентрированы до взрывоопасного состояния. Не хватило только искры. Высекли ее просто...

Горняки междуреченской шахты имени Шевякова написали письмо на ЦТ в «Прожектор перестройки». Письмо пошло «гулять» от телевизионщиков в ЦК профсоюза угольщиков, потом в терком и объединение «Южкузбассуголь», где легло на стол генеральному директору Г. М. Филатьеву. Создали комиссию, которая «наметила конкретные меры», то есть отмахнулись от проблем в очередной раз. Тогда шахтеры во главе с горным мастером Валерием Георгиевичем Кокориным выдвинули восемь требований, под которыми подписались 500 горняков, и отослали бумаги в ЦК профсоюзов угольщиков, горком партии и директору шахты В. Л. Сороке. И предупредили: «Мы, нижеподписавшиеся, требуем и даем срок до 10.07.89 г. по выполнению следующих требований, и если эти требования не будут выполнены, примем соответствующие меры, а именно: забастовку». Кстати, эти требования были идентичны тем, что потом вошли в «Протокол о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссией ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС».

Четвертого июля В. Г. Кокорина сотоварищи пригласили на заседание СТК. В результате бесполезных дебатов шахтеры поднялись и ушли из зала. А десятого июля, как и было обещано, 77 горняков участка № 5 шахты имени Шевякова после ночной смены не сдали электросветильники, когда вышли из забоя. К ним присоединились рабочие других смен. Тогда же утром на шахте появился «генерал» объединения Г. М. Филатьев.

— Улыбался, был невозмутим, — вспоминает Валерий Георгиевич Кокорин.

На все вопросы горняков ответил отрицательно: «Ну где я возьму вам мыло, полотенца?»

И последовало то, что и должно было случиться: критическая масса социально-экономических проблем взорвалась в перенасыщенной конфликтами тяжелой атмосфере. Был избран стачечный комитет с председателем В. Г. Кокориным. К шахтерам присоединились рабочие других предприятий Междуреченска. И пошла гулять забастовка цепной реакцией по Кемеровской области, а потом докатилась до Донбасса, Воркуты и Казахстана.

КИСЕЛЕВСКИЕ ЗАУЛКИ

В город шахтеров я приехал вскоре после того, как отшумели те десять дней жаркого лета, которые, по словам М. С. Горбачева, «при всем драматизме событий очень сильно воодушевили Россию и всю страну». Стачечники вернулись в забои, на предприятия, сели за баранки и рычаги машин. Вытоптанные газоны на центральной площади города вскопали, подстригли поломанный кустарник, привели в порядок деревья. И улицы Киселевска стали привычно пусты днем и запылены угольной пудрой, рассеянной везде и всюду.

Городской рабочий (бывший стачечный) комитет мне указали сразу: он находился в здании объединения «Киселевскуголь». Двери были открыты, выходили и входили люди. Кому-то из них не платили премию, кого-то незаконно уволили, кто-то «качал» права на комитет или просил у него защиты.

Сразу вслед за мной в бывший стачком пришли две телефонистки с машиностроительного завода имени И. С. Черных. Вежливые, среднего возраста женщины заговорили о наболевшем.

— У нас директор что хочет, то и делает. Никакой управы.

Мастер центральной обогатительной фабрики, член рабочего комитета Галина Петина тут же связалась с заводом, и требования телефонисток были удовлетворены. Женщины ушли радостные, с верой, что есть справедливость в Киселевске.

Затем был разговор членов рабочкома с офицером запаса: тот предложил под его началом создать военно-спортивный комплекс для ребят, готовящихся к службе в армии.

— Стоящее дело, — сказали ему. — На нас можете рассчитывать.

Появление двух цокающих шпильками модных туфель дам из отдела главного архитектора при горисполкоме с надменными лицами и хорошо поставленными голосами заставило ребят насторожиться. Дамы «выбивали» для сотрудников исполкома продовольственные заказы. Чего в них только не значилось: салями, балык, наборы шоколадных конфет, печень трески, бразильский кофе... Когда им было вежливо отказано, одна из архитекторных дам брезгливо проговорила:

— Они за алкашей и пьянь всякую.

Что это? Дешевые амбиции, провокация?..

Потом я засобирался на шахту имени XXVI съезда КПСС. В шахтоуправлении встретил директора Геннадия Николаевича Чеплю. Узнав, откуда я, он категорично заявил:

— Вам надо в шахту. Только там, во глубине сибирских углей, поймете что к чему.

В диспетчерской он вызвал начальника участка Сергея Варнавовича Нифонтова, назначил его мне в провожатые, выписал пропуск. И мы пошли переодеваться. В мойке на кафельной стене раздевалки красовалась броская надпись, выполненная аршинными буквами: «ШАХТЕРЫ! С 1 АВГУСТА МЫЛА НЕТ!» В голове как-то не укладывалось: прокопченным донельзя углем горнякам — и вдруг нечем мыться.

С. В. Нифонтов экипировал меня по-шахтерски. И я облачился в доспехи, больше похожие на робу тех, кто возводил Беломорканал, такую же убогую и неприглядную. Затем мне выдали электросветильник, горноспасатель, респиратор, которые я по примеру начальника участка навесил на себя. Дежурный диспетчер Александр Романович Иохим, двадцать пять лет проработавший забойщиком под землей, подозвал меня и вручил термосок из нержавейки:

— Тут кофе — чтоб не окоченеть и для взбодрения организма.

— Спасибо, — поблагодарил я, не ожидавший такого участия.

Клеть подошла к определенному времени. Кроме нас, в ходящий ходуном железный ящик забрались еще четверо горняков, спускавшихся на смену. Воротца клети с лязгом захлопнулись, и мы канули вниз, в иной мир. Пока неслись в земные недра на трехсотметро-

вую глубину, шахтеры, обсуждавшие дела, заговорили о грядущем отсутствии мыла. Ирония, с какой говорили горняки об этом, была доброй, совсем не похожей на издевательскую хулу наших «прогрессивистов»-сатириков.

— Чем грязь-то смывать будешь, Кеша? — спросили у задумчивого шахтера.

Тот встрепенулся, внимательно посмотрел на осклизлый потолок клети и на полном серьезе ответил:

— Клин клином вышибают — антрацитным угольком потрусь, и будь спок — краше прежнего буду.

Горняки засмеялись.

— В столице как у нас? — поинтересовался Сергей Нифонтов, привлекая ко мне внимание остальных.

— Не совсем, — сказал я потупившись, словно в пропаже моющих средств была и моя вина. — Бывает, выбрасывают.

— «Выбрасывают»! — подхватил гигант с низким голосом и добавил: — Как собакам кость.

Оставшийся путь мчались молча.

Когда же клеть остановилась и открылись дверцы, гигант с низким голосом как бы подытожил то, о чем все думали:

— Мы показали, кто настоящий хозяин в городе да и в стране — рабочие! Забастовка не окончена, она только приостановлена. Так и знайте.

Мы молча шли рядом с узкоколейкой по лабиринту из штолен и штреков, там, где вырубалась черная добыча. Дул промозглый, гнилой ветер — работали мощные вентиляционные установки. Сверху капало, изо рта шел пар. Горячее июльское солнце осталось за трехсотметровой отметкой, на горах.

Потом мы разделились на группы, вереницы фонарей засветили вдоль штолен. Одни брались за отбойные молотки или электросверла — бурить шпуры в камне; другие — за кайло и лопаты. Включались конвейеры и врубовые машины. Шахта оживала. Смиренная кладбищенская тишь междусменья взорвалась гулом ленточных и цепных транспортеров, визгом откатных лебедок, грохотом груженых углем вагонеток и пулеметными очередями отбойных молотков.

Мы вышли к двум горнякам, вручную работавшим возле сооружения, похожего на сруб колодца.

— Вам бы в помощь комбайн, врубовую машину, отбойный молоток, наконец? — сказал я присевшему в срубе пожилому шахтеру. Тот прислонил к стенке кайлу и проговорил:

— Тут от них только запасные части остались.

Обратил внимание на свои руки — «карагандинкой» все они были выработаны.

— А вы попробуйте электросверло поднять, — предложили мне.

Я поднял.

— Пуд, наверное?

— Почти. Восемнадцать килограммов.

— Орудия труда у многих тысячелетнего происхождения, — пошутил начальник участка. — Лопата, кайла да бадья. Недаром от нас мировые чемпионы по штанге пошли.

Хвалы в адрес научно-технического прогресса в горнодобывающей промышленности от него не услышал. Винить тут надо, конечно, конструкторов, разработчиков и машиностроителей, создающих технику. Ведь даже предлагаемые ими новинки, как правило, вредные для здоровья шахтеров, неудобные и опасные в работе, зачастую хуже старых образцов. Понятно теперь, отчего еще молодые горняки наряду с орденами и медалями приобретают жестокие профессиональные недуги: виброболезнь, легочные заболевания... А как умолчать о том, что согласно статистике за 1988 год в Кузбассе погибло 152 горняка (за девять последних лет на шахтах Минуглепрома погибло более десяти тысяч человек. Для сравнения: за те же годы войны в Афганистане погибло 15 тысяч советских воинов).

Горняки между тем продолжали начатое дело. Работа была проста: пробурить шпуры в камне, взрывники затем забьют в них заряды — и взрыв! Потом требуется освободить пространство от подорванной породы. Чего, как говорится, проще! Лопатку в руки — и вперед. Не каждому, конечно, по плечу этот монотонный, выматывающий за смену душу и тело труд. Горе шахтеру, коли не умеет переключать мысли на постороннее, отвлечь себя от рутинной работы. Не сможет это — не выдержит, сломается и убежит из забоя.

Метров через пятьдесят вновь остановились. Лава. Угол падения — шестьдесят градусов. Я посмотрел вслед своему слабенькому лучу электросветильника. Надо было спуститься в узкую, уходящую почти отвесно вниз сырую щель, подпертую бревнышками — «крепью». Нифонтов стал спускаться вниз первым. Взглянув на крепь, которая, как мне показалась, потрескивала от мощного давления трехсотметровой толщи камня, я сделал шаг вслед за начальником участка. Все кругом было незакрепленное, «живое»: и куски породы, и мотки листового железа, и рулон стальной сетки, и даже возок крепи сбоку в нише. Пришлось пережить и очень неприятные мгновения, когда неосторожно потревоженный камешек увлек вслед за собой все, что попадалось на пути. Долго грохотала и билась потом каменная речка в глубоком провале, пока не достигала дна...

— Ну как самочувствие? — полюбопытствовал Нифонтов, когда мы вернулись к центральному стволу, к клети.

— Мокрый как курица, — признался я. — И ноги дрожат.

Начальник участка усмехнулся:

— Назавтра хуже будет. Придется задом-наперед ходить, спускаясь по лестнице.

В предсказание не верилось: мало ли какие перегрузки выдерживали мои ноги — и никогда молочная кислота не допекала мышцы. Но все произошло так, как предсказал начальник участка.

Выбравшись наверх, я зажмурился от солнца, и буро-серые строения шахты показались уже родными и близкими. И небо вроде бы стало не таким прокопченным от дыма и воздуха.

В душевой для меня отыскался обмылок хозяйственного, которым были во времена оные забиты прилавки магазинов. И очень кстати: хотя в шахте не работал, мое лицо и даже... ноги были черные. Я-то отмылся от угольной пыли, которая пристала ко мне в моих хождениях по штольням и штрекам. Ну а тем, кто изо дня в день рубил черную добычу, таскал крепь на четвереньках или грохал часами кайлой — им-то каково? Для многих из них последней каплей, переполнившей чашу терпения, стали квартальные талоны на моющие средства с издевательскими и унижающими человеческое достоинство нормами: 200 граммов хозмыла,

178 граммов туалетного и 400 граммов стирального порошка на одного человека в квартал — шахтеру этого добра на неделю хватает.

После душа уселись за самоварчик. В сахарнице лежало несколько кусочков сахара.

— С этим у нас схожие беды, — кивнул я на сладкое.

Сергей Варнавович ответил укоризненно:

— И тут несправедливость. У вас на талон дают 3 килограмма, у нас — полтора.

И добавил:

— Дело, конечно, не в сахаре. Но так, как мы сейчас живем, дальше жить нельзя. Все мы, конечно же, за перестройку, но труд-то наш должен отмечаться по достоинству. И наши семьи должны жить по-человечески.

С этим трудно было не согласиться.

В ГОСТЯХ У ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СТАЧКОМА

С председателем киселевского рабочего комитета Михаилом Борисовичем Минязовым я договорился встретиться дома. Михаил Борисович жил с семьей в микрорайоне шахты имени XXVI съезда КПСС в типовом бараке на улице с экзотическим названием «Черноморская». Поселок, теснившийся возле шахты, строился в послевоенные годы. Горняцкая башня с огромным колесом, поднимающим клеть из земной бездны, видна здесь отовсюду, от каждого прокопченного угольной пылью барака или убогого жилого строения, именуемого в народе «нахаловкой», так как пиратски выстроена из подручного материала. Вокруг микрорайона насколько хватало глаз громоздились циклопических размеров воронки разрезов, ошеломляющие стометровыми пропастями, несчетные терриконы, которые соединились в рукотворные горные хребты и заслонили привычный земной пейзаж: поля с желтеющей нивой, березовые рощицы и горизонт. За две недели командировки я так и не смог определить: в чем своеобразие Киселевска, Прокопьевска, Междуреченска или областного Кемерова. Все близлежащие города были преступно изувечены цивилизацией. Заботой о человеке здесь, в Кузбассе, и не пахло. Главным было: давай уголь и металл! Взамен же сибирский россиянин получал угол в бараке или «нахаловке», отравленную воду, загазованный воздух, грязь, болезни и вырождение. Размышляя об этом, я шел по кривогорбатой улице Черноморской, так сдобренной угольной пылью, что зачерпни ее — и растапливай смело печь. Плутая по колдобинам и буграм среди разбросанных там-сям баракам-близнецам, отыскивал хибару под номером 1А. Отмечал попутно, что серые кроны тополей не шелестели листвой на ветру, а стучали как жестянки, будто окаменевшие.

Встретил меня сам хозяин.

— Прошу в гостиную, — пригласил Михаил Борисович. — У нас в Сибири полагается сначала поесть, а уж потом все остальное.

Гостиной оказалась комнатка метров десять, в которой мы с трудом уместились за журнальным столиком. Двое дочерей — одиннадцатилетняя Юля и шестнадцатилетняя Лена, чтобы не мешать, ушли в другую комнатушку. Есть здесь и маленькая кухонька. Общая площадь в шахтерских «хоромах» двадцать два квадратных метра.

— Семнадцать лет так живем — существуем, — сказал Минязов, — а до новой квартиры как до локтя.

— Теперь как председателю стачкома вообще квартиры не дадут! — безнадежно махнула рукой жена. — Все тебе припомнят, как пить дать.

— Не усугубляй, — спокойно парировал ее реплику муж. — Неси-ка лучше на стол что есть в доме.

Она принесла колбасу с глазуньей, сказала:

— Хорошо хоть шахтерский буфет в двух шагах. После забастовки стали завозить в него то вареную колбасу, то сыр. А в городе и того нет — морская капуста да килька в томате.

— Введем талоны на продукты и товары — будет получше, — успокоил хозяин. — Будем равномерно по едокам распределять, введем контроль...

Горняки Киселевска выбрали Михаила Борисовича своим лидером неспроста. Умеет говорить убедительно, что немаловажно в спорах с профессионелами-аппаратчиками или функционерами разных ведомств, поднаторевших в словесной демагогии и проваливании любого дела. Да и профессия у рослого голубоглазого шахтера самая здесь важная. Он — горный рабочий очистного забоя. Каторжный у Минязова труд, и кому, как не ему, знать волнующие рабочих проблемы.

— Спрашиваешь, как попал в Кузбасс? — говорит Минязов и, повернувшись лицом к окошку, смотрит сквозь него в серо-синее небо... — ...Сам я родом из Свердловской области. А сюда... сюда попадали просто. Вагоны с углем шли на Урал и дальше, а обратно набитые спецпереселенцами — не гонять же воздух за тысячи километров. Везли сюда весь российский интернационал: русских, немцев, башкир, украинцев и нас, татар. Эшелон приходит — всех в клеть и под землю. Условия работы за десятки лет почти не поменялись.

— Кайла, лопата и бадья, — проговорил я.

— Примерно так, — кивнул Минязов. — В Киселевске специальный завод есть по шахтному оборудованию. Так с 1973 года, с тех пор, как я пришел на шахту, ничего нового из малой механизации заводчане нам не дали.

— Гуляют слухи: мол, деньги горняки уносят из кассы мешками? — решился я на нетактичный вопрос.

— Ну если копейками двести-триста рублей брать, то, пожалуй, полиэтиленового пакета будет достаточно, — без обиды ответил Минязов. — А точнее: гроши нам платят. Везде в мире идет в расчет время «от ствола до ствола». У нас же на одну дорогу от клети до забоя и обратно горняки тратят два с половиной — четыре часа, но это не в счет — оплачиваются только шесть часов работы в забое. Лишь благодаря стачке добились надбавки к оплате в вечерние и ночные часы, на 20 и 40 процентов соответственно.

— И единый выходной день, слышал, вам обещали.

— Горняки за рубежом, в том числе в социалистических ЧССР и ПНР, в воскресенье отдыхают с семьями. А шахты отдаются на это время в распоряжение ремонтникам. Над душой у них никто не стоит, и они спокойно приводят в порядок механизмы, оборудование. Работай мы так же, не гибло бы у нас людей в двадцать раз больше, чем в Германии или Англии, — сказал Михаил Борисович, а затем рассказал, как проходила забастовка.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

14 июля, пятница, 12 часов дня. Киселевск, центральная площадь

Первыми в городе начали забастовку пять шахт Киселевска: «Краснокаменская», «Дальние горы», «имени XXVI съезда КПСС», «Карагалинская» и «Киселевская». Шахтеры собрались в 12 часов дня у здания ГК КПСС и исполкома. К концу дня к ним присоединились рабочие остальных шахт и ряда иных предприятий города. Тогда же был создан городской стачечный комитет, который возглавил М. Б. Минязов.

14 июля, 14 часов

На главной площади города — митинг. На трибуне только что сформированный городской стачечный комитет. Председатель М. Б. Минязов вновь и вновь объясняет, что забастовка начата с целью добиться перестройки в экономическом положении угольных предприятий, политические вопросы рабочий класс в силах решить и без остановки шахт.

15 июля, суббота

Шахтеры, готовые бороться до победы, спокойно ожидают на площади министра угольной промышленности М. И. Щадова. Работают буфеты, в готовности транспорт, «скорая помощь», милиция.

Председатель стачечного комитета Киселевска М. Б. Минязов сообщает:

— В городе сегодня 12 свадеб, везде порядок. На шахтах продолжают трудиться те, кто обеспечивает жизнедеятельность вентиляции, — водоотлива и ламповых.

16 июля, воскресенье

На центральной площади выступает министр М. И. Щадов.

Ни одного требования министр не отклонил, все поддержал.

17 июля, понедельник

Центральная площадь Киселевска заполнена людьми. У палаток, разбитых прямо на газонах, сидят, стоят и лежат шахтеры.

— Не отступим, пока не добьемся экономической самостоятельности шахт, регионов, снабжения продуктами питания и промышленными товарами, оздоровления окружающей среды, — говорят одни.

— Необходимо ликвидировать спецраспределители! — добавляют другие.

— Почему забойщики и проходчики получают меньше, чем работники аппарата управления, которых и в шахте-то увидишь раз в месяц? — возмущаются третьи.

— Почему установили кооперативные, договорные цены на мясо, овощи? Кто с кем договаривается за нашей спиной? — спрашивают четвертые.

18 июля, 13 часов, вторник

Шахтеры внимательно слушают радиосообщение члена Политбюро секретаря ЦК КПСС Н. Н. Слюнькова. Он говорит: «Вчера состоялось совместное обсуждение выдвинутых рабочими коллективами требований... Предприятиям предоставляется право продавать продукцию, произведенную сверх договоров, по договорным ценам как внутри страны, так и за рубежом по своему усмотрению... Полностью поддержаны предложения о предоставлении права трудовым коллективам самим решать ряд вопросов их хозяйственной деятельности».

18 июля, 15 часов

По радио выступает председатель регионального стачечного комитета Кузбасса, народный депутат СССР Т. Г. Авалиани. Сообщает: «Вчера региональный комитет Кузбасса, избранный от каждого города, начал свою работу. Решаем вопросы спокойно и пытаемся прийти к приемлемому решению, которое одинаково может быть приемлемо как со стороны государства, так и со стороны забастовщиков».

19 июля, четверг

Центральная площадь по-прежнему гудит как улей. Много разговоров о профсоюзах. В первые дни забастовки профсоюзные лидеры явно растерялись. Потом, когда требования стачечников поддержали и правительство, и народные депутаты СССР, выделили-таки талоны на питание.

В экстремальной ситуации проявилась и позиция руководителей предприятий. Директор шахты «Карагалинская» С. Семенов сам возглавил стачком. Директор «Краснокаменской», по словам горняков, противопоставил себя коллективу. Директор шахты имени XXVI съезда КПСС Г. Чепля горнякам сказал: «Не знаю, что будет со мной завтра, но сейчас я с вами!»

19 июля, 24 часа, пятница

Стачком города Киселевска решил: прервать забастовку до 1 августа текущего года, работу предприятий начать с 20 июля.

20 июля, суббота

Опустели газоны и скверик на центральной площади. С утра начали работу 19 предприятий города. Из шахт простаивали только две — «Суртаиха» и «имени XXVI съезда КПСС». На заседании рабочей группы стачкома вырабатываются требования от Киселевска к правительственной комиссии, приезд которой ожидается 23 июля, а также требования к исполкому городского Совета, касающиеся работы городских коммунальных служб.

21 июля, воскресенье

В соседнем Прокопьевске вышел очередной номер городской газеты «Шахтерская правда». Во всю первую страницу фотография. Под ней надпись: «Шахтеры уходят. Победа или поражение?» Чуть ниже слова: «Спасибо вам, родные, за стойкость, мужество, выдержку!»

ИТР И СТАЧКА

Надо отдать должное кузбасской прессе, особенно городским газетам: они достоверно и ярко освещали забастовку. Городские газеты «В бой за уголь», «Шахтерская правда» давали хронологию событий с точностью до часа, до минуты. И тем не менее на пленуме Прокопьевского горкома партии, состоявшегося в конце июля, то есть сразу после окончания стачки, в резолюции записали: «...допускались в отдельных материалах тенденциозные оценки». И это неудивительно.

— Горком опаздывал на шаг... — сказал с трибуны пленума председатель рабочкома В. И. Маханов. К этому можно добавить: на шаг, равный ДЕСЯТИ ДНЯМ И МИЛЛИОНАМ РУБЛЕЙ УБЫТКА.

В разговоре со мной опальный редактор «Шахтерской правды» В. М. Гужвенко произнес:

— Характерной чертой кузбасской стачки было: почти не поддержала рабочих интеллигенция...

Прав журналист. Кое-кто из местных ИТР засомневался, кто-то категорически не принял стачку; некоторые и того хуже, переодевшись в стачечные одежды, пытались использовать народное движение в карьеристских целях. Были, конечно, и те, кто не раздумывая пошел с шахтерами. Среди них народные депутаты СССР председатель облсофпрофа В. Романов, первый секретарь Беловского горкома партии А. Зайцев, горные мастера шахты «Полосухинская», заместители председателя кузбасского рабочего комитета Ю. Рудольф и Ю. Герольд, секретарь парткома шахты «Распадская» в Междуреченске Г. Беккер, горный мастер с шахты имени Шевякова В. Кокорин («крестный отец» кузбасской стачки). Роль этих людей, достойных представителей кузбасской интеллигенции, особенно после стачки, возросла и приобрела качественно иную окраску. Как показали сессии и пленумы горсоветов и ГК КПСС в Кемеровской области, состоявшиеся сразу после июльских событий, партаппарат и Советы в их прежнем кадровом составе попытались работать в традиционно-привычной манере. Полпреды инженерно-технической интеллигенции, вынесенные на гребень стачки, мужественно и смело противостояли им и предпринятой кое-где дискредитации шахтерских побед.

Характерна в этом смысле сессия горсовета Киселевска, прошедшая 28 июля. Выступая на ней, директор шахты имени XXVI съезда КПСС, депутат городского Совета Геннадий Николаевич Чепля сказал:

— Во время стачки во многих городах Кузбасса выражено недоверие Советам, а точнее их исполкомам (в частности, заместителю председателя Киселевского горисполкома А. К. Трусову. — Г. С.). И это не случайно! Исполкомы — от слова «исполнять», кстати! — имеют слабую финансовую базу и соответственно слабые жилищно-коммунальные службы, превратились в распределителей: из года в год аккуратно отображая на бумаге нерешенные проблемы, их работники авторучкой же распределяют, кому их решать. Затем на предприятия начинают поступать от них приглашения на бесконечные заседания с отчетами. В результате то, что есть: результатов нет!..

Сейчас ждем законов о местном самоуправлении, о городском налоге, но в других городах, не дожидаясь их, находят уже способы укрепить свои городские бюджеты. Исполкомам Кузбасса, в том числе и нашему, нужно коренным образом изменить отношение к делу. ИНАЧЕ ВРЕМЯ СМЕТЕТ НАС С ДОРОГИ!..

На августовском заседании Верховного Совета СССР прозвучали слова о том, что хозяева на бастуют. Рабочие Кузбасса забастовали именно потому, что не чувствовали себя настоящими хозяевами. Бастовали за то, чтобы ими стать.

ДВОЕВЛАСТИЯ НЕТ

Когда стачечные комитеты преобразовали в «рабочие комитеты», кемеровский городской стачком обратился к трудовым коллективам области с заявлением, в котором было записано: «Рабочий комитет — это объединение прогрессивно настроенных трудящихся, которые проводят в общих интересах единую линию через парткомы, профкомы, советы трудовых коллективов, добиваются реализации положений «Протокола» в каждом коллективе». Так что нынешние рабочие комитеты имеют серьезные и даже чрезвычайные полномочия, официальная власть с ними считается.

Председатели рабочих комитетов отрицают «двоевластие». Считают, что осуществляют настоящий рабочий контроль, о котором прежде только говорили. Вместе с тем они не отказываются от того, чтобы сказать свое слово на предполагаемых досрочных выборах в местные Советы, районные и городские комитеты партии, и это кое-кому не нравится. Даже в обкоме партии. Кстати, на августовском пленуме обкома КПСС аппаратчиками было отклонено предложение первого секретаря А. Г. Мельникова о проведении досрочных выборов. Так что призадумаешься: кто здесь есть кто?

О высоком авторитете кузбасских рабочих комитетов я размышлял в горкомовской «Волге», когда вместе с Минязовым и первым секретарем ГК КПСС Киселевска Юрием Дмитриевичем Торубаровым мчались в ней словно по Военно-Грузинской дороге мимо рукотворных хребтов и пропастей.

В первый жаркий день забастовки в Киселевске Ю. Д. Торубаров был согнан с трибуны возмущенными возгласами митингующих: «Надоело!» Он понимал тех, кто видел в нем одного из виновников всех бед, и не обиделся. Тихо сошел с трибуны и уселся на траве с шахтерами, стал слушать поразившего всех высоким уровнем мышления и культуры Минязова, простого рабочего из очистного забоя. Теперь они вместе делали, можно сказать, одно дело. В этом был глубокий смысл.

Киселевская кочегарка осталась позади, зажелтели рано налившиеся спелостью озимые — края не видать, замелькали березки — точь-в-точь как в средней части России.

Торубаров, хитровато прищурясь, спросил:

— Расскажите, что говорят о нас в Москве?

Я сказал, что в Москве, в Ленинграде — вообще, в России простой народ с надеждой обратил свой взор на стачки в Кузбассе. И если кому-то «сверху» события в Кемеровской области были как гром среди ясного неба, то простые трудящиеся ждали этого. Люди устали от пустых полок в магазинах и сладких речей экономистов-рыночников. Да и как поднялся Кузбасс? Без дикого разгула межнациональных страстей, присущего майским событиям в Фергане или апрельских в Тбилиси, где наша армия была втянута в чудовищную провокацию. Забастовочные комитеты ввели здесь даже «сухой» закон, установили на дорогах пикетирование; поддерживали тесную связь с милицией.

— Об этом писалось в наших шахтерских газетах, — подтвердил М. Б. Минязов.

Я кивнул и достал из сумки несколько местных изданий. Зачитал из номера за 16 июля «Шахтерской правды»:

«Ну, во-первых, были закрыты все винные магазины, выставлены пикеты, прикрыта подпольная торговля спиртным: спекулянты больше боятся бастующих, чем милицию, потому что у первых «не проскочишь на дурачка». А главное, что внушает уважение, так это высокая сознательность горняков, которые прекрасно осознают, что жизненно важные вопросы надо решать только на трезвую голову на фоне общего порядка и дисциплины». Под этими словами замначальника УВД по политико-воспитательной работе Про-

копьевска Владислава Петровича Баловнева был помещен снимок спекулянтов спиртным, вьетнамских граждан Бу Ань Минь и Чу Ван Тунг, а также нашего пенсионера Мухтара Закирова.

Нечто подобное печаталось и в киселевской газете «В бой за уголь» в заметке от 21 июля «ГОВД сообщает». Процитировал и ее попутно.

«Как сказал начальник ГОВД А. М. Аглиулин:

— В дни забастовки в городе наблюдается значительное сокращение преступности. Потому что рабочие дружины совместно с милицией поддерживали порядок, контролировали практически все районы Киселевска. Своевременно были закрыты и опечатаны винно-водочные магазины. Два экипажа на патрульных машинах своевременно пресекали спекуляцию спиртным».

М. Б. Минязов и Ю. Д. Торубаров, конечно же, знали, что печаталось в местных изданиях, но слушали внимательно. Стачка шахтеров, по их мнению, приобрела вид всенародного братания. Бастующим на площади доставлялись бочки с квасом, термосы с едой, обслуживали их транспортом. Вместе с рабочими чуть ли не из одного котелка ели и «первые» из ГК КПСС. Ни расколов, ни конфронтаций, ни размахивания «огнем и мечом». Налицо был российский феномен: все «за» и никого — «против».

...Наша «Волга» проезжала шахтерский городок Белово, увитый коммуникациями, заставленный дымящимися трубами. Юрий Дмитриевич указал на углепровод Белово — Новосибирск:

— Видите очередную стройку века. Нынче запланирован пуск этого чудовища. Никто не ведает, какие «подарки» готовит нам он. В состав перегоняемой по трубам суспензии из угольной массы будут входить формальдегиды, крайне опасные для здоровья человека. А требуемые для нормальной работы углепровода миллионы кубометров воды просто обезводят Кузбасс.

— Больше вопросов, чем ответов, — со вздохом обронил М. Б. Минязов.

Кемерово, областной центр, открылся неожиданно в огромной пойме реки Томи. Жилые и заводские зоны были здесь тщательно перемешаны. Многоэтажки из силикатного кирпича и панелей соседствовали с причудливыми металлоконструкциями коксохимических, азотно-туковых, карболитовых производств, выпускающих в атмосферу дым, газ, копоть, а также аэрозоли, токсические частицы и еще бог весть что. Правда, на этот раз ветер сдувал гигантскую шапку смога прочь от города, и я подумал: жить здесь все-таки можно. Но я заблуждался в этих своих выводах. Через неделю низкие тучи обступили город, зарядил обложной дождь. И букет из химических запахов буквально сразил меня. Глаза резало и разъедало, дышать было тяжело, будто оказался в струе выхлопных газов «Икаруса». Тогда подумалось: «Господи, как же здесь люди-то живут?!»

КОМУ ЖИВЕТСЯ ВЕСЕЛО!

Сессия областного Совета народных депутатов Кузбасса, а затем пленум обкома КПСС, проходившие в начале августа, помогли ответить на этот вопрос.

Раньше я считал, что вину за случившееся в Кузбассе несут только местные власти, а все беды шахтерские проистекали от исполкомов и партаппаратв. Потом стал думать иначе. Конечно, их работников можно обвинить и в инертности, и в безынициативности. Но кто создал парниковые условия для процветания аппаратчиков? Из столичного небоскреба на Калининском проспекте, где воцарился Минуглепром СССР с его скоростными лифтами, роскошными холлами и кабинетами с импортной мебелью, бесконечными коридорами, устланными дорогими паласами, диктовалось в города и веси Кемеровской области: что и где строить, на какие объекты направлять строителей, откуда их снимать; там, и только там, утрясались вопросы о закладке в Кузбассе жилых домов, школ, детских садов.

Александр Григорьевич Мельников, нынешний первый секретарь обкома партии, точно отразил в докладе на августовском пленуме ситуацию в Кузбассе:

— Министерства считают возможным вновь и вновь или управлять каждым городом отдельно из Москвы, или сформировать три объединения, подчиненные центру, разорвать Кузбасс на три части. Проблемы Кузбасса вновь отдаются на откуп ведомству... Обком КПСС выразил решительное несогласие с принятым решением, направил соответствующий протест Председателю Совета Министров СССР... Мы стоим на позициях, которые поддерживают большинство шахтерских городов, — самостоятельность предприятий, городские ассоциации или объединения, их тесная связь с Советами в развитии социальной сферы. Единый орган управления Кузбассом, объединяющий добычу угля, строительство, науку, угольное машиностроение на принципах концерна.

Схожее мнение и у первого секретаря Беловского ГК КПСС А. М. Зайцева, который поддержал забастовочное движение в своем городе. В небольшой речи на пленуме обкома Александр Михайлович высказался, что реальный хозяин в Кузбассе Минуглепром. А министр — князь, который иногда приезжает в свой удел и ведет себя в нем как крепостник. «Вот этот секретарь выступил неплохо — десять миллионов ему дадим...»

Очень жаль, что их точку зрения у нас разделяют далеко не все.

Категорически против экономической самостоятельности предприятий и регионального хозрасчета выступает, например, генеральный директор НПО «Прокопьевскгидроуголь» М. И. Найдов.

АВАЛИАНИ ПРОТИВ АВАЛИАНИ

Более чем пространное выступление услышал я на пленуме обкома из уст председателя совета рабочих комитетов Кузбасса, народного депутата СССР Теймураза Георгиевича Авалиани. Того самого, чья неуспокоенность и обеспокоенность была известна многим в эпоху Л. И. Брежнева. Благодаря публикациям в журнале «Советский шахтер» (№ 8, 1988 год) и газете «Правда» (за 23 января 1989 года) он сделался популярным настолько, что народ избрал его депутатом высшего органа власти СССР.

Теймуразу Георгиевичу, как и многим депутатам, не удалось тогда выступить с трибуны съезда. И он опубликовал свою «речь» в областной газете «Кузбасс». По душе пришлась она рабочим. Особенно запомнилось им, что «уголь берется самым дешевым и для нас самым варварским и дорогостоящим для потомков способом — открытым», что от «методически вырубаемого леса, особен-

но хвойных пород мелеют реки, нарушается водный баланс области». И главный вывод: «Самые мощные в экономическом отношении республики и регионы оказались в самом худшем социально-экономическом положении, а обиды высказывают те, у кого жизненный уровень относительно лучше». «Поднял руку» Авалиани и за региональный хозрасчет, «за право предприятий продавать часть фактически выпущенной продукции как внутри страны, так и зарубежным фирмам», за передачу власти на места, против грабительской политики министерств.

Перед тем как обратиться в «Кузбасс», пробовал пристроить материал Т. Г. Авалиани в еженедельниках «Огонек» и «Московские новости». Тогда эти издания проигнорировали Авалиани. А зря. Ведь не только об экономике можно говорить с депутатом. Теймураз Георгиевич, например, говорит: «В США и Канаде живет не меньше национальностей. Но все они с гордостью называют себя американцами». Что касается сибиряков, то они, считает он, «готовые американцы». Только продуктами и товарами их обеспечить — и дело в шляпе!

Такова точка зрения депутата. На этот раз, по мнению многих, далеко не бесспорная. Ни словом, например, не обмолвится Авалиани, решая национальный вопрос, о непропорциональном представительстве наций в хозяйственных, торговых, научных, да и правительственных учреждениях, что ставит некоторые народы в более привилегированное положение. А ведь этот корень зла гораздо сильней питает ростки межнациональных конфликтов, чем отсутствие колбасы или электрических утюгов на магазинных прилавках. Можно привести и другие доводы, доказывающие слабость позиции Теймураза Георгиевича. Но цель не в том. Если депутат не разбирается в одной важной проблеме, где гарантия, что он твердо стоит на ногах, отстаивая экономические требования рабочих. Видимо, этим можно объяснить ту метаморфозу, которая произошла с народным депутатом в последнее время.

Только что избранного председателя совета рабочих комитетов Кузбасса Т. Г. Авалиани снимало западногерманское телевидение. Телевизионщики были общительны, дали слово прислать копию будущего фильма. Их спросили, как назовут ленту. Один ответил:

— «Беловский Лех Валенса» — так радиостанция «Свобода» назвала.

После этого депутатом заинтересовались «Московские новости». В номере за 6 августа Теймураз Георгиевич вместе с председателем ВЦСПС С. А. Шалаевым отвечал на вопросы газетчиков. Говорил в атакующей манере леворадикала. Профсоюзы удачно сравнил с «вечными пристяжными» хозяйственного руководителя. Поэтому о какой-либо самостоятельности профсоюзов не может быть и речи. Необходимо создавать альтернативные профсоюзы, на манер «Солидарности» в Польше. Иначе... угрожал Т. Г. Авалиани: ждите забастовки. Весь запал обрушил «наш беловский Лех Валенса» на профсоюзы — чуть ли не единственных виновников всех бед горняков. И ни слова уже о наместнической политике Минуглепрома и объединения «Киселевскуголь», в котором он работает заместителем генерального директора по капстроительству.

Как следствие этой позиции и доклад Т. Г. Авалиани на упомянутом уже августовском пленуме обкома КПСС. Как выход из создавшегося положения, Теймураз Георгиевич посоветовал обкому партии и облисполкому не жить своей головой, так как они вместе

с руководством местных шахт и предприятий совершенно не готовы к самостоятельности и хозрасчету. Словом, без Минуглепрома им и шагу нельзя ступить.

Вот так: вчера одно, сегодня другое. Словно неясно: не местные предприятия не готовы к переходу на хозрасчет, а ведомствам невыгодна их самостоятельность. Другой вопрос почему? Отвечая на него, шахтеры, например, утверждают: государство покупает у них уголь за гроши, «бутылка водки за тонну», продает же за рубеж по цене 60—70 долларов. Будь рабочие подлинными хозяевами производства, они такого отношения к своему труду не допустили.

А вот и дядя Сэм, то бишь Соединенные Штаты Америки, пригласили к себе в гости Т. Г. Авалиани. Не берусь судить, насколько им будет полезен Теймураз Георгиевич, но отмечу: за океаном тоже не заинтересованы в самостоятельности наших предприятий, добывающих топливо. Помнится, лет пятнадцать-двадцать назад известный международник В. Зорин с болью повествовал о том, как в Пенсильвании закрываются одна за другой шахты. Телевизионщики комментировали его рассказ фильмом о пустующих горняцких поселках, безработных. Вскоре разговоры об американской беде прекратились. Ларчик открывался просто. Закрывая шахты, в США исходили из национальных интересов. Решено было свой уголь оставить «на черный день» и пользоваться более дешевыми энергоносителями, а также завозить топливо из других стран...

В ЦЕНТРЕ РАБОЧИХ КОМИТЕТОВ КУЗБАССА

В областном рабочем комитете, который «прописался» в Кемеровском горисполкоме, было шумно. Машинистка пулеметными очередями строчила на «Роботроне»; кто-то переговаривался по телефону. Слева за длинным столом представители Крапивинского гидроузла обсуждали с членом рабочего комитета технические и организационные вопросы по консервации печально известной здесь стройки.

Первый, с кем здесь познакомился, был второй заместитель председателя рабочкома Ю. Рудольф, он же проходчик шахты имени Калинина из Прокопьевска. Меня интересовало, кого рабочие признали своими лидерами столь высокого ранга, и я уже знал мнение о Рудольфе его товарища, слесаря Аркадия Гонтовского:

— Быть может, во время стачки были выступления более яркие, эмоциональные, — говорил он. — Но Юра Рудольф отстаивал коллективные интересы. Не о своих нуждах говорил, проблемы шахты, отрасли волновали его.

Сам же Юрий Степанович Рудольф сказал:

— Хочу посвятить себя тому, чтобы люди снова поверили в то, что придет и к ним светлое будущее.

Следующим пожал мне руку член рабочего комитета Александр Валентинович Асланиди, старший механик шахты имени 60-летия СССР. Он рассказал, что раньше они располагались в Прокопьевске, но в Кемерово удобнее: до каждого города области примерно одинаковое расстояние, есть и прямая телефонная связь с местными рабочими комитетами.

— Вам приходится решать самые разные вопросы, — спросил его, — без специалистов не обойтись?

— И экономисты, и юристы, и инженеры отыскались сами. Одни

принимали участие в летней стачке, другие, такие, например, как наш председатель экономической группы директор Черниговского разреза В. Г. Заболотный, уже много лет бьются за экономическую самостоятельность своих предприятий. Помогают нам и специалисты из новосибирского Академгородка, — ответил Александр Валентинович, а затем посетовал на то, чего им пока добиться не удалось. Оказалось, рабочие никак не могут опубликовать, даже в областной газете «Кузбасс», «Обращение представителей городских забастовочных комитетов Кузбасса ко всем трудящимся и Верховному Совету СССР». И это несмотря на плюрализм и то, что этот документ был зачитан на сессии облисполкома Ю. С. Рудольфом.

Как и следовало ожидать, ничего крамольного в «Обращении» не было. «Перестройка волной надежд, придающей силы и уверенность в победу здравомыслия прокатилась по всей стране, — написано в нем, — однако прошедшие четыре года без изменений к лучшему охладили восторженный пыл, заставили внимательно посмотреть вокруг. По-прежнему глухой ко всему живому промышленный комплекс давит ростки всего нового, свежего. По-прежнему нам оставляют одно безграничное право: трудиться в тяжелейших условиях, жить в трущобах, питаться некачественными продуктами, пить отравленную воду, дышать загрязненным воздухом. Кредит доверия иссяк, терпению кузбассовцев пришел конец, встали шахты и разрезы области — другого способа привлечь к себе внимания не было. В первую очередь мы требуем ЭКОНОМИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ И РЕГИОНОВ... Сейчас первоочередной задачей является: установление действенного эффективного контроля за соблюдением достигнутых соглашений.

Достижение этой задачи видится областному комитету во внеочередных выборах в профсоюзные комитеты и местные Советы. Необходимо вернуть и профсоюзам основную функцию — защиту интересов трудящихся, для чего выдвинуть в профкомы членов стачечных комитетов, оказавшихся способными решать возникшие задачи самого различного характера быстро и эффективно.

Второй этап — это выдвижение достойных товарищей в исполкомы местных Советов. Региональный забастовочный комитет твердо уверен в правильности предъявленных требований... Мы можем с полной ответственностью заявить: наше движение направлено в поддержку перестройки, оно дает положительный импульс, является грозным предостережением бюрократическому аппарату о прекращении эпохи его безраздельного господства».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Пока в разных уголках нашей страны бушевали антисоциалистические, националистические шабаши, а силы, сомкнувшиеся с мафией, обостряли и усугубляли тяжелое положение тех или иных республик, в нашем народе исподволь, но уверенно и мощно нарастал рабочий протест. Шахтеры поднялись первыми.

С самого начала кузбасской забастовки горняки понимали, не следовало допускать беспорядков, нельзя было провоцировать власти на ввод войск, введение комендантского часа. А провокаторов хватало. И своих, и залетных.

— В горэлектросеть пришел неизвестный гражданин и, представившись членом стачкома, потребовал отключить электроэнергию на шахтах и предприятиях Киселевска. Дежурившая в горэлектросети работница проявила бдительность, позвонила в стачечный комитет — и выяснилось: провокация. Гражданин, правда, тут же исчез, но и беда была предотвращена, — рассказал мне Павел Тимашков, занимающийся в рабочем комитете поддержанием общественного порядка.

Как стервятники на предполагаемое побоище, в кузбасские города, охваченные стачкой, слетелись представители народных фронтов, дэсов, «Сибирского информациона», анархо-синдикалистов из Новосибирска, Москвы, Ленинграда, Калуги, Иркутска, Вильнюса, Риги, Кишинева. Пришли и свои, местные — тоже НФ, ДС. В рабочих комитетах Кемерова, Киселевска, Прокопьевска, Междуреченска с возмущением вспоминали этих эмиссаров с кофрами, забитыми листовками, подрывной литературой, кинофотозвукозаписывающей аппаратурой, сделанной в Японии, США, ФРГ, Англии.

Призывы этих буревестников сводились к одному: пора громить «штабы» аппарата, силой брать власть в свои руки и на обломках старого возводить новое демократическое общество. Себе же провозвестники этого общества, разномастные по названиям, но по сути однотипные, отводили роль руководителей этого восставшего «агрессивно-послушного» и «малоквалифицированного» большинства. Ничего из этого у них не вышло. Горняки почувствовали и поняли агрессивную сущность элитарного меньшинства, рвущегося сегодня к власти.

Другое дело декларация первого съезда объединенного фронта трудящихся СССР. Он проходил в Ленинграде и совпал по времени со стачкой шахтеров Кузбасса. Делегаты, представители рабочих и инженерно-технической интеллигенции Москвы, Ленинграда, интердвижений Прибалтики, Украины, Молдавии послали горнякам приветственную телеграмму, создали им в помощь рабочую группу. Что же касается их декларации, то ее поддержали рабочие и ИТР Москвы, Ленинграда, других городов страны, нашла она отклик и среди тружеников Кузбасса.

«Мы, представители интернациональных движений и фронтов трудящихся страны, — говорилось в этом документе, — собрались на свой первый съезд, чтобы объединить усилия трудящихся всех национальностей: рабочих, колхозников, трудовой интеллигенции — в борьбе за коммунистические ориентиры перестройки общества, за улучшение жизни народа...

Сегодня каждый должен сделать свой выбор. С кем ты? С трудящимися, с теми, кто выражает коренные интересы? Или с социальными и националистическими демагогами, толкающими страну в пропасть?

Трудящиеся Советского Союза, объединяйтесь!»

Этим и хочется закончить свои заметки.

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

СЛОВА И ДЕЛА

Из писем в редакцию

О СИОНИСТАХ И «АНТИСЕМИТАХ»

Не имея возможности защитить свою честь на страницах журнала «Огонек», я прошу редакцию «Молодой гвардии» напечатать мое открытое письмо В. А. Коротичу, так как личная проблема уже переросла в общественную.

«Уважаемый тов. Коротич!

Помните, после появления в декабре 1987 года в «Литературной газете» статьи Д. Волкогонова «Феномен Сталина» я тут же прислал вам лично свою статью «Молчать больше нельзя»? Я был встревожен тем, что военный философ пытался оглушительными фразами утвердить память о Сталине. Вот его фразы: «Такие глыбы, как Сталин, имеют шанс остаться в анналах истории». «Будучи честными перед истиной, перед историей, нельзя не признать неоспоримого вклада И. В. Сталина в борьбу за социализм, его защиту...» Было много и других, смысл — тот же.

Я писал вам: «...Сами понимаете, оставлять такую выходку сталиниста без отпора, значило бы сдать без боя все то, что по крупицам и с таким великим трудом общественности нашей удалось завоевать в деле разоблачения Сталина. Тогда начнутся и другие вылазки затаившихся врагов демократии, и опасность попыток реставрации сталинщины может принять непредсказуемые формы. Зачем так испытывать судьбу еще раз? Отпор нужен самый резкий, решительный. К тому же нельзя упускать из вида и то обстоятельство, что письмо Ф. Ф. Раскольникова Сталину так и не прошло в нашей печати полностью, а только половина письма. Статья же, восхваляющая феномен Сталина, — больше в два раза и прошла без ограничений. Я предлагаю вам напечатать статью «Молчать больше нельзя».

Когда моя работа над рукописью о Сталине была закончена и ею уже заинтересовалась областная газета «Днепровская правда», из «Огонька» пришел, за подписью А. Панченко, отказ печатать мою принципиально важную статью — «поскольку «портфель» отдела переполнен». «Подняли там знамя героев, — думал я, — а сами трусят как зайцы!»

В сентябре 1988 года в газетных киосках Днепропетровска невозможно было купить «Днепровскую правду»; за ней выстраивались очереди еще до начала продажи. Газета печатала мой роман о Сталине. Эти номера пересылались в другие города, переснимались на ксероксах. В редакцию газеты хлынули письма: восторженные от большинства (два из них я вам приводил) и с угрозами — от сталинистов. Но вот вышли два номера, где Сталин и Берия высказывали свое отношение к так называемому «еврейскому вопросу», и в «Огонек» (а куда же еще?) приходит из Харькова письмо читателя В. Юхта и два экземпляра «вещественного доказательства» — два номера газеты. Свое письмо к вам В. Юхт начал так: «Спешу предложить вашему вниманию...» И вы, даже не выяснив ровным счетом ничего ни обо мне, ни о моем романе, тут же поспешили напечатать длинное письмо Юхта, обвиняя его устами меня в «базарном, махровом антисемитизме».

Цель ясна — нанести упреждающий удар и не дать дальнейшего хода роману, который лишь коснулся еврейско-сионистского засилия в стране в 1937 году.

Лицо «портфеля» для меня, таким образом, прояснилось, и я тут же написал вам письмо, в котором опроверг клеветническую мысль Юхта о том, что роман мой — «псевдоисторическая дешевка» (даже в той его части, которую вы имели в виду, прочтя два номера газеты о «еврейском вопросе»). Я написал вам (это письмо вами получено 4 мая 1989 года) о 1936—1937 годах: «...Справедливым ли было соотношение в правительстве между евреями и всеми остальными нациями Советского Союза? Если справедливо — я антисемит, если нет — зачем вы позволили В. Юхту назвать мой роман «псевдоисторической дешевкой»? Какие факты я извратил? И на каком основании я обвинен в «махровом» антисемитизме? Я — не Сталин и не Берия, и не исповедую их формулу расправы над всеми евреями за то, что в правительстве был допущен такой перекос. Но разобраться в этом вопросе, считаю, надо, как и во всем, что было. Я русский и знаю: других русских людей настораживает сегодняшнее стремление определенных сил повторить былое.

Я перед вами, уважаемый Виталий Алексеевич, предельно искренен, я действительно за равенство среди наций. Талантливый человек — пусть занимает любой пост, не обижусь. Но когда

«талантливы» только одни, да еще не пускают в печать, кино, телевидение, вообще в искусство или в правительство других — это расизм, шовинизм, сионизм, что угодно, но не равенство, не честность, не нравственность.

У русских людей, как и у всех других, тоже есть национальная гордость и самоуважение. С этим надо считаться. Никогда не спешите с опасным ярлыком «антисемит»! Бездоказательные обвинения всегда обернутся против обвинителей — это закон жизни.

В том же письме я передал вам свой ответ читателю В. Юхту, названный мною «Обвинение по подозрению». Вы не захотели его напечатать, хотя в резолюции XIX партконференции записано: «Гласность предполагает... право для каждого гражданина, подвергнутого критике, на публикацию обоснованного ответа в том же органе печати».

В моем ответе были, в частности, строки:

«...А если бы автор писал роман о Гитлере со всем его набором «чувств» к евреям? В каких смертных грехах обвинил бы тогда Юхт автора? В проповеди фашизма? Но ведь по такой формальной логике можно зайти очень далеко. И тогда авторам романов о Гитлере пришлось бы убеждать своих читателей в антисемитской сущности фюрера примерно такими «дозволенными» фразами: «Ох, уж мне эти евреи! Как они мне надоели, не пора ли их в Освенцим»? Однако кто после этого поверил бы в такого Гитлера?

Жаль, что Юхт не привел из цитируемого им отрывка таблицу, которую Сталин приготовил для Берии о еврейском засилии, чтобы оправдать свои намерения по отношению к евреям. Сама по себе таблица убеждает своей логикой — она не фальшивка. В правительственном аппарате действительно преобладало еврейское представительство. Но Сталин не собирался рассматривать вопрос о еврейском преобладании официально, ему нужна была месть, расправа, причем совершенно под другим лозунгом: под лозунгом борьбы с космополитизмом. И опять же — не идейной борьбы, а тайной, кровавой. Но разве же автор произведения на стороне Сталина? Он лишь показал, как такие мрачные вещи проделывались, показал зловещую фигуру Сталина реально. Кто читал роман полностью, у того не возникло сомнений в авторском отношении к палачу.

Но есть читатели, которым не хочется, чтобы писатели прикасались к таким вопросам. Можно и нужно писать об украинском национализме, о русском шовинизме и антисемитизме, но зачем же ворошить прошлое о еврейском засилии? Вот и выходит: обо всем — гласность, а тут — «закрытая тема», и они готовы отстаивать такое положение до «оголтелости». Происходит это, видимо, потому, что в свое время такие правительственные евреи, как Свердлов, Ягода, братья Кагановичи, Мехлис, Троцкий, Зиновьев и другие, отбили охоту писать об этом. С тех пор в СССР нет ни одного романа о сионистах, ни одного художественного фильма о сионизме, в то время как о русских шовинистах, об украинских националистах — полно. Но как только кто-то пытается заговорить хотя бы об исторических параллелях, связанных с целями или действиями сионистов, сразу пускается в ход кампания печатной клеветы и криков о том, что начинается чуть ли не «поход» против евреев вообще.

Я, считая, что «Огонек» не является вашей личной собственностью, что вы насильственно лишаете меня моего конституционного права на свободу слова в печати, написал об этом в Секретариат ЦК КПСС, настаивая на публикации моего ответа. А вы, «сторонник» плюрализма мнений и гласности, и после этого продолжали политику затыкания рта. Вы поручили написать мне ответ В. Юмашеву, редактору отдела морали и писем. Свой ответ он сформулировал так: «По поручению ЦК КПСС отвечаем на ваше письмо. Мы понимаем, что у вас может быть свой взгляд на поднимаемый вами вопрос. Но читатель В. Юхт имел право высказать свою точку зрения, и нам она показалась достаточно аргументированной».

Этот уникальный по безответственности и бездоказательности ответ восхищает. Во-первых, своим «глубокомыслием»; В. Юхт, перепутавший Берию с автором романа, для В. Юмашева достаточно убедителен, а вот конкретные выкладки и доказательства автора, что его роман опорочили, а его самого безнаказанно оскорбили — это не аргумент.

Во-вторых, такие ответы в наше время называются откровенным и циничным «васькизмом»: Васька слушает да ест... Кого он ест — тоже понятно. Знакомая повадка, Виталий Алексеевич. Вы знаете, вырабатывается она от безнаказанности, уверенности чиновников, что они крепко устроились под надежной вывеской и крышей фирмы журнала, с ощущением, что находятся в недосягаемости для простых смертных.

И именно в такой опасный для государства момент, когда силы сионизма готовятся за спиной некоторых народных фронтов в республиках к захвату власти, вы, получается, вообще не хотите говорить об этом, хотя отлично знаете, что подобное засилие уже было осуществлено в ряде стран — об этом писали еще 20 лет назад. А все, что есть «там», неизменно приходит к нам. Вы это знаете тоже. Однако ваш заместитель Л. Гущин пишет мне: «Позицией же нашего журнала является укрепление братских взаимоотношений между народами нашей страны». Под этим могучим и «надежным» щитом мы укрывались от жизни целых пятьдесят лет. И к чему же пришли? Никто не готов к практическому решению национальных вопросов. А они есть. Есть и опасность захвата власти в стране определенными силами. Кто может дать сейчас гарантию, что еврейское засилие не повторится? Ведь было же, что к 1937 году из 22 наркомов 17 были евреями, из 133 членов коллегии Совнаркома — 115, из 123 членов коллегии Наркоминдела — 106, из 20 членов Президиума Верховного Совета СССР — 17, из 59 руководителей ОГПУ — 53, из 51 работника политуправления РККА — 50, из 40 членов Управления культпросвета — 40. Да и в наше время Л. И. Брежнев, много лет находившийся бесконтрольно у власти, возродил былую и несправедливую политику еврейского преобладания, например, в руководстве прессой и другими ключевыми сферами влияния на жизнь и политику. Так что не надо убаюкивать людей тем, будто все обстоит благополучно и рецидив нового засилия невозможен. Трагический опыт геноцида, учиненного Троцким и Свердловым на Дону в 1918—1919 годах, и план этого «лидера» сделать из крестьян страны подобие военизированных рабов еще не забыт.

Да что говорить. Сколько же еще мы будем «стесняться» называть вещи своими именами и замалчивать то, что проделывает

сионизм за нашими спинами под наше стыдливое молчание?! Довольно плестись в хвосте событий, а потом разводить руками: «Вон куда зашло, товарищи!» Не надо допускать, чтобы «заходило», надо делать все своевременно — стыдиться тут нечего. Пусть стыдятся те, кто ведет нечестную игру с народом.

Печатным органам не к лицу поддерживать боевой пыл, не подкрепленный фактами, и чуть что — бить в рельс и кричать на любого подвернувшегося под руку русского человека: «Ату его! Антисемит!..», если он коснулся еврейства. Иначе это и в дальнейшем будет порождать у определенной группы сионистски настроенных людей обидчивую мнительность и задиристую агрессивность. Не следует «Огоньку» брать на себя роль катализатора такого процесса, не следует разжигать «гражданскую войну», дабы» не вспыхнула от ее огонька потом война «отечественная».

В связи с горячечно-воспаленным восприятием читателя В. Юхта главы из моего романа, касающейся «еврейского вопроса», хочу напомнить вам рассказ В. И. Ленина о случае с Г. В. Плехановым, который в 1900 году, будучи женатым на еврейке и состоя в личной дружбе с евреем Пинхусом Аксельродом, занял в их присутствии не антибундовскую, а антиеврейскую позицию вообще. В статье «Как чуть не потухла «Искра» Ленин пишет об этом так: «По вопросу об отношении нашем к Еврейскому союзу (Бунду) Г. В. проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель — вышибить этот Бунд из партии, что евреи — сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя «в пленение» «колену гадову» и пр. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели, и Г. В. остался всецело при своем, говоря, что у нас просто недостает знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями. Никакой резолюции по этому вопросу принято не было».

Вот и все, никакой драматизации. Но если бы тогда был читатель В. Юхт и журнал «Огонек», Вы, наверное, зачислили бы Г. В. Плеханова в «махровые базарные антисемиты».

Б. СОТНИКОВ,
литератор,
г. Днепропетровск

КОГДА В ЧЕСТИ ЛИЦЕМЕРИЕ

Похоже, интерес к обществу «Мемориал» сходит на нет. Его место на трибунах заняла новая организация под названием «Комитет «Апрель». Организация эта чисто писательская, созданная в апреле 1989 года. И называют они себя «Писатели в поддержку перестройки» (ППП). Публично заявив, что они существуют при Союзе писателей, все же объявляют и считают себя «независимыми», то есть как бы вне писательского Союза.

Всякий раз, когда читаешь в печати материалы, публикуемые комитетом «Апрель», поражаешься их вызывающей и прямо-таки самоупоенной беспринципности. Мы все гадаем, кому выгоден национальный экстремизм в ряде наших республик, а под боком у нас, оказывается, живут и открыто действуют те, кто этот самый экстремизм провоцирует каждым своим заявлением. И к тому же называют они себя «Писатели в поддержку перестройки».

Желание граждан русской национальности равноправия с коренным населением Прибалтики, их абсолютно справедливое требование отмены ценза оседлости при выборах в местные Советы и соблюдение Конституции является для наших писателей из «Апреля» не чем иным, как проявлением «русского шовинизма». Но в то же время откровенная дискриминация гражданских прав русскоязычного населения на территории Эстонии, Литвы и Латвии у этих самых «апрельских» деятелей ни в коем случае за шовинизм не признается. Ну что ж, хорошо, что позиция их обозначилась так прямо и недвусмысленно. Хотя многим из нас давно уже ясно: любые — дискриминационные, экстремистские и националистические поползновения по отношению к русским никогда не будут вызывать протеста у членов ППП и у сочувствующих им. Но любые обиды и тем более возмущение русского населения подобной дискриминацией всегда будут называться ими «русским шовинизмом» (видимо, только так они мыслят свою «помощь перестройке»). Это было ясно с давних времен, с тех самых, когда Николай II (в 1916 году) отменил черту еврейской оседлости на всей территории Российского государства, хотя до сих пор факт этот упорно приписывается завоеваниям Октября.

Наглость, с какой «апрельские» экстремисты выкрикивают свои лозунги, просто потрясает. «Единого русского шовинистического фронта не будет!» — заявляют они в «Литературной России» от 22 сентября 1989 года в ответ на моральную и материальную поддержку российскими писателями участников политической забастовки в Эстонии. Сама эта поддержка справедливых требований рабочего класса Прибалтийских республик, состоящего в основном из русских, украинцев, белорусов, расценивается ими как происки «единого русского фронта», ну и конечно же — «шовинистического». И то ли эта наглость от боязни зарождения такого фронта, которого на самом деле не существует, то ли от их безоговорочной невозможности вообще примириться хоть с малейшей солидарностью русских с русскими. То есть налицо какое-то патологическое или, как они любят выражаться, зоологическое неприятие любых проявлений национального самосознания и самоуважения со стороны русских.

И все это происходит не где-нибудь, не в Палестине, не в Прибалтике, не в Молдавии, а в самой России! В центре России находятся и прекрасно себя чувствуют, выступают в российских органах печати силы, не желающие позволить русским хоть в какой-то мере осознать, почувствовать, проявить свое национальное достоинство. И при этом называют нас шовинистами. Где еще такое возможно? Разве что в оккупированной стране.

Все было в нашей многострадальной истории XX века. Народ грабили, мучили, расстреливали, гноили в лагерях; взрывали, оплевывали его святыни; морили народ голодом, доводили до людоедства, а тем временем вывозили хлеб за границу. Но при всей этой бесстыдной вакханалии все-таки Пушкина не трогали. Хоть и кричали вслед за Маяковским: «Сбросим Пушкина с парохода современности!», но лозунги лозунгами, а тем не менее взять и

«сбросить» русского гения рука ни у кого не поднималась. Тогда не поднималась. А вот теперь в наше перестроечно-плюралистическое время, видать, в самый раз. И журнал «Октябрь» (орган Союза писателей РСФСР) публикует пасквиль оскандалившегося на Западе Абрама Терца (Синявского) «Прогулки с Пушкиным». А когда российские писатели, российская общественность выразили свое возмущение этой акцией, то, естественно, комитет «Апрель» ринулся на защиту и главного редактора «Октября» Ананьева, и самого новоивленного Дантеса-Терца-Синявского. «Как вы смеете возмущаться? — удивились они. — Ведь у нас же плюрализм мнений! Ведь этот Синявский в свое время так пострадал!»

Можно ли себе представить, чтобы российский писатель, приехав в Израиль, опубликовал нечто подобное в каком-либо тель-авивском журнале по отношению, например, к еврейскому поэту Хаиму Бялику или Шолом-Алейхему? И что бы с ним в этом случае было?! Да что там Тель-Авив! Можно ли себе представить, чтобы нечто подобное о названных еврейских классиках было напечатано у нас, в российском журнале? Какой бы шум поднялся! И кто бы тогда из русских писателей решился встать на защиту этого «пасквилянта»? Однако тут надо сразу признать: подобные фантазии нереальны. И не потому, что их никто нигде не допустит, а по причине того, что истинный писатель, какой бы литературе он ни принадлежал, ничего подобного никогда не напишет, а если он редактор — не напечатает. Ну и, конечно же, не станет защищать проходимца, унижающего самое дорогое, что у нас есть.

Долго пролежали в столе произведения В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и «Все течет», для того, чтобы выйти в том же «Октябре». Тайна русской души, оказывается, объяснима, по Гроссману, «историей ее тысячелетнего рабства». И многие из «апрелевцев» подхватили этот тезис. «Рабы, исключительно рабы!» — утверждают они со страниц «Огонька» и «Юности», забывая, что одновременно никак не могут быть шовинисты рабами! Или, может быть, они что-то намеренно напутали вслед за Гроссманом?

Уж где-где, а в России за всю ее историю НИКОГДА не было рабства. Опять же — многое было. И ордынское иго, и крепостное право (которое в сравнении с продразверсткой и коллективизацией выглядит просто райской жизнью), но вот в р а б с т в е как таковом Россия ни в каком веке ни у кого не была и себе в рабство никого не брала. А перепутал В. Гроссман Россию, видимо, с древней Иудеей. Вот уж где было настоящее рабство, и иудеи на протяжении почти тысячелетия являлись не мифическими, а подлинными р а б а м и и Египта, и многих других империй: Вавилона, Персии, Македонии, Рима. И только в данном случае, исходя из исторической реальности, можно говорить об их истории «тысячелетнего рабства».

Из всемирной истории нам хорошо известно, где в действительности существовало рабство. Да уж больно велик у некоторых «мыслителей» соблазн трагедию одного народа переложить на плечи другого, и, наверное, кое у кого и впрямь силен комплекс раба, если они все еще блефуют по поводу чужого — выдуманного — рабства. Откуда взялась эта нездоровая потребность — философствуя, унижать великую нацию?

В настоящее время художественная и публицистическая литература все смелее прорывает официальные заслоны, сдерживающие подлинную информацию о народном сопротивлении известной диктатуре первых лет Советской власти. Имея за плечами в этом смысле величайший пример Михаила Шолохова, а впоследствии — пример А. Солженицына, В. Шаламова, Ю. Домбровского, современные наши писатели — прежде всего в лице М. Алексеева, Б. Можаева, В. Белова, А. Знаменского, В. Лихоносова, С. Семанова, критика М. Лобанова, публициста Е. Лосева и других — уже поведали советскому народу о тех страшных годах произвола и жестокости власти по отношению к собственному населению, не имеющих аналогов в человеческой истории.

Валерий ХАТЮШИН

ОТКРЫТЫЙ РАЗОР ДЕРЖАВЫ

Передо мной статья из газеты «Московский комсомолец» от 07.10.89 года «Куда идет цунами? или «Золотая лихорадка» в столице». Яркая картина волны ажиотажа, бушующей стихии, многократное выполнение нормы продажи бриллиантов за счет поступлений из Гохрана, штурм прилавков, бомбардировка письмами Гохрана — все эти термины взяты из статьи. «Судя по таким темпам растаскивания нашего национального богатства, не исключено, что скоро советским людям придется покупать свое золото в чужой стране и за валюту», — это тоже цитата из данной статьи. Только причина здесь не в польских и вьетнамских специалистах, скупающих золото «чуть ли не килограммами». Маленькая, почти незаметная деталь в приказе Главного таможенного управления: с 15 августа разрешен вывоз ювелирных изделий лицам, выезжающим из СССР за границу на постоянное место жительства. Правда, есть оговорка: по одному изделию одного наименования и фасона. А так как ювелирные изделия высокого качества изготавливаются каждое на свой фасон, то и ограничения, по сути, нет никакого. Да и изумруды и алмазы природа изготавливает разных «фасонов». И золотые часы и серебряные кубки.

Еще одна статья — в «Известиях» от 06.10: «Бегство от денег. Почему выстраиваются очереди у ювелирных прилавков». В этой статье панацеей от очередей за бриллиантами провозглашается (цитирую) «пустить в ход такой мощный резерв, как государственный золотой запас». Другими словами, распродать золотой запас не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

Прекрасное предложение! Так как граница, по сути, открыта для вывоза золота и бриллиантов, то государственный запас СССР мгновенно окажется за океаном, так сказать, выедет туда «на постоянное место жительства». Интересно, о чем думают авторы таких предложений? И правительство?

Т. ЯКОВЛЕВА,
Москва

СПРОС ИЛИ ПОТРЕБНОСТИ?

Вряд ли сегодня есть люди, которым безразлично, каким станет наше общество в результате идущей в стране перестройки. И хотя перестройка уже фактически идет пятый год, жаркие споры о том, какой она должна быть, не утихают.

Но все рассуждения о том, как надо перестраиваться, какую концепцию развития общества предпочесть, будут и бесконечны и бесплодны, если предварительно не достичь ясности в вопросе о том, что, собственно, мы хотим в итоге получить, каков наш идеал общественного устройства, короче говоря — какова преследуемая нами цель перестройки, — в более общем плане, — цель всего общественного развития? Вопрос о целях надо решать прежде вопроса о средствах в любой области человеческой деятельности, и экономика, конечно же, не составляет исключения. Но для экономики этот вопрос стоит особенно остро, поскольку для преобразований хозяйственного механизма необходимо опираться на массовую поддержку трудящимися, а на нее трудно рассчитывать, если сами трудящиеся не осознали целей перестройки, не приняли их, как отвечающие своим кровным интересам, своим собственным целям.

Так к какому обществу мы стремимся? К сожалению, вряд ли сегодня можно сказать, что в ответе на этот вопрос мы достигли какого-то согласия. В обилии публицистических статей на темы социально-экономического развития вопрос о цели развития нередко обсуждается вскользь, или вовсе не рассматривается, или в качестве цели фигурируют невнятные (для неспециалиста, во всяком случае) абстракции вроде «динамичное общество», «продуманная экономика» и т. п. Мало того, что подобные словосочетания внешне неотличимы от рекламных эпитетов апологетов буржуазного общественного устройства, они к тому же ничуть не проясняют для читателя понимание сути нашей перестройки.

Вот товарищ И. И. Шурбин, делегированный на партконференцию от Новосибирска решать судьбу страны, так отвечает на вопрос о том, как ему видится перестройка: «Работать лучше — вот и вся моя платформа» («Вечерний Новосибирск», 27 июня 1988 г.). Ясно, что такая формула перестройки удовлетворит и любого консерватора — хоть египетского фараона, хоть современного бюрократа. Но у большинства трудящихся — причем не лентяев, а тружеников — боюсь, она вызовет лишь раздражение.

Раньше для обозначения цели перемен развития использовался термин «ускорение» — «ускорение социально-экономического развития». Но этот термин не больше прояснял суть необходимых перемен, чем «платформа» И. И. Шурбина, поскольку он связывался в сознании лишь с количественными показателями. Ну а куда, например, ускоряться нашей газодобывающей или металлургической промышленности, если по валовому количеству произведенной продукции «годы застоя» для них были годами бешеного роста, да только продукция выбрасывалась на ветер или использовалась с потрясающе низкой эффективностью? От термина «ускорение» в конце концов отказались.

В иных статьях чуть ли не самоцелью выглядит внедрение «экономических» методов управления. Но, не говоря уже о нечеткости содержания самого термина, ясно, что здесь речь идет именно о методах, а цель опять-таки остается «за кадром».

Иногда, говоря о наших бедах, сравнивают нашу страну с другими по среднему уровню жизни. Может, вот подходящая цель развития — средний уровень? Но ведь средний уровень — это такой, что половина людей живет хуже, а если учесть имущественное (денежное) расслоение общества, то выходит, что большая часть людей живет хуже среднего уровня, притом тем большая, чем сильнее это расслоение. Разве это не так? Ведь часто приходится слышать, что «у населения на книжках накоплено много денег». Но это только в среднем — а 7/8 населения вообще не имеет сберкнижек («Социалистическая индустрия», 2 августа 1988 г.), а из оставшейся восьмой части половина денег лежит на трех процентах вкладов (значит, у еще меньшего количества вкладчиков). Такова обманчивость средних цифр. Вряд ли поэтому сам по себе высокий «средний уровень» может успокоить большинство людей.

Вопрос о цели становится тем более злободневным, что приходится читать такие высказывания: «Наша идеологическая сфера должна быть готова к тому, что в процессе распространения хозрасчетных отношений, кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, прямых связей с зарубежными фирмами и так далее может увеличиваться социальная напряженность, например, вследствие усиления дифференциации доходов, высвобождения недостаточно квалифицированных работников, увеличения производительности труда (А. Г. Гранберг, директор ИЗИОПП — выступление на пленуме Новосибирского ГК КПСС 13 июня 1987 года, «Вечерний Новосибирск», 15 июля 1987 года). Резонно спросить, во имя чего наши экономисты готовы пойти на усиление социальной напряженности?

Раньше в вопросе о цели не было разнобоя: заявлялось, что целью общественного развития является (все более полное) удовлетворение (постоянно растущих) потребностей людей. Можно было бы, наверное, спорить о том, насколько эта формулировка удачна, глубока и конкретна, но важно обратить внимание, что сейчас ее то и дело вытесняет другая формулировка — «удовлетворение спроса».

«Потребности» и «спрос». Разница на первый взгляд между этими понятиями кажется незаметной, особенно для русского уха: «спрос» — это вроде бы то, что я спрашиваю, а я спрашиваю о том, что мне нужно, требуется. Но всякий — даже не экономист, а просто знакомый с началами политэкономии — заметит, что разница очень велика, и поэтому к такой цели надо отнестись осторожно.

Потребности человека — это то, что ему нужно: они не зависят от накопленного им состояния. А спрос, предъявляемый им (еще говорят полнее: платежеспособный спрос), — это всегда в то же время и предложение (К. Маркс. Нищета философии, гл. I, параграф I — Соч., т. 4, с. 78), это то, что мне нужно и я готов оплатить. Если, например, мне надо учить дочь музыке, значит, у меня есть потребность в приобретении пианино, но в то же время я не предъявляю спроса на пианино, так как оно в магазине стоит в пять раз больше моей зарплаты инженера. Если рабочим не выплатить зарплату (или, играя на человеческих слабостях, выплатить часть зарплаты пивом или водкой), то их потребности в продуктах труда (в неудовлетворенности которых, кстати, иным хочется видеть причину пьянства) нисколько не

изменятся, а спрос на товары с их стороны исчезнет или сократится. Нищий так же нуждается в продуктах питания, как миллионер (тут их потребности одинаковы), но спроса нищий не предъявляет.

Можно сказать, что **спрос — это потребности тех, у кого есть деньги**, причем предъявленные в той пропорции, в какой предъявители обладают деньгами. Но тогда и «удовлетворение спроса» — это в первую очередь удовлетворение потребности тех, у кого есть деньги, и такая цель в большей степени устроит хорошо обеспеченное меньшинство, чем малообеспеченное большинство.

Ясно, что разные цели достигаются разными средствами. Чтобы удовлетворить потребности, необходимо в первую очередь увеличить производство товаров. Чтобы удовлетворить спрос — увеличивать производство не обязательно. Например, можно поднимать на дефицитный товар цену до тех пор, пока очереди за ним сами собой не исчезнут. Тем более если этому способствует свободное ценообразование. Мяса от этого, конечно, больше не станет, но спрос будет удовлетворен, а что до потребности людей в мясе... так ведь цель-то не в том. В магазинах-то ведь «все есть» и никаких очередей — прямо как «у них». Я не утрирую — именно такой путь предлагает, например, профессор И. Котляр («Социалистическая индустрия», 30 августа 1988 года). И фактически это уже происходит сейчас на наших глазах — дорожают хлебобулочные изделия, одежда (даже детская), мужской костюм стоит больше зарплаты инженера, сокращаются маршруты автобусов (тоже способ повышения цен).

Другой способ решения проблемы спроса — увеличение производства, но не тех дефицитных товаров и продуктов, приобрести которые не может в магазинах живущее от зарплаты до зарплаты большинство, а тех, за которые готовы платить люди, у кого деньги остаются — это предметы роскоши, особняки и шикарные туалеты, заведомо недоступные технику, медсестре или учителю, большинству молодежи. Так при рыночной системе вопрос — что выпускать — решается самостоятельными («свободными»!) производителями в пользу высокообеспеченных слоев населения. Это и понятно: если определять, чем заниматься с помощью голосования, то на рынке люди «проголосуют» за выпуск того или иного изделия не руками, а рублями — у кого их больше, у того и голос громче. И самого производителя тут трудно обвинить в безнравственности, ведь прибыль — это условие его существования.

Рыночный механизм вполне решает задачу «удовлетворения спроса», но решает ее в интересах владельцев денег. Возникает вопрос — не потому ли в нашей и других братских странах так громко сегодня слышатся голоса сторонников рынка, что для этого появилась социальная база: в силу исторических причин (включающих и деформации социализма) стали играть заметную роль группы людей — как внутри, так и вне структуры управления — которые обладают большими состояниями?

Важно заметить, что все почти нынешние «лидеры» в экономике не говорят о том. являются ли накопленные людьми средства трудовыми или хотя бы законными. И это, видимо, не случайно. При социализме (классическом. а не «реальном») полученные по труду деньги только помогают при распределении. Они лишь свидетельство права па получение определенной доли про-

изводственного общественного богатства, их наличие не влияет на участие в решении вопроса политики. Ведь в том, что люди голосуют рублями или руками — и состоит разница между буржуазным и социалистическим пониманием демократии: первая обеспечивает юридическое равенство при фактическом неравенстве людей, а вторая — предоставляет равные возможности, независимо от капитала. Например, право каждой группе граждан иметь свою газету (то есть фактически купить свою газету, нанять персонал и т. п.) — это элемент демократии буржуазной, а право каждого выступить в газете, ответить на критику в том же органе печати — это элементы демократии социалистической. Так что проговорись экономисты об источнике доходов тех, чьи интересы они отстаивают, и станет ясно: какую демократию они отстаивают, какой социализм имеют в виду.

А. КОВАЛЕНИН,
Новосибирск

СПАСИТЕ КАТУНЬ!

Предполагаемое строительство Катунской ГЭС вызывает тревогу жителей не только Горного Алтая, но и всего бассейна Оби. Появилось достаточно много материалов в печати, в которых высказываются законные опасения в связи с этой стройкой: большая стоимость, длительный срок возведения, риск, который признает Сибирское отделение АН. Однако где взять электроэнергию, в которой нуждается прилегающий к реке регион?

Имеется множество более экономичных (по сравнению с Катунской ГЭС) вариантов энергоснабжения, которые либо не рассматривались Гидропроектом и экспертной комиссией Президиума СО АН СССР, либо тенденциозно были квалифицированы ими как неэффективные. Перечислим лишь немногие из большого количества альтернативных вариантов.

Каскад малых ГЭС на Катуни и других реках Горного Алтая с высотой плотины 2—10 метров, которые своими водохранилищами не выйдут за линию ежегодного разлива рек. Гидроэнергетический потенциал только малых рек Горного Алтая составляет 4500 МВт и на Катуни еще 4800 МВт. Удельный расход бетона на кВт установленной мощности при этом в 20—50 раз меньше Катунской ГЭС.

Индустриальная технология строительства малых плотинных ГЭС позволит возводить их за 1—3 года с удельной стоимостью киловатта в 2,5 раза дешевле, чем у Катунской ГЭС.

Газотурбинные установки (ГТУ) с КПД 40—60 процентов, работающие на газе подземной газификации углей, сланцев или на газе наземной газификации углей. Для газа подземной газификации углей КАТЭКа или Экибастуза стоимость электроэнергии будет не более 0,05 коп/кВт·ч, что в 3 раза дешевле, чем от Катунской ГЭС.

Воздухо-аккумулирующие ГТУ, работающие на сжатом (и жидком) воздухе и метаноле, имеющие удельную стоимость не более 65 руб/кВт (для Катунской ГЭС — 400 руб/кВт).

Создание систем аккумулирования электрической энергии в сжатом или жидком воздухе позволит аккумулировать энергию

ветра и Солнца малых ГЭС, АЭС и ТЭС в ночные часы и выходные дни. Это позволит перевести в постоянный базисный режим все АЭС и ТЭС и выработать на них в 1,5 раза больше электроэнергии, чем сегодня. Кроме того, воздухо-аккумулирующие ГТУ увеличивают в 3—5 раз количество вырабатываемой электроэнергии по сравнению с аккумулируемой.

Воздухо-аккумулирующие ГТУ решат проблему пиковых мощностей и не потребуют создания других типов электростанций, кроме ветровых и солнечных электростанций и малых плотинных ГЭС.

Наземная газификация углей, сланцев, древесных отходов. Для чего необходимо воссоздать газогенераторы 1930—1950-х годов, дающих экологически чистый газ из угля и сланцев. Использование этого газа сделает чистыми тепловые электростанции и котельни, позволит выработать на ГТУ в 2—3 раза больше электроэнергии, чем на ГРЭС при том же расходе топлива.

Отказ от ТЭЦ с КПД 12,3 процента, переход на малые ГТУ с КПД 40—60 процентов, установленные в малых котельнях рядом с потребителем тепла. Это позволит выработать в 3—5 раз больше электроэнергии на том же топливе.

Широкомасштабное развертывание подземной газификации углей, сланцев, тяжелых нефтей на парокислородном дутье, что даст газ по цене 2 руб/т.у.т. и метанол, полученный из этого газа, не дороже 5 рублей за тонну. Обеспечение всех ГТУ и воздухо-аккумулирующих ГТУ метанолом, транспортируемым по трубопроводам, по железным и автомобильным дорогам или дирижаблями в горные районы на КАТЭКа, Кузбасса, Экибастуза и других угольных бассейнов. Децентрализованное производство электроэнергии позволит отказаться от сжигания углей на ГРЭС и транспорта электроэнергии по линиям электропередачи, в которых сейчас теряется до 15—40 процентов передаваемой энергии. При этом тепло отходящих газов ГТУ можно будет использовать для теплофикации. На ГРЭС в прудах-охладителях теряется более 63 процентов всей энергии сжигаемого угля.

Повсеместное использование ветроустановок и солнечных установок с мощными системами аккумулирования энергии в сжатом и жидком воздухе, электролизном водороде и метаноле, в горячем паре высокого давления позволит во много раз сократить расход топлива на тепловых электростанциях и в котельных.

Убеждены, что предлагаемые нами решения во всех отношениях превосходят проталкиваемый Минэнерго проект строительства Катунской ГЭС.

Уверены, что наши предложения должны лечь в основу новой Энергетической программы страны.

Б. ГАВРИЛКО,
Институт математики СО АН СССР,

В. ЧЕРКАШИН,
инженер,

В. ШЕПЛЕВ,
Институт геологии и геофизики СО АН СССР

РАЗДОЛЬЕ ДЛЯ ВОРЮГ!

Не принижая роли народного контроля, который считается основным органом контроля государства, отметим, что ныне почти полностью забыта такая весьма важная часть контроля, как документальная ревизия финансово-хозяйственной деятельности объединения, предприятия, организации, учреждения, органов управления.

Негативные явления и злоупотребления искусно вуалируются в учетной финансово-хозяйственной документации. Их «наскоком» народных контролеров не выявить. А следовательно, все больше миллиардов рублей народных средств будет уходить в «теневую экономику», разрушая финансовую систему государства и усиливая социальную несправедливость в обществе.

Решая вопросы контроля в стране, нельзя их решать половинчато. За четыре года перестройки не был поставлен такой важный вопрос, как документальная комплексная ревизия. Печать, телевидение нередко дискредитируют саму идею о последовательном контроле, то есть документальной ревизии. Делается это с подачи некоторых руководителей ведомств, предприятий, организаций, которые без устали жалуются, что «эти ревизоры только мешают работать», тем самым оказывается реальная услуга развитию теневой экономики.

Более сорока лет работая на контрольной работе, категорически утверждаю: проявлять неприязнь к ревизии могут только те руководители, которым есть чего опасаться.

Статистика привлечения к ответственности за эти экономические преступления за последние годы показывает снижение их. На самом же деле сходят на нет не преступления, а контроль. Правовые органы боятся исполнять свой долг, опасаясь, видимо, славы «противников перестройки». Во многих случаях даже по фактам крупных недостач, присвоений и другим финансово-хозяйственным махинациям виновные лица не привлекаются по статьям Уголовного кодекса к предусмотренным по ним наказаниям. Часто даже не принимаются решения к возмещению причиненного ущерба. Здесь нет смысла говорить о каких-то конкретных фактах — это происходит повсеместно.

Правда, в какой-то мере следственные органы не в состоянии эти вопросы иногда решать. Из-за отсутствия, скажем так, материалов ревизий, их качественного проведения ведомственными ревизорами. И казнокрады уходят от ответственности перед обществом.

Игра в прятки с этими явлениями опасна для общества как в нравственном, так и в экономическом плане. Ничто так не развращает человека, как безнаказанность за совершенные преступления. Однажды из уст ведущего «Прожектора перестройки» прозвучало примерно следующее: зачем проверки, надо доверять людям, их, мол, сам рубль контролирует. К чему приводит такая наивная философия?

Только по Сочи за три пятилетки выявлено: недостач, хищений денежных средств и материальных ценностей в 349 случаях на сумму свыше трех миллионов рублей, в 930 случаях — незаконных расходов пяти миллионов рублей; доначислено и взыскано причитающихся денежных средств в бюджет свыше шести

миллионов; сокращено необоснованных расходов, предусмотренных из бюджета, 1 миллион 500 тысяч рублей.

Из выявленных недостач и хищений с помощью правоохранительных органов (прокуратуры, УВД) были приняты меры к взысканию с виновных лиц уже в ходе рассмотрения материалов ревизий около двух миллионов рублей или 66 процентов от присвоенной суммы. Остальной ущерб взыскивался или взыскивается по решениям судов.

Правоохранительным органам города было передано 250 материалов документальных ревизий для рассмотрения и привлечения виновных лиц к ответственности за совершенные финансово-хозяйственные преступления. Одновременно за эти действия и другие нарушения государственной и финансовой дисциплины было освобождено от занимаемых должностей свыше 500 человек. Но ведь эти злоупотребления были выявлены по результатам ревизий, производимых лишь у десятой части сочинских предприятий и организаций. Экономический эффект составил более 17 миллионов рублей. А при 100-процентном контроле объектов он составил бы более 170 миллионов рублей. Или в среднем около 580 рублей на одного жителя города.

Уверен, что негативные явления, приведенные в нашем примере, не превышают «среднестатистический» уровень.

Если этот опыт распространить на всю страну, при условии 100-процентного охвата ревизиями объектов, то государство могло бы уменьшить «кубышки» теневой экономики на сумму около 11 миллиардов рублей в год. Возможно, кому-то эта сумма уже покажется незначительной, когда по оценкам экономистов и других специалистов «бюджет» теневой экономики составляет 300—350 миллиардов рублей в год (см. «Аргументы и факты» № 37 за 1989 год). Но если мы будем в первые годы ужесточения контроля изымать из теневой экономики даже меньше 11 миллиардов рублей, то эффект самого контроля и принимаемые по нему меры окажут влияние на уменьшение теневой экономики в прогрессии.

Существующий ныне ведомственный контроль ни в коей степени не оправдал и не оправдывает своего существования. Наоборот, подконтрольным мошенникам он придает уверенности, что совершаемые ими злоупотребления гарантированно не будут выявлены. Свидетельством этого является и то, что приведенные выше факты, выявленные ревизорами КРУ Минфина, как правило, относились к тем периодам, которые были проверены ведомственными ревизорами. Последние «ничего не заметили».

В связи с этим нельзя не отметить такой вопрос. В проекте Закона о кооперации в СССР, вынесенном на всенародное обсуждение, в статье 29 говорилось: «Ревизии и проверки деятельности кооперативов проводятся... также финансово-банковскими учреждениями, органами ценообразования. Ревизия и проверка могут быть также проведены по требованию правоохранительных органов и комитетов народного контроля». Однако в принятом Верховным Советом Законе о кооперации в СССР это не нашло отражения. Возложили проведение ревизий производственной деятельности на ревизионные комиссии и их объединения. Значит, кому-то выгодно было, чтобы кооперативы функционировали бесконтрольно со стороны государственных органов.

Факты злоупотреблений, граничащие с преступлениями, не выявляются, виновные лица остаются ненаказанными, под крышей кооперативов извлекаются крупные нетрудовые доходы.

Второй вопрос. Можно ли при зарплате в 130—150 рублей укомплектовать контрольный орган людьми высоко профессиональными? К тому же нередко руководителей контрольной службы назначают не по деловым качествам, а по личной «преданности» руководителю, имеющему отношение к такому назначению.

Повторяю: следует создать единый государственный орган последовательного контроля. Цель: проведение комплексных ревизий в министерствах, объединениях, предприятиях, учреждениях, общественных организациях и кооперативах независимо от их ведомственной подчиненности.

Работник этого органа должен иметь государственный статус, обладать четкими правами и обязанностями, закрепленными в законодательном порядке. Этот орган мог бы быть создан при Министерстве финансов СССР на базе существующего Контрольно-ревизионного управления. Возможно, на уровне Госкомитета СССР. В республиках, областях, городах, районах этот орган выступает в качестве союзного органа (по соответствующей союзной республике, области и т. д.). Этот единый контрольный орган мог бы быть укомплектован безущербно за счет сокращения повсеместно ведомственных контрольных служб.

Штрафы за финансовые нарушения и преступления взимать за счет фонда материального поощрения или оплаты труда (в кооперативах) коллектива предприятия по установленным нормативам. Взимаемые штрафы должны перечисляться в союзный бюджет.

При этом создаются условия встречного текущего контроля со стороны коллектива предприятия, кооператива, направленного против негативных явлений в хозяйствовании. Другого, более эффективного, метода борьбы с теневой экономикой и финансово-хозяйственными преступлениями пока никем не предложено.

Ущерб от того, что, сняв контроль, у нас открыли каналы легализованных хищений, — несметен. Во всяком случае, если мы считаем нормальным «обличать» грозных ревизоров, похохатывать над их «консерватизмом», то не должны мы удивляться той разрухе, которая является прямым следствием тотального попустительства злу.

А. ПОЛЯКОВ,
главный контролер-ревизор
КРУ МФ РСФСР по г. Сочи,
экономист

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Пишет вам инженер из г. Куйбышева Иванова Татьяна. Совершенно случайно прочитала «Молодую гвардию» седьмой и восьмой номера, и «не могу молчать!» Огромное вам спасибо за прекрасную подборку материала; с каким восторгом и наслаждением я читала речь В. Распутина на съезде, «Ночные беседы» Н. Кузьмина, стихи, критику, дискуссионные беседы. Наконец-то я нашла то, что искала давно — здравую русскую мысль, истинное беспокойство за судьбу России.

В свое время разочаровалась поочередно в «Огоньке» (замахя-

ваются на многое, а в результате только «поднимают пыль») и в «Юности» (если раньше читала ее с удовольствием, то теперь, после «Непридуманного» Л. Разгона, не читаю совсем. Слишком уж выпячивается еврейство; они самые талантливые, умные, только им доступны знаменитости, а русские Ваньки так — ни поговорить, ни дело сделать).

Поэтому не читала ничего, кроме газет и Библии и русской классики, в общем, действовала по «слову Божьему» — берегла свою душу от «еврейской смуты». Я чувствовала, что на самом деле все не так, как представляют в жаждущих сиюминутного успеха изданиях. Не принимала этот ужасный циничный юмор наших знаменитых «пересмешников», таких, как Жванецкий, Мишин, Горин, Измайлов и К°, которые делать ничего более не могут, кроме как открыто и неприкрыто издеваться над нашей (нашей!) культурой и историей, над всем святым, что было у нас, а русские Вани смеются и хлопают! Плакать ведь хочется! С любой эстрады дежурные шутки: нет мыла, нет сахара. Да разве об этом надо сейчас кричать «во весь голос»?

Страну пытаются разрушить, а мы — великий народ — сжимаем в бессилии кулаки и не знаем, что делать.

Так вот, ваш журнал явился для меня живительным родником истинной правды. Давно пора поставить на место этих великих правдолюбцев — Вознесенского, Евтушенко, Р. Медведева, которые морочат людям головы, а у самих за душой ничего, как видно, святого, кроме желания личных благ. А говорить на разных языках, в зависимости от направления ветра, они научились давно.

Еще хотелось бы узнать ваше мнение о православной религии, как источнике духовного единства русского народа, как своеобразном кодексе нравственного воспитания молодежи.

Низко кланяюсь вам и благодарю за то, что сохранили и собираете воедино гордость русского народа!

Т. ИВАНОВА,
г. Куйбышев

Я не подписчик и, к сожалению, даже не систематический читатель вашего журнала. Но хочу поделиться некоторыми личными мыслями, навеянными публикацией на цветой странице журнала «Огонек», № 36, 1989 г. под рубрикой «По страницам журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», № 8, 1989 г.».

Во-первых, здесь, как всегда при стремлении опорочить кого-то, из целого текста выдергивается то, что наилучшим образом отвечает поставленной цели. Ныне модно гулять с ножницами и по истории нашей, и по публикациям.

Во-вторых, сами подборки из вашего журнала, если отбросить некоторые не совсем корректные выражения, по сущности своей не только нельзя отнести к провокационным, а правильно и объективно отражают существо публикации.

В-третьих, что касается предостережения «Осторожно: провокация!» из первой строки публикации. В связи с последним позволю себе напомнить текст телеграммы, направленной Народному фронту в г. Ригу и там опубликованной в печати 29 августа с. г.: «Разделяя озабоченность по поводу событий в Прибалтике, считаем неправомочным заявление ЦК КПСС от 26 августа 1989 г. до Пленума ЦК по национальному вопросу. Протестуем против аппаратных игр за спиной коммунистов страны». Среди прочих телеграмму подписал член партбюро журнала «Огонек» А. Головков. Вот это уже образец провокации, и здесь призыв «Огонька» к бдительности правомерен. Что же касается всех коммунистов страны (не «Огонька» и к нему примкнувших, конечно), то оценка ими заявления ЦК КПСС общеизвестна, ну, если в чем-то и критиковали его (в том числе и я), то только в том, что его нужно было сделать раньше, то есть до того, пока кое-где национализм не перерос в шовинизм.

В. ВАСИЛЬЕВ,
член КПСС с 1942 г.,
ветеран Вооруженных Сил,
г. Киев

Уважаемый товарищ Иванов!

Большое русское человеческое спасибо за публикацию произведения Николая Кузьмина «От войны до войны». «Ночные беседы» потрясают своей откровенной озабоченностью о настоящем и будущем России, а также смелостью и объективностью авторских оценок прошлого нашей многострадальной Родины. Уверена, что ни одного русского человека, для которого не безразлично будущее Отечества, работа писателя не оставит равнодушным. Именно такой горький и откровенный разговор необходим нам сейчас, чтобы окончательно не потерять веру в возрождение лучших качеств русского характера: доброты, искренности, правдивости, гордости. Все это в течение десятилетий сознательно и, нужно признать, успешно убивалось в душе русского народа.

Т. ЛАПИКОВСКАЯ,
Ленинград

О РОКЕ—БЕЗ ЛИШНИХ ЭМОЦИЙ

Наш журнал не раз предоставлял свои страницы авторам статей о рок-музыке, но приходящие в редакцию письма убеждают в том, что тему эту «закрывать» рано.

Идя навстречу пожеланиям читателей, мы попросили высказать свои взгляды на рок-движение сразу нескольких авторов, причем весьма различных. Впервые в официальной советской печати выступает один из самых известных рок-деятелей страны, основатель группы «ДК» Сергей Жариков — «персона нон грата» для фирмы «Мелодия», но не для множества своих поклонников (во Франции уже вышли две пластинки группы С. Жарикова, о ней писали и «Rolling Stone», и «New musical express»). Возражают ему прозаик Петр Паламарчук, пишущий на исторические темы, автор книг «Един Державин» (1986), «Чисто поле» (1987), «Ивановская горка» (1989); и прозаик и публицист Константин Ковалев, автор книг о русской музыке XVIII века — «Орфеи реки Невы» (1987), «Глагол таинственный» (1988), «Бортнянский» (1989). Все трое — ровесники. Сопоставление их точек зрения, надеемся, окажется интересным и небесполезным для читателей журнала.

ОБРЕТЕНИЕ ИМЕНИ

В том, что рок к нам пришел с Запада, ни у кого нет сомнений. Касательно рок-н-ролла нет сомнений и у нас. Однако рок-культура как объективация рок-сознания имеет гораздо более древние истоки, чем кажется это на первый взгляд. Спешим, правда, заметить, что, принадлежа к определенному культурно-историческому типу, мы должны и обязаны идентифицировать понятие «рок» согласно этому типу. Иначе произойдет (и уже происходит во множестве публикаций на эту тему) то, что в логике называется «подменой тезиса». Другими словами, вполне возможно, что называемое на Западе «роком» для нас будет обычной эстрадой, и эстрада как жанр поглотит многое в угоду моде названное «роком» у нас.

В многовековой истории человечества отчетливо заметно идеологическое противостояние тоталитарных и «местных» идеологий, унификации и своеобразия, «интернационала» аристократий и национальной органичности. В отечественной истории это крещение знати и народное язычество, а позднее — церковный раскол. «Мы готовы исповедовать и с дерзновением исповедуем, что сущный смысл старообрядства содержится в народной борьбе; но собственно не против никоновских обрядовых нововведений, а против начал папизма... Эта борьба характерна тем, что народное водительство, или, как говорится, интеллигенция, во главе которой всегда стоит правительство, отделилось от народа, оставив его самому себе. А в подобных случаях народ предается вождению своих, каждому народу прирожденно свойственных инстинктов», — пишет инок Арсений из Белой Криницы. И то, что такая крайне тоталитарная религия, как христианство, приняла в русском православии, а особенно в старообрядчестве, яркие национальные черты, говорит о великой творческой мощи народа.

Итак, рок-сознание для нас — это альтернативное, противототалитарное мышление. Это самосознание оппозиции к унификации.

Однако формы реализации этого сознания совершенно произвольны. Так рок-музыка, например, использует арсенал эстрады. Но, как справедливо отмечал Николай Бердяев, русская традиция разделяет пути культуры и искусства. С одной стороны, сакральность культуры, природа которой вышла из культа, как мифологического выражения тайны жизни, с другой — мастерство, умение, технология.

Рок-культура, эстрада — искусство. Поэтому Аввакум такой же рокер, как А. Пугачева просто заурядная певичка.

Языческий характер рок-культуры просто бросается в глаза. Концерты-камлания на алтаре-сцене способны возмутить не только каких-либо поборников «темного лика» Иисуса Христа, но, к сожалению, людей, действительно обеспокоенных судьбой русской культуры. Выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский в своей «замечательнейшей из всех русских книг» (К. Бестужев-Рюмин) «Россия и Европа» построил теорию культурно-исторических типов на нескольких законах, которые, в частности, гласят: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя, при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие». Данилевский же отметил, что необходимо отличать общечеловеческую культуру от всечеловеческой.

Мы утверждаем, что никакой единой «общечеловеческой» рок-культуры не существует. Есть ее национальные очаги и жалкие в других местах подражатели. Есть лишь всечеловеческая культура, телом которой является интернационал патриотов, собор, говоря по-русски.

Вот говорили о некоем «транснациональном авангарде», а приглядевшись к его деятелям, поняли, что и не такой уж он «транс». То же самое случилось и с так называемым «русским» авангардом, которого сам русский народ никак не мог понять...

Поэтому, говоря о русском роке, главным критерием качества будет его национальное своеобразие или, наоборот, степень подражательности. Нас могут упрекнуть в том, что мы не употребляем термин «советский рок», то есть такой же абсурдный, как и «советская культура». Действительно: Советы — это принцип управления, и никому в голову не придет сказать «монархическая культура» или «конституционно-демократическая»...

Современный рок есть рецидив ритуально-космогонической пра-культуры, где рок-музыка есть ритуал образования порядка — превращения нарицательного имени в имя собственное.

Рок-сознание, порожденное космогоническим актом, объективируется в формах рок-живописи, рок-поэзии, рок-моды и т. д. И обратно: рок-аксессуары определяют принадлежность к рок-культуре. Для тех, кто не приемлет слово «рок», ритуал образования порядка назовем рат-музыкой.

Рат — корень, означающий защиту, сознание, охранение в самом широком смысле: создать — сохранить. И в современном русском языке встречаются такие слова, как рать — войско охраны, ратник — воин, ратай — пахарь, брат...

Рат — есть энергия, тонус народной памяти.

Истоки рок-музыки надо искать в дионисийских культах фригийцев, хотя и у других народов, сохранивших языческие традиции, можно обнаружить контуры и тени рока. «Дионисийское начало, антиномическое по своей природе, может быть многообразно описываемо и формально определяемо, но вполне раскрывается только в переживании, и напрасно было бы искать его постижения — исследуя, что образует его живой состав... Одно дионисийское «как» являет внутреннему опыту его сущность, не сводимую к словесному истолкованию... Особенностью Дионисовой религии является отождествление жертвы с богом и жреца с богом» (Вячеслав Иванов).

Так не мы ли это перед лицом нашей России, и не расстрелом ли Кремля началась уже семидесятилетняя история «советского рока»? И мы спешим сообщить нашему молодому «металлисту», что «юнг-штурмовцы» начала 20-х годов одевались точно так, как он: черная кожа и ремень с металлическими клепками. Общество «Долой стыд» можно считать предтечей современной «системы». И если уж мы решили все «до основания», то как тут не вспомнить поистине ветхозаветные пророчества Клары Цеткин, что «до тех пор, пока все мышление женщины и все ее чув-

ства опираются на старину, до тех пор, пока она в семье и в обществе является реакционным элементом, мать не может быть наилучшей воспитательницей детей». Итак, идеологи «мировых революций» по-своему манипулировали альтернативным сознанием, подчиняя его своей опять-таки тоталитарной идеологии. И вот этот так называемый «советский рок», а говоря точнее — эстрада, не сходит с экранов телевизоров, ибо современные «революционеры» заинтересованы в том, чтобы «народ не мог проверить воочию, что из него стряпают».

Теперь несколько слов о тех «подводных камнях», которыми богат нынешний реально существующий рок.

В сегодняшнем мире происходит перманентный конфликт между людьми и историей. Еще раньше было замечено, что народная среда в своей массе тяготится историей, что история есть страдание для нее. Как следствие — подмена исторической памяти памятью мифологической (народной). Носителей истории — единицы. Эти аристократы духа — суть носители трагедии. Трагичность настолько глубоко проникает в личность такого художника, что не спасают его никакие манифесты. Его личная трагедия, как и судьбы других, говорит о неспособности скинуть с плеч асю тяжесть истории, погибая вконец от ее тяжести... Напротив: рок-музыка не бывает трагична всерьез, не верьте всем этим «борцам за мир» в собственных постелях!

«Приходится выбирать, — пишет С. С. Аверинцев, — у наших прадедов тоже не было ни трубадуров, ни миннезингеров, жаль, конечно, но если бы мы их имели, не было бы целомудренной чистоты Андрея Рублева, а позднее дело не дошло бы до Толстого и Достоевского». Поэтому в силу общей аристократической — и принятой народом («Национальность — высшая форма демократии» — Ф. М. Достоевский) — русской культурной традиции, можно утверждать (и тому примером сама история), что русский народ является субъектом истории в отличие от народов, попавших в ее маховик и ставших объектами, жертвами истории. Поэтому постальгия по древним космогоническим ритуалам — это попытка национального самозабвения, желание отмены истории. Поэтому в какой-то мере правы те, кто считает рок духовным наркотиком. Но давайте честно ответим на вопрос: не является ли сегодня русский народ в «семье братских народов» аутсайдером? Уничтожено 70 миллионов русских (без прироста), 90 процентов памятников культуры, уничтожено историческое самосознание! Теперь же наша задача — выжить. Но для выживания нужна колоссальная энергия! И чтобы выжить, нам необходимо заново родиться, обрести имя, ибо мы все-таки потеряли его. Нам надо начинать все заново, и наше немного пьянящее национальное дионисийство может стать одним из первых шагов на этом пути.

Мы отнюдь не причисляем себя к апологетам национальной ограниченности, чтобы «себя сгубить, а коня сберечь», как сказал о К. Леонтьеве князь С. Трубецкой. Нам важней всего наша жизнеспособность. И потом, нельзя не заметить, что великим русским творцам удалось создать свои национальные школы, так как они обладали таким редким сегодня человеческим качеством — достоинством. Русские никогда не унижались перед достижениями Запада, они «вживались» в западную культуру, продолжая любить, ценить и развивать свою самобытность. Мы

изобрели паровоз, радио, много еще чего и, если вспомнить, что выходцы с Карпат — наши предки, вопрос о национальных корнях рока снимется с повестки дня... Мы утверждаем, что и Сергий Радонежский, и Аввакум — такие же представители рок-культуры, как Разин и Пугачев. Каждый из них обретал свою форму, хотя последние два значительно уступают первым в масштабности.

В сегодняшнем роке уже есть свои Стеньки Разины, но, к сожалению, нет Аввакумов. Среди рок-групп есть народники, но еще никто не поднялся пока до высот национального самосознания.

«Национальная идея... основывается на религиозно-культурном мессианизме, в который с необходимостью отливается всякое сознательное национальное чувство... Стремление к национальной автономии, к сохранению национальности, ее защите есть только отрицательное выражение этой идеи, имеющее цену лишь в связи с подразумеваемым положительным ее содержанием. Такое понимание национальной идеи отнюдь не должно вести к националистической исключительности, напротив, только оно положительным образом обосновывает идею братства народов, а не безродных, атомизированных «граждан» или «пролетариев всех стран», отрекающихся от родины», — писал С. Н. Булгаков.

«Назвать вещь — значит выразить ее сущность», — считали молчальники. Культ Слова, божественного Логоса — принцип всего восприятия сущего через Слово как творческий звук, где каждый звук есть действующая сила природы — стал стержнем всей русской подкультуры. Идея достижения «мысленного рая» путем подвижничества, возможность воспринимать «божественные энергии», а потом возвращать их окружающим правдой воплотилась в гении Толстого и Достоевского, Мусоргского и Рахманинова, Сурикова и Ге. Тонус русской культуры, этой огромной духовной силы, есть напряжение действующей правды. И эта сила помогала тому же Аввакуму переносить невероятные испытания за Слово; эта же сила позволила позднее «бердяям» говорить о «подпольности» русского духа.

В этом причина несостоятельности «формальной школы», сводящей творческий процесс лишь к овладению приемами. В этом же причина несостоятельности всяких там «автографов», «арий», «круизов», называвшихся в годы застоя куда менее эффектно и игравших, разумеется, уж совсем другой «музон». Однако, как не понять популярности «формалистов» в 20-е годы! Именно технология унифицируема, именно формула «культура — искусство» так «общечеловечна»!

Призывы ЛЕФа «разрушать искусство» есть на самом деле призывы разрушать культуру, нашу культуру. И этот нигилизм во имя технологии, то есть «массовой культуры», привел к тому, что рок отнесли к этой последней. Но правомернее отнести эстраду или какого-нибудь Высоцкого к массовой культуре, ибо настоящий, то есть национальный, рок всегда своеобразен.

Кстати, о Высоцком. Его очень часто (вместе с А. Райкиным) считают предтечей русского рока. Не отрицая таланта Владимира Семеновича, особенно в области русофобии, хотим заметить, что «канатчиковы дачи» — это плевки в лицо русским, за которые — надо признать — некоторые, растерев, говорят спасибо. Все это

знакомые попытки вывести истоки русского рока из скоморошества, о национальном составе которого написано в недавно вышедшей книге Даркевича. Поэтому, опасаясь какого-нибудь разъяренного Ефима Шифрина, мы тут же умолкаем, отметив отнюдь не случайно популярность Высоцкого.

Наши языческие предки — славяне — почитали землю как бога. «Ты небо — отец, ты земля — мать», — говорится в народном заклятии. Здесь земля мыслится супругой неба — Сварога, как греческая богиня Гея, супруга Урана. «Мать-сыра земли» — означает «земля увлажненная, оплодотворенная дождем, готовая стать матерью». Земля — мать не только богов, но и людей. Человек — сын земли...

О живучести язычества в наши дни говорят не только сохранившиеся в быту лешие и домовые, но и сам характер ассимиляции христианства на русской почве. «У славян творцом мира и всей живой природы был Род — Святовит, — пишет академик В. А. Рыбаков, — позднее русские люди вычленили из Троицы Иисуса Христа (Спасителя) и строили церкви Спаса, заменившего в известной мере языческого Дажь-бога». И мы, создавая модель русского рока, пришли не каяться. Поэтому не христианский крест, а древний символ Солнца — Дажь-бог станет символом русского рока. И древний Индра на белом коне пронесется над нашей страной, и всадник этот тоже станет нашим символом — всадник, где-то заблудившийся ныне.

Оставь дела, мой друг и брат,
И стань со мною рядом.
Даль, рассеченную трикрат,
Окинь единым взглядом,
Да воспарит твой строгий дух
В широком чистом поле!
Да поразит тебя, мой друг,
Свобода русской боли!..
(Ю. Кузнецов)

И «огненная река от востока потечет с яростью великою горы и камения пожигающи», ибо свежа еще наша память, и по сей день на простирающемся повсюду поле Куликове ведется борьба за Великую Русскую Культуру, за независимость Русской земли. «Вострубим как златокованные трубы во все силы ума своего и заиграем в серебряные органы гордости своей мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтири и гуслях!» («Моление Даниила Заточника»)

Сергей ЖАРИКОВ,
группа «ДК»

ПЕРЕБЕСЯТСЯ

Несколько лет назад пришла мне в голову мысль написать рассказ, в котором как бы «от противного» высказалось сокровенное содержание Рок-музыки — и именно с прописной, а не строчной буквы. Мне тогда показалось, что символ ее тайной веры — исповедание мировой Тьмы. А когда в 1986 году «Рок-музыка»

была издана, это совсем неприятно совпало с тем временем, в которое наиболее передовые рок-деятели Запада, бросив надоевшие игры с восточными учениями, начали именно так осмысливать свое мировосприятие — и с тех пор немало уже было произнесено слов о захватившем все движение откровенном культе Сатаны.

Нынче руководитель отечественной группы «ДК», сменившей скабрезную расшифровку сего сокращения на более удобную в печати, тоже предпринял попытку, используя вереницу извлечений из самых различных мыслителей, вывести свою философию. Коротко это вышло вот так: «Языческий характер рок-культуры просто бросается в глаза». Мало того, курсивом выделено, что «не христианский крест, а древний символ Солнца — Дажь-бога станет символом русского рока», то есть свастика.

Однако попытка проникнуть обратно в до-нашу эру, в эпоху до Рождества Христова, неминуемо повлечет за собою обязанность сделать и следующий шаг, ибо подобные движения уже известны истории и ведут они всегда к обожествлению идолов. И пусть нашим родным «махатмою» руководит благое намерение «русского языческого возрождения» — намерение сие как раз из рода тех, что ведут в ад. Спорить же со вставленными в данный текст запальчивыми наскоками на христианство — значит давать почву для жизни тому, что само по себе безжизненно. Достаточно указать на то, что самый, пожалуй, выдающийся русский знаток языческой философии в нынешнем веке — профессор А. Ф. Лосев — был убежденным христианином.

Автор настаивает далее на понятии «рок-культура». Оно представляется неточным. Триада уровней духовной деятельности — считая по нисходящей — выглядит так: культ — культура — цивилизация. Рок представляет собою любопытное явление, в котором отсутствует как раз среднее звено. О культе же и о том, чей он именно будет, ежели рок сознательно захочет возвести себя до него — сказано достаточно.

Зато на уровне цивилизации, в данном случае — стиля, рок-музыка в России достигла определенных успехов, и, признаюсь, лучшие ее образцы мне лично по нраву. Когда из «эфира» долбят про «миллион алых роз», а мы наблюдаем под эти напевы «миллион пьяных рож» — противостояние лжи в виде рока вполне обоснованно. С. Жариков отвешивает оплеухи поименно, мне эти имена даже произносить мерзко — ведь без устали льющаяся в уши помойка настолько изнасиловала самою любовь, что в свободном творчестве русских рок-музыкантов эта тема совершенно исчезла.

Мне по душе песни «ДДТ» и Юрия Лозы (но не те, в которых они, воюя с пошлостью изнутри, незаметно сами начинают петь ее голосом), любопытен и «Наутилус Помпилиус» (опять-таки за исключением случаев, когда он «пришел целовать те ворота, откуда я вышел»). Истинно высок художественный уровень зрелищ «Авиа» — жаль только, что он, наверное, не станет мировым, ибо его вряд ли смогут по достоинству оценить там, где давно существует политическая свобода и соответственно отсутствует политический анекдот. И мне вполне неблизко, когда люди моего возраста, доныне любящие с тоской «врубить Битлесов», строят ханжескую мину по отношению к своим детям, у которых есть собственные пристрастия.

...Раньше про молодежь, занимающуюся тем, что ей по определению и положено, торопясь безо всякого удержу перепробовать все, что можно и особенно что запрещено, — вздыхали снисходительно-сокрушенно: «Перебесится». После всего, что было выше изложено о культовом содержании рока, высказывание это приобретает уже не пословичную, а мировоззренческую глубину.

* * *

После написания этой заметки мне удалось познакомиться с замечательной композицией «Зеркало — души». Справедливости ради должен отметить гражданское мужество С. Жарикова, который в данном произведении не отвлекается на побочные цели, направляет все свое внимание на источник всех наших невзгод.

Петр ПАЛАМАРЧУК

БЕСПЛАТНЫЙ БИЛЕТ В «РУССКУЮ ИДЕЮ»

О, как сегодня многие хотели бы его заиметь! И побыстрее. И без труда. И без опасности прослыть «анти...». И без ярлыка «фила».

Но кто выдает такой билет? И где?

Никто и нигде. Но хочется...

И вот уже появляется то, о чем ранее даже и «помыслить» было трудно. Рок-группа «Санкт-Петербург» во всеуслышание распевает чуть ли не проповедь: «Русские, русские, беспокойная судьба...»

Оказывается, и «рок» может быть «русским». Оказывается, и для него есть бесплатный билет...

И вот перед моими глазами некий трактат об изначальных, вернее, исконных истоках «русского» в рок-музыке. Любопытный. Так же, как и сама «группа» ДК, руководителем которой является автор трактата. Но — увы! — чудовищный. Другого эпитета и не подберу, потому что разве не чудовище весь этот образ тотально-электрического звукового напора, разве не изрыгает он пламя и дым, а рык его подобен вою самого падшего ангела (невольно вторю Петру Паламарчуку).

Когда Преподобного Сергия Радонежского и протопопа Аввакума объявляют «рокерами» — это уже вторжение в святая святых нашей культуры. Можно ли это делать? А кто запрещает! Но нужно ли...

Это попахивает революцией в культуре. Это есть желание разбить драгоценный священный сосуд, исполненный духовной влаги. Собираемая по капле тысячелетиями, она, по мнению отдельных владельцев бесплатных билетов, может быть расплескана или вылита через трещину в одну минуту. Вот когда начинается мрако-бесие.

Оберегать и наполнить сосуд — куда труднее. Для этого нужно не иметь билет, а быть русским, жить по-русски.

Как это ни странно — именно это, последнее, сегодня и есть самая трудно выполнимая задача. Почти чудо.

Сегодня мы наблюдаем одну болезнь: желание вместо кропотливого труда по сбиранию духовной влаги в священное хранилище нашей памяти и культуры — пощекотать органы осязания, показать себя и свой билет, попророчествовать и взойти на алтарь живым памятником.

Это тоже путь «возрождения». Но какой путь...

Неправедный и злонамеренный некто подталкивает руку, вольно или невольно разбивающую сосуд. Это он разрезает уста, которые кричат «Долой!», «Спасай!», «Бей!», «Да здравствует!» Это он ставит духовное и культурное на одну доску, на один уровень с комфортабельным и удовлетворяющим личные пристрастия и потребности, понятия «сокровенное», «таинственное», «уникальное» с понятиями «массовость», «равенство», «вседоступность и вседозволенность», а понятия «духовного делания» и «служения» («культуры»!) с понятиями «непримиримая борьба» и «сокрушение».

Да, искусство принадлежит народу, но не в том смысле, что можно, препарируя его, приготовить себе языческую тризну из христианских икон или ради дионисийского обновления нации раздеться догола перед миллионами телезрителей.

Мешанина в голове автора — поразительная. Он цитирует то языческие формулировки, то христианских авторов. Но в конце концов предлагает избавиться от «церковных пут», причем апеллирует к... Бердяеву — христианскому философу-публицисту, который, между прочим, в одной из своих работ писал:

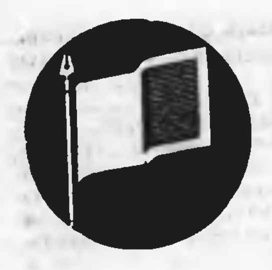
«Революционность определяется радикальным уничтожением прошлого. Но это иллюзия революции. Яростное уничтожение прошлого есть как раз прошлое, а не грядущее. Уничтожить можно лишь прогнившее, изолгавшееся и дурное прошлое. Но нельзя уничтожить вечно ценного, подлинного в прошлом... Наиболее положительные черты русского человека, обнаружившиеся в революции и войне, необыкновенная жертвенность, выносливость к страданию, дух коммюнотарности (общинности. — К. К.), — есть черты христианские, выработанные христианством в русском народе, т. е. прошлым». («Царство Духа и Царство Кесаря»).

Поразительно, как мы быстро переносим политику на культуру, как мы быстро начинаем рассуждать о том, о чем еще вчера только узнавали.

Что станет с «роком»? Будет ли он «русским», «языческим» или «христианским»? И будет ли он вообще достаточно живуч?

Прогнозировать не берусь. Но судьба его «заложена» в самом его названии, в самом корне, в самом слове...

Константин КОВАЛЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Станислав КУНЯЕВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ТОТАЛИТАРНОЕ

ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ «МЕТРОПОЛЯ»

> Я клянусь своей честью, что ни за что на свете я не захотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, как ту, которую имели наши предки, какую нам дал Бог.
>
> А. С. Пушкин

Организатором и вдохновителем альманаха в 1979 году стал В. Аксенов, сжигавший корабли и готовивший свой отъезд на Запад. Акция была продуманная и очень эффектная. Прямо-таки детективная. Издание уже составленного альманаха его создатели подзадержали, чтобы не помешать получить Вознесенскому осенью 1978 года Государственную премию. Когда дело с премией прошло благополучно — козырная карта «Метрополя» была брошена на стол. События развивались прямо-таки по детективному сюжету: по Москве объявлялись слухи о пресс-конференциях редколлегии альманаха, место конференций переносилось то на переделкинские дачи, то — в целях широкопропагандистских — в различные городские кафе; власти сбились с ног, не успевая закрывать намеченные для подобных акций кафе на срочные «ремонты». Иностранные журналисты, аккредитованные в Москве, с поразительной осведомленностью толпой появлялись у закрытых дверей «Лиры» или «Аэлиты» с табличкой «санитарный день» и тут же отстукивали в свои газеты информацию о гонениях на «метропольцев». Отдел культуры ЦК и руководство Союза писателей сбились с ног, не зная, что делать: уговаривали, грозили, сулили дополнительные блага — хватались то за кнут, то за пряник... А слухи, разговоры, репортажи в мировой прессе нарастали, как снежный ком, создавая невиданный ореол гонимого общественного деятеля В. Аксенову, уже принявшему окончательное решение...

Продолжение. Начало в № 10, 11, 1989 г.

«Дела давно минувших дней, и вот — справляем юбилей».

Как всегда излишне восторженный, критик С. Чупринин опять не удержал эмоций*, опять переборщил: десятилетний юбилей «Метрополя» не стал все-таки всенародным торжеством и был отмечен не всей страной, а только литературным вечером в Доме архитектора, да еще Вознесенский, а за ним Мальгин с Евг. Поповым и Ф. Медведевым объявили метропольцев по Центральному телевидению «предтечами перестройки». И все. Словом, торжества прошли хоть и достойно, но скромно. Без подробностей, которые сопровождали скандал, с простым перечислением участников — Вознесенского, Аксенова, Ахмадулиной, Липкина, Лиснянской, Горина, Алешковского, Искандера, Попова, Ерофеева и т. д. В общих словах говорилось, правда, что их преследовали, травили... Но почему-то, вопреки правилам разоблачительной практики времен гласности, имена гонителей не назывались. Не то что во времена кампании против тех, кто подписал «Письмо одиннадцати». Так, намекалось туманно, что можно было понять: виноваты идеологи застоя, сталинисты, столпы административно-чиновничьей системы, литературные реакционеры. А кто у нас сейчас в реакционерах ходит? — да все те же подписавшие «Письмо одиннадцати», шовинисты, националисты, антисемиты. Словом, намекалось, но без ярости, без называния фамилий... Даже странно как-то!

Может быть, мы культуре дискуссий научились и личных, да и групповых счетов уже ни с кем не сводим? Ах, если бы так! К сожалению, ничуть мы не изменились, а просто «в другом месте собака зарыта».

Листаю газеты тех жарких лет, дискуссии и стенограммы обсуждений и не вижу там никаких одиозных фамилий, «певцов застоя», «реакционеров», редакторов «антиперестроечных» журналов... Ни С. Викулов, ни М. Алексеев, ни В. Распутин, ни В. Белов, ни В. Астафьев, ни П. Проскурин, ни Ю. Кузнецов, ни В. Кожинов, ни М. Лобанов, ни Ан. Иванов, ни В. Чивилихин ни слова не сказали в печати о «Метрополе»... В печати. В частных разговорах — да, помню, кое-кто говорил приблизительно следующее, сходясь на одной мысли: «Этих метропольцев чиновники из ЦК КПСС и из руководства Союза опекали весьма усердно: многие из них из «загранки» не вылезали, никаких отказов им не было: Америка? — Америка! Япония? — Япония! Зал в Лужниках? — Пожалуйста! Телевидение — ради бога! Ну и пусть

* А сам «Метрополь» кем только сейчас не славится и где только не прославляется».

(С. Чупринин. «ЛГ», 8.2.89)

сами наши идеологи, создавшие такую элиту, несут ответственность за неприятности, которые причинила им элита со своим «Метрополем»! А мы за это не отвечаем и просто брезгуем заниматься грязным делом...»

Эти писатели игнорировали призывы чиновников из ЦК КПСС — Зимянина, Шауро, Беляева, Долгова и других — «пожурить» избалованных литературных инфантов... Дело все-таки было серьезным. И чтобы его «закрыть», надо было провести хоть какое-то формальное осуждение, хотя бы для спасения чести идеологии, ее брежневско-сусловского застойного лица, вдруг исказившегося от укола метропольского жала... Как ни крутились, а обсуждение альманаха пришлось устроить. Поговорили, видимо, с другими людьми, чего-то пообещали им, организовали ораторов. Кто же стали этими ораторами? Только не удивляйся, дорогой читатель: метропольцев, то есть будущих «прорабов перестройки», осудили другие будущие «прорабы» той же перестройки: и те, и другие сейчас стоят в одном ряду и, забыв старые разногласия, печатаются в одних органах, нахваливают друг друга, и фотографии их в обнимку часто украшают страницы наших популярных изданий.

Но в 1979 году нынешние друзья «Метрополя» отзывались об альманахе так, как должно отзываться людям, живущим по принципу «чего изволите?». Я не сужу их: они слуги времени — сегодня обслуживают одну идеологическую ситуацию, завтра — другую, послезавтра обслужат третью. Но назовем фамилии «гонителей и преследователей». Что говорил десять лет тому назад нынешний главный редактор журнала «Знамя» Г. Бакланов?

«Не могу себе представить американского читателя, который бы по доброй воле прочел весь этот альманах. Я этого сделать не смог, так как художественный уровень большинства произведений оставляет желать лучшего. Я уж не говорю о рассказах, например, Ерофеева, которые вообще не имеют никакого отношения к литературе».

Вот отзыв сегодняшней «перестройщицы» Р. Казаковой:

«Налицо невероятная безнравственность поведения. Это мусор, а не литература, что-то близкое к графомании. Здесь сексопатология. Это литература частного лавочника. Этого мы не должны допустить. Для этого надо ехать в Америку».

А вот что писал нынешний пропагандист творчества А. Вознесенского, Ф. Искандера, А. Битова, Б. Ахмадулиной и других метропольцев критик Евгений Сидоров: «Он («Метрополь». — Ст. К.) заслуживает самого решительного морального, идейного осуждения, ибо писатели, в нем представленные, сыграли по шулерским, а не по джентльменским правилам».

Член-корреспондент АН СССР П. Николаев, тот, который в своих литературоведческих интервью защищает сейчас любую свободу творчества и клянет эпоху застоя:

«Авторы сборника сделали нечто такое, что является задворками западноевропейской культуры... Конкретное содержание и форма материала сборника — вне вековых традиций нашей культуры и, по существу, враждебны ей... За серьезных, вернее одаренных писателей, принявших участие в этом сборнике, стыдно. Сама же идея подобного издания не может не быть нравственно и профессионально осуждена».

Один из самых боевых прогрессистов и крикливых ораторов последнего двадцатипятилетия — А. Борщаговский:

«У нашей литературы всегда был нравственный порог, которого достигала жизнь и за нею литература, нравственный порог, о котором забывать нельзя, ибо если его утратить, это будет служить развращению подрастающего поколения и вносить в умы молодежи сумятицу. Грех «Метрополя» — в измене нравственному уровню, достигнутому советской литературой».

Активнейший пропагандист перестройки драматург В. Розов: «Мы печатать этого не собираемся, потому что это не художественного уровня издания».

Популярный детский писатель, громко ратующий сегодня против всякого рода остатков сталинизма и диктата над волей писателя, А. Алексин:

«Дело с альманахом достойно презрения, потому что замешено на лжи и подлежит всеобщему осуждению....»

Были в числе судей «Метрополя» и Б. Полевой, и С. Залыгин, и В. Карпов. Руководил кампанией первый секретарь московской писательской организации Ф. Кузнецов. По должности и по приказу свыше, так сказать. Остальные «гонители» были «вольнонаемные». Они страстно, убежденно, со знанием дела — и по существу справедливо — клеймили альманах. Одно только не рассчитали, что изменится время. «Метрополь» снова будет, как утверждает С. Чупринин, «прославлен» на гребне перестройки, а они, находящиеся на том же гребне, будут вынуждены сделать вид, что не имеют никакого отношения к судьбе альманаха и его авторов. Или, подмигнув метропольцам, должны будут намекнуть: «Прорабатывая вас, мы фактически спасли вас от оргвыводов идеологии, сыграли роль громоотводов, потому вы сегодня и можете негромко, но все-таки праздновать свой юбилей... А эти гордецы-консерваторы — всякие Алексеевы, Ивановы, Викуловы, Кожиновы, Беловы, Чивилихины — истинные-то ваши враги, не помогли вам в трудную минуту, не спустили щекотливое дело на тормозах, не вняли просьбам Большой Идеологии, в позу встали, консервативно-патриотическую, и до сих пор стоят в ней, за что и осуждала и осуждает их Большая Идеология и в метропольские времена, и в наши тоже... Ишь, чистенькими быть захотели в грязное время! Уже тогда они показали свою негибкость, свою якобы принципиальность, словом, свою неспособность к перестройке... А мы-то хоть и клевали вас, да все равно как родных. Так что не обижайтесь! Кто старое аспомянет...» Но самое пикантное в том, что главный режиссер драмы — зам. зав. Отделом культуры А. Беляев (впрочем, с американской стороны был режиссер не менее главный — издатель «Метрополя» Карл Проффер, которого вся пресса тех времен клеймила как сотрудника ЦРУ), так вот этот А. Беляев сейчас, будучи главным редактором газеты «Советская культура», собрал под одно крыло всех метропольцев и их «преследователей» в одно идеологическое объединение. Как ни откроешь газету — так видишь: Вознесенский, Е. Сидоров, Искандер, П. Николаев, Гр. Бакланов, В. Ерофеев, Р. Казакова, В. Розов, Гр. Горин, М. Розовский, С. Липкин, И. Лиснянская, А. Борщаговский и т. д. Словом, «палачи и жертвы», «волки и овцы» — все объединились, то ли по мировоззренческому, то ли по перестроечному принципу, а режиссер тот же, с советской стороны — Альберт Беляев (Карл

Проффер, его коллега, к сожалению, недавно помер). И хороводит этот дружный коллектив на страницах газеты «Советская культура» по принципу «возьмемся за руки, друзья». Словом, последний акт десять лет длившейся мелодрамы под названием «Метрополь» подошел к концу, прояснив окончательно первоначальные замыслы режиссеров, отодвинув в сторону «консервативных статистов», побрезговавших представлением, и высветив все неисчислимые таланты солистов и всех участников международного литературного шоу. Аз же, грешный, в те годы, видя растерянность наших чиновников, вынужденных одной рукой наказывать метропольцев, а другой спасать их, я решил воспользоваться ситуацией и написал свое размышление о «Метрополе», о сочинениях, помещенных в нем, о завуалированных и явных русофобских и сионистских мотивах альманаха — и пустил свое сочинение по белому свету.

Я понимал, что рискую, а потому, чтобы не «сгореть дотла», адресовал эти заметки как «письмо в ЦК КПСС». Пусть оно выглядит официальным документом, а не как нелегальная листовка, пусть лучше меня проработают в ведомстве Суслова, а не Андропова. А пока прорабатывают — пусть письмо расходится по руслам и ручейкам патриотического Самиздата. Я уже знал, что в отличие от диссидентско-западного существовал и Самиздат такого рода. Официальный гром грянуть не замедлил, такое неожиданное толкование и такое осуждение «Метрополя» крайне раздражило «властей предержащих». Последовал вызов на Старую площадь, где в течение двух с лишним часов два зам. зав. отделами ЦК КПСС — А. Беляев (нынешний главный редактор «Советской культуры») и В. Севрук (нынешний зам. главного редактора «Известий») — и укоряли, и покрикивали на меня, грозили, и увещевали... Главный пафос их заключался в том, что, мол, «нечего учить нас борьбе с сионизмом, нет его у нас в стране, не лезьте не в свои дела, знайте свой шесток» *. Третьим, молча записывая весь наш разговор в блокнот, сидел в кабинете секретарь Краснопресненского райкома КПСС И. Бугаев. Поскольку я состоял на партийном учете в его районе, он должен был быть в курсе дела, на всякий случай — если придется наказывать меня по партийной линии... Когда-нибудь напишу об этом фантасмагорическом действе подробнее, так как, выйдя из проходной, я сразу сел на лавочку возле памятника Героям Плевны и по свежим следам записал все разговоры, монологи и диалоги только что закончившейся проработки. А сейчас вспомню только то, что в завершение разговора окончательно вышедший из себя Альберт Беляев закричал: «Вы действуете точно так, как Солженицын: пишете письмо якобы в ЦК, а на самом деле пускаете его по рукам! Вы нарушаете партийную этику. Идите и обдумайте все, что мы Вам сказали!..»

Я вышел на улицу, записал весь разговор и обдумал его, пришел к выводу, что поступил совершенно правильно. Письмо мое «работает» и просвещает головы до сих пор...

Через несколько дней я, как рабочий секретарь Московской писательской организации, получил официальное предложение уйти на полгода в творческий отпуск, а еще через несколько месяцев был убран со своего совершенно не нужного мне поста, как человек (очень хорошо помню формулировку одного из секретарей), не обладающий «ролевым сознанием»...

Получив полугодичный отпуск, я с облегчением вздохнул и поехал рыбачить на Север, к берегам холодного Белого моря. Это было похоже на эмиграцию, но совсем особого рода.

* Время показало, кто из нас прав.

* * *

В годы застоя, когда душилась любая живая мысль, под негласным, но мертвящим гнетом цензуры и всяческого калибра партийно-государственных правил и инструкций, творческие натуры, не выносящие этого давления, эмигрировали, но в разные стороны: кто за границу, кто в самого себя, кто в пьянство, кто в иронию... Но были и такие, кто «эмигрировал» в свою страну, в ее глубины, в ее почву, куда не доходило мертвящее жизнь дыхание Великого Мертвеца. Впрочем, в истории России такое было не раз — Гоголь «эмигрировал в Россию», проездился по ней, записывая на листочках «Выбранные места из переписки с друзьями»; Александр Блок эмигрировал в себя, когда Победоносцев (Суслов тогдашнего времени. — **Ст. К.**) «над Россией простер совиные крыла»; Достоевский чуть раньше — эмигрировал в Оптину пустынь, в стихию «Братьев Карамазовых», Андрей Платонов эмигрировал в фантасмагорический мир «Котлована» и «Чевенгура».

Разные есть пути эмиграции для русского интеллигента, и определяются они запасом патриотизма в его душе.

Итак, в застойные времена я время от времени «эмигрировал» в свою страну. Подружился с геологами, и несколько сезонов прожил в работе на Тянь-Шаньских горах и в долинах Гиссара, среди вечных льдов, альпийских лугов, громкокипящих голубых рек, среди поднебесных сверкающих синими молниями гроз, рычащих бурых селевых потоков, среди бедных, но гордых и трогательных в своем нищем гостеприимстве жителей высокогорных кишлаков и пастбищ, среди орущей, мускулистой, загорелой, не жалеющей себя ни в гульбе, ни в работе геологической, студенческой, шоферской вольницы...

Либо месяцами я пропадал в эвенкийской тайге, добираясь туда через маленькие дощатые сибирские аэропорты, на «аннушках», на вертолетах, разглядывая сверху дикие просторы — сопки, усеянные редколесной тайгой, распадки, черные реки, медленными змеями впадающие в Нижнюю Тунгуску, на берегу которой стояло зимовье рядом с двумя березами и овальным калтусом *, затянутым в октябре сверкающим льдом.

Меня встречал дед — Роман Иванович, два кобеля Рыжий и Музгар, мы обнимались — от деда терпко пахло ондатровыми шкурами, рыбой, солью... Он тащил меня в зимовье, где на столе уже дымилась уха, поблескивали сижки и хариусы, да еще что-то тускло светилось в зеленоватой бутылке, и начинались разговоры о соседях, о внуках, о тайге, о звере... Каждое утро с утра мы бороздили тайгу по путикам и вргишам, задыхаясь от азарта, мчались на лыжах к далеким лиственницам, куда наши кобели загоняли соболя или белку. А в иные дни, красными, словно вареные раки, руками проверяли сети, вытряхивали на лед сижков да хариусов и снова опускали снасти в лунки, наполненные темной тунгусской водой... А вечерами —

* Озеро.

долгими зимними вечерами, при патриархальном свете керосиновой лампы текли нескончаемые наши разговоры о крестьянской жизни в двадцатые годы, о раскулачивании, о репрессиях, о войне, о плене, словом — обо всем, о чем сейчас говорит весь мир, мы толковали в нашем жарко натопленном зимовье, с раскаленной печуркой, сваренной из железной бочки, под звонкие разрывы древесных стволов — от пятидесятиградусного мороза лопались под тусклым окошком нашего зимовья березы и елки...

А в другие времена я уезжал на черную ледниковую реку Мегру, шумно впадающую в Белое море, подымался с жителями бывшей старообрядческой деревни — Витькой Кондаковым либо Самсоном Нечаевым на карбасе к истокам реки, к необъятным Мегорским озерам, ловить запрещенную рыбу, неделями жить в палатках, либо под громадными шатровыми непромокающими елями, и опять же слушать бесконечные разговоры о том, как их предки добирались сюда по хребтам и рекам, как ставили в устьях приморские деревушки, ставили из листвяка церкви, как старухи уходили на шестах в глубь тайги, рубили там свои монастырские кельи, как в тридцатые годы уполномоченные НКВД раскатывали и жгли их лиственничные церкви, — ссылать отсюда, с края света, было некуда, — как добирались огепеушники и до старушечьих келий, а там, как на грех, незнакомые мужики, беглые. Ими наводнены были в те времена архангельские пристани — место отправки на Соловки. Кто смел да удал, уходил из-под вохровских взглядов, бежал навстречу восходящему солнцу на восток, добредал до деревень и до Мегры, где мужики советовали такому скитальцу: иди по реке в старушечьи скиты, там надежнее... Но и там их находили... А скиты рушили огнем...

Сидим на берегу Мегры, толкуем... Гуси, прорезая полосу северного сияния, летят с Канина Носа. Их рыдающий крик стелется над болотами и озерами, а самих птиц не видно, пока их извилистый клин не попадет в струю дрожащего зеленовато-лилового сполоха. Темные громадные трехметровые обетные кресты, поставленные на берегу обрыва, под которым шумит вода, словно бы врезаны в тусклое вечернее северное небо...

— Рыбу нам имать не дают, — жалуется Витька Кондаков, двухметровый потомственный помор, поигрывая на коленях кулаками, каждый из которых величиной со средний арбуз... — Деды и прадеды наши на этой рыбе выросли... А нам — запрет. Перегородят реку к июню, пригонят вертолет с цинковыми ящиками — да и давай семгу отбирать, что в ловушки зашла, какая покрупнее — на кремлевские столы... Нас же и заставляют укладывать, солью пересыпать да грузить... Улетели, а с нами рыбнадзор остался. За каждую рыбину пойманную — сто рублей. Зато магазин у нас в Мегре полон — ящиками с водкой да с бормотухой. А ишшо что? Килька в томате да баба в халате... Школу закрыли, медпункт закрыли, строиться не дают. Всех нас, вольных поморов, хотят в райцентр согнать, чтобы мы там бетон месили да бормотуху жрали... Кто послабее, тот уехал. А мы лучше тут помрем...

А Мегра все шумит и шумит, а гуси все кричат и кричат в темном небе, то заходя в светлую полосу северного сияния, то исчезая из нее...

А еще время застоя проходило в разговорах с Николаем Рубцовым и Анатолием Передреевым, Вадимом Кожиновым, Вячеславом Шугаевым, Эрнстом Портнягиным... И каждый раз, когда Николай Рубцов своим хриплым голосом, под звон случайной гитары выдыхал из себя:

> На болотной земле, в этом городе мглистом
> я по-прежнему добрый, неплохой человек, —

каждый раз сердце замирало, потому что сказано это было бы вроде обо всех нас.

А еще дни и ночи застоя пролетали над книгами не только Александра Блока и Сергея Есенина. Шевелились, излучая жар, страницы Константина Леонтьева и Василия Розанова, «Дневники» Достоевского и главы «Архипелага ГУЛАГ», «Окаянные дни» Ивана Бунина и просто «Дни» Виталия Шульгина — да не перечислить всего, что было прочитано и обговорено нами в те дни и ночи...

А частые возвращения в родную Калугу, где, бывало, бродишь вокруг разрушенных церквей, выходишь на окский берег, глотаешь весенний, теплый, насыщенный тленом и жизнью воздух, идешь на старое Пятницкое кладбище, оглядывая родные могилы и кланяясь им; где, сидя в местном архиве, листаешь газету тридцатых годов, натыкаешься на фамилии своих родных и близких — и запутываешься в кошмарном клубке раскулачиваний, репрессий, исключений из партии, приговоров. И одновременно вспоминаешь себя маленьким мальчиком, возле проходной калужской тюрьмы; мальчиком, которого мать оставила на зеленой весенней травке, а сама пошла в какую-то будку, пытаясь передать передачу своей старшей сестре тете Поле... Тетя Поли, кстати, возвратилась из Магадана в 1956 году, вскоре умерла... Вон там, возле елки, ее могила, рядом с бабкиной, сейчас и подойду к ним, почищу могилы от ветвей и листьев, поговорю с покойниками...

Вот так и прошли для меня два десятилетия застойного времени: в строительстве дома, семьи и души, в трудах и раздумьях, поскольку я «не позволял душе лениться», что мог — печатал, а что не мог — оставлял в столе и в душе, зарабатывал деньги на жизнь переводами.

Годы застоя были страшны и невыносимы для людей с ярко выраженным политиканствующим складом характера, для людей активного, карьерного склада, для людей нигилистического таланта, умеющих лихо и поверхностно осменвать все и вся на своей несчастной родине, для которых, как говорится, ради красного словца не жалко ни матери, ни отца...

Таким людям в годы застоя было совсем не по себе. Многие из них, видевшие, что они не могут реализовать свои возможности, эмигрировали за бугор... Для меня же, при всей его тяжести, застойное время не было столь катастрофическим, ибо у меня была возможность эмигрировать с поверхности водоема — в глубь, в почву, в историю, в корневую систему своего генеалогического древа... Там было чем дышать. В родных глубинах никакой застой не мог отравить меня. Так же, как Рубцова, или Белова, Тряпкина, или Шукшина.

ПРИТЧА О ЖЕНЕ И ЛЮБОВНИЦЕ, ИЛИ ВСЕ НА ПРОДАЖУ

Сейчас судьба диссидентов семидесятых годов всячески героизируется, журналы наши заполнены подборками стихов Галича-Гинзбурга, Коржавина-Манделя, Бродского, Алешковского, страницами из Аксенова и Войновича, воспоминаниями о В. Некрасове, раздаются голоса о привлечении к ответственности различных чиновников, из-за которых вынуждены были остаться за границей Тарковский, Ростропович, Михалков-Кончаловский, Корчной, Неизвестный, Любимов. О них на глазах слагаются легенды, к их устам услужливыми телекомментаторами подносятся микрофоны, о них снимаются фильмы, и мы слышим: «Ах, невозможно было творить: зажим, репрессии: пришлось уехать, но мы все равно останемся деятелями русской культуры». Их судьбы то и дело сравниваются с судьбами Бунина и Шаляпина, Рахманинова и Набокова. Я думаю, что надо бы разобраться поглубже во всем этом потоке оценок и комментариев, потому что причины и цели «третьей», или, как ее еще называют, «еврейской», эмиграции были, как говорится, неоднозначными. Многое происходило на наших глазах.

Недавно «Новый мир» опубликовал тексты песен Юзика Алешковского. В предисловии к публикации литературовед Сергей Бочаров вспоминает, что в начале 60-х годов песни Алешковского частенько звучали в тесном дружеском кругу — Вадима Кожинова, Владимира Соколова, Анатолия Передреева, Станислава Куняева — наряду с песнями Николая Рубцова, да и сам Рубцов вместе с Алешковским в те времена были полноправными участниками этих сборищ. Все так. Есть лишь одно возражение. Зря Сергей Бочаров ставит на одну доску фельетонные, лихие, приблатненные тексты Юзика с русскими народными романсами и лирическими песнями Николая Рубцова. Уже тогда мы и чувствовали, и понимали разницу между ними, потому-то к концу 60-х годов Алешковский становился все более чуждым мне, Передрееву, Кожинову, а Николай Рубцов — все роднее и ближе. Потому-то смерть Рубцова потрясла всех нас, а известие об отъезде Юзика за рубеж никого особенно не удивило. Я только с горечью усмехнулся, узнав об этом, потому что в те же дни по телевидению шел многосерийный «патриотический» детский фильм «Вот моя деревня» по сценарию Алешковского.

«Ловкие ребята!» — подумал я. Но, чтобы не погрешить против истины, надо вспомнить, что был к тому времени у Алешковского роман (или повесть) — этакий сатирически-порнографический, написанный на полублатной-полуматерной «фене» — и автор не имел никаких шансов на его публикацию. Может быть, это ускорило его решение об отъезде.

Когда я все-таки попытался уговорить Юзика, чтобы он не делал рокового шага, он отрезал:

— Ну, за этот разговор тебе КГБ заплатит! Оставайся на своей территории, а я поехал!

На что я, естественно, вынужден был ответить:

— А тебе за твой отъезд заплатит ЦРУ!

Так мы и расстались. Чуть позже я написал стихотворение «Для тебя территория, а для меня — это родина»...

Сейчас многие публикаторы стихов Коржавина сетуют: вынужден был уехать из-за давления чиновников. Но мы-то помним, как «Эмку» уговаривали остаться, а он оправдывался: «Жена требует ехать... Отказать не могу». Недавно в «Московских новостях» был напечатан диалог Сарнова с Коржавиным. В ответ на несколько возмущенный вопрос Сарнова: «Неужели ты рассматриааешь свой отъезд как добровольный?» — Коржавин с простодушием ответил: «До некоторой степени это так. Меня никто не выдаорял, никто даже не намекал мне, что я должен уехать...» «Уехал я потому, что мне было невыносимо душно».

Балерина Майя Плисецкая, выступая по телевидению, сказала о деятелях культуры третьей эмиграции:

— Они уехали потому, что им было плохо. Если бы было хорошо, они бы не уехали!

Слушаю и думаю: а Рубцову хорошо было жить в нищете, сидеть свои последние дни в комнатке вологодской коммуналки, петь, склоняясь над гармошкой: «Я в ту же ночь полюбил все тюремные песни, все запретные мысли, весь гонимый народ!»

А Шукшину легко ли было пробиваться со своими кровоточащими рассказами и фильмами сквозь строй чиновничьего равнодушия? А Варламу Шаламову, отсидевшему в лагерном аду двадцать с лишним лет, легко было вспоминать Колыму и в своем убогом доме престарелых наносить на бумагу события и судьбы, от одного описания которых кровь застывает в жилах?

А Сергею Залыгину — «хорошо ли ему», ведущему непрерывную изнурительную борьбу с разорителями родной земли?

А Владимиру Чивилихину, книгу которого «Земля в беде» цензура «рассыпала»?

А Михаилу Алексееву легко ли и хорошо ли было вспоминать, писать и печатать и проволакивать сквозь цензуру первую в нашей истории книгу о голоде тридцатых годов, который пережил он, крестьянский мальчик, чтобы рассказать, как обезлюдело от геноцида русское Поволжье?

Барышникову, Макаровой, Нуриеву, Крамарову, Ал. Глезеру было плохо... Почему? Их не учили танцевать? Или плохо выучили играть роли?

А зачем оставались на Западе наши дирижеры, фигуристы, виолончелисты, певицы, политики, дипломаты, летчики? Что им на родине — Бетховена играть не давали? Выступать в чемпионатах страны запрещали? Танцевать в Большом театре или в Мариинке отказывали? Петь арию Розины не дозволяли? Нет, все гораздо проще и сложнее. Проще потому, что — будем глядеть правде в глаза — эти профессионалы высокого класса ценили себя гораздо дороже, нежели общество могло им платить. Так что причины для «плохо» — будем откровенны — были. Они, много поездив по миру, поглядев на образ жизни себе подобных, на машины, виллы, особняки великих артистов мира, справедливо сочтя себя не менее талантливыми и не менее заслуживающими благ, пришли к естественному выводу. Неопределенное понятие «им было плохо» отлилось в точную формулу: «Нам мало платят. Не по нашему таланту. Живя на Западе, мы можем в этом отношении стоять вровень с ними». И те, кто уехал, посвоему были справедливы в своих претензиях.

Мы платили им мало. Что делать! Опять начнем скучные подсчеты: пять миллионов жертв в гражданской войне, два всенародных голода, репрессии красного террора, геноцид, расказачи-

вание, Гулаг, раскулачивание, Великая Отечественная, разруха, унижение быта, религии, культуры, нищий народ. Когда умерла моя мать — хирург высокой квалификации, всю жизнь работавшая на нескольких работах, на сберкнижке у нее были деньги лишь на похороны. Как мог советский зритель, вынырнувший из этого гигантского котла, перекипевший в нем всю войну, все послевоенное лихо, живущий в растяжку жил человеческих, как мог этот средний советский человек, едва-едва обросший кожей к середине шестидесятых годов, платить за билет в какой-нибудь Большой или Мариинский театр, или в консерваторию сумму, эквивалентную 500—1000 долларам (обслуживать элиту выгодно!), именно такова стоимость билетов на концерты актеров подобного уровня на Западе, стоимость, лежащая в основе их банковских счетов, вилл, яхт, путешествий... То, что в основе выбора у деятелей третьей эмиграции лежали чаще всего не творческие, а более низменные интересы, подтвердил скульптор Эрнст Неизвестный, посетивший недавно нашу страну. На вопрос телевизионного корреспондента о возможном возвращении на родину он с иронической улыбкой крупного дельца самодовольно ответил: «Ну, как же я вернусь? У меня недвижимость! Я человек не бедный!» В русской культуре были разные великие художники — нищий Гоголь и богатый Толстой, обеспеченный Блок и бездомный Есенин, но мыслями о недвижимости не жил ни один из них... Это что-то новое в нашей культуре. А может быть, потому ее и не следует считать полностью нашей?

Бедны мы были слишком для того, чтобы оплачивать амбиции и запросы талантов нашего времени. Мало они получали от бедного народа. И ясно видели, что больше в ближайшее время не получат. Оттого-то, по словам, «им было плохо». Будем называть вещи своими именами и признаемся прямо: им было плохо, ибо с нищих они не могли взять больше, чем те могли им дать. А мелкие подачки государства — компенсации в виде Государственных премий, орденов, заслуженных званий — уже всерьез никого к концу 60-х годов не интересовали...

И некоторые знаменитые артисты стали принимать стандартные решения один за другим... Значит, надо жить там, где хорошо. Но те современные русские писатели, которым было «плохо» здесь, но которым и в голову не приходила мысль, чтобы из-за этого куда-то эмигрировать, понимали и понимают призвание писателя — гражданское, жертвенное — по-пушкински, а не диссидентски. Да и не только они. Читаешь сегодня десятки, сотни, тысячи писем, печатающихся в наших газетах, писем, пришедших из народной гущи, и видишь, что во все времена последнего семидесятилетия людям на нашей родине жилось плохо. Да и сейчас живется не сладко. Что же, следуя этой логике, всему народу, что ли, эмигрировать, бросить свою несчастную родину и разбрестись по земному шару в поисках лучшей доли? Или народу такое позволить нельзя, а вот элите можно, более того, за это ее и прославить следует, так, что ли? Что и делает Даниил Гранин в недавней статье «Свои» и «чужие», опубликованной в «Известиях» в начале года, главный пафос которой заключается в том, что деятелей культуры третьей эмиграции надо уговорить вернуться, покаяться перед ними, поскольку общество виновато... Там же Гранин, для воздействия на чувства читателей, допускает, на мой взгляд, прямую неправду, когда пишет: «На-

сильно вытолкнули В. Аксенова, Вл. Войновича, Ефима Эткинда, Г. Владимова». Да никто их не выталкивал. Просто им всю жизнь хотелось сидеть на двух стульях, а в последнее время перед отъездом каждый из них почти что полностью по своей воле пересел на «тот стул». А на нашем остался только краешек ягодицы.

Вспоминаю, как уезжал на Запад А. Гладилин — преуспевающий молодежный писатель 60-х годов, объявленный многими критиками тех лет ведущим прозаиком новой волны. Когда я и мои коллеги по секретариату Московской писательской организации спросили его:

— Толя, зачем ты едешь? Куда? Ты много пишешь, тебя издают, чего же тебе хочется? Кто там тебя читать будет?

Гладилин надменно ответил:

— Я еще вернусь на родину, как возвратился на нее Бунин!

Мы были просто ошарашены этой смехотворной гордыней:

— Ну, коли как Бунин — езжай! Скатертью дорога...

Словом, возвращаемся к древней мудрости: где хорошо, там и родина. Читаешь сейчас письма крестьян, рабочих, о жизни в годы застоя и видишь, им тоже было плохо. Им тоже надо было уезжать, да по этой логике всему народу надо было сняться с места и рвануть куда-нибудь в Австралию, в джунгли Бразилии, Антарктиду — строить новую жизнь на новом месте.

Даниил Гранин в вышеупомянутой статье, мне кажется, хочет доказать, что понятие «эмигрант» вообще условное. Их лишали советского гражданства и потому, с его точки зрения, «с эмигрантами поступали незаконно». Но как же тогда быть с дипломатом Шевченко, летчиком Беленко, фигуристами Белоусовой и Протопоповым? С ними тоже поступили незаконно, лишив их советского гражданства? А триста или четыреста тысяч бывших советских людей из так называемой «третьей», израильской эмиграции? Они по своей воле уехали из нашей страны, а мы должны с извинениями вернуть им советское гражданство? Пусть живут где хотят, но пребывают в согражданстве? На всякий случай: а вдруг им «там» станет «плохо». Или двойное гражданство — это следующий этап, который пока обсуждать рано? По-моему, я правильно понял главное, что хотел сказать известный писатель.

Кстати, гражданство во всех странах заслужить не просто и присуждается оно почти что как награда.

Д. Гранин пишет: «Никто и никогда не сможет убедить цивилизованный мир в том, что можно на законных основаниях лишить человека родины только за то, что он думает иначе, чем сегодня предписано». Ну, во-первых, «лишить человека родины» можно, лишь уничтожив родину. Лишают не родины, а гражданства. Это разные вещи. И лишают не за то, что человек «думает иначе, чем сегодня предписано», а за то, что он совершает поступок: уезжает в другую страну или остается в ней, покидая свою родину и свою страну. Человек делает выбор, прекрасно зная последствия этого выбора. И не надо акт его свободной воли изображать как акт государственного насилия. Кстати, нашему бывшему дипломату Шевченко, перепрыгнувшему из советской миссии ООН в американское гражданство, автору книги об элитарных кругах, в которых он вынужден был вращаться лет до пятидесяти, с разоблачением коз-

ней советской дипломатии (а за все эти книги он получил большие гонорары, думаю, значительно превышающие его дипломатические заработки) — так вот, этому светочу советской интеллигенции тоже, видимо, было «плохо», оттого-то он и предал родину и семью. Но зато ненавидел застой и брежневщину. Ну почему бы его тоже в таком случае не считать предтечей перестройки? Не пригласить в Союз, не попросить у него прощения за грехи нашего общества?

А военный летчик Беленко, в 70-е годы улетевший на только что созданном нами новом истребителе в Японию, а потом в США? Ему тоже, видимо, было у нас плохо, он дожидался выгодного момента, посчитал, сколько заплатят, и выбрал «хорошо»... Как Александр Япов, как Анатолий Кузнецов, воспевавший у нас в своих повестях подвиги комсомольцев 50-х годов. Как Барышников. А сколько кэгэбэшников осталось за рубежом? Все они хотели продать себя за большую цену, нежели которую платила им наша система, и по-своему правы. Пожалуй, всеми талантами можно и нужно торговать. Вот сейчас наши киношники говорят: «А то, что мы заключаем контракты на всяческих голливудах и других фирмах и будем многие годы работать на них, — так не ропщите, дорогие советские и русские кинозрители. Неужели вы не понимаете, что мы там прославляем наше искусство? Неужели не понимаете, что возвышаем до небес имя советского актера и режиссера? А вы пока без нас поживете, без наших ролей, без наших новых картин — ведь платить-то вы нам столько не можете, сколько Голливуд платит? — ну и потерпите, зато утешайтесь, что мы несем славу отечественного искусства по всему миру. А пока нас нет — смотрите, что для вас налепят всяческие наши студии — киевские и одесские. За такие деньги лучшего вы требовать и не можете».

Весной 1989 года наши газеты попытались подать как сенсацию неприятную спортивную новость: звезда хоккея, нападающий нашей сборной Александр Могильный во время чемпионата мира сбежал из команды и через некоторое время объявился в одном из канадских профессиональных клубов. Пресса попыталась было пробормотать что-то невразумительное о патриотизме, о воинской присяге (Могильный был игроком ЦСКА), о чести и достоинстве советского спортсмена, но с каждым днем разговор становился все невразумительнее, все двусмысленнее, а вскоре и вообще журналистские языки сконфуженно прилипли к гортаням... Да и как же иначе могло быть, когда в то же самое время те же газеты и то же телевидение каждый день славили приехавших осчастливить визитами свое бывшее Отечество Коржавина, Войновича, Макарову, Синявского, Розанову — несть им числа! Так что на фоне этого парада поворчали наши газеты день-другой на Могильного, а потом стыдливо захлопнули рты.

А кстати, куда смотрят лучшие наши физики, механики, инженеры, изобретатели? Они-то чего ждут? Пора им тоже разбегаться по всяким японским, западногерманским, шведским фирмам... Конечно же, там им будет лучше! Такой рынок талантов развертывается, а тут таможенники наши вдруг вмешались: нельзя вывозить, мол, телевизоры, стиральные машины «Малютка» и еще чего-то — самим не хватает... Тоже мне ретрограды! Да я бы всю Африку нашими «Малютками» завалил — пусть весь мир знает об успехах отечественного машиностроения, так

же как и об успехах кино, пусть славят! А то, что своему народу маленько не достанется, так ничего. Во-первых, привыкли, а во-вторых, можно увеличить выпуск стиральных досок. Зато престиж подымем: «Малютки» завоюют Африку, а фильмы Элема Климова Америку, в школа балета, которой по контракту взялась руководить Плисецкая в Испании, конечно же, будет выглядеть куда лучше, нежели школа при Пермском или Новосибирском театрах... Есть у нас чем торговать... Торгуем донорской кровью, лекарственными травами, книгами, природным газом и многим, чего самим не хватает. Так за дело! Нашим талантам у нас плохо. Там им будет хорошо. Словом, «все на продажу» — именно так, кажется, называлась пьеса В. Аксенова 60-х годов.

И все-таки, все-таки досказать надо все до конца. Видимо, мир талантов делится на два типа: таланты продающиеся (ничего плохого не вкладываю в это слово, только черту характера) и таланты непродающиеся. Одни знают себе цену. Знают, сколько они стоят, и живут по законам личного или группового эгоизма. Непродающимся думать и высчитывать, сколько они стоят — некогда. Пережитки совести и патриотизма затмевают для них все другие, порой весьма полезные для жизни каждого талантливого человека, расчеты...

В завершение своего интервью по телевидению М. Плисецкая, когда ее спросили: «А Вы почему не эмигрировали, почему не остались на Западе во время гастролей? Ведь Вам тоже было нелегко, судя по Вашим словам, здесь, на родине», — ответила так: «Да, знаете, стыдно было... Тебе доверили, послали тебя за границу — и вдруг остаться? Стыдно как-то...»

А вот здесь Майя Михайловна вольно или невольно попала в яблочко. Оказывается, кроме всякого рода юридических норм, деклараций о правах человека и т. д., есть еще в человеке некая нематериальная и неправовая субстанция, которая говорит ему: «Да — можно. Да — законно. Да — допустимо... Но — стыдно...» Но стыд, как и совесть, — глубоко личное свойство человека. Если его нет — то на «нет и суда нет». Поэтому нужно понять и тех, кому не стыдно. Зачем им нищая Россия, барахтающаяся то в сталинщине, то в брежневщине, то в перестройке, зачем гонорары в обесцененных рублях, зачем наши собрания с докладами, проработками, бюрократической дланью, покрывающей и давящей все капризы и вольные всплески правых и левых, русских и евреев, космополитов и патриотов... Жизнь — там! Пэн-клубы, фонды, репортеры, интервью, «Голоса Америки» и «Свободы»: выступил раз-другой — и слава на весь мир. Я при усилии могу понять людей этого склада: если нет в душе распутинской боли о Байкале и о Матёре, беловской печали о Тимонихе, астафьевского гнева я плача по родимой Овсянке, по Царь-рыбе и русскому человеку, превращенному в браконьера и в алкаша, ежели нет боли, привязывающей мучительной связью писателя к родине — изнасилованной, обезображенной, но любимой; то, действительно, нечего здесь делать в своем отечестве... Нечего уродоваться и колотиться, как рыба об лед. Поехали на Запад!..

Кто-то уехал, потому что не мог в наших условиях удовлетворить жажду политической деятельности, и это понятно. Кто-то, чтобы остаток жизни попить пиво в парижских «бистро» и всласть потрепаться с друзьями, наезжающими из Союза. Ей-

богу, не хочу осуждать за подобную слабость! Кто-то мир посмотреть, пошляться по городам. Кто-то вволю порусофобствовать... Но больше всего мне смешны наши чиновники, ахавшие при этом:

— Ну такому-то имярек чего надо было? И лауреат, и народный, и дача есть, и ордена, и почет! Чего же еще надо? Все у него было! — И не понимают своими мозгами наши администраторы, что это «все у него было» — лишь по нашим масштабам. А там масштабы и идеалы другие. Вот он, ядеал, тот самый, о котором как о коммунистическом будущем мечтает Евтушенко в романе «Ягодные места», когда изображает диалог сибирского лесоруба со своей женой:

— Ну, Машка, вот и отпуск. Чо, в Маями-Бич подвдимся чо ли иля на острова Пасхи? На Гавайях тоже, говорят, ничо, — писать можно... — А Машка возьми да и ответь: «Мы с тобой ишо в Греции не были, дурень...» — И поехали.

А тут за спиной что остается?

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви...

Действительно, одни слезы, одни серые избы неперспективных деревень. Тьфу, да пропади ты пропадом! Уезжаю. Завтра же в ОВИР! А лучше попрошу командировку в Англию, якобы для сбора материала о том, как Ленин жил в Лондоне, и останусь (сюжет с отъездом одного из первых диссидентов, Анатолия Кузнецова). Книги запланированы в издательствах? Гори они гаром, эти копеечные гонорары! Но авансы возвращать и не подумаю. «Нищая Россия!» Все равно авансы не верну, нищей не станет. Дальше — некуда...» (сюжет отъезда Гладилина).

Но еще раз повторяю: можно понять это бегство от напряженной, трудной, часто неблагодарной жизни в «нищей России», в тоталитарном государстве — к вольному, беззаботному, безответственному бытию, тем более, если душу твою не удерживает мать-сыра земля, ее почвенная, роковая тяга. Рыба ищет — где глубже, а человек — где лучше. Тип такого человека, кстати, в нашей литературе хорошо знаком. Он жил и действовал в поэме Багрицкого «Февраль», где еврейский романтик, которому неуютно в нищей России, мечтает

О птицах с нерусскими именами,
О людях неизвестной планеты,
О мире, в котором играют в теннис,
Пьют оранжад и целуют женщин.

Все осуществлялось как по писаному. Разве что вместо оранжада была «Фанта» и «Пепси». Многие из людей искусства третьей эмиграции — люди талантливые. Отрицать это глупо. Даже Гладилин не без способностей. А сатирики среди них вообще отличные. Обратим внимание, что и Аксенов, и Гладилин, и Войнович, и Галич, во многом и Алешковский, и Абрам Терц (Синявский) и другие фигуры помельче (Суслов, Лимонов) — все они — анекдотчики. Таким всегда расставаться с родиной легче. Зачем ему, человеку сатирического склада, жить в этом мире рядом с неприятными ему аборигенами? Он уезжает от

них, он с торжеством шагнет на трап самолета. Не то, что Солженицын, которого надо оторвать от Ивана Денисовича и от Матрены силой и буквально внести в чрево лайнера.

Сам Александр Солженицын отделил себя четкой гранью от беллетристов подобного типа, когда сказал в одном из интервью: «Не надо гнаться за поверхностной политической сатирой — это самый низший вид литературы. И дело совсем не в формальных поисках, никакого авангардизма не существует — это придумка пустых людей. Надо чувствовать родной язык, родную почву, родную историю — и они с избытком дадут материал».

Дальше следуют провидческие слова о сущности «третьей эмиграции», вернее, о ее культурном слое:

«Третья эмиграция — это лишь хвостик, отколок от израильской эмиграции. По значению, по численности она не идет ни в какое сравнение с двумя первыми русскими. Но и вообще спасение России не может прийти ни от какой эмиграции — нечего и ждать, — а изнутри самой России. Я надеюсь, что в следующий раз, в отличие от 1917 года, судьба страны будет определена теми, кто в ней живет, а не теми, кто вернется из эмиграции. Не все понимают, что добровольный отъезд сильно умепьшает права уехавшего судить и влиять на судьбу покинутой страны. Уехал — так и сам себя отрезал! Освободил себя от ответственности — так и от права. Ну среди уехавших разные категории, конечно. Подавляющая часть просто поехала устраивать свою жизнь, к покинутой стране равнодушна... Потом есть категория, которая уехала с острой ненавистью не к советскому строю, а к самой России, к самому народу, даже с проклятьями... А есть еще одна опасная категория, которая, может быть, и выполняет историческое задание. Они приезжают сюда не просто эмигрантами, но как полномочные истолкователи, объяснители нашей страны, народа, истории, культуры, чего угодно. И характерная черта: они ловко попадают там во вкус, в заказ — чего от них ждут...»

Так что концепция Солженицына насчет деятелей культуры «третьей эмиграции» куда более разностороння и глубокая, нежели сознательно упрощающие дело формулировки: «им было плохо», «им было душно».

Нет, эти господа («Дамы и господа!» — как говорит Аксенов, начиная свои передачи по «Голосу Америки») сейчас к нам навсегда возвращаться не собираются. Пока что. Мы еще слишком бедны для них. Нет у нас возможностей американских (подумаешь, у Евтушенко всего лишь две дачи — своя в Гульрипшах и казенная в Переделкине, но это же слезы, если судить по западным масштабам. Да и живет он, бедный, в громадном социалистическом курятнике — в сталинском высотном доме, борется всю жизнь со сталинизмом, а тут по прихоти чиновников-садистов приходится ему страдать от изобилия вокруг себя сталинской архитектурной эстетики. Издевательство, да и только!). Нет у нас еще такого выбора качественной еды, шмоток, развлечений. Нет возможности каждый день в уютном бистро потягивать прекрасное пиво. Но почему в таком случае столь они оживились? То и дело публикации, то и дело намеки их апологетов, что, мол, надо бы у страдальцев прощения попросить за прошлое, может быть, и сжалятся, соблаговолят, навестят, хотя бы ненадолго? Обслуживающий персонал из «Огонька», «Книж-

ного обозрения», «Московских новостей», «Известий» старается вовсю. В чем дело? Есть один секрет. Как бы хорошо там ни было, какие бы преимущества образа жизни и «свободы творчества» их ни окружали, но ведь они не дураки: понимают, что известность их писательская все-таки связана только с Россией. Если на них и есть какой-никакой спрос, то только потому, что они писатели из России, а не с Филиппинских островов, что гарантия «нетленки» только этой веревочкой повязана. А потому снова начинается старая песня на новый лад: русские писатели, выдворенные административно-командной системой, предтечи перестройки, духовное возвращение которых на родину — обязательное условие перестройки. Пока духовное, потому что для постоянного жительства наша земля еще не годится для них. Даже «Березки» не вовремя ликвидировали. Все-таки при Брежневе было где приодеться и подкормиться за валюту. «Так что пока не приезжаем, но отрабатываем следующий вариант: жить там, а писателями считаться все-таки здесь. Печататься здесь. Подобно ласковым телятам — с дубом не бодаться, а двух маток сосать».

Как-то один мой старый знакомый, хорошо знающий мир дельцов, крупных кооператоров, отмывающих грязные деньги времени застоя, наживших сотни тысяч на взяточничестве и теневой экономике, рассказывал, что у этих людей есть одна заветная мечта: жить на Западе, а воровать в России. Действительно, резон самый что ни на есть натуральный. Воровать у нас легче. Но жить труднее. А с деньгами что делать? На сберкнижки миллионы складывать? Надо же где-то тратить в свое удовольствие... Сравнение, сам понимаю, грубоватое, но смысл в нем есть: жить на Западе, а писателями считаться в России — вот голубая мечта, овладевшая нашими дорогими невозвращенцами, диссидентами, подписантами и т. д. сегодня. Все силы, все резервы, все аргументы бросаются на ее осуществление: и несчастная судьба Тарковского, и случайная смерть Галича, и даже такие имена, как Бунин, Рахманинов, Цветаева, мелькают, словно козырные карты в лихорадочной игре с крупными ставками. Организуются встречи в Испании, в Дании, на переговоры с «нашими зарубежными» выезжают «наши внутренние» — Г. Бакланов, Т. Толстая, Н. Иванова и др.

Все-таки очень хочется нашим «двухстульным» остаться писателями, во что бы то ни стало внушить гражданину сегодняшнего перестроечного времени: «Мы предтечи перестройки! Докажем, внушим, и вы забудете, что мы самозабвенно сотрудничали в «Голосах Америки», расписывались в финансовых ведомостях «Свободы», держались на плаву благодаря энтээсовским возможностям. Докажем, и вы, глядишь, с недоумением посмотрите на Белова, Астафьева, Юрия Кузнецова, Кожинова, Распутина и скажете, почесывая затылок: «Ишь, этим-то ничего! Сидели тут, застойничали, издавались, а бедные оболганные диссиденты за правду бились из последних сил...»

По крайней мере, глядя на разгул сегодняшней прессы, на телешоу, на заискивания журналистов перед нашими «бывшими», я думаю, что есть в обществе весьма мощные силы, желающие именно такого исхода...

А Бунин, Шаляпин, Шульгин, Рахманинов здесь ни при чем. Они покинули Россию потому, что, по их убеждению, в те времена Россия погибала или погибла. Они не примерялись заранее к будущей судьбе, не налаживали во время предварительных «творческих командировок» связей, не шантажировали власть перспективой отъезда, не надеялись на счета в зарубежных банках.

Многие наши бывшие деятели культуры долго торговались с идеологическим аппаратом времен застоя: уезжать или не уезжать? И на каких условиях. Их уговаривали, удерживали, покупали. Но дать им всего, что они просили, даже всесильные чиновники того времени не могли. «Я всегда говорил, что третья эмиграция уехала не из-под пуль, как бойцы первой, не от петли, как бойцы второй, — она уехала именно в то время, когда на родине появилась возможность действовать». — Это тот же Солженицын.

Перечитываю «Окаянные дни Бунина», мемуары Шаляпина, Бердяева, «Дни» Шульгина, «Я унес с собой Россию» Романа Гуля... А сколько еще не изданного у нас: Борис Зайцев, Иван Шмелев, Р. Иванов-Разумник, М. Алданов, С. Булгаков, И. Ильин — не счесть! Мы еще не возвратили всего великого наследства первой русской эмиграции, а уже спешим выплатить «долги» третьей, еврейской... Логично ли, если иметь в виду коренные интересы русской культуры?

Люди, увлеченные страшным смерчем гражданской войны, сверхчеловеческой его мощью (а не каким-то давлением чиновников), были буквально выметены с родины в неизвестность, в чужой мир, в нищету и атмосферу полного равнодушия Запада к их судьбам...

Многие из них, как бы предвидя судьбу Гумилева, Блока, Есенина, знали, что они уходят от гибели. Иные уходили потому, что, как писал Роман Гуль: «В те дни и возненавидел всю Россию: от кремлевских псевдонимов до холуев-солдат...» Да и многие из настоящих русских интеллигентов, оставшихся на свой страх и риск на родине — Ахматова, Короленко, Волошин, ощущали нечто подобное: «Все расхищено, продано, предано»... Вся жизнь людей такого склада, культуры и воспитания заключалась в слове Россия. А у них на глазах родина превращалась в нечто чуждое для русского человека — в тоталитарное, жесткое, враждебное русской культуре государство.

Их несчастье (или счастье?) заключалось в том, что они были людьми той же породы, что и протоиерей отец Сергей Булгаков, который в автобиографических заметках писал:

«Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми слезами, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью землею и со всем Божиим творением... Моя родина, посящая для меня имя Ливны, небольшой городок Орловской губернии, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его... Там я не только родился, но и зародился в зерне, в самом своем существе, что дальнейшая моя, такая ломаная и сложная жизнь, есть только ряд побегов на этом корне. Все мое оттуда...»

Отец С. Булгаков был насильно выслан во время гражданской войны из России. Иосиф Бродский так же покинул страну не по своей воле. Но на этом внешнее сходство двух судеб кончается.

Ибо ни Бродский, ни кто-либо другой из третьей эмиграции ничего похожего тому, что сказал о себе С. Булгаков, сказать не могут. В его словах воплотилась глубинная суть русского патриотизма, запрещенного официальной идеологией уже в начале двадцатых годов. Так чувствовали Бунин и Зайцев, Соколов-Микитов и Шмелев. Такой же связью Родины и души жили Николай Рубцов и Анатолий Передреев, ею живут многие сегодняшние русские писатели — Солоухин, Лихоносов, Личутин, Лобанов, Крупин... У нынешних же писателей-эмигрантов чувства иные (за исключением, пожалуй, А. Солженицына). Погибла Россия или не погибла, пропадает или возрождается — это их мало интересует. Их не отягощают такие «предрассудки» сегодняшнего мироощущения, как патриотизм, ностальгия, лоно матери. Именно такой вывод можно сделать, читая книги этих писателей, изданные на Западе после «выезда». Именно «выезда», а не «разлуки», как назвала Марина Цветаева одну из самых трагических своих книг.

Они часто любят вспоминать имя Ахматовой. Но разве не презрением к судьбам подобным их звучат многие ахматовские строки: «Не с теми я, кто бросил землю на поругание врагам», «Но ложимся в нее и становимся ею, потому что ее называем своею» («Родная земля»)», «Я была в те дни с моим народом. там, где мой народ, к несчастью, был». Сколько достоинства, гордости, мужества в этих словах Ахматовой, сколько презрения ко всем, кто в трудное время «бросил землю», а в легкое предъявляет на нее какие-то права...

Однажды в конце семидесятых годов, разговаривая с умным и достаточно ироничным человеком — Сергеем Наровчатовым, я спросил его: «Почему наша идеологическая система, всячески заигрывая до определенного предела с деятелями культуры «западной» ориентации, снимая их недовольство всяческими льготами, зарубежными поездками, тиражами, внеплановыми изданиями, — почему одновременно она как к «чужим» относится к людям патриотического склада? (Как раз в то время громился роман Пикуля «У последней черты», партийная и литературная пресса разносила статьи и книги В. Крупина, В. Кожинова, М. Лобанова, Ю. Лощица, «Коммунист» пером нынешнего ректора историко-архивного института Ю. Афанасьева осуждал издание беловского «Лада» и т. д.). Сергей Наровчатов посмотрел на меня мутными, когда-то голубыми глазами и без раздумья образно сформулировал суть идеологического парадокса: «К национально-патриотическому или к национально-государственному направлению власть относится словно к верной жене: на нее и наорать можно, и не разговаривать с ней, и побить, коль под горячую руку подвернется: ей деваться некуда, куда она уйдет? Все равно в доме останется... Тут власть ничем не рискует! А вот с интеллигенцией западной ориентации, да которая еще со связями прочными за кордоном, надо вести себя деликатно. Она как молодая любовница: за ней ухаживать надо! А обидишь или наорешь — так не уследишь, как к другому в постель ляжет! Вот где, дорогой Станислав, собака зарыта!»

Неужели Наровчатов был прав?

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

СЛУЖЕНИЕ РОССИИ

Впервые перед нами исследование о Тютчеве такого широкого масштаба и вместе с тем такого скрупулезного внимания к деталям, приобретающим важное значение в авторской концепции жизни и деятельности Тютчева; впервые так целостно представлена деятельность Тютчева-дипломата; впервые показано, какую роль играл Тютчев в судьбах России не только как поэт, но и как крупный политический деятель, обладавший способностью влиять на государственные дела, и то, как раскрыта одна из основных тем книги — взаимоотношения Тютчева с другом Пушкина, лицеистом первого выпуска — с государственным канцлером князем Горчаковым, — дает немалую пищу для размышлений и стирает многие белые пятна в нашем представлении о поэте.

Возьмем хотя бы такой поразительный факт: в течение сорока лет внешней политикой России руководил министр иностранных дел — а с 1846 по 1856 год канцлер — граф Карл Нессельроде, фактически руководивший антирусской партией в правительстве Николая I. Деятельность его, как считает В. Кожинов, была сознательно предательской и прямо привела к катастрофе 1854 года, когда наша родина оказалась одна перед агрессией ведущих европейских стран. К. Маркс и Ф. Энгельс писали еще в 1848 году (слова эти приводятся в книге): «...вся русская политика и дипломатия осуществляется, за немногими исключениями, руками немцев или русских немцев... Тут на первом месте граф Нессельроде — немецкий еврей; затем барон фон Мейендорф, посланник в Берлине, из Эстляндии... В Австрии работает граф Медем, курляндец, с несколькими помощниками, в их числе некий г-н фон Фотон, — все немцы. Барон фон Бруннов, русский

Вадим Кожинов. Тютчев. М.: Молодая гвардия, 1988. Серия «Жизнь замечательных людей».

посланник в Лондоне, тоже курляндец... Наконец, во Франкфурте в качестве русского поверенного в делах действует барон фон Будберг, лифляндец. Это лишь немногие примеры. Мы могли бы привести еще несколько дюжин таких примеров...»

Один из значительных «сюжетов» книги — Тютчев и Пушкин.

Пушкин фактически открыл Тютчева для России: в пушкинском журнале «Современник» в 1836 году была напечатана большая подборка стихотворений никому тогда не известного поэта. И у Пушкина, и у Тютчева был один главный враг в русском правительстве — Нессельроде. Вслед за Д. Благим В. Кожинов справедливо считает, что антирусские силы, стоявшие у трона, имели основание опасаться, что царь прислушивается к Пушкину, покровительствует ему.

Заговор против Пушкина, организованный космополитской кликой, сама гибель русского гения предстают в книге В. Кожинова как национальная трагедия, хотя кое-кто и теперь, по выражению академика Д. Благого, хотел бы представить эту национальную трагедию как «банальную семейную драму».

«Главные враги Пушкина были и в стане главных врагов Тютчева. Поэтому история гибели Пушкина имеет свое прямое отношение к Тютчеву», — пишет В. Кожинов. Убедительно развенчивается нелепая легенда о том, что Пушкин якобы не смог оценить Тютчева. В. Кожинов пишет: Тынянов пытался «спроецировать на взаимоотношения Пушкина и Тютчева ту модель литературной борьбы, которая была характерна для различных школ и школок начала XX века, в сущности, недопустимо принижал этих великих поэтов.

Пушкина, как и Тютчева, по-настоящему заботила судьба родной литературы и культуры в целом, а не свое личное место, свое положение в ней».

Поэтические провйдения Тютчева известны всем почитателям его поэзии, и о них в книге сказано немало нового В. Кожиновым-литературоведом. Но поистине неожиданными будут для большинства читателей политические прозрения Тютчева-мыслителя. Так, он смог, в отличие от Николая I, предвидеть грядущую катастрофу 1854 года задолго до ее начала. За несколько лет до нее Тютчев начал работу над трактатом «Россия и Запад», а накануне, 23 ноября 1853 года, писал: «В сущности, для России опять начинается 1812 год; может быть, общее нападение на нее не менее страшно теперь, чем в первый раз... И нашу слабость в этом положении составляет непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого противника, но старалась служить ему подкладкой...»

Отметим, что Тютчев «видит едва ли не главных врагов не на Западе, а в самой России». Николай I дал себя обмануть и был обманут канцлером Нессельроде и верным ему дипломатическим корпусом. Другим тайным врагом России в правительстве Николая I был всесильный министр финансов Канкрин. Именно он, славившийся своим умом и проницательностью, всячески противился строительству железных дорог в России... В книге хорошо прослежены тайные международные связи (Нессельроде — Геккерн — Дантес — Наполеон III и т. д.), непосредственно причастные к организации Крымской катастрофы.

Но, конечно, главная тема книги — Тютчев и Россия, а все остальное так или иначе связано с этой глобальной темой. За полвека до революции, в августе 1867 года, Тютчев писал дочери Марии: «Разложение повсюду. Мы двигаемся к пропасти... В правительственных сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию... Вот когда можно сказать вместе с Гамлетом: что-то прогнило в королевстве датском». А в письме от 1 декабря 1870 года поэт говорит, что в России господствует «абсолютизм», который включает в себя «черту, самую отличительную из всех — презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального».

Во многих поздних высказываниях, на которых ссылается В. Кожинов, Тютчев недвусмысленно предрекал победу революции в России, в чем он видел расплату за все то, что совершалось: «Любопытно было бы посмотреть, — пишет он дочери 7 сентября 1871 года, — в каком мы окажемся положении, когда от нас в будущем, быть может, не таком уж далеком, потребуют отчеты за все срывы и неудачи, в которых мы повинны». Следует подчеркнуть, что все это писал человек, который на протяжении всей своей жизни оставался принципиальным и последовательным противником революции.

Узкие рамки рецензии не позволяют мне остановиться на наблюдениях автора над поэзией Тютчева, на его блестящих анализах сквозных образов (например, образов Времени, Рока), на конкретных разборах отдельных стихотворений. За рамками рецензии осталась «семейная», интимная тема книги — как известно, любовь играла огромную, можно сказать, стихийную роль в жизни Тютчева. Книга В. Кожинова — это немалый шаг вперед как нашего литературоведения, так и исторической науки.

Пожалуй, впервые перед нами в подлинном своем благородстве предстал великий гражданин России Ф. И. Тютчев — глубокий мыслитель, гениальный поэт, пламенный деятель-патриот. Оценивая статьи Тютчева, В. Кожинов пишет, что в них он выразил целую философию истории — так, в одной из них он сказал вещие, пророческие слова: «Мое письмо не будет заключать в себе апологию России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер, который выше нас всех и который, мне кажется, выполнял ее до сих пор успешно. Истинный защитник России — это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу...»

Николай ЗУЕВ

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1989 ГОД

Редколлегия журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» отметила денежными премиями следующие произведения, напечатанные в 1989 году.

Александр БАЙГУШЕВ. Хазары. Исторический роман (№ 2—4). **Владимир БЕГУН.** О состязании лицемеров (№ 4). Наследники Азефа (№ 9). **Владимир БУШИН.** Деяния святого отказчика (№ 2). Выбираю достойнейшего... (№ 7). **Владимир ЗАРУБИН.** Не война, а мир (№ 9). **Багаудин КАЗИЕВ.** Толчея на пути к правде (№ 4). **Николай КУЗЬМИН.** От войны до войны. Ночные беседы (№ 7 и 8). **Евгений МАКСИМОВ.** Журавлихинская кадриль. Рассказ (№ 6). **Владимир МИХАЙЛОВ.** Нетайная вечеря (Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», № 24, 1989 год). **Сергей МИХЕЕНКОВ.** Ожидание ливня. Повесть (№ 1). **Герман НАЗАРОВ.** Я. М. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий (№ 10). Потрясение. Хроника революции. Февраль — октябрь 1917 года (№ 11). **Раиса РОМАНОВА.** В эти холода. Стихи (№ 3). **Иван САВЕЛЬЕВ.** На открытом ветру. Стихи (№ 3). **Николай СЕРГОВАНЦЕВ.** Два самоотречения М. А. Булгакова (№ 8). **Эдуард СКОБЕЛЕВ.** Забрезжит новый свет. Стихи (№ 7). **Михаил УСТИНОВ.** «Хвативший обов...» (№ 3). **Владимир ЯКУШЕВ.** Нужна ли ВЧК перестройке? (№ 7).

Сдано в набор 20.11.89 Подп. в печ. 26.12.89 А13196. Формат 84×108¹/₁₆ Бумага кн.-журнальная Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12 Усл. кр.-отт. 21,0 Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 700 000 экз. Заказ 357. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

А. БАЙГУШЕВ

В. БЕГУН

В. БУШИН

В. ЗАРУБИН

Б. КАЗИЕВ

Н. КУЗЬМИН

Е. МАКСИМОВ

В. МИХАЙЛОВ

С. МИХЕЕНКОВ

Г. НАЗАРОВ

Р. РОМАНОВА

И. САВЕЛЬЕВ

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

Э. СКОБЕЛЕВ

М. УСТИНОВ

В. ЯКУШЕВ